

НОВАЯ
МИРА

8

1953

НОВАЯ
МИРА

1953

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXIX

№ 8

Август, 1953 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
АРКАДИЙ КУЛЕШОВ — Граница, повесть в стихах. Перевод с белорусского М. Исаковского	3
Г. ТРОПОЛЬСКИЙ — Из записок агронома	52
ГЛЕБ ПАГИРЕВ — К партии, стихи	100
ЛЮДВИК АШКЕНАЗИ — Сьенфуэгос или Сто огней, рассказ. Перевод с чешского Э. Берштейн	101
РАСУЛ ГАМЗАТОВ — Твой взгляд, стихи. Перевод с аварского Е. Николаевской и И. Снеговой	126
ИЗ СТИХОВ ИНДИЙСКИХ ПОЭТОВ. Перевод Рауфа Галимова	127
ЦЮЙ ЛАНЬ-ПО — Маленький Ли-бэнь, рассказ. Перевод с китайского Вл. Рогова	129
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ	
ИВАН ЗЫКОВ — Плотины и рыбы	161
ПУБЛИЦИСТИКА	
Академик Н. ГУДЦОВ — Развитие советской металлургии	199
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. АСМУС — Образ как отражение действительности и проблема типического	214
НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВ — Волхование и шаманство	227
КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Л. Баша. На верный курс — О. Грудцова. Правдивое и надуманное. — К. Поздняев. Солдатские стихи — Проф. И. С. Исаков. Книга об адмирале Ушакове. — Евг. Босняцкий. Как в калейдоскопе — Я. Фрид. Джими выходит на верный путь.	245
<i>Политика и наука</i>	
В. Завадский. Пафос созидательного труда. — Б. Леонтьев. Экономические основы англо-американских разногласий. — Кандидат исторических наук М. Восленский. Атлантический пакт концернов — Кандидат биологических наук И. Халифман. Проблема видообразования. — Кандидат сельскохозяйственных наук А. Касихин. Итог многолетних исследований. — Кандидат химических наук Б. Розен. Ученик Ломоносова. — И. Батюшкова. Учёный-самоучка.	264
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (июнь—июль 1953 года)	284

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

★

ГРАНИЦА

Повесть в стихах

С белорусского

1

Год тридцать первый.
Рубеж пограничный. Кордон
Первой на свете
Советской державы могучей
За десять лет до войны,
до грозы неминучей.
Повесть недавних
и вместе далёких времён.
Край белорусский,
родная моя сторона.

В прошлом не сгнувшийся,
к сердцу сегодня прихлынувший,
Этот рассказ — с продолжением
в будущие времена...

Эта история
возле границы была.
Парень и девушка
вышли вдвоём из села.
Девушку звали Марина,
а парня — Максим.
Шли они по полю
житом высоким, густым;
Шли они по лесу
еле приметной тропой,
Шли, забывая о времени,—
возраст такой!
Он — восемнадцати лет,
а она — двадцати.
Оба студенты.
К друзьям сговорились пойти.
Пара известная многим
со школьных времён:
В школе ещё подружились
Марина и он.
Только в различных
они институтах сейчас,—

С ней он четыре весны
 не встречался как раз.
 Долгое время...
 И что тут — Максим не поймёт:
 Он изменился
 иль стала Марина другою? —
 Вот он идёт с ней, как прежде,
 знакомой тропой, —
 Кажется всё же,
 что с ней он впервые идёт.
 Честное слово, ни разу
 в былые года
 Не замечал, не встречал он,
 идя по тропинке,
 Этой юнгштурмовки,
 этой огнистой косынки,
 Этих задумчивых глаз
 не видал никогда.
 Он и себя самого тут
 не может понять, —
 Солнце ль виню
 иль, может, каникулы, лето? —
 Хочется петь
 или даже стихи сочинять.
 Что это значит?..
 Но лучше не думать про это.

Так они шли
 пограничным районом своим.
 Лето, что было погожим,
 горячим, сухим,
 Вдруг отчего-то
 нахмурилось, потемнело,
 С запада тучей неожиданной
 на лес налетело,
 Молнии с неба метнуло
 и сбросило гром,
 Путников наших
 под ели загнало дождём.

Жито, что в поле недавно
 стояло стеною,
 Ветер хлестал,
 пригибая до самой земли.
 С шумом дождя
 к их подножью — одна за другою —
 Волны ржаные,
 как волны морские, пошли.
 Часто и гулко
 под мокрую ёлкой зелёной
 Сердце стучало у парня..,
 По звуку, по тону
 Было легко угадать,
 что причина — не гром
 И не сверканье молний,
 слепящих огнём.

Взгляд восхищённый Максима,
 как взгляд у поэта,
 Жарко светился, горел
 в полумраке, в тени.
 Что это значит?..
 Но лучше не думать про это...

Оба заметили,
 что заблудились они.
 Вышли они из-под ёлки на стёжку
 в тревоге.
 Тучи прошли.
 И светлеет уже небосклон.
 Жито да лес...
 По какой же пойти им дороге? —
 Свой в пограничном районе
 суровый закон.
 Пусть себе с девушкой
 в гости решил ты пойти, —
 Будь всё равно осторожным
 и зорким в пути.
 А заблудился, — тем более
 будь к себе строг,
 Чтобы в особые гости
 попасть ты не мог.
 Может, конечно,
 закончится путь твой счастливо,
 Если задержат свои —
 на своей стороне.
 Если ж чужим попадёшься,
 тогда дефензива
 Шомполом выжжет
 звезду у тебя на спине.

Заночевать им пришлось
 На каком-то гумфе.
 Летние ночи коротки.
 Проснулись рано.
 Да не проснулись,
 А крик разбудил их нежданно:
 — Эй, поднимайтесь-ка, милые!

Возле ворот
 Люди стояли. С бердацками.
 Что за народ?..
 — Кто вы? Откуда?
 — Да мы заблудились дорогой...
 — Так... А куда же вы шли?
 — Шли в село Силичи,
 Переглянулись люди.
 — Загнули немного —
 Вёрст этак двадцать, пожалуй...
 — Видать, ловкачи...
 — Надо б спросить паспортá их.
 — Зачем это? Нет! —

Паспорт подделать —
Для них не такой уж секрет.

— Я понимаю, коль — парень...

К чему же она?

-- Что ж тут такого?

Ты, брат, не суди по одежде,—

Может быть, это у них

Маскировка одна.

— Гляньте, значки комсомольские!

— Видели тоже...

— Хватит! Без нас разберутся.

— Вяжи, и айда!

Наших друзей

На одну посадили фурманку:

Кучер — старик,

И охрана — конвойный с берданкой.

Взгляды суровые, жёсткие —

Просто беда.

Молча сидели

Конвойный и старый возница.

— Слушай, старик,

На заставу везёшь нас? К границе?

— Вы ведь колхозники? Правда?

— Там всё разъяснится...

Где ж они, где же?

И кто их везёт и куда?

Что, коль границу прошли они,

Что же тогда?!

Лес — он как лес,

И особых в нём нету примет...

Поле открылось.

Заметили тракторный след.

Переглянулись друг с дружкой,

Повеселели:

Поняли — поле колхозное,

Поле артели.

Значит, везут на заставу —

Опасности нет.

А на заставе,

Не очень-то ласков вначале,

Их документы,

Как надо, проверил начальник.

Выспросил всё

И в совхоз позвонил под конец —

В тот, где директором

Нашего парня отец.

— Ночью кордон

Диверсант перешёл. По тревоге

Подняты люди.

Заслоны на каждой дороге.

Дело такое,
 Что скидки тут нет никому.
 Не обижайтесь,—
 Он хлопцу сказал и Марине, —
 Что потревожили вас мы
 По этой причине.
 Больше тревожить не станем.
 Я меры приму.

— Благодарим,—
 Отвечала Марина ему, —
 Мы не в обиде...
 Без пропуска, можно сказать,
 Сможем за то мы
 Границу вблизи увидеть.
 И обижаться на это
 Совсем неуместно
 Было бы нам...

Улыбнулся начальник:
 — Чудесно.

Вот он — рубеж
 между нашей и их стороной,
 Вот он — тот запад,
 что нам угрожает войной.

Впрочем, граница иной
 представлялася им.
 Всё там казалось
 каким-то особым, другим,
 Даже — природа...

А вышло — чему тут дивиться!—
 Балка как балка.
 По дну протекает криница¹,
 Камешки моет тихонько.
 И это — граница?!
 Да! Не смотри,
 что за эту балкой видна
 Точно такая ж, как здесь вот,
 как наша сосна,—
 Обе похожи —
 одна у них стать и порода,
 Доля же разная,
 разная, как у народа...
 Там — над межюю полыннюю
 чахнет сосна,
 Здесь — запахла недавно
 все межи весна
 Нового мира,
 весна тридцать первого года.

¹ В данном случае криница — источник, ручеек, вытекающий из-под земли.

Сколько же встретит ещё
 непогод на пути
 Наша весна,
 сколько будет бороться с зимою,
 Прежде чем сможет
 со стягом своим перейти
 Этот ручей небольшой,
 чтоб шуметь и цвести
 Буйным цветением
 за тою недалней ссоною?..

2

Вновь дорогой прямою
 Их по хлебному морю
 Вёз обратно старик.

Да не вёз он, возница,
 А волною ржаной
 Их несло от границы.
 И они говорили
 Под шелест волны
 О войне, о шпионах —
 Посланных войны.

— Много ль ловят их здесь?
 — Ловят столько как раз,
 Сколько с той стороны
 Их доходит до нас,
 Но один, между прочим, —
 Из здешних, сдаётся, —
 Не изловлен прокуда,
 Никак не даётся.
 Ходит больше ночами,
 Бесшумно, тайком,
 Ходит лесом...
 — Овчарок
 Послать бы по следу.
 — Он хитёр. Посыпает
 Следы табаком.
 Эх, поймать бы мне где-нибудь
 Гадину эту!..

Оба с фурманки
 они на опушке сoughли.

Лесом идут.
 Хоть застава исчезла вдали,
 Всё же граница
 незримой чертой непреложно
 Рядом всё время вилась
 по полям, по кустам —
 То пропадала,
 то, веткой взмахнув осторожно,
 Вновь проверяла она
 у людей паспорта;

В поле за житом смотрела,
в лугах — за травой,
Ею дышали земля,
облака над землёю;
Каждая звёздочка в небе
за нею следила,
Каждая хата в дозоре
безмолвно застыла,
Каждый в округе колхоз —
как форпост боевой..

По лесу шёл нарушитель
глухою тропой.
Кто он? Наверно, из здешних:
знал каждое место.
Два карабина при нём.
Для кого — неизвестно.
Шёл по заданью?
Куда же, в какие края?
Шёл он лишь ночью,
держась вдалеке от жилья,
Днём же от глаза людского
скрывался в кустах.
В лапти обулся —
бесшумней шагало в лаптях —
И от границы
следы посыпал табаком.
Всё ж пастухи
его где-то заметили днём.
И началась на него
по тревоге облава.
Счастье его —
далеко находилась застава:
Лес не бойцы окружили
с учёными псами,
А комсомольцы-колхозники
с дробовиками.
Всё-таки страху хватил он:
куда подаваться?
Лес подпалить?
За огнём и за дымом скрываться?
С хворостом яму увидел
под ёлкой лохматой,
В яме той волчьей
весь день пролежал до заката,
Мелко зубами стучал,
проклиная свой промах.
Чудом достиг он Кавычачей,
с детства знакомых.
Передохнув
и запрятав в лесу карабины,
Через рекú
переправился вечером вброд
Возле колхозной,
когда-то отцовской, плотины.

Вот она — мельница. Дом.
 И у дома — рябины.
 Кто в этом доме отцовском
 сегодня живёт?
 Ясно — чужие.
 И ясно — он мимо пройдёт.
 Правда, сестра тут была,
 но не здесь у неё,
 А на селе — и семья
 и хозяйство своё.

Рядом село... Лишь настала
 Ночная пора,
 Принесла в огород ему
 Ужин сестра...
 — Что слышать от родных?
 — Никакого ответа.
 Знаю только, что оба
 На севере где-то.
 — Ну, а ты как? — сестра
 Разговор продолжала.
 — Жив, как видишь. Вот в гости
 Приехал. С Урала.
 — Чем там занят?
 — Работой.
 — Уж где там работа!
 Мне мой муж намекал
 На другое на что-то...
 — Глупость! Брось...
 — Ну, и как там?
 — Индустрия, сила!

Он поужинал. В дом его
 Не пригласила.
 Только глухо сказала,
 Убравши посуду:
 — Не ходи сюда больше...
 — Не бойся. Не буду.

Возле мельницы — брод
 И лесная дорога.
 Дом — почти что в лесу,
 Лес — почти у порога.
 Вот куда он спешил.
 И теперь уж немного
 Оставалось итти —
 Может быть, полверсты.
 Что ж он стал?
 Что ж он прячется снова в кусты?
 Разве в доме застава?
 Засада? Посты?

Всходит солнце.
 Погасли звезда за звездой.
 Он лежит,
 коноплю укрытый густою,

Возле прясла —
 за домом тайком наблюдает.
Вот слышалось,
 где-то гармошка играет.
Он прислушался:
 звуки всё ближе, слышней.
Стихли. Кто-то идёт.
 Вот увидел людей:
Парень какой-то
 и девушка в красной косынке.

Это Максим и Марина
 идут по тропинке.
С часу того,
 как в лесу мы оставили их,
Много прошли они троп
 и дорог полевых.
Радиоточку они
 провели в эти дни
С другом своим Михасём
 в Силичевский народом,
У гармониста Сымона
 гостили вчера,
И прогуляли в Кавычачах
 аж до утра.
Прямо с гулянья —
 Сымон удержать их не мог —
Двинулись в лес,
 где живет Пригоровский Тимох.

— Вот и пришли мы!..—
К друзьям обратился Сымон.
— Спят ещё в доме, видать.
— Тишина-то какая!
— Место глухое...
Вот здесь-то на хуторе он
Целое лето живёт,
На селе не бывая.
— Что с ним такое случилось?
— Да так, ничего...
Видно, неловко,
Что брат осуждён у него.
— Брат? И давно?..
— Да порядочно. Прошлой весною.
Руководил он когда-то
В селе беднотою.
После женился.
С женою они завели
Дом и хозяйство.
И жили, как все, как обычно,—
Мирно работали...

К пряслу друзья подошли.
Сели на прясло...

— Пока у него не нашли
Вещи...

— Какие?
 — А те, что с клеймом заграничным...
 Но невиновны они —
 Ни Змитрок, ни Полина:
 Мельников сын им — Степан —
 Контрабанду подкинул.

— Где же Степан тот?
 — Степан?..
 Да уж где-нибудь бродит.
 Может, туда он подался,
 Где солнце заходит,
 Может, в другие места...

Так они меж собою
 Мирно о нём говорили,
 Не зная о том,
 Что в этот час
 Не за той пограничной чертою
 Скрылся Степан —
 В коноплянике скрылся густом,
 Слышит и видит их...
 Пусть удалось ему скрыться,
 Пусть перешёл он черту,
 что зовётся границей,
 Пусть он лежит здесь,
 укрытый от зорких очей,—
 Не перешёл он черты,
 что его от людей
 Тенью незримой,
 заслоном глухим отделяет,
 Что не в лесу пролегла,
 а по жизни прошла,
 Что подойти ему к пряслу
 не позволяет,
 К этому дому ему
 закрывает пути...
 Этой границы
 никак ему не перейти.

Дом пробудился,
 Друзья услышали, пошли.
 Он же чуть дышит,
 Боится подняться с земли.

3

После шумливых дорог
 по просторам родным,
 Сёл, деревень,
 разукрашенных дерезою,
 Место, где жил их товарищ,
 своей тишиною
 Снова рубеж пограничный
 напомнило им.
 Тот же как будто ручей.
 У ручья — хуторской

Дом сиротливо
у самого леса ютится.
После читален и клубов
с их жизнью живой
Он показался забытым,
как там — за границей.

Гости ручей перешли.
Не прошло и минуты —
Дом заходил ходуном
От веселья и шуток.

По предложенью Марины,
В честь дружеской встречи
Был — после завтрака сразу →
Субботник намечен.

Хлопцам — пила и топор, —
Занимайтесь дровами!
Ну, а Марине с Полиной —
Работать серпами.
Дружно пилили
Максим наш с Тимохом вдвоём,
Ловко раскалывал чурки
Сымон топором.
К житу Полина по тропке
Отправилась с гостьей..

Статью друг с дружкой схожие,
Равные в росте.
Лица и плечи
И руки у них загорели.
Кто пересилит?
И — в жите серпы заблестели.
Кто пересилит?..
Не жали они, а играли,
Жито высокое
Пальцами перебирали.
И не снопами
Они устилали свой шлях, —
Сжатые песни
Лежали за ними в снопах.

Шли наравне они.
Жатва им не в новизну!
Вот и дожали поstattи¹.
Одна на одну
С лаской взглянули:
Теперь, мол, знакомы друг с другом...

Вновь заходили серпы их
В движенья упругом.
Трижды бросались, как в битву,
Стальные серпы.
А отдыхать, словно братья,
Легли на снопы.

¹ П о с т а т ь — загон.

— Хватит! — сказала Полина.—
 Мы шли наравне.
 — Ты недовольна?
 — Довольна. Но горестно мне.
 Если б на ниве твоей
 Заняла я постать,
 Если б на ней
 Я могла б от тебя не отстать!
 Только уж где там!..
 Ты едешь учиться. А я?..
 Нет, на серпе на кривом
 Не догонишь тебя.
 — Можно. Догонишь,—
 Марина ответила ей.
 — Как? —
 — Перейди-ка ты
 Этот несчастный ручей.
 К нам подавайся,
 Забудь ты про эти кусты:
 Не на серпе — на комбайне
 Догонишь и ты.

После горячей работы
 Вся в сборе бригада.
 Чарку подносит
 Пришедшим с субботника хата.
 Хата, что утром казалась
 Такой нелюдимой,
 Вновь ожила и — пошла,
 Ходуном заходила.
 Видно, такое не снилось ей
 Даже во сне.

Эй, гармошка, довольно
 Висеть на стене!
 Ты возьми-ка, Сымон,
 Да играй веселей!
 Больше пар на кругу,
 Чем собралось людей:
 То с Мариной Максим,
 То с Максимом Полина,
 То с Полиной Тимох,
 То с Тимохом Марина,
 То с Максимом Тимох...
 — Эй, гармошка, быстрее!
 Дочь Полины — и та
 Пляшет с куклой своей.
 Шире круг! — За окном
 Дуб кружится с сосною,
 Шире круг, шире круг! —
 Пляшет поле с рекою...
 Танец хлопца с Мариной
 Умчал за порог,
 Усадил на крыльце..
 — Расскажи мне, Тимох...

Смотрит растерянно,
Голову низко склоня:
— Из комсомола весной
Исключили меня.
Не сообщил комитету
Я правду, где брат...
— Правды боялся?
— Поверь мне,
Сплошал... Виноват.
Я сообщил бы, да только что
Избран я был
В свой комитет комсомольский...
Поверь мне, сглупил...
— Струсил, вернее?—
Марина допрос свой вела.—
Гордость, наверно,
Признаться тебе не дала?
Ты испугался —
От дел отстранят тебя? Да?
Дело плохое,
Негоже, браток, никуда!..
Что же решил ты?..
— Я бросить хочу институт.
— Как же ты будешь?
— А так вот:
На хуторе, тут...
Брат невиновен.
Могу поручиться за брата.
— Ты докажи.
— Я пытался. Ходил к адвокату...

Встала порывисто.
Молча обитель лесную
Взглядом измерила —
Нивку, ручей, сенокос,—
Словно сказала:
Чего с маловеком сижу я?
Словно хотела задать ему
Горький вопрос:
Это ж какую
Ты выбрал себе колею —
Вы, мол, там стройте,
А я в стороне постою?

Вышли и все остальные.
Пора по домам.
Стали прощаться.
Уж солнце к закату свернуло...

Словно границу,
ручей перешли по камням.
— Ждём вас в колхозе! —
Марина рукою махнула.
Песню запели, пошли.

И хозяйка и дом
 Грустно смотрели им вслед...
 Там, за этим ручьём,—
 Музыка, люди,
 дороги в далёкие дали.
 Здесь же и впрямь,
 как за тёмной какой-то стеной,
 Только печали,
 помноженные на печали...
 Чем она хуже других?
 Почему ей одной
 Нет ни науки,
 ни радостной доли такой,
 Как у других?..

...День за днём настаёт
 И проходит своей чередою.
 Ни Тимоху покоя тоска не даёт,
 Ни Полина не знает покоя.
 На дорогу Тимох всё глядит из окна,
 В думках рвётся куда-то из хаты.
 На Полину не смотрит, как будто она
 Или он перед ней виноваты.

А Полина? Он видел — из леса пришла
 Вся в тревоге с дочуркой своею,
 А под вечер дочурку в село отвела,
 Ходит бледная... Что это с нею?

Повечеряли. Вышел из хаты Тимох.
 А Полина? — За ним. Знать, уйти от тревог
 Трудно в хате — одной, без людей.
 Села рядом с ним. Что это с ней?

Говорит она так:
 — Словно в радостном сне,
 Тихо шло наше лето с тобой.
 Иногда — и не раз — представлялося мне,
 Что и друг и хозяин ты мой.
 Как ты с дочкой моей
 В поле шёл налегке,
 Как садился ты с ней
 Где-нибудь в холодке;
 Как ты в нашем кругу —
 Вместе с ней и со мной —
 Ел из миски одной,
 Пил из кружки одной.
 Иногда мне казалось — уж что там скрывать! —
 Здесь отстаться со мной ты готов.
 Это правда иль нет?

Он молчит. Но, видать,—
 Это правда. Он думал о том.
 Это правда, он думал Желанье своё
 От неё он не мог утаить
 И когда бы не брат, не Змитрок, то её

Полюбил бы он, мог полюбить.
 А она? И она бы его навсегда
 Полюбила. Наверно б, могла.
 Тут Марина пришла... Ох, стряслась бы беда,
 Если б только она не пришла.

— Это правда, что дружбе я нашей был рад.
 Ну, а разве остаться со мной
 Ты не рада была б?
 — Что ты, что ты? А брат?
 — Про него забывал я с тобой.
 Змитрока ты любила? — выпрашивал он.

— Я любила когда-то Степана,
 Ты же знаешь.
 — Того, что бежал за кордон,
 Что теперь там за важного пана?
 — Нет, Степан на Урале. Он бросил свой дом
 И ушёл... Тяжело говорить мне о нём,
 Тяжело говорить... Вспомню я: стынет кровь,
 Стынет кровь, только вспомню про нашу любовь,
 Сердце ноет, болит... Я девчонкой была —
 Восемнадцати лет дочку я родила.
 Он повёл меня в дом, что у самой реки,
 Постояла я возле крыльца —
 С дочкой в дом не пустили меня старики.
 Не решился Степан бросить мать и отца.
 Где там! Дочку он бросит скорей:
 Дом богатый да мельница сердцу милей.
 С чем пришла, с тем ушла — с горькой ношей своей...
 Разошлись мы. Посвятился брат твой тогда.
 — Но его не любила ты?
 — Нет. Никогда...
 Мне хватило всего — горя, мўки, стыда,
 Всё я в жизни своей испытала.
 Нет, любви к Змитроку я не знала,
 Не любила я, нет... Всё во мне замерло.
 Жизнь была мне в то время постыла.
 Про позор мой, как в бубен, гремело село.
 Мать родная меня торопила
 Выйти замуж... В покое пожить, в тишине,
 И самой — хоть немногo — хотелось мне.
 И Змитрок утешал, что минует беда,
 Что вдвоём легче справиться с нею.
 Да и думала я, что уже никогда
 Никого полюбить не сумею..
 Впрочем, хватит! Забудем про всё, что прошло,
 Что минуло...

— Ты нынче ходила в село?
 — Да, ходила.
 — Оставила дочку в селе,
 А зачем? Не пойму.

Свист раздался во мгле
 Раз и два. Поднялась: не уйти от тревог.

— Ты не всё мне, Полина, сказала.
 Что за свист?
 — Это мне. Не тревожься, Тимох.
 — Кто свистит?
 — Тот, с кем встреча настала.
 Повязалась косынкой:
 — Итти я должна...
 И ушла со двора... И за домом —
 Ясно видел Тимох — повстречалась она
 С человеком ему незнакомым.

4

Не тропинкою той,
 что к селу от села
 Среди ржи золотой
 по полям пролегла,
 А тропинкой лесною,
 где вереск да мох,
 Шёл навстречу
 прохладному утру Тимох.

Бор. У ёлки косматой
 синее дымко:
 Человек бородатый
 развёл костерок...
 — Эй, куда ты, браток?
 Не спеши-ка, браток!

Торба с хлебом у ног
 и дорожный киёк.
 — Что, никак не узнаешь?
 Я — брат твой. Змитрок.
 — Ты?.. — Ну, да. Да не бойся же, —
 я не утёк.
 Кто виновен, того
 крепко держит острог.
 Невиновен, выходит...
 Садись, дорогой.
 Сел Тимох возле брата
 на вереск сухой.

... — Контрабанду Степан
 нам подкинул зимой —
 На гумно наше
 вещи он ночью занёс,
 А дружка попросил:
 напиши, мол, донос.
 Ну, а сам — за границу.
 Попробуй, поди,
 Отыщи его там,
 на допрос приведи.
 Провокация, брат...
 Мстил он мне за своих
 Стариков... В Соловки мы
 отправили их.
 Что ж, они заслужили,
 достойны вполне...

Жаль, что нет его здесь.
 Ох, и жалко же мне! —
 Я б его, мукомола,
 нашёл, залучил,
 И как мелют муку —
 я б его научил!
 Сам судил бы его,
 сам повёл бы в тюрьму,
 Сам осину в лесу
 отыскал бы ему.
 С ним сполна расквитался бы...
 Жаль, что сбежал.
 — Я слышал: не сбежал он.
 Ушёл на Урал.
 Мне Полина недавно
 сказала о том.
 — Ну, а что же с Полиной?
 Как хутор наш, дом?
 — Кто-то ночью на хутор
 приходит в лесок —
 Наблюдает за домом...

Стал бледным Змитрок.
 Подскочил он, как будто
 Сидел на углях,
 И, как жаркие угли,
 Горел его взгляд:
 — Может, он?! Может, здесь?
 — Не заметил я, брат.

— Я узнаю, примечу...
 Железный капкан
 Я поставлю ему.
 Погоди же, Степан!

Торба с хлебом на палке
 висит за спиной.
 Костерок затоптал он,
 присыпал землёй:
 — Не досмотришь — пожар,
 И убытков не счесть.
 Я теперь не острожник —
 Хозяин я здесь...
 — Ты, — спросил он, —
 Куда направляешь свой путь?
 — Шёл к друзьям. Да придётся
 Домой повернуть,
 Коль с тобой повстречался.
 — Не нужно как раз.
 Так удобней... Серьёзное
 Дело у нас.

День. Второй. Третий день.
 Над полями сухмень.
 Полоса осыпается днём,
 А Полина — одна.

Осторожным серпом
Жито в поле дожала она.

На четвёртый — она, когда кончила жать,
Все снопы отнесла под навес.
А готовилась спать, свист раздался опять,
Свист, что звал на свидание в лес.

...Над водою закат, догорая, горит,
Над землёй загорелась звезда.
— Не пойдёшь ты со мною? — Степан говорит.
— Нет, с тобой не пойду никуда.
— Злишься всё на меня...
Только я ни при чём:
Невиновен я в том,
Что Змитрок под замком.
А сбежал я, так что ж?..
Здесь мне жить — не с руки:
Не сбеги я —
Сослали бы на Соловки.
— А теперь?
— Паспорт есть и прописка притом.
Ты видала.
— Ну что ж, о приезде своём
Сельсовет извести...
— Не пойду в сельсовет:
За решётку упрячут мгновенно.
Там у власти — враги мои. Дела им нет
До того, что я чист совершенно.
Для тебя для одной я приехал сюда—
Горько жить без тебя. Не выходит!..
Мы уедем отсюда.
— Куда?
— Хоть куда...
— На каком же ты служишь заводе?
Что таишь, что молчишь?

— Передашь Змитроку?!
Не скажу. Не хочу, чтоб знала.
А заявишь, что здесь я, опять убегу,—
Городов и заводов немало.
Брось об этом... Поедем отсюда со мной,—
На Урале природа какая!
Будет дочка расти, и счастливой семьёй
Будем жить мы, невзгоды не зная.
Думать брось...

— В сельсовет ты не хочешь сходить,
Мне не веришь, боишься. Чего?
Я ж не дура с тобою по свету бродить —
Не обидела я никого.
Никогда бы не стала я жить с беглецом.
Нет, дороги с тобою мне нету.
Это ты обижал меня вместе с отцом,
С ним теперь и шатайся по свету.

Дорожил ты не нашею дочкой, не мной,—
 Дорожил ты лишь мельницей.. Что ж,
 Уходи поскорей, дай нам полный покой,
 Дочь мою и меня не тревожь.
 Пусть любила б, и то — ради дочки своей —
 За таким бы отцом не пошла.
 — Где она? Я хотел бы увидеться с ней.
 Видно, прячешь?
 — В село отвела.
 Не хотим тебя знать мы — ни дочка, ни я,—
 Коль пути разошлись — не сойдутся.
 Парень ты холостой, у меня же — семья,
 Муж..
 — В тюрьме?!
 — Ничего... Разберутся.
 Обещал адвокат —
 Муж вернётся назад.

— Всё ж меня ты любила, сдаётся?
 — То, что было, прошло
 И быльём поросло.
 -- Не вернётся?
 — Не жди. Не вернётся.

— Что ж, коль просишь уйти, я уйду — уступлю.
 — Не уйдёшь, так и знай: я пойду — заявлю.
 — Подожди заявлять. Не спеши.
 — Почему?
 — Побежишь — на дороге в лесу перейму.
 Подожди.
 — Не держи меня, слышишь! Иди
 Ты дорогой своей, я — своей.

Между ними — граница. Её перейти
 Ни ему невозможно, ни ей.

.
 Шла... Послышалось ей: что-то вдруг позади
 Зашумело среди камышей.
 А до дому дошла — удивилась псу:
 Рвётся с привязи с радостным лаем,
 Словно лучшего друга учуял в лесу
 Или в тех камышах — за сараем.

Той же ночью в бору, когда месяц вставал,
 Повстречался Степан с тем, кого поджидал.
 — Пан Довбницкий?
 — Молчи! Здесь тебе я не пан.
 Я — Семёнов Петрусь,
 Нужно помнить, Степан!
 -- Не сердитесь, пожалуйста,
 Пан капитан..
 — Я — товарищ Семёнов..
 Оттуда давно?
 -- Да порядком уже.
 -- Ну, и как тут оно?..

Как молодка? Как хутор?
 — Да так себе, так...
 Сговориться с ней трудно,
 Не вышло никак.
 — Был бы хутор лесной
 Явкой нам неплохой.
 — Говорил с ней... Не вышло.
 — Я слышал твой свист.
 Свищешь лихо. Кто муж её?
 — Муж? Активист.
 Комитетчик проклятый!
 Отец мой и мать
 Будут в лагере долго
 Его вспоминать.
 Как женился он — стал
 Не таким боевым.
 Но дышал он недолго
 Покоем лесным
 Со своею женой...
 Тишину и покой
 Прописал я ему
 За тюремной стеной.

Закурили они
 возле сонной реки —
 Засветились у них
 в рукавах огоньки.

— Так... Любовь, говоришь,
 Не пошла тебе впрок.
 Что ж ещё?
 — Есть задание
 Итти на восток —
 На Урал пробираться,
 На самый Урал.
 — Отменяю задание:
 Там полный провал.
 Сам оттуда я... Сводки,
 Бумаги при мне.
 Нужно их сохранить —
 Пригодятся в войне.
 Ты их вместе со мной
 Понесёшь за кордон.
 — Эх, товарищ Семёнов,—
 Что куст, то заслон.
 Сколько звёзд, столько глаз,
 Чтоб за нами следить.—
 Через пекло такое
 Порезе б ходить!
 — Карабины принёс?
 — Да Зарыл под кустом.
 Откопать их прикажете?
 — Завтра идём.

Всё учли. Результат
 получился такой:

Сорок вёрст до границы,
 коль взять по прямой.
 В Силичах завтра ярмарка —
 праздничный день:
 Все туда устремятся,
 из всех деревень.
 Много всякого люда
 поедет, пойдёт.
 Это наруку им.
 —Ну, так завтра — в поход...
 Сговорились поспать
 до рассвета в бору
 И в село Силичи
 путь держать по утру.

На часах уже было двенадцать. И вот
 Шум до слуха река донесла.
 — Что за шум?
 -- Это мельница пущена в ход.
 Эта мельница нашей была.
 Жадно слушал Степан, лёжа в чаще лесной, —
 Шум далёко слышать по воде,—
 Шум той мельницы старой, той жизни былой,
 Что исчезла неведомо где.
 И, как пьяный, шептал: «Я дождусь, доживу,
 Я вернусь и за всё отомщу!—
 Все сады изрублю, все плотины взорву,
 Хаты в пепел, в золу превращу!..» —
 Так шептал он. А шум не смолкал на реке,
 Плавно лился далёкий поток.

В ту же ночь, в тот же час, на своём хуторке
 Появился неожиданно Змитрок.

...Торопясь, рассказал, что напал он на след
 Диверсантов — в лесу по дороге.
 Приказал он Полине, чтоб шла в сельсовет,
 Чтоб народ подняла по тревоге;
 Чтоб сказала: один из них —
 здешний, Степан,
 А другой с ним —
 начальник его, капитан;
 Что хотят убежать,
 но пока ещё тут,
 Что в село Силичи
 рано утром пойдут,—
 Завтра ярмарка там,
 как всегда на Илью...
 Сам же снял со стены
 он берданку свою.
 Пули выбрал он те,
 что на зверя берёг.
 И шагнул за порог,
 и исчез в темноте.

Юности свойственны
 думы свои и тревоги.
 Каждый по-своему —
 мы разбираемся в них.

Так и Максим.
 Порешил он, вернувшись с дороги,
 Поразобратся в тревогах
 и думах своих.
 Выяснил, понял Максим,
 что не просто желанье
 С ним прогуляться
 Марину вело из села,
 А что спешила
 к Тимоху она на свиданье.
 И не ошибся он.
 Это ведь правда была.
 Он не в обиде.
 Не вправе он здесь обижаться.
 Помнит, что в школе ещё
 и Тимох и она
 Были друзьями.
 Тимоху уже восемнадцать,
 Ей же шестнадцать исполнилось
 в те времена.
 Ну, а Максиму — четырнадцать.
 Что же тут злиться,—
 Ясное дело.
 Спросите разумных людей —
 Всякий ответит,
 что надо бы раньше родиться,—
 Может быть, хлопец тогда
 и понравился б ей.
 Поздно родился!
 И в этом — печаль и досада:
 Раньше — хоть года бы на три! —
 родиться ему!
 Факт непреложный.
 И что тут ни делай, а надо
 С ним соглашаться —
 всё клонится, видно, к тому.
 Он согласился.
 И было решенье такое —
 Больше с Мариной
 уже никуда не ходить:
 Тяжко всё это...
 Он кстати решил и другое,
 Что и на ярмарке тоже
 не следует быть.
 Так порешил он...

В совхоз — той же самой порою —
 В гости к Максиму
 неожиданно явился Тимох

С вестью о брате
и с радостью в сердце таком,
Что удержать эту радость
никак он не мог.
Всё в нём играло.
И он с удивленьем заметил —
Неразговорчив и хмур
почему-то Максим:
На предложенье к Марине пойти
он ответил
Полным отказом.
Что это случилось с ним?
Друга Максим
до моста проводил молчаливо.
Там и рассталась, за кузницей..

Возраст счастливый!..
Возраст счастливый! —
С шестнадцатой светлой весны
Радостным чувством
тревожит он юные сны,
Встретиться, выйти к любимой
зовёт он без слов,
Дружбу, простую приятель
превращает в любовь,
Горько, коль хлопец ошибся,—
а это бывает,—
Горько, коль дружбу её
за любовь принимает.
Если ошибся влюблённый,
не понял,— беда:
Жёстко любовь
обращается с хлопцем тогда,
Дружба бывшая
и встречи бывшие забыты.
Девушка словно не видит,
что сердце разбито,
Знать не желает,
что хлопцу обидно до слёз...

Так вот дубки молодые
нежданно мороз
Губит в июне —
листва поцёрнёт, свернётся.
Их уж не радует больше
ни утро, ни солнце.
Молча стоят они..
Нужен порядочный срок,
Чтобы окреп,
чтобы силы набрался дубок.
Чтобы он буйной листвою
зашумел на равнине,
Песню бы новую спел
одиноким рябине,

.

Свойственны юности
 думы свои и тревоги.
 Каждый по-своему —
 мы разбираемся в них.
 Так и с Мариной.

Решила, вернувшись с дороги,
 Поразобраться Марина
 в тревогах своих.
 С горестным чувством
 она от Тимоха пришла.
 Видела всё
 и, конечно же, всё поняла.
 Что он сидит там,
 на хуторе том одиноком?
 Ради чего позабыл он
 друзей, комсомол?..
 Всё ей понятно.

Марина безмолвным упрёком
 Встретила хлопца,
 когда он домой к ней пришёл.
 Шли они в поле
 по узкой тропинке зелёной.
 Он говорил, говорил,
 а она с затаённой
 Горькой усмешкою слушала,
 слушала всё,
 Что говорил он.
 Всё странным казалось Марине.

После с Тимохом
 стояли они на плотине,
 Глядя, как с грохотом
 вертит вода колесо,
 Речь заглушая...

Хоть он рассказал ей, что брата
 Освободили —
 вины никакой не нашли,—
 Вновь промолчала Марина...
 Ужели не рада?
 Или, быть может, за шумом
 слова не дошли?..
 — Что ж ты молчишь?
 — Исключили тебя не за брата.
 Лучше молчать —
 Всё равно ты меня не поймёшь.
 — Нет, говори.
 — За обман исключили, за ложь.
 Зря ты прикрываться стараешься
 Братом своим.

Он покраснел... Что ответишь
 Марине на это?
 Сразу замолк он, почувал:

Стоит перед ним
 Строгий, холодный судья —
 Секретарь комитета...
 Слушали молча они,
 Как шумела река,
 Как с колесом разговор свой
 Вода продолжала.
 Им же о чём говорить?
 — Ну, Марина, пока...
 — Что ж, до свиданья...

Марина его не держала.
 Что привело его к ней —
 Возвращение брата?
 Или, быть может, другое,
 Быть может, — утрата
 Сердца Полины?

У мельницы — люди, подводы.
 Суетно. Шумно.

Под мельничный грохот и гул
 Шёл он и с гребли
 сгонял мотыльков мимоходом,
 Шёл разобижен и зол.
 И назад не взглянул.

Злоба его и обида —
 к чему они ей?..
 Молодость гордо шагает
 дорогой своей:
 На поворотах крута
 и в решеньях сурова,
 Фальши и лжи
 не простит никому, никогда,
 Ей для разлуки
 порою достаточно слова
 Неосторожного
 или же взгляда немого...
 Некогда я распрошался
 вот так. Навсегда...
 Но почему я те дни
 вспоминаю неволью?
 Чащи лесные,
 ржаные шумящие волны,
 Как заглушить мне,
 в каком утопить океане
 Боль неутихшую,
 горечь бывшего прощанья?!

Дни пролетали...
 Бродила она по лесам.
 Как поступить? — размышляла,
 решала заранее:
 Ярмарка скоро.
 Друзья повстречаются там.

Как же она?..
 Нежеланье её и желанье
 Спорили в сердце безмолвно
 по целым часам...

В этом-то споре,
 быть может, неясном сначала,
 Сердцем тревоги Максима
 она услышала.

.
 Нет, в Силичах он с Мариной
 не встретится, право.
 Так решено... На закате
 косил он атаву,
 Ехали мимо цыгане
 шумливой оравой
 В белых кибитках,
 как ~~вздыт~~ они искони.
 Чем же встревожили
 сердце Максима они?..
 Ярмарка завтра.

Он утром поднялся с зарёю.
 Злобно махал он за домом
 свою косою,
 Слышал он шумы и гулы,
 что шли с ~~большака~~.
 И хоть работал Максим,
 только всё ж ~~паренька~~
 Мучило чувство стыда
 и, быть может, ~~тоска~~,
 Что он один в ~~стороне~~...

Так вот с теми бывает.
 Кто опоздает в колонну
 на Первое мая.
 Не покидало
 такое ещё ощущение
 В час, когда слушал он
 праздничный шум тот и гул,
 Будто проступок сегодняшней,
 словно прогул,
 Завтра товарищи вынесут
 на обсуждение.

Всё ж он с Мариной сегодня
 не встретился б, право.
 Так и косил и ~~косил~~ бы
 за домом атаву,
 Не говоря
 о тревогах своих никому,
 Если б Марина сама
 не явилась к нему.
 Смотрит — идёт она лугом,
 Чтоб встретиться с другом.
 Не докосил он прокоса —

Докосит потом.
 Ярмарка нынче.
 Опять они вместе. Вдвоём.

6

Водится так, полагается
 в этих местах, —
 С ночи уже начинается
 сбор в Силличах.
 Начат он стуком, скрипением
 колёс и воем
 От многолюдных селений
 и до хуторов.

Ночь. А повсюду движенье,
 повсюду народ.
 Ярмарочным настроением
 округа живёт.
 Пробуют звонко
 гармошки свои голоса,
 С дальней сторонкой сторонка,
 с лесами леса
 Перекликаются эхом
 дорожным, ночным,
 Радостным смехом
 да говором дружным людским.

Полночь уже наступает,
 и в дрёме ночной
 Всё замолкает,
 чтоб шумно проснуться с зарёй.

...Солнца лучи
 Заиграли в просторах родных.
 Дым попола в Силличи
 С неостывших стоянок ночных.
 То по всем по дорогам колёса
 Катились, пыля,
 Будто, дымом покрывшись белёсым,
 Горела земля.

Будто там, над полями,
 Поднялся огонь от костров,
 А не яркое пламя
 Рубашек, косынок, платков.

Яркий, праздничный день!
 Берегу тебя в памяти я!
 Сколько раз с нетерпением
 Ждала тебя юность моя!
 Сколько радости ты приносил!..
 В этот день, что ни год,
 Собирались товарищи школьные
 все, как на слёт.
 Как хотел я тогда,
 словно первую в мире весну,

Среди тысяч косынок
 увидеть косынку одну.
 Меж оглобель густых
 я летел на её огонёк,
 Задыхаясь от счастья,
 не чувствуя собственных ног!

Побывать мне случилось на ярмарке
 в прошлом году —
 Там с подводами рядом
 стояли «зисы» на виду.
 Продавали в палатках
 артельный товар гончары,
 А в ларьках — садоводы
 колхозного лета дары.
 Слушал я разговоры,
 бродя не спеша по рядам,
 Но былых разговоров
 нигде не услышал я там —
 Про того мужика,
 что у бабки украл гусака,
 Про дьяка, что на всеошной
 спьяну в соборе заснул,
 Про того цыгана,
 что кого-то с конём обманул,
 И про сына, что выгнал
 несчастную мать на мороз,
 И про волка, что за уши
 в лес поросёнка унёс...
 Про другое теперь говорят
 и поют о другом —
 О том море Цимлянском,
 о станциях новых, о том,
 Как счастливая мать
 дождалась приезда гостей —
 Знаменитых в стране
 дочерей своих и сыновей...

Я на ярмарке был...
 Только знал я, следя за толпой,
 Среди тысяч косынок
 не встречу косынки былой,
 Не увижу друзей дорогих...
 «Где вы?» — спрашивал я.
 Может, юности нашей обычай
 забыли друзья?
 Иль дела задержали их?
 Или же срок виноват?..
 Не своих, а других
 хлопцев я повстречал и девчат.
 Шёл я с трепетом в сердце,
 как будто за прошлым своим,
 Шёл за ними я вслед,
 подпевая вполголоса им,

Песня звонко плескалась
на ярмарке в шумных рядах.
Как вино молодое,
что бродит в старинных мехах.

...Начинался вот так по утру
и базар в Силичах.

С песней звонкой студенты
прошлись по базару толпой,
Словно сход, открывая его
песнею боевой.
Будто он начинаться,
как сход комсомольский, не мог
Без их песни весёлой,
пришедшей с шумливых дорог.
Их самих, как на слёт,
пригласило сегодня село.
В самый раз и начальство
сюда из райкома пришло.
Секретарь, что на время
от дел оторвался своих,
Как приехавших с мест делегатов,
приветствовал их.
От конца до конца
с ними вместе прошёл он базар,
Посмотрел, чем торгуют,
и цены узнал на товар,
К разговорам прислушался
возле крестьянских подвод,
Сам в беседы вступал...
Говорил про бездожье народ,
Про нежданный сухмень,
что подпортил посев яровой,
Про панов, что за близкой границей
грозятся войной,
Восхваляя оружие и силу свою
на весь свет...

Тут с тревожною вестью
прислал посланца сельсовет.
Пограничный район.
Двадцать вёрст до границы всего.
Секретарь заспешил,
вновь дела призывали его.

Сельсовет...
— Коммунисты — в народом! Комсомольцы —
в народом!..—

Слышен клич сельсовета
в шумливом потоке людском.

Он догнал и студентов,
что с песнею шли меж подвод.

...И, как шли, так и дальше пошли —
через площадь, на сход.

Тишиною суровой и строгой
 Их встретил нардом.
 Сцена. Стол. Над двухвёрсткой
 Сидел секретарь за столом.
 Карабины, винтовки, берданки
 Стоят в уголке —
 Молодёжь занимается, видно,
 В военном кружке.
 Но сегодня, конечно же,
 Поняли все без труда,
 Что не ради учебного сбора
 Их звали сюда,
 Что не новый спектакль
 Из эпохи гражданской войны
 Посмотреть они нынче
 Со сцены нардома должны,
 Молчалив, насторожен сегодня
 Нардомовский зал.
 Секретарь отодвинул двухвёрстку,
 Поднялся, сказал:
 — Только что позвонил нам
 Кавычачский сельский совет,
 Что сегодня оттуда
 К границе подались чуть свет
 Диверсанты, что ими
 Заране намечен маршрут,
 Что в село Силичи
 Через лес Чикуновский пойдут.
 Мы должны захватить их
 Отрядом своим боевым.
 До заставы — далёко,
 И действовать нужно самим.
 Нам задание: с оружием
 Выйти им наперерез —
 Так просила застава.
 Отсюда отправимся в лес:
 Соблюдать дисциплину.
 Порядок держать боевой.
 Коммунисты — к оружию,
 Комсомольцы — к оружию,
 За мной!..

Мимо лирников, белых палаток,
 Крестьянских подвод
 С коммунистами вместе
 Пошли комсомольцы в поход.
 И они, проходя,
 не могли удивить никого:
 Мол, идут на занятия в поле,
 так что же с того?
 Если б видели люди
 серьёзные лица ребят
 И узнали б того,
 кто ведёт через площадь отряд,
 И у девушек сумки заметили б
 с красным крестом.

То, наверно, подумали б люди
 совсем о другом:
 По суровым приметам
 они б догадаться могли,
 На какие занятия
 хлопцы с девчачагами шли.

С санитарною сумкой Марина.
 С винтовкой Максим.
 Шли они по дороге,
 шли всем коллективом своим:
 И Михась и Сымон —
 был, конечно, с гармошкою он.
 С ними не было только Тимоха.

Стоял он один,
 Молчаливо следил,
 как отряд из села выходил.
 Вот друзья его мост перешли...
 Вот идут через луг...
 Вот цепочкой, по слову команды,
 рассыпались вдруг...
 И от всей той картины
 Тимох оторваться не мог,
 И манил его властно
 косынки живой огонёк...
 Вот исчез он в кустах.
 Вот опять промелькнул, как во сне...

Как случиться могло,
 что остался Тимох в стороне?
 То ль забыли друзья про него,
 то ль он бросил их сам?
 Как случиться могло,
 что он — здесь, а друзья его — там?
 И с чего это всё началось?
 Дело, может быть, в том.
 Что не мог он никак
 с ними вместе явиться в народом?
 Нет.. Сдаётся, не так.
 С коллективом друзей, что на бой
 Без Тимоха пошли,
 разлучился он раньше... весной.
 Правда ль это? Да, правда.
 И стало до боли ему
 И обидно и горько
 стоять в стороне одному.
 Горечь сердце сдравила
 и в горле застряла комком,
 И туманом — на миг —
 заслонила всю местность кругом.

Догадался о выстрелах он
 по далёким дымкám,
 Что в кустах возникали
 и медленно таяли там.

Видел он, как друзья его
 лес окружали вдали,
 Окружали, как будто
 на зверя облавою шли,—
 Это с самого детства
 отлично здесь знает любой.

Вдруг стрельба прекратилась.
 Затих неожиданно бой.
 «Лес горит!.. Подпалили!..»—
 слышались крики ему.
 Белый дым он увидел,
 кусты и деревья в дыму —
 Враг поджёг, чтоб уйти,
 чтоб спастись за пожара стеной...

Лес горел.. Близкий ярмарки шум
 не стихал за спиной
 У Тимоха. Недолго он так
 простоял над рекой...
 Вот Тимох побежал,
 но не в лес, не туда, где отряд,
 А в село Силичи,
 от реки повернувшись назад.

Очень скоро потом из села
 Шум глухой долетел —
 Будто бури порыв
 По вершинам дерев зашумел,
 Будто поезда шум,
 Что слышался вдруг вдалеке,
 Что в лесу нарастает,
 Умноженный в каждом листке.

Приближался он, рос,
 Становился слышней и слышней
 Этот гул перекатный —
 Несли его сотни людей.
 Неожиданной вестью
 Встревожены, возбуждены,
 Прямо с ярмарки все они
 Бросились в лес Чикуну.

Ветер дымом и искрами
 В лица бегущих дышал.
 Дым белёсый над полем иссохшим
 За ними вставал.
 Пылью пашни дымились,
 Дымилась дорога, село —
 Сколько дней, как ни тучки,
 Ни облачка здесь не прошло

Быстро по лесу пламя
 Катилось всё дальше — вперёд,
 На восток и на запад...

Собрал возле леса народ
Секретарь — Клим Бударин...
Недолго собравшимся он
Объяснял, что пожаром охвачен
Огромный район,—
Слов не тратя, повёл
Всех, прибывших сюда из села,
К нефтебазе, к дороге железной,
Что лесом прошла...

7

Осторожно ступая,
С заряженным туго ружьём,
Как за дичью охотник,
Он шёл за врагом.

Тёмным лесом Змитрок
Неустанно шагал.
Всё же вражеский след
Он в ночи потерял.

Ночь прошла. Услыхал
Утром он в Чикунах
Перестрелку... По ней
Догадался, где враг.
От сосны до сосны
Путь прокладывал он.

Прибежал, когда лес
Был уже подожжён
И враги отходили.
И тут аккурат
Он Довбницкому в ногу
Всадил свой заряд.

Тот упал... А Степан
По кустам по густым,
Перепуганный выстрелом
Метким таким,
Словно волк, заметался...
Охотник — за ним.

Пан Довбницкий стонал,
звал Степана в беде
Всё напрасно: Степана
не видно нигде.
Понял пан,
что в лесу он остался один:
Опираясь на свой
на пустой карабин,
Кое-как ковылял он
весь день дотемна,—
Уходил, а за ним
шла пожара стена.
Ковылял, утекал —
третий день на ногах.

Он шатался уже,
 и давил его страх,
 Грудь душила обида
 и злоба и злость.
 Заяц сбил его с ног,
 и толкнул его лось.
 Гад хотел обогнать,
 но его раздавил
 Он тяжёлым прикладом
 и — рухнул без сил.
 Только тут же с тревогой
 взглянул он назад
 И по жёсткой траве
 сам пополз, словно гад.
 Полз и полз,
 от пожара уйти торопясь.
 Вдруг пожара стена
 впереди поднялась.
 Он увидел огонь,
 он почувствовал жар,
 И лица его дымом
 Коснулся пожар.

Возле станции прямо,
 У самой стальной колеи
 Лес густой поднимался,
 Качая вершины свои.
 Под погрузкой вагоны
 Стояли на дальнем пути,—
 На пути запасном,—
 Из-за дров их не видно почти.
 У путей возвышались
 Огромные штабели шпал.

Всем постройкам, вагонам и складам
 Пожар угрожал.

Комсомольцы и ночью и днём
 Лес валили кругом,
 Не жалеючи пил,
 Не шадя своих собственных сил.
 За дорогу таскали
 Тот лес, что под пилами лёг,
 Хворост тот, чтоб огонь
 За него зацепиться не мог,

Лес и впрямь отступил...
 Но от станции близко он всё ж.
 «Что ж нам делать, ребята? —
 Наверно, её не спасёшь...» —
 Горевала Марина: ведь ей
 Секретарь поручил
 Это трудное дело.
 Всё ближе пожар подходил.
 Лес злорадно шептал:
 «Не боюсь топоров я и пил...»

Да, пожар подступал.. «Не спасёшь»...—
 Не бывает чудес.
 Вдруг Максим у Марины спросил:
 — Не поджечь ли нам лес?
 Говорил мой отец —
 Он когда-то служил лесником,—
 Что пожары лесные тушить
 Можно встречным огнём.—
 Ожидали ребята... Приказ
 Полетел по рядам:
 — Все из леса сюда!
 — Все из леса сюда!..
 А за первым приказом
 Другой раздаётся приказ:
 — Лес поджечь!..-- и дымки
 Поползли по кустарникам враз —
 Будто это бойцы
 На огонь отвечали огнём.

Пламя низ заливало
 Почти незаметное днём.
 За движеньем его
 Глаз следил по приметам таким,
 Как чернел неожиданно вереск,
 Охваченный им.
 Словно порох рассыпанный,
 Мелкий валежник горел,
 Шёл огонь неприметный
 И прозно трещал и шумел,
 До решающей точки своей
 Вот он, вот добежит,
 И — сдаётся — от взрыва весь лес
 Над землёю взлетит!
 Тяга гонит огонь на огонь,
 Как волну на волну...

Чей-то из лесу крик,
 Страшный крик
 Вдруг потряс тишину.
 Крик такой, будто кто-то
 Там, в чаще лесной, погибал.
 Может, это был свой,
 Что уйти не успел и отстал?
 Побледнела Марина.
 Но... поздно приказ отменять:
 Стал приказ тот огнём,
 А обратно огонь не загнать.
 Не сказала ни слова,
 Глазами лишь встретилась с ним.
 И в горящую бросился чашу
 И скрылся Максим.

Проходили минуты,
 Подобные долгим часам.
 Он из пламени вышел,
 Охваченный пламенем сам.

Неизвестного нёс,
Спотыкаясь о кочки и пни,
Нёс к друзьям он.. Упал.
Пиджаками, руками они
Сбили с кепки его,
С пиджака его пламя и дым.
— Что с тобой?
Он молчал.
Сам не знал, что случилось с ним.
Свет глаза ему резал,
Огнём все лицо обожгло.

Лес горел... Он не видел,
Как пламя всё дальше текло,
Как могучей своею волной,
С ветром тем заодно,
На другую, на вражью волну
Налетело оно
И как сгнуло с нею в бору,
Словно в тёмном виру...

Дружным криком встречал
Комсомольский отряд боевой
Час победы своей
Над огнём, над людскою бедой.
Волны пламени гасли
С шипеньем — одна за другой,
Осыпая метелицей искр
Комсомольскую рать.

Он не видел... От боли
Не мог даже веки поднять.

Шаг за шагом шагал
за Степаном Змитрок.
И один и другой
еле ноги волок.
День и ночь они шли
напролом, напрямик.
Не сводили с оружия
глаз ни на миг.
Освещало им зарево
ночью пути.
От погони не просто
Степану уйти.
Нужно лесом итти,
чашей,— знал это он:
На опушках теперь —
что ни куст, то заслон.
Сколько на́ небе звёзд,
столько смотрит очей —
Пограничники
подняли всюду людей
Потаёнными тропами,
ночью и днём,
За стеною огня
шёл Степан прямиком.

Так дошёл до границы он
со Змитроком.
Близкий гул тракторов
убедил Змитрока,
Что Степан не прошёл
ту границу пока.
Но он так себя вёл,
так уверенно шёл,
Так встречал, узнавал
каждый куст и пенёк,
Что граница близка —
догадался Змитрок.

Не сближаясь в пути,
друг от друга вдали
Иногда разговор
меж собою вели:
— Отдохнём?..
Отдыхали. Вставали и шли.
— Что, устал ты? —
Степан Змитроку говорил. —
Уж не шлялся б
да зря из ружья б не палил,
Шёл бы лучше домой,—
угрожал ему он,—
А не то заведу я
тебя за кордон. —
Молча выстрелил тот
из ружья наугад,
Молча в небо отправил
последний заряд —
Может, выстрел услышит
пограничный отряд.

— Отстрелялся?!
Степан с карабином своим —
Знал Змитрок,
карабин был давно уж пустым,—
Очутился в единый момент
перед ним.
И с врагом повстречался Змитрок,
как солдат.
С гулким треском разбился
приклад о приклад.
По кореньям катались
Под ёлкой густой.
Брали верх чередой
То один, то другой.
Кто задушит кого.
Кто уже не жилец?
И до вражьего горла
Рукой наконец
Дотянулся Змитрок,
Да не видел Змитрок
Финки. . Финку Степан
Засадил ему в бок.

И — конец... Вытер кровь
Дерезою бандит.

Путь за границу —
свободен, открыт.

След свой сначала
 посыпать хотел табаком,
Но заспешил.
 И, махнувши рукой, напрямиком
Бросился в чашу.
 А там пограничники ждали:
Выстрел ружейный в засаде
 бойцы услышали.

Пуля настигла бандита
В лесной тишине.
Он зашатался.
Упал, но... на той стороне.

8

Шли они с песней
 в родном пограничном районе,
Только что кончивши
 грозную битву с огнём,
Шли комсомольцы дорогой
 в походной колонне,
Шли у границы
 в военном строю боевом.
Волосы их
 не от пыли густой поседели,
Что под ногами
 с сухой поднималась земли, —
Игл обгоревших сосновых
 седые метели
Головы их
 на пожаре лесном замели.
Брови слиняли,
 но — нет! — не от летнего зноя
И не от жаркого ветра,
 что веет в полях, —
Искры пожара лесного
 бесчисленным роем
И до сих пор мельтешат,
 метусятся в глазах.

Поле. Привал.
Молодые берёзы, рябины
Шумом встречали их
На перекрёстке дорог.
— Слушай, Марина, —
Сказал, обращаясь к девчине,
Вместе с другими идущий
С пожара Тимох, —
Как это вышло,
Что для разговора со мною

Времени ты
И по нынешний день не нашла?
Впрочем, возможно,
Не время тут было виною,
А совершенно другая
Причина была.
Не понимаю...
От дела я, что ль, уклонялся,
Хворым сказался,
Сидел себе дома тишком?..
— Вместе со всеми неплохо
С огнём ты сражался,
Так, как и нужно.
Но, видишь ли, дело не в том...
— Может, забыла ты
Дни нашей юности ранней,
Школьной весны нашей
Прошлые светлые дни,
Как на одни мы с тобою
Ходили собранья,
Как соловьи нам в садах
Запевали одни?
Помнишь, мы слушали их...
— Нынче этого мало —
Трудное время, суровое,
В жизни нас ждёт.
Нет, не такого
Я встретить тебя ожидала,
Что растерялся
От первых житейских невзгод.
Ты ведь друзей обманул,
Мне признаться обидно.
Мы навсегда
Расстаёмся с тобою, как видно...

Время в дорогу.
Команда её: — Становись!..
Вновь выходил
батальон комсомольский на шлях.
В ритме походном
шаги молодые слились.
Вновь, словно знамя,
косынка мелькала в полях.

Лёгкая бричка
Настигла их у переправы.
Крикнул ездок:
— Кто Тимох Пригоровский у вас?
— Я..
— Приказал привезти вас начальник заставы
Срочно к нему...
И уехали оба. Тотчас.

Вот и приехали.
Входит Тимох молчаливо.
Койка простая в дежурке.

На койке — Змитрок,
 Сосны и ели
 шумят за окошком тоскливо,
 Скорбную песню поют..
 — Наступает мой срок.
 Батяка служил у Будённого.
 Умер со славой.
 Я умираю не так..
 Только всё ж веселей
 Тут мне под стягом лежать,
 Что горит над заставой,
 Будто лежу на глазах
 У миллионов людей.
 Скоро конец..
 Схорони же меня не в глуши,
 Брат мой!.. Отсюда
 Домой меня не увози ты,
 Здесь, как бойца,
 У границы меня схорони ты,
 Здесь, где убит я,
 Меня на покой положи.
 Не засыпай ты глаза мне
 Землёй хуторскою —
 Та мне чужая, и в ней бы
 Уснуть я не мог.
 Этой, родною,
 Что смешана с кровью живою,
 Вместе с бойцами
 Засыпь домовину. Тимох.
 Не забывай про Степана..
 Хоть стёжкой лесною
 Врог кровавый свой след
 Уволок за кордон,
 Может вернуться он..
 Если ж взротится он,
 Кровь мою, кровь мою
 Смой его кровью чужою

С песней, вперёд
 комсомольский шагал батальон

Прямо к больнице
 Большак заворачивал кстати.
 Возле больницы —
 Команда всеобщая:— Стой!..
 И у Максима
 В его затемнённой палате
 Ветром повеяло,
 Гарью пахнуло лесной.
 — Как поживаешь?
 — Прекрасно.
 — А видят глаза-то?
 — Видят..
 — А скоро ль отсюда? .
 — Ещё полежу..
 — Ты не робей!

— Да ведь я не робею, ребята.
 — Ты не тужи.
 — Да ведь я ни о чём не тужу.
 — А коли что —
 Мы готовы всегда на подмогу.
 — Ясно...
 Максима друзья
 Окружили толпой.
 — Ну, до свиданья.
 А двадцать восьмого — в дорогу.
 Ты ожидай,
 Мы заедем сюда за тобой.

С ним задержалась в палате
 Марина одна.
 — Ну, а кого же я вынес
 Во время пожара?
 — Вынес Семёнова ты...—
 Отвечала она.
 — Кто ж он такой?
 — Диверсант...
 Помолчав, продолжала:
 — Важные очень бумаги
 Бандит уносил.
 Очень полезное дело
 Ты сделал, Максим.

Встреча в больнице,
 Дорога совместная их,
 Пламя пожара, в которое
 Друга послала,—
 Всё это взятое вместе
 В тот памятный миг
 Нитью незримой
 Сердца молодые связало.
 По дозволенью,
 Которого он никому
 Не дал бы, кроме Марины,
 Она, расставаясь,
 Голову друга
 Прижала к плечу своему,
 Мягкой рукою
 Волос обгоревших касаясь.
 — Ну, до свиданья, Максим!—
 И ушла за порог.
 — Ну, до свиданья!—
 Он крикнуть хотел. Но не мог.
 Шум за окошком,
 команда её.— Становись!
 Снова пошёл батальон
 по знакомым местам.
 В ритме походном
 шаги молодые слились.
 Сердце Максима
 летело вдогонку друзьям.

Всё это было
 у западной нашей границы.
 С грозным пожаром
 победно закончивши бой,
 Шли комсомольцы
 с решимостью гордой на лицах,—
 Словно бы шли
 перед всей необъятной землёй,
 Словно бы из-за границы,
 ощеривши зубы,
 Как со страниц ежедневных,
 знакомых газет,
 Капиталисты
 глядели на них — душегубы!—
 Словно бы сам Чемберлен
 наблюдал их в лорнет.
 Если не сам,
 не банкиры в цилиндрах лощёных,
 Так их посланцы
 скрывались в тёмных кустах,
 Так исполнители
 дел их и замыслов чёрных
 Ночью ползли, пробирались
 с ножами в зубах.
 Коль не сигары,
 намеренья их бредовые
 Возле границы дымились
 пожаром лесным.
 Миру известно,
 нужны им пожары **какие**,
 Землю окутать **хотят** они
 дымом каким.
 Надобно им,
 чтоб на людях дымились **шинели**,
 Крыши — над хатами,
 и под ногами — **трава**.
 С твёрдостью шли комсомольцы,
 как будто хотели
 Бросить в лицо им
 великого гнева слова;
 — Знайте, зачинщики войн,
 если только войне
 Путь вы откроете,
 час испытанья настанет,—
 Гнев побежит по тропинкам,
 которым числа нет,—
 К сердцу от сердца,
 по всей **необъятной стране**,
 По человеческим мукам,
 по горю людскому
 Гнев побежит, как по пороху
 вечно сухому,
 Гнев побежит
 и до высшей он точки **дойдёт** —
 Взрывом могучим
 навек с земли вас **сметёт!**

9

Официально
ещё не закончилось лето,
Время его
календарь не успел отсчитать,
А уж за далью,
что дымною мглою одета,
Осень хозяйство своё
началá принимать:
Дождь морозящий
над лугом притихшим, над полём,
Низкий туман,
что ползёт из болот и лесов,
Солнце, что светит
часа лишь четыре, не боле,
А не четырнадцать в сутки
законных часов.
Вот приняла паутины,
что вереск бесшумно
Сбросить готов,
чтобы в небо летели они
Вот сосчитала машины,
что нынче на гумнах
Шумно и дружно
работают целые дни.
Вот она по полю
красным колхозным обозам,
Свадьбам весёлым
уже проложила пути.
Все семафоры
открыла она паровозам,
Чтоб караваны вагонов
по рельсам вести.
Птицы ещё не отправились
в тёплые страны,—
Только ещё собираются —
путь их далёк,—
А уже осень
стальные свои караваны
Движет всё дальше —
на север, на запад, восток.
Нынче она их
в дорогу затем снаряжала
И для того, снарядивши,
отправила их,
Чтобы студентам,
чьё лето уже миновало,
К сроку, ко времени
быть в институтах своих.

Лету конец...
И хотя ничего не известно
Этим колёсам,
что мчатся и ночью и днём,
Этим машинам,
но только уже повсеместно

Осень отныне их числит
в хозяйстве своём.

Августа двадцать восьмого
Был день, как другие,—
Не было в нём
Необычных примет никаких.
На́ небе солнце
Туманы закрыли густые,
Листья осенние падали
С веток своих.
В день этот рано
Полину дела поднимали.
Встала на зорьке
И местность узнать не могла:
Дом её, клеть
Не в лесу, а в колхозе стояли —
С хутора вместе с Тимохом
Полина ушла.
Дом перевезен
За несколько дней толокóю —
Сумрачный лес нелюдимый
Не смотрит в окно.
Разве когда-нибудь шло здесь
Житьё хуторское?..
Если и шло, то, казалось ей,—
Очень давно...
Всё, что там было,
Нежданною бурей разбито,
Громом смертельным,
Пришедшей внезапно грозой.
Там, в том лесу,
Злая доля былая зарыта.
Жить надо долей,
На ту непохожей. Иной.

Августа двадцать восьмого
Она провожала
В город Тимоха.
Пришла и подвола как раз.
Вещи в дорогу
Безмолвно ему собирала ..

— Еду. Прощай!.. —
Наступил расставания час.
— Едешь? Дороги счастливой
Тебе я желаю...
— Что же, спасибо
— Не злись ты.
— Да я ничего...
— Не говори так, не надо,
Сама понимаю —
Я виновата,
Что нету меж нами его.
Если б на мне не женился,
Житья хуторского

Он бы не знал
И острога совсем никакого
Тоже б не знал...
Как я думала мало о нём!..
Даже недавно,
Во время пожара лесного,
Горько признаться,
Тревожилась я о другом.
Может, нельзя говорить,
Может, права мне нету,
Но ведь ты едешь...
И всё я хочу рассказать:
Думала я о тебе...
И о девушке этой,
Что ваш отряд уводила
С огнём воевать.
Я поняла,—
Жизнь меня научила сурово,—
Надо бороться,
Прямого держаться пути
А на таких, как Степан,
Хоть сейчас я готова
Так, как она, как Марина,
С винтовкой итти. .
Может, я зря говорю всё?..—
Спросила несмело.

Он не ответил... Его,
Проводив за порог,
Поцеловала... Да так,
Что в глазах потемнело,
Так, чтоб и в год
Поцелуй тот забыть он не мог.
Ног под собою не чуял,
С крылечка спускаясь, —
Так повело его
Крепкое это вино!..
Так повело, что не мог он,
Уже отправляясь,
Не оглянуться...
Полина смотрела в окно.

Августа двадцать восьмое..
Максима с собою
От докторов,
Фельдшеров,
Медицинских сестёр
Взяли друзья, не забыли
Про свой уговор.
Будет Марина в дороге
Ему медсестрою.
Ну, и они ему тоже
Помогут по чести.
К месту приедут,
Покажут его докторам.
Если же спросят историю,

Скажем, болезни,—
 Разве история та
 Неизвестна друзьям?
 Сели на поезд, поехали,
 Вместе с Максимом,
 Вновь до весны покидая
 Родные края.
 В лес обожжённый
 Бросая и паром и дымом,
 Поезд летел... Остановка.
 И — к окнам друзья...

Здесь после грозных
 Недавних событий
 Жизнь постепенно
 Входила в свой круг:
 Лес расчищали
 И гарь перепаживал плуг...
 — Хлопцы, девчата, взгляните!
 Бударин — взгляните!..

Вместе с народом,
 С великою силой людскою
 Здесь он работал,
 Был весел и рад.
 Крики услышал.
 Узнавши парней и девчат,
 Он улыбнулся,
 В ответ помахал им рукою.

А паровоз
 Будто этого лишь и хотел,
 Свистнул раскатисто... Поезд
 Пошёл, полетел.

Было похоже:
 Бударин не просто рукою
 Им помахал, а что он им
 Открыл семафор
 И проводил,
 Было именно чувство такое —
 В жизненный путь проводил,
 На великий простор!

Ехали... Вдаль увозили
 с собою вагоны
 Песни весёлые,
 звуки гармошки Сымона.
 Ехал Тимох тем же поездом,
 вместе с друзьями.
 Песен не пел. Не до них —
 понимаете сами.
 Столько пришлось пережить ему!..
 Разве он мог
 Вдруг позабыть свои беды?
 Забрался Тимох

Молча на верхнюю полку —
 подальше от шума...
Думал о том он, как будет учиться,
 как жить
Будет теперь... А ещё?
 О Марине он думал, —
Что полюбил он её
 и не может забыть.
Нет, не прощался он с ней,
 не простился он с нею!..
Он ей докажет
 учёбой, работой своею,
Что не такой он пропащий,
 как кажется ей.

Поезд летел и летел
 по просторам полей...

Ехали... Лес, что сгорел,
 миновали давно.
Завечерело...
 Бродя по холмам и равнинам,
Бросила ранняя осень
 открытку в окно,
Ту, что слетела сама
 с придорожной калины, —
Вестницу леса...
 Бесшумно упавши, она
Скромно лежала на столике
 возле окна.
Молча по ней
 и Максим и Марина читали
Повесть о лете,
 которое здесь покидали.
Скоро они задремали...

 Пускай же им снится
Летняя встреча, граница,
 где с плеском криница
Белые гладкие камешки
 перемывала
И колыхала травинки
 на тихой волне...

Ласково поезд баюкал.
 Марина во сне
Голову ниже и ниже
 свою опускала
И, прикоснувшись
 к плечу паренька головой,
Щёку косынкой
 ему обожгла огневой.
Парень проснулся.
 И сразу прошло утомленье.

Целую ночь у окна
 он сидел без движенья,

Целую ночь охранял он
 девический сон.
 Вот за окном посветлело.
 И жаль, что вагон
 Вдруг остановится.
 Все заспешат на перрон.
 Там, на перроне,
 Марина с Максимом простится.
 На год? Иль на два? Кто знает?
 А может случиться,
 И навсегда...
 А хотел бы Максим, между тем,
 С нею всю жизнь
 в этом общем вагоне
 Ехать всё дальше и дальше,
 как ехал сегодня,
 И о разлуке не знать
 и не думать совсем.

Вот и вокзал.
 И повысыпали из вагона,
 Словно птенцы из гнезда,
 что завидели даль.
 Скрылись, пропали
 в толпе говорливой перрона
 С кладью своей —
 с сундучками, с баулами...
 Жаль!..

Снова их всех поезда подхватили
 и где-то
 Мчатся с друзьями моими.
 Один я стою,
 Все поезда проводивши...
 Позвольте ж на этом
 Точку поставить
 и повесть закончить мою.
 С нею мне вспомнилась юность,
 начало дорог,
 Дружба, граница,
 любовь, молодые желанья.
 Светлые образы!
 Вновь соберу их в свой срок —
 Я не сказал им: — Прощайте!..
 Сказал: — До свиданья!
 С ними я вырос
 и, выросши, с ними я жил
 Возле той самой границы,
 той самой межи,
 Что нам покою
 ни ночью, ни днём не давала,
 Той, что для нас
 блиндажами, траншеями стала
 В дни, когда с Запада
 свора фашистов напала,

Той, у которой мы на́смерть
сражались с врагами,
Той, что по нашей земле
продвигалась с боями,
Той, по которой
не реки весной пролились —
Слёзы и кровь...

По-солдатски мы все поклялись
Смыть ту границу,
стереть её до основания!..
Много ещё предстоит нам,
видать по всему.
Мы ещё встретимся с вами, друзья!
Потому
Я не скажу вам: — Прощайте!
Скажу: — До свиданья!

Перевод М. Исаковского.

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

★

ИЗ ЗАПИСОК АГРОНОМА*

Прохор семнадцатый, король жестянщиков

Спрашивается: какое отношение к запискам агронома имеет король, да ещё семнадцатый?

Вношу ясность.

Прохор семнадцатый — это и есть тот самый Прохор Палыч Самоваров, который ещё до Петра Кузьмича Шурова был председателем колхоза; что же касается королевского титула, то это люди ему прилепили такое — беру только готовое.

Общий вид Прохора Палыча, конечно, резко выделяется среди всего населения колхоза. С этого и начну.

Комплекция плотная, рост выше среднего, животик изрядно толст, ноги поставлены довольно широко и прочно; голова большая, лоб узковат, но не так уж узок; нос узловатый, широкий и тупой, слегка приплюснутый, с синим отливом; нижняя губа приблизительно в два с половиной раза толще верхней, но не так уж толста, чтобы мешала; две глубокие морщины — просто жировые складки, а не те, чтобы следы когтей жизни; глаза на таком лице надо бы ожидать большими, а они, наоборот, получились маленькие, сидят глубоко, как глазок картофелины, и цвета неопределённого, будто подёрнуты не то пылью, не то марью. Прохор Палыч не брюнет, не блондин, но, однако, и не полный шатен.

Одевается он с явным подражанием работникам районного масштаба: тёмная суконная гимнастёрка с широким воротом — зимой и летом, широкий кожаный жёлтый пояс, ярко начищенные хромовые высокие сапоги и широкие синие галифе. Голову на плотной шее Прохор Палыч держит прямо и, проходя, ни на кого не смотрит (если поблизости нет кого-нибудь из работников района).

Вот он какой представительный!

Знакомы мы с ним уже порядочное время, довольно хорошо знаем друг друга, давно я хочу о нём написать, но всё-таки каждый раз, как возьмёшь перо, думаешь: «Что о нём писать?»

Писать о том, что у него огромный клетчатый носовой платок, в который свободно можно завернуть хорошего петуха и в который он сморкается трубным звуком так, что телята шарахаются во все стороны, — это же неинтересно.

Сказать о нём, что он блудлив, нельзя, так как у него было только три жены: первая после развода вскоре умерла, вторая живёт с двумя детьми где-то не то во Владивостоке, не то во Владимире, а с третьей он живёт и сейчас (пока ещё не регистрировался и, наверно, не думает).

* Печатаемые ниже рассказы являются продолжением одноимённого цикла, опубликованного в текущем году в № 3 «Нового мира».

Ну что ещё? Сказать, чтобы он не делал ошибок, тоже нельзя. Ошибки он делает и всегда их признаёт рьяно, признаёт, даже если этих ошибок нет, а начальство подумало, что ошибки есть. Иной день даже ему в голову приходит такое: «А какую бы мне такую ошибку отмочить, чтобы и взыскания не было и весь район заговорил?» Но для признания своих ошибок он всегда оставляет, так сказать, резервы. Вот он, например, как мы уже заметили, не регистрируется с последней женой — это тоже резерв! А ну-ка да скажет высшее начальство: «разложение» или что-нибудь вроде того? Тогда можно признать свою ошибку и скрепя сердце вернуться к прежней жене; так что, в конце концов, получается — жена у него одна-единственная, а эта, теперешняя, — так, ошибка.

Или, скажем, написать, что он много водки пьёт, — клевета, оскорбление личности! Ничего подобного! Он никогда больше пол-литра в один присест не выпивает. А разве, спрошу я вас, нет людей, которые выпивают больше? Есть. И здесь Прохор Палыч прав, говоря, что он норму знает. Ну не без этого, конечно, — праздник там большой или свадьба в колхозе случится, тогда выпьет вдвое больше или около того; в таком случае в конце процедуры у него появляется непонятное головокружение, душевные переживания всякие, даже тоска какая-то, и он плачет. Прохор Палыч прав; говоря, что когда он пьян, то становится смирным настолько, что и курицу не обидит.

Ещё о чём же? Разве о характере? Можно. Характер у него таков: с одной стороны прямой и твёрдый, а с другой — мягкий и податливый, как воск. Внутри же ничего не видно; тонкое дело — заглянуть внутрь человека! Может быть, со временем и выяснится, что там, внутри, а пока буду писать о том, что видимо как факт и что подтверждает сам Прохор Палыч.

Например, что значит: «прямой и твёрдый с одной стороны»? Это значит: если он что-либо надумал, а кто-то из людей, ниже его по должности, перечит, то Прохор Палыч найдёт способ доказать твёрдость характера и прямоту. Быками не своротишь — найдёт! Собственно, прямота проявляется чаще всего под конец собеседования, и он не моргнёт глазом сказать возражающему: «А всё-таки не выйдет по-твоему!»

Теперь: «с другой стороны — мягкий». Тут надо примером. Допустим, заехал из района в колхоз председатель райисполкома, или заведующий райзо, или кто-либо — упаси боже! — выше, тогда Прохор Палыч, заходя в кладовую, делает следующее: сначала складывает колечком большой и указательный пальцы и произносит мягко, обращаясь к кладовщику: «Ко-ко — двадцать» (яиц, значит, двадцать). Затем покрутит пальцами около лба, завивая рожки, и говорит ещё ласковее, со вздохом: «Бе-бе — четыре» (это означает — четыре килограмма баранины). Таким же шифром он передаёт мёд (жужжит), ветчину («хрю-хрю») и, наконец, шелчком слегка бьёт себя по горлу, сбоку, подняв шею, и изрекает: «Эх-эх-хе! Маленькие мы люди. Ничего не попишешь: сама жизнь того требует».

В общем, о своём характере он так и говорит: «Я если залезу на точку зрения и оттуда убеждаюсь, тогда я человек твёрдый и прямой, как штык; а если руководителя уважить или угостить, то я человек мягкий и податливый: не могу, — говорит, — покойно видеть начальника, если он не ест и не пьёт, — аж самому тошно... А тут... — и он легонько постучит кулаком по груди. — Тут! Эх, товарищи, товарищи!» Просто даже интересно становится: а что же всё-таки у него внутри? Я не говорю там о кишках, о печёнках, о ложечке, под которой у него болит после выпивки, о катаре в желудке, который, по словам Прохора Палыча, есть в каждом человеке и который, собственно, и урчит-то всегда, — это всё вещи

известные и местоположение их ясно, — я говорю о характере: снаружи — человек как человек, а вот внутри — загадка.

И тем более, уж если бы он не читал совсем ничего, тогда можно было бы подумать о плесени, о наслоениях прошлого, о пережитках капитализма внутри и тому подобном... Но он же всё-таки читает! Ежедневно, каждое утро, читает отрывной календарь. Иногда чтение вызывает у него неожиданные эмоции: сидит на кровати, ещё не обувшись, оторвёт листок календаря, прочтает о восходе, заходе солнца и долготе дня, прочтает о восходе луны, подумает, подумает и скажет: «Эх вы, календарщики, календарщики! Знали бы вы нашу нагрузку! Не тем занимаетесь, товарищи!» Но какие предложения конкретно он вносит — остаётся неясным. Думаю, что речь идёт об изменении долготы дня, а неопределённость замечания в адрес календарщиков объясняется, надо полагать, тем, что у него всё-таки возникают сомнения: зависит ли это мероприятие от них. Прохор Палыч, конечно, не дурак!..

Правда, насчёт астрономии у него в голове довольно большая туманность, что объясняется очень сильной нагрузкой; по этой же причине и сведения о химии походят на колбу с бесцветным газом: а чёрт же её знает, есть там что, в этой колбе, или нет! Может быть, там и действительно ничего нет, а один обман природы! Недаром же Прохор Палыч говорит про всех землеустроителей: «Знаю я этих астрономов! Мошенники!» И об агрономах отзывается презрительным языком: «Ох, уж эти мне химики: то не так, это не так! Вот они мне где! — И постучит ладошкой по загровку. — Спрашивается: за что зарплату получают?! Нет, пусть бы он сел у меня в правлении да писал или диаграммы какие-нибудь чертил, а я бы посмотрел, чем он занимается; а то уйдёт в поле на весь день и — до свидания! Химики!»

И тут, конечно, Прохор Палыч прав, когда говорит, что насчёт теории ему требуется только вспомнить кое-что, но пока сильно некогда.

Больше того. Он определённо имеет склонность к философскому мышлению. Право, редкому человеку удаётся из одного-единственного слова построить длинное предложение с глубокой мыслью, а он может, да ещё как может! Как-то вытащили его чуть не за шиворот в кружок заниматься. Там-то он и сказал такое умное, что облетело весь район. Когда у него спросили, как он усвоил материал и что думает по этому вопросу, он сказал: «План — это, товарищи, план. План до тех пор план, пока он план, но как только он перестаёт быть планом, он уже не план. Да. А наши планы были планы, есть планы и будут планы. Точнее, не может быть плана, если он не план...» Но тут его вежливо перебил руководитель кружка и, вытирая со лба пот, выступивший как-то сразу, сказал: «Мне теперь всё ясно. Садитесь!»

Видите! Даже руководителю ясно стало всё, так умеет сказать Прохор Палыч.

Нет, Прохор Палыч, положительно, интересный человек! Во всякий вопрос вносит он своё. Взять, к примеру, оценку своих знакомых. Он разделяет их на четыре группы: на беспартийных, кандидатов партии, членов партии и... кандидатов из партии. При этом он говаривал: «Вперёд не забегай, сзади не отставай и в середке не толпись!» Но тут-то Прохор Палыч и допустил большую ошибку: не туда причислил себя и думал совсем не так, как оно получилось. Правда, у него всего только три выговора с предупреждением (или четыре? Нет, три, четвёртый — это не выговор, а одно только предупреждение в развёрнутом решении), но чистосердечное раскаяние всегда и у всех вызывало сочувствие, которое заливало туманом его светлый разум, не дало возможности разобраться в том, куда везёт его кривая. Он даже иногда, бывало, скажет: «О! Наш председатель райисполкома — человек! С этим не пропадёшь!» Но... ошиб-

ся. Ой, как ошибся! Ошибся потому, что не учёл, что и районные работники сменяются.

И уж если нечего писать о Прохоре Палыче, как сказано выше, то я подумал: «А дай-ка напишу насчёт этой самой роковой ошибки жизни!» Однако ясно, что человек приходит к ошибке не сразу, хотя он её и признаёт, поэтому и написать коротко, одним скоком, не удастся, тем более, мы ещё совсем не знаем, что у него там внутри.

План моих записок таков:

А. Какими кривыми путями привела кривая Прохора Палыча до председателя колхоза и насколько кривы были кривые пути его.

Б. Как он руководил колхозом, и что из того получилось, и получилось ли вообще что-нибудь.

1

Когда-то давно Прохор Палыч работал в мотороремонтной мастерской. Работал хорошо, старательно, заработки были хорошие. За старательность и силу его уважали. Линия жизни у него была прямая, а сам Прохор Палыч был тогда совсем не таким: и нос не такой, и синевы на лице не было, так как норма подпития была совсем другая, не та, что сейчас.

Но случилось однажды так. Вызвали его и говорят: «Работник ты хороший... Пора к руководству привыкать. пойдёшь заведующим складом Утильсырья. Никак не подберём туда кандидатуру». Прохор Палыч возражал; очень сильно возражал, но он многого тогда ещё не знал о товарище Недошлёткине. А товарищ Недошлёткин был тогда председателем райисполкома. Если он, Недошлёткин, сказал: «Я думаю», то это все должны понимать: «Так будет»; если он сказал: «Я полагаю», то это значило: «Будет только так»; если же сказал: «Мне кажется», то надо было понимать: «Так должно быть, так и будет». Только много спустя Прохор Палыч приспособился к такой манере руководителя района извясняться, а тогда ещё не понимал её по неопытности и простоте своей. Товарищ Недошлёткин не дослушал возражений и сказал:

— Я, Недошлёткин, думаю, полагаю и мне кажется, что ты, Самоваров, пойдёшь в Утильсырьё.

Ах, если бы вдумался тогда Прохор Палыч в эти слова! Да где там вдуматься, когда председатель повторил твёрдо, с пристуком ладонью по столу:

— Я высказался. Принимай работу!

Не понял тогда Прохор Палыч, что было сказано. Через несколько лет Прохор Палыч с улыбкой вспоминал: «Какой же я был тогда дурак! Не понимал самых простых вещей. Вот что значит неопытность в руководстве!» Понемногу он перенял тон и приёмы Недошлёткина, появилась смелость, уверенность в своих силах и так далее, но это — много после, а в то время он принял склад Утильсырья и приступил к работе.

И пошло!

Трое его подручных были люди опытные, деловые, вороватые. Делали всё чисто. Сначала сверх зарплаты Прохор Палыч почему-то получал немного денег, а потом — больше. Проработал год. Вдруг откуда-то, не то из области, не то из центра, следствие: в тюках шерстяного тряпья, и середине, заложены отходы мешков, пакли, кострики, а вместо цветного металла где-то кому-то всучили какой-то чёрный. Кто туда положил не такое тряпье, Прохор Палыч не знал, но сколько денег он положил себе в карман, он все же знал — всучили-таки, жулики! — и сознавал свою ошибку. И только хотел было изучить утильдело, как его сняли.

И снова он у Недошлѣпкина. Тот сказал: «Я думаю...» Прохор Палыч понял его уже с одного слова и мигом очутился на складе Заготзерна. Дело новое, надо подучиться, расспросить, вникнуть в теорию: всё-таки хлеб, а не утиль. Но Прохор Палыч был уже куда смелее и в первый же день, по совету Недошлѣпкина, проверил лабораторию. Походил, походил по ней, посмотрел в зерновую пурку одним глазом, как в микроскоп, потрогал влагомер, надавил пальцем на технические весы (отчего лаборантка даже вскрикнула, испугавшись за их целость) и сказал:

— Работу перестрой!

По личному горькому опыту на утильскладе он знал, что с подчинѣнными надо строже, иначе влипнешь; что подчинѣнный — не совсем полноценный человек (убеждения приходили постепенно, но довольно прочно). Кладовщиков он собрал под навесом. Сам сел на ящик, а им велел стоять и сказал:

— Я, Самоваров, много не говорю. Коротко: если замечу, что кто-нибудь насыплет ржи в пшеницу или овса в кукурузу, — прощайся с родными: тюрьма! Мне так кажется.

Помнил Прохор Палыч, как подкузьмили его подчинѣнные на утильскладе! И предупреждал ошибку Опыт расширился и углублялся, медленно, но всё-таки расширялся.

Проработал он год.

И кто же знает, откуда беде взяться! Недостаток обнаружился в девяносто тонн зерна. Какого зерна — толком сразу и не поймѣшь, но только недостаток обнаружился. Кто брал зерно, когда брали, куда девали — Прохор Палыч, истинное слово, не знал. Он, правда, знал, что конюх привозил ему откуда-то муку-первач, но ведь не девяносто же тонн! Ещё вспомнил, что в какой-то не то ведомости, не то отдельном списке он расписывался в получении денег и что бухгалтер говорил насчёт этого списка: «Мы его со временем чик-чик и — нету!» А чёрт же его знал, как это «чик-чик»! Но только следствие было, кое-кого судили, а Прохора Палыча защитил Недошлѣпкин. Написал отличную характеристику, напомнил, что Самоваров только начинает руководить, что имеет мало опыта, что жулики его обвели вокруг пальца, — много написал Недошлѣпкин, много беседовал с прокурором, звонил куда-то, хлопотал, и всё сошло.

Но ведь и оставить после этого у руководства нельзя. Сняли. Походил, походил Прохор Палыч вокруг районных организаций и учреждений и пошёл к своему покровителю. Приходит. Спрашивает его Недошлѣпкин:

— Ну как?

— Да так, — ответил Самоваров неопределѣнно.

— А всё-таки?

— Так себе.

— Значит, ничего?

— Да как сказать!

Недошлѣпкин, как видно, изучал собеседника и мыслил про себя: «Не ошибся ли я в нём?»

— А точнее?

— Обыкновенно! — вздохнул Прохор Палыч, ожидая слов «я думаю» или, что ещё лучше, «мне кажется».

— Как так — обыкновенно? — недоумевал председатель.

А Прохор Палыч видит, что тот в недоумении, и осмелел.

— Убил бы!

— Кого? — Недошлѣпкин привстал в полном испуге, так как был не очень храбр.

— Эх! — замотал головой по-бычьи Прохор Палыч. — Убил бы!

— Кого? — уже шёпотом произнёс председатель и стал за спинку кресла.

Прохор Палыч молча понурил голову. Начальник продолжал испуганно смотреть на него и не мог, конечно, в таком случае сказать ни «я думаю», ни «я полагаю», ни, тем более, «мне кажется». Так получилось, что Прохор Палыч ушёл в себя, а Недошлёткин, наоборот, вышел из себя.

И третий раз спросил глава района, еле выдавив из себя:

— Кого?

Прохор Палыч поднял голову, ещё раз покрутил ею, ударил себя в грудь (тихонько, слегка!) и наконец с надрывом выкрикнул:

— Себя! Ошибку допустил!

И сразу после этого всё вошло в норму: Прохор Палыч вышел из себя, а Недошлёткин ушёл в себя, сел в кресло, поднял острый носик вверх, поправил громадные роговые очки и нахмурил брови. Покатая лысина заблестела матово-жёлтым цветом. Он застучал пальцем по столу, продолжая дальше изучать Самозарова. Глаза у Недошлёткина были настолько узкими, к тому же заплавленными, что создавалось впечатление, будто он ничего не видит даже около своего носа. Но он видел, изучал, задавал наводящие вопросы:

— Ну так как же?

— Да так.

— А всё-таки?

— Да как сказать!

— Значит, признаёшь?

— Признаю.

— Каешься?

— Каюсь!

— Ну так что ж ты скажешь?

Прохор Палыч совсем осмелел и выпалил, жестоко бия себя в грудь:

— Ошибка моя вот тут! — И сделал совсем жалобное лицо.

Недошлёткин расчувствовался — высморкался, плюнул тихонько и так же тихо произнёс:

— Вот, чёрт возьми!

Прохор Палыч тоже высморкался, но трубно, громко.

Конечно, начальник уже был готов произнести чарующие фразы, которые начинаются с буквы «я», но Прохор-то Палыч ещё не понимал, что тот готов. Лишь позже он научился догадываться о течении мыслей начальства, но тогда ещё многого не понимал.

И вот наконец Недошлёткин говорит:

— Что же тебе сказать?

А Прохор Палыч изрекает, уже оправившись от сморкания:

— Я думал, товарищ Недошлёткин, что вы полагаете и в амкажесь.

— Да, братец ты мой! — восхищённо воскликнул тот. — Таких прощительных людей я первый раз встречаю. Вот это — да! Самородок! Кусок народной мысли, как говорит какой-то писатель или историк. Да ты знаешь, какая перед тобой линия открывается?! Да ты сам не понимаешь, кем ты можешь быть! — И пошёл, и пошёл! Хвалил, хвалил, а напоследок напутствовал: — Держись за меня! Со мной кривая вывезет. Помогу, поддержу, научу.

И стал после этой беседы Прохор Палыч торговать керосином в магазине райпотребсоюза. Но не это важно, а важно то, что Прохор Палыч уже понял — точно понял! — что такое признание ошибок, как их признавать, когда признавать и перед кем признавать; важно ещё, что после этой беседы он понял себя: кто он есть и кем он может

быть, то есть оценил себя так же высоко, как оценил его Недошлѣпкин. И пошёл после этого расти и расти! Вот он уже пробует произносить речи,— его поддерживают, выдвигают по рекомендации Недошлѣпкина. Вот он уже критикует небольших начальников, от которых ему ни жарко, ни холодно, критикует громко, смело, со всей прямоотой своего нового характера. Пошёл человек в гору!..

На керосине он, правда, прогорел (не то недостача, не то излишек, но больше года и здесь не работал), однако, стал директором райтопа и числился уже в районном активе.

Наконец к переменам должностей и профессий он так привык, что считал это вполне нормальным для актива, считал, что настоящий-то актив и перебрасывается «для укрепления»: укрепил в одном месте — крой на следующее, укрепляй ещё; не укрепил — признавай ошибку плачь, сморкайся и валяй дальше — укрепляй в другом месте! Для вытирания носа он завёл большой, тёмного окраса клетчатый платок, о котором мы уже заметили, что он якобы интереса не представляет. Но это только кажется. Действительно, большой платок неинтересен, когда он есть, а вот когда его нет.. Попробуйте с полным чувством признать четырнадцатый раз двенадцатую ошибку — без платка. Не получится!

На каких только должностях не был Прохор Палыч! И в Сельхозснабе, и на кирпичном заводе, и в лесничестве, и в Конволосе, и по дорожному делу, и по заготовкам сена и соломы, и по яично-птичным делам, и завхозом в МТС. Накопил громадный опыт! Наконец, после двух выговоров с предупреждением, в его послужном списке значилось: «Председатель артели жестянщиков». А Прохору Палычу перевалило за сорок пять.

И до этого ему учиться совсем не надо было в связи с частой переменой мест, а тут — каждый поймёт — жестянщики: кружки, ведра, половники... Чепуха! Опыт руководства большой — Прохор Палыч принялся смело укреплять отстающую артель. Это было по счёту шестнадцатое место за пятнадцать лет руководящей работы в районе. С таким багажом укрепить артель — раз плюнуть!

И он приступил.

2

Первым делом он обнаружил полное отсутствие кабинета для председателя артели и задал вопрос:

— Как же вы могли так работать, товарищи? Это же полный развал! Мне кажется, работу надо перестроить.

Счетовод, маленький, шупленький старичок с пушком на лысой голове, осмелился спросить вежливо:

— А какой же кабинет в такой маленькой комнатке, как наша контора?

Прохор Палыч ответил:

— Я думаю, что так необдуманно думать нельзя.

Всё было ясно.

В артели было двенадцать человек мастеров разного возраста, тринадцатый — счетовод, четырнадцатый — председатель. Делала артель большей частью кружки, которые иногда протекали. Требовалось укрепить артель, чтобы кружки были полноценными. Задача Прохора Палыча, собственно говоря, и заключалась в том, чтобы кружки не протекали, но он уже имел размах, умел вникнуть, он уже думал, полагал, ему казалось...

Целый месяц половина членов артели во главе со счетоводом работала на «Стройкабе», а половина — на кружках. (Объясняю новое слово

в русском языке — Прохор Палыч их сотворил немало, — стройкаб — стройка кабинета.) Конечно, кружек сразу стало недостаточно, и домохозяйки начали протестовать: дескать, и так протекают, да ещё и недостаток. Прохор Палыч, чтобы успокоить всех, вывесил объявление: «Происходит преобразование производства на новые технические рельсы увеличенного плана». Успокоились — стали ждать.

Тем временем кабинет закончили: он занял две трети маленькой комнатки, а одна треть осталась счетоводу со всеми членами артели, которым уже ни покурить, ни газетку почитать стало негде. Но не в этом дело. Какой кабинет выстроили! Блестящий кабинет! Блестящий потому, что стены и поголок обшили белой жостью, на письменный стол, сверху, положили белую жость; над креслом Прохора Палыча, чуть выше головы, соорудили полку во всю длину стены, обшили её латунию, и поставили в один ряд предметы производства артели настоящего времени и будущего, причём экспонаты были вдвое больше нормального размера: кружка, ведро, половник, таз умывальный, таз стиральный, умывальник, две ложки совершенно различной конструкции, зерновой совок, керосиновая лейка и... чего, чего только не было на этой полке! Любому смертному, вошедшему в кабинет, становилось ясно, что Прохор Палыч уже вник в сущность производства и освоил детали такого достаточно глубоко.

Вторым шагом, по прошествии двух месяцев со дня вступления, было ознакомление с массой. Вызывал Прохор Палыч по одному человеку, толпиться в передней запретил, курить велел по норме, обсуждать что-либо шёпотом, чтобы не мешать работе. И начал приём. Вопросы он задавал каждому примерно одни и те же:

— Фамилия?

— Мехов.

— Лет?

— Сорок девять.

— Как?

— Точно так

— Молодец! Отвечаешь правильно... Та-ак. Воруешь?

— Да что вы, Прохор Палыч! Дети у меня есть взрослые, а вы... такое.. У нас и красть-то нечего: ну украду я кружку — куда её денешь?

— Во-первых, я тебе не Прохор Палыч, а товарищ Самоваров. Во-вторых, не притворяйся: знаю я вас — все воры! Развалили артель, сукины дети, а теперь... Ишь ты!

Мехов попятился к двери, разводя руками.

— Перестроишься?

— Да чего перестраиваться-то? Давайте материал, делать будем. А то вот два месяца сидим без дела, а у нас — семьи... Я за эти месяца и полставки не выработал.

— Во-во-во! Я и хотел сказать: лодыри, бездельники!

— Да я же не по то!

— Хватит! Я думаю, я полагаю, что ты перестроишься! Следующий!

За перегородкой всё было слышно, и артельщики очень быстренько смекнули, что к чему. Особенно быстро сообразил Вася-слесарь, мальчишка лет семнадцати, — молодой, а ушлый!

— Давайте, — говорит, — отвечать одно и то же, а я пойду последним!

Переглянулись жестянки: так и так. И в кабинете началось. Почти все как один повторяли одно и то же, с небольшими отступлениями по ходу дела. Прохор Палыч к концу дня устал, вспотел и, развалившись в кресле, задавал вопросы уже нехотя, подумывая о том, не перенести ли ознакомление с массой на следующий четверг, но вот вошёл Вася-сле-

сарь — юркий, узколицый паренёк с прищуренными, смеющимися глазами — и объявил:

— Я последний.

— Фамилия?

— Щелчков! — отчеканил Вася так, что жесть на стенах отозвалась зловещим звяком.

— Щелчков! Ну, брат, и фамилия! Лет?

— Семнадцать.

— Ишь ты, молодой! Ну, ты-то не воруюшь.

— Ворую, товарищ Самоваров!

— Как, как? О! Самокритика молодёжи! Ну, молодец!

— Ворую, говорю! — выкрикивал Вася, как молодой петушок.

— Что воруюшь?

— Жесть ворую, латунь ворую.

— От брешет, свистун, так брешет! Этот не пропадёт, нет! С кем же ты воруюшь?

— С вами, товарищ Самоваров! — ответил Вася так же громко и тем же тоном, как и начал.

— Что-о-о?! — Прохор Палыч встал.

— С вами ворую, — повторил Вася и сел, проявив высшую степень невежливости. — Сто листов жести на кабинет из кладовой кто принёс? Я, Щелчков. Кому? Вам, Самоварову. Латунь кто принёс? Я. Кому? Вам. Куда списали жесть? На кружки. Где кружки? Нету. Квартальный план выполнили на двадцать процентов, значит годовой план уже сорвали.

Прохор Палыч сел. Потом встал. Потом ещё раз сел. И ещё раз встал.

— Как ты смеешь, шенок! — Он схватил с полки умывальный таз и так стукнул им об стол, что весь кабинет занял жестяной жалостью. — Мы такое загнём, что два квартальных плана в два месяца выполним. Раз плюнуть! Не твоего ума дело! Я думаю, что...

Тут Вася прыснуло со смеху, зажал фуражкой рот и нагнулся, содрогаясь от беззвучного хохота.

— Что тебе смешно? Что? Что, спрашиваю? (За перегородкой — сдержанный, но дружный смех.) Кто там мешает работать? — загремел Прохор Палыч и снова обратился к Васе: — Ты думаешь, кто я есть? Отвечай!

— Там, — смеялся Вася, — там написано! — И указал пальцем на дверь.

После этих слов за перегородкой затоптали и, давя друг друга, вывалились со смехом на улицу. Выскочил бомбой и Вася. Прохор Палыч поставил таз на место и, потный, в возбуждении, вышел медленно за дверь. Осмотрел стены, пронзил счетовода взглядом и ничего не увидел. Но вот он повернулся к двери кабинета, чтобы войти обратно, и... увидел! Трудно выразить словами состояние Прохора Палыча: это было сплошное переживание от пяток и до носа, ибо пятки сразу зачесались, а нос потребовал неотложно сморкания. И он высморкался дважды подряд и без передыху. А на новой табличке — «Председатель артели тов. Самоваров» — красовалось добавление: «король жестянщиков».

Вот откуда и появился королевский титул у Прохора Палыча.

Сам я, правда, при этом не присутствовал, но мне так подробно всё рассказывал Вася, так усердно дополняли его Мехов и другие, что я не мог не посочувствовать Прохору Палычу. Не буду описывать терзания его души, не буду останавливаться на том, как Прохор Палыч по полноте не спал двое суток подряд, не буду вдаваться в подробности колебаний психики и переливания тоски через край — это очень трудно. Но Недошлёпкин настойчиво, очень настойчиво рекомендовал Прохору

Палычу приступить к самокритике и ни под каким видом не наказывать Васю, а, если возможно, прижать его впоследствии, чтобы понимал твёрдость характера. При этом он сделал для Прохора Палыча назидание жестом: ногтем большого пальца надавил на стол так, как (простите за натурализм!) давят некоторых насекомых, и добавил:

— Понимай — для самокритики момент наступил, а для того самого, — и он снова надавил пальцем, — ещё нет. Подождать надо.

Э, да что там учить Прохора Палыча, когда он сам уже не меньше знает!

На общем собрании артели Прохор Палыч сказал:

— Критика ваша, товарищи, дошла до серёдки. Дошла! Всем нам надо перестроиться, углубить производство и расширить во все стороны. Все как один — в одну точку! Кто отступит — не позволю! Я признаю критику, но не допущу нарушения дисциплины. Переходим, товарищи, с кружки на ложку новой конструкции — модель «Л-2». Потребуется напряжение. Я полагаю, что трудовой подъём будет.

В городе заговорили: «Король жестянщиков разворачивается».

Так и прилепился к Прохору Палычу этот титул.

А тем временем в артели дела пошли по новым рельсам. Трое поехали в командировку за формовочной глиной, трое работали над ящиками-станками для отливки ложек, трое вели экспериментальные работы, имея под руками пять килограммов алюминия, и переливали алюминий из пустого в порожнее, а остальные трое переоборудовали горн и мехи. Сам Прохор Палыч выехал в Москву на поиски алюминия, пробыл там два месяца, прислал оттуда двадцать четыре телеграммы и получил двадцать девять. В артели вскоре уже была закончена перестройка, и все ждали председателя. Наконец прибыл Прохор Палыч и привёз только двадцать килограммов алюминия.

— Ну что ж, — сказал Прохор Палыч, — начнём, а там видно будет.

И начали. Сначала выходило плохо: ложки получались ломкие, с острыми краями. Наконец всё-таки наладили дело: ложка модели «Л-2» пошла в ход. Но... запас алюминия иссяк.

Кончался год. Ложки делать перестали из-за нехватки материала, а к кружкам не приспособлено производство, перестраивать надо. Так и не получилось в том году ни кружки, ни ложки.

Ну, а дальше что? Дальше Прохор Палыч пятнадцатый раз раскаялся, получил третий выговор и остался без работы. Секретарь райкома вызвал Недошлёпкина и говорит:

— Кажется, Самоваров никудышный руководитель — неуч и зазнайка. Он стоит на пороге из партии, случайный человек.

Но нет! Недошлёпкин — уже постаревший, облысевший, уже беззубый — защитил, не дал в обиду. Не исключили. Три месяца или, может быть, четыре Прохор Палыч был без работы. Несколько раз заходил к Недошлёпкину, ожидал, как в прежние счастливые годы, волшебных слов, но тот указывал пальцем на райком и говорил шёпотом:

— Не велит.

— Так, значит, как же? — спрашивал Прохор Палыч.

— Да так...

— А всё-таки как?

— Так себе.

— Значит, ничего?

— Да как сказать!

— А что — как сказать?

— Обыкновенно! — вздыхал начальник.

И каждый раз на этом кончалось. Казалось, попал в тупик Прохор Палыч.

Но внезапно что-то случилось с секретарём райкома по семейным обстоятельствам, и он уехал из района. Ведь и с ним всё может случиться, как с любым человеком. Это ведь в романах только секретари райкомов не страдают, не любят, не хохочут, а только, знай, руководят. А в жизни они такие же люди, и с ними всё может случиться: может и жена заболеть, и сам даже может заболеть, и даже — даю честное слово! — может и влюбиться. Конечно, мне скажут: «Не может быть, чтобы секретарь райкома да влюбился! Не бывает!» Вот и поговори с ними!.. Бывает, товарищи, что там греха таить! Бывает и так: напихают полный роман либо железа, либо дров, либо машин всяких, а читатель ходит-бродит, бедняга, меж всего этого и ищет людей: не читатель, а искатель какой-то получается. Не спорю, иной читатель, конечно, с первого прочтения находит тропки, делает зарубки для приметы, чтобы не заблудиться обратным ходом; потом вернётся назад, прочитает ещё другой, третий раз — смотришь, разберётся, что к чему.

А насчёт секретарей райкомов повторяю: всё с ними бывает, как с любым человеком, а не только так, как в романах.

Убедил я или не убедил — как хотите! — но только старый секретарь райкома уехал, а новый приехал. Был он такой: в коричневом костюме и при галстукe (обратите внимание: без чёрной гимнастёрки и без жёлтого широкого пояса), росту обыкновенного, среднего, русский, круглолицый, весёлый, любит в городки поиграть и в шахматки сыграть; ребятишки у него есть (двое), и мальчишка его забегает к нему прямо в райком, посмотрит, нет ли заседания, и сообщает: «Папа, мы чижа поймали».

Одним словом, Попов Иван Иванович приехал.

Недошлёткин — к нему. Так, мол, и так: в колхозе «Новая жизнь» шестнадцатый по счёту председатель оказался не того, заменять надо. Для укрепления.

Поехал Иван Иванович туда раз, поехал два, посмотрел, посмотрел: правда, заменять надо. И говорит Недошлёткину:

— И ваша вина есть в том, что в колхозах такая свистопляска с председателями: что ни год, то новый председатель. Большая вина!

— Признаю, — соглашается Недошлёткин — Каюсь! Ляпсус. Все силы брошу на исправление ошибки. Всё, что от меня лично, приму... Действительно, ляпсус... Но без председателя колхоза не может быть колхоза, ибо колхоз до тех пор колхоз, пока он колхоз, но как только он перестаёт быть колхозом, он уже не колхоз. (Подобный способ мышления — явное влияние его ученика Прохора Палыча. Ясно.)

Задумался Иван Иванович: видно, не верит Недошлёткину. Но что поделать, если кадров района ещё не знаешь, а требуется председатель колхоза! Конечно, приходится обязательно советоваться пока с Недошлёткиным. А тот разгадал мысль секретаря и говорит:

— Моя ошибка тяжела... Но мы можем быстро выправить: есть у нас толковый, опытный товарищ, повезёт! Правда, у него в артели жестянщиков — не того, но причина всё же в неплановом снабжении артелей, и вопрос не нам решить — надо ставить гораздо выше, так как в районном масштабе алюминия нет, а ложка «Л-2» требует алюминия чистого, как слеза грудного младенца.

— Кто же это такой? — спрашивает Иван Иванович.

— Товарищ Самоваров, — сообщает Недошлёткин.

Так на червых порах Иван Иванович и допустил ошибку.

Вызывают Прохора Палыча в райком.

— Говорите честно, — обращается к нему Иван Иванович, — справитесь ли вы с работой председателя колхоза? Работа трудная и ответственная.

Прохор Палыч думает и сморкается: ждёт, когда будут произнесены заветные слова, единственные, которые он сразу понимал. Нет этих слов! А вопрос висит в воздухе!

— Ну, так как же? — повторяет секретарь.

И Прохор Палыч, руководствуясь чутьём, развитым многолетним опытом, проделывает следующее: смотрит вниз и в сторону, глубоко-глубоко задумавшись, вздыхает, несмело поднимает глаза на секретаря и говорит тоже задумчиво:

— Товарищ секретарь райкома! Слишком мне тяжело сознавать, что я имею три выговора... (В этом месте он чуть-чуть взвыл.) Я понимаю, что четвёртый выговор столкнёт меня с кривой. Со всей ответственностью беру на себя колхоз и, я думаю, выправлю его и вправлю ему линию в передовые...

Иван Иванович, не ведая дипломатии, сказал:

— Мне кажется, что чистосердечное признание своего положения прибавит вам силы.

Всё! Для Прохора Палыча было всё-всё понятно.

А Иван Иванович сомневался, и что-то его скребло внутри, но он подумал: «Кадры! Не могу я за две недели узнать кадры».

Недошлёпки так разукрасил Прохора Палыча на общем собрании колхоза, так расхвалил, такие гимны пропел его талантам, а Никишка Болтушок такую речь закатил, что даже шапку потерял, и её растоптали в лепёшку, — так они оба воспевали Прохора Палыча, что того и в колхоз приняли, а потом и председателем выбрали.

Так Прохор Палыч занял свой семнадцатый пост и стал семнадцатым председателем в колхозе, а отсюда и полный титул пошёл: «Прохор семнадцатый, король жестянщиков».

3

Теперь уж я видел Прохора Палыча почти ежедневно. Мы всё ближе и ближе сходились с ним и наконец сошлись настолько близко, что он однажды мне сказал:

— Фу, ты! Обязательно ему надо культивировать пар за двенадцать — пятнадцать дней до сева! Небось, и после закультивируем — денька за два-три.

Я возражал, горячился, целую лекцию об озимых ему прочитал, книгу академика Якушкина ему совал в руки.

— На, прочти!

— Лично я не видал твоего Якушкина. Я, Самоваров, думаю — за два-три дня.

Я не сдавался.

— Не позволю! (Это я-то так позволил себе сказать Прохору Палычу, и откуда смелость взялась!)

— Что-о-о?! — закричал он. — Пошёл к чёрту, химик!

— Не оскорбляйте!

А он отвечает:

— Характер у меня такой прямой. Как штык. Помогать — вас никого нету, а раздражать человека у руководства вы можете.

— Да я же и хочу помочь вам понять агротехнику!

— Пошёл бы ты с такой помощью! У меня свиньидохнуть начали, а тебе вот выложи: за пятнадцать дней! Тьфу!

— Вы ж, — говорю, — не понимаете агротехники! Нельзя так!

Прохор Палыч отвернулся, не желая продолжать разговор, и куда-то в сторону буркнул:

— Столько, сколько ты знаешь, я давно забыл больше.

Что должен делать после этого агроном? Конечно, ехать в район.

Запрягли Ерша в линейку, приезжаю к Недошлѣпкину. Так, мол, и так, говорю, ничего не понимает, оскорбляет непотребными словами... Угробим осенний сев...

— А вы добейтесь своего, — отвечает Недошлѣпкин, — и закультивируйте, если действительно надо! Если же можно обождать дня два-три, то уступите по-человечески! У Самоварова мало опыта в руководстве колхозом, ему надо помогать. Правда, прямота у него в характере есть, за словом в карман не полезет. Постарайтесь помириться с ним, он человек сходчивый и самокритичный.

— Так он же меня слушать не хочет!

— Постарайтесь сделать так, будто между вами ничего не было: общее колхозное дело дороже личных отношений. Мы, безусловно, должны забыть всё личное.

Ехал я обратно тихонько, шажком, и пробовал пробрать себя самокритикой до корней, но, как ни бился, даже Ерша останавливал несколько раз, ничего не получилось. Наверно, всё-таки не освоил ещё самокритику на всю глубину. Тут бы и надо Недошлѣпкину сказать: «Признаю ошибку!», потом приехать в колхоз и — к Прохору Палычу: «Признаю», и руку ему подать: «На! Держи! Навечно! Пошли мировую выпьем по двести!» А вот не умею. Но зря! Именно тогда бы меня подняли на шит и говорили бы: «С таким работать можно — сходчивый и самокритичный агрономиска».

Пар всё-таки закультивировали: воровским путём, ночью.

А ещё раньше, весной, получилось даже чище. Приезжаю в бригаду, а там сеют кормовую свѣклу. Не там сеют, где намечено производственным планом, — не по глубокой зяби, а по весновспашке, предназначенной под силос.

— Кто позволил? — спрашиваю я.

— Председатель приказал, — отвечает бригадир Пшеничкин. — Целый час спорил с ним. Тьфу!

Смотрим, Прохор Палыч мчитсѧ к нам: жеребец — в лентах, тарантас — в ветках. Подъезжает и сразу грозно:

— Почему простой механизма допущен?

— Я запретил, — говорю.

— Тебя убеждать надо или не надо?

— Говорите!

— Как ты думаешь, — снисходительным тоном начал он, — ходишь женщинам полоть лучше за три километра от села или за полкилометра? Тут, — потопал он ногой по земле, — тут — полкилометра, а зябь — за три километра. В организации труда ты что-нибудь смыслишь или нет?

Я стараюсь объяснить ему поспокойней:

— По весновспашке свѣклы не будет. Не бывает никогда хорошей свѣклы по весновспашке нигде, а у нас, в засушливом районе, никакой свѣклы на этом месте не будет. Не взойдѣт она, и полоть-то нечего будет.

Пробовал растолковать, как устроено семя свѣклы, говорил, что всходы её очень слабые, рассказывал, сколько воды требуется для семени свѣклы, но Прохор Палыч до конца не дослушал, подошёл к трактористу и сказал:

— Я думаю, сеять будешь.

— Нет, — вмешался я, — сейчас надо ехать на зябь и посеять там.

— Ка-ак! — вскричал Прохор Палыч. — Подменять руководство?! Кто позволит? Приказываю!.. А из тебя, — обратился он к трактористу, — щепки сделаю! А тебя, — повернулся он к бригадиру, — как бог черепуху! А... — и он круто повернул ко мне весь корпус.

— Меня,— говорю,— ни боже мой! Я — химик!

— Хуже! — воскликнул он, ударив себя обеими руками по галифе.—
Астроном! Мошенник!

Так я понял, что астрономы гораздо хуже химиков.

И зачем, собственно, я всё это записываю? По плану обещал описать, как Прохор Палыч руководил колхозом, а пишу чёрт знает что! Хотя нет: постепенное сближение и содружество Прохора Палыча с агрономией тоже заслуживает внимания. В общем, и агроном с бригадирами к нему приспособились: они просто обманывали его для пользы дела.

Меня спросят: «А свёкла как же? Где посеяли?» Отвечаю: по зяби посеяли. И очень просто. Подхожу я к нему и говорю:

— Характер у вас сильный... Сказал — крышка!

— Я так: надумал — аминь! — И улыбается. Отошёл, значит, нутром.

— Езжай,— говорю я трактористу, а бригадире подмаргиваю, так как тот всем видом протестует против продолжения сева на этом месте.

Прохор Палыч благополучно отбывает и скрывается из виду, а мы... переезжаем на зябь.

Заметил он это не скоро, через месяц, и сказал:

— Ну и ловка! Ну и мошенник! За этим смотри да смотри!

Так пришло к Прохору Палычу убеждение, что все агрономы — мошенники, все бригадиры — жулики, а он один-единственный руководитель, и ему никто не помогает. Трудно всё-таки быть председателем колхоза!

Но всё это произошло несколько спустя после начала руководства Самоварова колхозом. Это отступление сделано потому, что вопросы агрономии превыше всего, с них и надо начинать. Дальнейшее описание жизни Прохора Палыча в колхозе пойдёт уже по порядку.

Ещё в первые дни пребывания на посту председателя Прохор Палыч собрал бригадиров и изрёк:

— По вечерам нарядов давать не буду.

— А как же нам быть? — спросили все сразу.

— Утром — наряд, вечерами и ночами — заседания. Что я, Самоваров, не знаю разве, как руководят районные работники? Не первый год! С кого пример брать? С вас, что ли?

Попервоначалу стали возражать, перечить, да ещё вздумали доказывать. Потом и бригадиры, конечно, вошли в понятие, а тогда, представьте себе, упирались. Прохор Палыч для доказательства твёрдости характера даже выражаться стал всякими чёрными словами, а в заключение обмяк и завершил:

— Соображение-то у вас есть или нет? Как можно с вечера давать наряд? А вдруг да умрёт кто за ночь — допустим, тётка какая,— а на неё наряд дали: что это будет? Срыв, полная анархия. Я думаю и полагаю, что наряд давать будем только утром.

Когда же бригадиры разошлись, он говорит мне:

— Вот они, работники! Видал? С первых шагов на подрыв пошли. Ну, я перестрою — выбью из них дурь. Не первый год на руководящей! С этими, верно, на руководишь...— Он будто задумался, а потом добавил: — Менять надо, всех менять! Вот маленько разберусь и поменяю. А эти, видать, жулики и воры. Видал? Тот, чубатый, всё улыбается, а тот — всё волком смотрит.

Ну, раз уж сам Прохор Палыч заговорил на первых порах о бригадирах, то и нам следует с ними поближе познакомиться, иначе описание жизни председателя не будет ясным.

Бригадиров в колхозе трое: Пшеничкин Алексей Антонович, Катков Митрофан Андреевич и Платонов Яков Васильевич. Все они очень старательные, хозяйственные, хорошие руководители бригад, почти непьющие, но характеры у них разные. Пшеничкин живёт так, будто

радуется вечно и полон радужных надежд; Платонов — человек практического ума и иногда говорит: «Надо изживать недостатки, а не только говорить о хорошем»; Катков — это человек быстрый и в работе и в мыслях: он в уме может моментально такие цифры помножить, что диву даёшься!

И возраста все трое разного: Пшеничкину — двадцать семь, Платонову — шестьдесят, а Каткову — сорок два.

Пшеничкин — белокурый, кудрявый, голубоглазый, фуражка — набок, чуб над виском, и всегда верхом в седле: с самого раннего утра и до позднего вечера, а в уборку — и ночью.

Платонов, несмотря на почтенный возраст, ни бороды, ни усов не носит, всегда чисто выбрит, волосы, совсем седые, зачёсывает назад, ездит только на дрожках.

У Каткова — лоб высокий, нос тонкий, лицо симпатичное, весёлое, с шустрыми чёрными глазами. Этот никаких средств передвижения, кроме мотоцикла, не признаёт и признавать не желает.

И вот смотрите! Разные люди, совсем-совсем разные, во всём разные, а как они одинаково сильно любят своё дело, сколько работают! Летом по семнадцать-восемнадцать часов в сутки в труде

Где-то вы теперь, мои дорогие друзья-бригадиры! Радостно мне услышать ранним утром, перед восходом солнца, песню Алёши Пшеничкина; больно вспомнить, как он плакал над просом, которое побил град; приятно вспомнить, как его голубые глаза внимательно смотрели на меня на зимних занятиях по агротехнике! С благодарностью помню и наши беседы на отдыхе и мудрость Якова Васильевича Платонова. Вихрем бы промчался теперь с Митрофаном Андреевичем Катковым по шляху на его мотоцикле, а остановившись у комбайна, вместе помогли бы молодому комбайнеру пустить в ход машину. Всё знает этот Катков! Умница!

Урчат ли тракторы, грохочут ли комбайны «Сталинцы», мчитесь ли юркий самоходный «С-4», слизывая глаза внимательно смотрит ли плуг пласты чернозёма, гремит ли молотилка, полют ли посева, сеют ли, веют ли — везде, везде они, бригадиры Мои верные соратники, с какой охотой написал бы я сейчас и о вас, но — что поделаешь! — пока приходится писать о Прохоре Палыче Это очень-очень нужно!

А дни у Прохора Палыча пошли беспокойные.

Утром он встал, прочитал листок календаря, оделся и пошёл в правление давать наряд.

— Все в сборе? — спрашивает он, чинно усаживаясь за стол.

— Все, — отвечают бригадиры хором.

— Та-ак. С чего начнём?

— Да у вас, небось, план имеется, — улыбается Катков.

— Имеется: все в поле, как одна душа! Кто нарушит трудовую дисциплину — дух вон!

— А мне надо подвезти корм лошадям: три подводы, — говорит Пшеничкин.

— Мне надо в лес за дубками для крытого тока: две подводы, — заявляет Платонов.

— У меня в поле сегодня пойдёт только десять человек, а остальные — на огород, — подаёт голос Катков.

— Так Я, Самоваров, выслушал и говорю: борьба за урожай — первое дело. Меня, Самоварова, избрали выправить, а не распылять. Все в поле!

И началось! Спорить, кричать, доказывать! Пшеничкин, красный, как варёный рак, кричал, что лошади подохнут, что он отвечать не будет, что лошадь — не мотоцикл и не автомобиль, в неё бензину не нальёшь, что ей требуется не бензин, а рацион зоотехники, и что он вообще не

понимает, как понимать непонятное. Катков скороговоркой резал, что огород — это деньги колхоза, что всё надо делать планоно.

Платонов молчал и думал.

Проход Палыч слушал, слушал всё это, да ка-ак стукнет кулаком по столу:

— Всем в поле! Во всех справочниках и календарях написано — борьба за урожай, борьба за хлеб и тому подобно. А вы с капустой, с дубками, с лошадями своими лезете! На подрыв пошли! Не позволю!

Платонов молчал и думал. Потом все трое сразу вышли. Алёша Пшеничкин с досады настёгивал себя по сапогу плетью, Катков выскочил пробкой и стукнул дверью, а Платонов вышел спокойно, будто ничего особенного не произошло.

Время шло. Уже одиннадцатый час дня, а народ слонялся по двору вокруг ирания, многие сели на травку, курили и балагурили; воли и лошади стояли запряжёнными, ездые сидели, свесив ноги и греясь на солнышке, как заправские лентяи. Никогда такого не было в колхозе «Новая жизнь», а тут получилось... Вот вышли бригады из правления, а народ — к ним: «Что ж, мол, это такое? Какой наряд?»

— Не знаю,— сказал Пшеничкин

— Чёрт его знает! — сказал Катков.

— Все в поле! — сказал Платонов, увидев выходящего Прохода Палыча.

Раздались возгласы.

— А чего в нашей бригаде всем делать в поле? Капуста пропадёт.

— Убирать скоро, а в нашей бригаде крытый ток не закончен. В лес надо

Проход Палыч всё это слышал. Он сразу понял, откуда ветер дует, и сказал бригадам:

— Вот, полюбуйтесь на вашу дисциплину! Двенадцатый час, а у вас люди лодырничают. Развалили колхоз, проходимцы вы этикие! Да ещё и массу подстроили на меня, слова-то говорят ваши! Слышь: о капусточке да о дубочках. Эт-то мы учтём!

Тем временем, пока народ волновался, Платонов сказал двум другим бригадам:

— Зайдёте-ка на конюшню да посмотрим, что там сделать: пора, наверно, мазать её.

Проход Палыч упёр руки в бока, расставил галифе во всю ширину крыльца и решил наблюдать, будет ли выполнен его наряд, а бригады вошли в конюшню. Там Платонов и говорит:

— Алёша! Ты садись на меринка и — за село встречай и направляй своих, куда следует; а ты, Митрофан Андреевич, садись на мотоцикл и — на огород: встречай своих и моим скажешь, а я догоню помаленьку на дрожках. Но из села выходить всем только в поле. Понятно?

— Есть! — ответили оба и повеселели.

А Катков, проходя мимо председателя, успокоил его:

— Всё будет исполнено в точности по вашему наряду!

Проход Палыч был очень доволен, что он повернул руль руководства на полный оборот, и, возвратившись, сказал счетоводу:

— Ничего-о! Повернём ещё круче! А тебе вот что скажу: ты мне приготовь сведения к вечеру.

— Какие сведения?

— Сколько коров, лошадей, свиней, птицы разной и прочих животных; и притом на малюсенькой бумажечке, чтоб на ладонь улеглась. Понял? Случаем, если доклад — всё под рукой.— И Проход Палыч накрыл ладонью воображаемую бумажку.

Счетовод был человек пожилой, лет пятидесяти пяти, в очках с то-

ченьким блестящим ободком, полный, но очень живой и подвижной и весьма сообразительный, как и все колхозные счетоводы. Зовут его Степан Петрович. Он пережил уже шестнадцать председателей и толк в них знал очень хорошо. Спорить с Прохором Палычем он не стал, а заверил:

— Будет исполнено в точности!

— Во! Это по-моему! Люблю!

Микроскопическими цифрами исписал Степан Петрович листок из блокнота и, передавая его Прохору Палычу, почему-то улыбался.

— Тоже, наверно, жук! Чего ухмыльнулся?

— Никак нет, не жук. Херувимов Степан Петрович.

— То-то, что Херувимов... М-м-да... Фамилия — того...

Один раз, правда, удалось Прохору Палычу отчитаться по животноводству с этой шпаргалкой, но потом засыпался: о чём ни скажет — всего, оказывается, на самом деле больше, а в бумажке, что под рукой, — меньше. А дело в том, что свиньи поросились, коровы телились, лошади жеребились — всего прибавлялось. Задумался он: как же наладить учёт?

Степан Петрович советует искренне:

— Каждый раз надо брать у меня новые данные и проверять в натуре.

Хоть и подозрительная фамилия у этого счетовода, но Прохор Палыч попробовал делать так. Всё-таки счетовод, а не агроном какой-нибудь.

Однажды вызывают Прохора Палыча с докладом по животноводству. Выписал ему Степан Петрович всё, как полагается, и пошёл он проверять в натуре. Приходит на свинарник:

— Сколько свиней?

— Сто одна.

— Так. Правильно. А сколько поросят?

— Двести.

— Брешешь! У меня записано сто восемьдесят два.

— Так ночью две свиноматки опоросились.

— Фу, чёрт! И надо им пороситься тут, в самое это время, будь они неладны!

Пошёл в телятник.

— Сколько телят?

— Семьдесят.

— Брешешь! У меня — семьдесят два. Почему, спрашиваю, меньше на два головонья? Зарезали телков, мошенники!

— Да нет же, нет, — взмолилась телятница. — Двух бычков-то сдали, а документа нет целую неделю, вот они и не списаны. Степан Петрович без документа не спишет. И списать невозможно: должны числиться, мы понимаем.

— Документ, документ! — перебил Прохор Палыч. — Я вам покажу документ! А ну, давай считать в натуре!

Накинули перегородку поперёк телятника, как при ревизии, и стали выпускать во вторую половину по одному.

— Раз, — считает Прохор Палыч, — два, три... десять, пятнадцать... Кажись, один просочил... Двадцать... Будь ты неладно, в носу зачесалось. Не к добру... Двадцать пять... Воздух тут — того... В носу свербит...

Он вынул платок и высморкался по своему обычаю: ка-ак ахнет во всю трубу! Что тут сотворилось! Телята шарахнулись, сбили перегородку, взревели испуганно, истошно — и все перемешались.

Телёнок — животное нервное, хотя он и дитя коровы, телёнок совершенно глуп и ровным счётом ничего не понимает насчёт руководства, но Прохор Палыч обиделся и, плюнув, выразился так:

— Чтoб вы попередoхли, губoшлѣпы! Телятcя, телятcя без удержу, никакoгo стабилу нет, да ещѣ и не сморкнись. Подумаеть! Дерьмо!

И ушѣл.

Но надо же вникнуть в животноводство, в самую глубь? Надо. Пришѣл он в правление, сел в кресло и задумался: «Обязательно им надо пороситься, жеребиться, тельиться... куриться!» Тут что-то такое мелькнуло в голове Прохора Палыча, какая-то не то мысль, не то блоха. «Что же такое у меня мелькнуло? — думает.— Вот, мелькнуло и нет... Никогда в голове ничего такого не мелькало, а тут вдруг — нá тебе! Уж не помрачение ли у меня?.. А мелькнуло всё-таки.. Ага! Догадался! Слово неудобное: куриться! — И дальше думает: — Как это — куры: курятся или как? Оптичиваются? Нет. Петушатся? Не слыхал. Этого слова при людях говорить не надо!»

В самом деле, чѣрт их знает, как они — куры, когда Прохор Палыч сроду с ними не имел никакого дела! И вообще в сельском хозяйстве чепуха какая-то! Другое дело какой-нибудь завод или мастерская — там так: есть станок — есть, есть сто станков — есть. Крышка, эти уж отелиться не могут! Мысли, конечно, тяжѣлые, но правильные. Но как найти выход? Ужели ж самому за всем и следить, проверять, ходить по этим телятницам, поросятницам, курятницам?

Однако выход он нашѣл: при всяких отчѣтах и докладах просто прибавлял поголовье на несколько десятков: «Небось, отелились! А не отелились, так отелятся, — эта чѣртова скотина, она такая». Так что с этим вопросом Прохор Палыч вышел из положения, как и подобает человеку, имеющему опыт руководства.

Но дни наступали всё беспокойнее и беспокойнее. Что и говорить — это не у жестянщиков! Тому подпиши, тому выпиши, тот с заявлением лезет, этому усадьбу дай, тот аванс просит, а тот лезет: «прими телка под контрактацию», будто своих мало. Там на свиней болезнь напала, там, говорят, какие-то суслики где-то что-то едят, тут трактористы донимают, агрономы не дают покоя, землеустроители... Всё завертелось. Где там в поле попасть, когда тут пропадѣшь! И Прохор Палыч уже подписывал на ходу, не глядя, что подписывает, совал заявления в карман и отвечал: «Сделаем — я сказал», но заявления накапливались пачками. А тут — ещѣ новости! — зоотехники навалились и давай и давай точить — то за свиней, то за овец! Дошло до того, что Прохор Палыч одной рукой обедает, а другой подписывает ч всё-таки ничего не успевают сделать, хотя руль повернул на полный оборот. Сказать, чтобы он растерялся, — нельзя: вид у него не такой. Трудно, очень трудно! Не будь водки — пропал бы человек ни за грош! Но он даёт себе отдых: норму свою принимает, и всё идѣт нормально — и в полеводстве и в животноводстве, — несмотря на большую нагрузку.

Зато есть у него точка опоры в руководстве. Есть! Четыре раза в неделю он созывает расширенные заседания правления, заслушивает отчѣты о работе за прошедшие полтора дня и выносит развѣрнутые решения. В этом он незаменим, и все нити руководства у него в руках.

Для примера возьмѣм одно заседание — очень важное заседание, если говорить без шуток.

Пять часов дня. Близится вечер. Бригады бросили поле и прискакали в правление по срoчному вызову через нарoчного. Прохор Палыч даёт распоряжение:

— Расширенное заседание назначаю в семь! Так и объявите! Чтобы все были ровно в девять! Немедленно сообщить всему руководству животноводства, строительства и подсобных предприятий: каждый с докладом. Всѣ!

И пошли бригады по двoрам уже пешим ходом.

В тот вечер я сидел у Евсеича на диванчике и почитывал. Сам Евсеич плёл вентерь и подпевал тихонько, а Петя писал что-то за своим столом и не давал покоя старику:

— Как, говоришь, дедушка? «Богом данной мне властью» и...

— Вот пристал! Ну, «богом данной мне властью мы» — не я, а мы, — «мы, царь польский и князь финляндской и проча, и проча, и проча»...

— А вместо «проча» не писали «и тому подобное»? Терентий Петрович говорит, что можно «и тому подобное».

— Нет, не писали: писали «и проча». Да на что это тебе потребовалось? И всё ему надо. На кой ляд тебе, как цари писали?

— Для истории, дедушка! — отвечает Петя, а сам ухмыляется.

— Ну, для истории — валяй!

В это время вошёл Платонов и объявил мне о заседании правления.

— Опять?

— Опять, — махнул он рукой. — Пропали, не спавши! Аж кружение в голове... Одним сторожам только и покой ночью, не трогает пока.

Из хаты мы вышли вчетвером: Платонов и я — на заседание правления, Евсеич — на пост, сторожить, а Петя нырнул в калитку к прицепщику Терентию Петровичу (о котором речь впереди). Потом Петя появился в правлении, снова исчез и наконец смиреннько уселся в уголке на полу. Когда мы шли на заседание, Платонов спросил Евсеича:

— Отнёс?

— Сдал самому Ивану Иванычу и от себя добавил на словах.

Приходим в правление. Народ начинает помаленьку собираться. Усаживаются. Однако избегают садиться на скамейки, а больше — вдоль стен, на полу, и даже между скамеек. Это для того, чтобы удобно было во время заседания поспать, свернувшись калачиком или привалившись головой к соседу. Докладов намечено чуть ли не десять и, кроме того, разбор заявлений, которые лежали перед Прохором Палычем, как стопка вчерашних блинцов, с обтрёпанными и завернутыми краями. На столе председателя стоял колокольчик, снятый с дуги: для наведения порядка. На свадьбы Самоваров, правда, продолжал его давать и сам охотно там присутствовал, но чтобы на следующий день колокол снова был на месте.

Колокол оглушительно прозвонил, кто-то тихонько сказал: «Поехали!», а Прохор Палыч объявил:

— Расширенное заседание совместно с руксоставом колхоза «Новая жизнь» считаю открытым. По первому вопросу ведения слово предоставляется мне лично. Товарищи! Сегодня мы, собравшись здесь, заслушаем весь руксостав, рассмотрим весь колхоз. Вопрос один: укрепление колхоза и путь в передовые. В разных, могущих быть возникнутыми, — разбор заявлений. Порядок докладов продуман: первый — бригадир полеводческой бригады товарищ Платонов...

— Подвезло тебе, Яков Васильевич, — вздохнул Катков, — отчитался — и на сон, под лавку.

Прохор Палыч брякнул колоколом и продолжал перечислять порядок докладов.

— Завкладовой, птичница, телятница, все конюха, затем остальные бригады. Слово для доклада даю товарищу Платонову. Вам час даётся.

— Не надо мне час.

— А сколько?

— Нисколько.

— Как так?

— Очень просто. Нечего мне говорить — вчера докладывал. Вы должны знать и так, без доклада.

— Я без тебя знаю, что я должен знать. И знаю всё. Но порядок такой: в докладе должен сообщить, и внутрь глянуть, и вывернуть всё на самокритику. Давай!

— Всё у меня благополучно.

— А я говорю, докладывай! Не мне докладывай — народу! Вот они!

И Платонов скрепя сердце, нудно, непохоже на самого себя, стал отчитывать, как дьячок. И голос-то у него сделался какой-то унылый, и речь несвязная, а всё-таки говорил. Стоит ли перечислять то, о чём он говорил, и так надоело!

Прохор Палыч заставлял говорить одного докладчика за другим и думал: «Я их раскачаю! Заговорят, как миленькие, разовьются!»

Катков шепнул Пшеничкину:

— Тебе, Алёша, дать, что ли, поспать сегодня? Твой доклад в самой середине, беда тебе неспавши!

— Дай, пожалуйста, Митрофан Андреевич! Умру без сна — четвёртые сутки!

— Часа на два — могу, а больше — дару вряд ли хватит, Алёша.

— И на том спасибо! Мне больше и не надо. Я, может, до полночи ещё прихвачу немного.

И около двенадцати часов ночи, когда Прохор Палыч выкликнул фамилию Пшеничкина, тот безмятежно спал, свернувшись калачиком в углу, а около него сидел и бодрствовал Катков. Когда он услышал слово «Пшеничкин», то встал и сказал:

— Мой доклад, Прохор Палыч, а не Пшеничкина, ошибочка произошла. И к тому же я приготовился.

Любил такие передовые выступления Прохор Палыч и поэтому сказал:

— А может, и ошибка, тут голова кругом пойдёт. Давай!

И Митрофан Андреевич принялся «давать». Он рассказал о плане Волго-Дона, остановился на учении Вильямса, загнул о происхождении жизни на земле по двум гипотезам, коснулся трактора и описал все детали его по косточкам: лишь бы Алёша спал подольше. О работе своей бригады он почти ничего не говорил, но все, кто ещё не успел заснуть, слушали его с удовольствием, а многие даже проснулись. Алёша спал сном праведника до двух часов ночи. Наконец Катков закончил:

— И так, на основе мичуринского учения, моя бригада и работает. Всё!

— Весь высказался? — спросил Прохор Палыч.

— Могу и ещё, но устал, — ответил докладчик и с сожалением посмотрел на кудри Алёши Пшеничкина, раскинувшиеся на полу.

— Следующий!

Уже перед рассветом, когда загорланили по всему селу третьи петухи, приступили к разбору заявлений. Прохор Палыч обратился к бодрствующим:

— Будите! Начинаем заявления.

— Да какие же заявления? Рассветает!

— Хоть десяток, а разберём. Будите!

Народ зашевелился, закашлял, закурил, раздались сонные, но шуточные голоса:

— Вставай, Архип, петух охрип! Белый свет в окне, туши электричество!

— Аль кочета пропели? Скажи, пожалуйста, как ночь хорошо прошла! Можно привыкнуть спать вверх ногами.

— Завтра работнём, ребятки, спросонья!

— Не завтра, а сегодня.

Рывкнул колокол. Прохор Палыч объявил:

— Первое заявление разберём от Матрёны Чуркиной. Просит подводу — отвезти телушку в ветлечебницу. Читай подробно! — обратился он к счетоводу.

— Чего там читать! — сказал спросонья Катков (он тоже чуть-чуть прикорнул перед светом). — Чего читать! Телушка — месяц, как скончалась.

— Как это так? — спросил председатель, синий от бессонницы.

— Да так — подохла. Покончилась — и всё! Не дождалась.

— Как так скончалась? Заявление подала, а померла... То есть того... Зачем тогда и заявление подавать?..

— Не Матрёна, а телушка, — вмешался Пшеничкин.

Но Прохор Палыч смутно понял, что в результате ночных бдений у него вроде всё перепуталось.

— Ясно, телушка, — продолжал он, поправляясь. — Товарищи! Телушка до тех пор телушка, пока она телушка, но как только она перестаёт быть телушкой — она уже не телушка, а прах, воспоминание. Товарищи! Поскольку телушка покончилась без намерения скоростижной смертью, предлагаю выразить Матрёне Чуркиной соболезнование в письменной форме: так и так — сочувствуем...

Алёша Пшеничкин не выдержал и крикнул:

— К чертям! Матрёне телушку надо дать из колхоза: беда постигла, а коровы нет!

— Сочувствую! Поддерживаю, — ответил Прохор Палыч, — но без санкции товарища Недошлёткина не могу.

— Всегда так делали, всю жизнь помогали колхозникам в беде! — горячился Алёша. У него, и правда, почти вся жизнь прошла в колхозе. — Всегда так делали, а при вас — нельзя. Жаловаться будем в райком!

— Жаловаться в райком! — повторил Катков.

— Жаловаться в райком!! — поддержал Платонов.

— Жаловаться в райком!!! — крикнули сразу все, сколько было.

Прохор Палыч громко зазвонил колоколом, восстановил порядок и спокойно сказал:

— Жалуйтесь! Попадёт жалоба первым делом товарищу Недошлёткину, а я скажу ему: «Вашей санкции на телушку не имел». Всё! Этим меня не возьмёшь! Давай следующее заявление! Читай! — скомандовал он счетоводу.

Степан Петрович взял заявление из пачки, надел очки на кончик носа и приспособился было читать, но вдруг прыснул со смеху, как мальчишка, и сказал:

— Извиняюсь, нельзя читать! Невозможно, Прохор Палыч. Сначала сами прочитайте! Обязательно! Здесь для вас одного написано...

— Приказываю: ч и т а й!

И Прохор Палыч откинулся на спинку кресла, а от досады и на телушку, и на бригадиров, и на всех сидящих здесь решил про себя: «И слушать не буду: пусть сами разбирают! Посмотрим, как без руководства пойдёт заседание: раскричатся, да ещё и передерутся. Не буду и слушать!» И правда, он сперва не вслушивался, а счетовод — шестнадцать председателей пережил — не стал возражать и читал:

«Ко всему колхозу!

Мы, Прохор семнадцатый, король жестянщиков, принц телячий, граф курячий и прочая, и прочая, и прочая, богом данной мне властью растранжирили кладовую в следующем количестве: «ко-ко» — две тысячи, «бе-бе» — десять головодней, «хрю-хрю» — четыре свинорыла. И ещё молимся, чтобы без крытого тока хлеб наш насущный погноить! И призываю вас, аккурат всех, помогать мне в моих делах на рукработе в руксо-

ставе! Кто перечить — из того дух вон! И тому подобно, подобно, подобно...»

— Сто-о-ой! — возопил Прохор Палыч.

Колокол звонил. Народ встал на ноги и надевал шапки в великом недоумении от королевского послания. Только Петя Федотов сидел в уголке смиренненько и, ничуть не улыбаясь, смотрел на происходящее.

— Что случилось? — спрашивали проснувшиеся.

— Где горит? — вскрикнул кто-то.

Прохор Палыч рванул бумажку из рук счетовода.

— Кто подписал? Дайте мне врага колхозного строя!!!

— Вы, вы... сами подписали! Ваша личная подпись стоит, — с напускным испугом говорил Степан Петрович. — Я же вам говорил, я предупреждал, я вас просил, но вы приказали. У вас же характер такой: сказал — крышка! Надумал — аминь!

Председатель остолбенел. Да и как было не остолбенеть? На послании «Ко всему колхозу» стояла его собственная подпись. Никто не мог бы скопировать извивающуюся змею вместо начального инициала «П», невозможно подделать семь колец буквы «С», а дальше — девять виньеток с двумя птичками и вокруг фамилии овал с прихвостьем ровно в тринадцать завитков. Ни один мошенник не может подделать подобной подписи или даже расшифровать её — это невозможно! Подписал он где-то на ходу, не глядя. Но кто, кто мог подсунуть? Где этот — тот самый, которого надо раздавить? Прохор Палыч махнул рукой, чтобы все ушли.

...Деятельность Прохора Палыча в колхозе продолжалась четыре месяца. Заседание, описанное выше, было в начале пятого месяца.

В понедельник утром Прохор Палыч собрался ехать в район с крамольным посланием, доказать, что ветер дует от бригадиров, разъяснить, что ему никто не помогает, а все идут на подрыв, и снять после этого всех троих сразу. Но вспомнил: понедельник — день тяжёлый, и отложил. Во вторник поехал — кошка перебежала дорогу.

— Чёртова живность! Чтоб тебе пусто было! Ещё попа недоставало... Этот если перешёл дорогу — то всё, вертайся назад! Не первый год, знаю.

Кошка испортила всё настроение, а оно и так в последние дни стояло на отвратительно низком уровне. Ехал он сумрачный, мыслей никаких не было, и в голове ничего не мелькало, кроме одной кошки.

И, странное дело, въехал Прохор Палыч в город, будто в чужой, а не в тот, что был много лет родным гнездом, где он многие организации и учреждения укреплял и где оставил по себе память на долгие годы.

Приехал и пошёл прямо к Недошлёткину, чтобы с ним уже идти к секретарю райкома. И снова не повезло — чёртова кошка! — Недошлёткина не было. Кабинет закрыт, а секретарь райисполкома говорит: «Не знаю где. Второй день нету». Не ехать же обратно — пошёл один.

Входит он в кабинет секретаря райкома, Ивана Ивановича Попова. Тот его встречает:

— А-а!

А Прохор Палыч и не знает, как понимать это «а-а!». Никогда такого разговора не было. Вынул платок, высморкался. Этому я сам был свидетелем, сидел в кабинете рядом с Петром Кузьмичом Шуровым, с которым я читателя уже познакомил раньше. Но Прохор Палыч не знал Петра Кузьмича и думал: «Свистун какой-то, никакого руководящего вида».

Достаёт Прохор Палыч «послание» и кладёт на стол. Иван Иванович берётся читать и... как захохочет! Хохочет, как мальчишка, снял пенсне и вытирает слёзы, аж подпрыгнул в кресле и за живот хватается обеими руками. Прохору Палычу показалось, что секретарь рехнулся умом или, во всяком случае, тронулся мозгами. Не может же так смеяться действи-

тельный секретарь райкома! Настоящий секретарь обязан смеяться так: «ха!» и подумать, потом ещё раз «ха!» и ещё раз подумать... А этот заливается слёзным хохотом.

— И подпись-то, подпись-то ваша! — почти умирая. хохочет Иван Иванович.

И Пётр Кузьмич хохочет. Закрыв глаза, одной рукой за русые волосы ухватился, а другой отмахивается, будто от мухи, и трясётся весь от хохота.

«Бьёт смех, как припадного!» — подумал Прохор Палыч и ничего — абсолютно ничего, ну ни единого нуля! — не понял из происходящего.

Отсмеялись. Пьёт воду Иван Иванович и передаёт стакан Петру Кузьмичу. Напились. Отошёл Иван Иванович к окну и смотрит в сад, помрачнел как-то сразу и спрашивает, не глядя на Самоварова:

— С этим и пришёл?

— Да. Один подрыв. Никто не помогает — один, как свечка, кругом. Всё сам! Чего сам не сделаешь, того никто не сделает. Мошенники и жулики все, особенно бригадиры: снимать надо. Согласовать пришёл.

А Иван Иванович будто и не слушает. Сел в кресло, смотрит в середину стола и говорит:

— Что мы наделали! Четыре месяца прошло!.. Ведь вы, Самоваров, что наворожали!.. Молокопоставки просто угробили, поставки шерсти сорвали, контрактацию молодняка проворонили. На носу — уборка, а у вас в двух бригадах нет крытых токов, погноите хлеб! Людей с ферм разогнали. Замучили всех ночными заседаниями. Ведь это ещё благо, что там золотые бригадиры, — хоть в поле-то всё благополучно, в чём вы, кажется, не повинны. Эх! Нам колхозники доверяют, а мы? Кого поставили, кого рекомендовали!

Прохор Палыч по своему опыту понял, что наступил момент признавать.

— Признаю! Тяжко мне сознавать всю вину! Допустил ошибку, большую ошибку! И она — вот где у меня! — Он стукнул трижды кулаком по груди, трижды высморкался, посопел, вытер сухие глаза и уже тихо произнёс, согласно надлежащему в этом случае правилу: — Признаю и каюсь!

А Иван Иванович говорит:

— Да не ваша ошибка, чучело вы этакое! Наша, моя лично!

Прохор Палыч встал и, расставив руки с растопыренными пальцами над галифе, попятился назад в полном недоумении.

— Что, не понимаете? — спрашивает секретарь.

Прохор Палыч мотает головой.

— Тогда и о вашей ошибке скажу. Вот у меня коллективное заявление бригадиров и многих колхозников, просят немедленно созвать общее собрание, пишут о вашем самодурстве. Собрание проведём завтра.

Прохор Палыч снова сел и, кажется, начал кое-что понимать.

— Но это не всё, — продолжал секретарь. — Вот акт о незаконном «ко-ко» и «бе-бе» на три тысячи рубликов, здесь и Недошлёпкину начислили около тысячёнки. Вы даже и акт отказались подписать, Самоваров... Такие-то дела!

Прохор Палыч действительно прогнал какого-то шуплого бухгалтеришку, который всё совал ему какой-то акт, но что это за акт, ей-богу, не знает и не помнит. А оно — вот что! И он сидел, тучный, широкий, но непонимающий, опустошённый внутри. Внутри ничего не было!

Иван Иванович продолжал:

— Будем рекомендовать товарища Шурова — агроном!

Прохор Палыч встrepенулcя. Он будто опомнился, будто живая струя просочилась внутрь.

— Как? Агроном — председатель?! — И вся его фигура говорила: «Мошенника, химика и астронома — в председатели?»

— Да, — ответил секретарь, а Шуров улыбнулся. — О вас же, Самоваров, будем решать вопрос на бюро, что дальше делать. Хорошего не предвижу.

Так бесславно кончилась деятельность Прохора Палыча в колхозе. Не буду описывать, как проходило общее собрание. Каждый знает, как выгоняют колхозники негодных руководителей — наваливаются все сразу и без удержу отхлёстывают и в хвост и в гриву, отхлёстывают и приговаривают: «Не ходи, куда не надо! Не ходи!»

Стал Прохор Палыч нелюдим и задумчив: что-то такое в нём зашевелилось внутри и ворочалось, ворочалось всё больше. Удивлялись люди: смирный стал, тихий.

Был суд.

Прохору Палычу дали год исправительно-трудовых работ.

Видел я его ещё раз, незадолго до суда, один-единственный раз — в закускойной. Он сидел за столом с Недошлёткиным, и оба были в среднем подпитии. Лицо Прохора Палыча осунулось, он похудел, глаза стали больше, нос — меньше; одет в простую синюю, в полоску, сатиновую рубашку. Показался он мне тогда самым обыкновенным человеком. Его собеседник был всё в той же форме «рукостава» — в чёрной суконной гимнастёрке с широким кожаным поясом, с теми же огромными роговыми очками, — такой же, как и был.

— Ну, тебя-то, — говорил Недошлёткин, — волей-неволей надо было снимать — с сельским хозяйством незнаком. Я это предвидел. А за что сняли меня? За что прогнали из партии? За что оклеветали меня, подлецы?..

Прохор Палыч ответил с иронией:

— Я думаю, ты сам подлец!

Недошлёткин отпрянул всем корпусом, будто от удара в лоб, очки прыгнули на самый кончик носа, на лысине выступил капельками пот, губы что-то зажевали, и он поднял ладонь над головой, будто защищаясь.

— И я, — продолжал Прохор Палыч, повысив голос, — и я подлец!

И вдруг он встал, глаза его были влажными и красными, поперёк лба легла большая, настоящая морщина, легла навсегда, на весь остаток жизни. Он рванул ворот рубашки так, что пуговицы щёлкнули об пол, и дико вскрикнул:

— Понимаешь?

Прицепщик Терентий Петрович

Если вы встретите Терентия Петровича, то на первый взгляд он покажется вам невзрачным человеком. Маленького роста, щуплый, с короткой русой бородкой, в большом, не по плечам, ватнике с подвёрнутыми рукавами, он посмотрит на вас спокойными прищуренными глазами из-под мохнатеньких бровок. Фуражка ему немного великовата, и козырёк всегда чуть набок: мешает глазам. Вы подумаете: ничего, дескать, особенного в этом колхознике нет. Но это далеко не так. В человеке ошибиться легче всего.

Вот если бы посмотрели, как относятся к Терентию Петровичу в колхозе, как почитательно все здороваются с ним, то, конечно, призадумались бы, по какой причине такое ему уважение. Ведь даже бригадир Платонов, Яков Васильевич, при даче наряда так и обращается к нему: «А вам, Терентий Петрович, самому известно, что надо завтра делать».

Терентий Петрович во время сева работает на сцепе двух тракторных сеялок сеяльщиком, во время прополки — на культиваторе, во время уборки — на комбайне у соломокопнителя, на сенокосе — управляет агрегатом трёх тракторных сенокосилок, при скирдовании — на стогометателе, при вспашке зяби — регулирует плуг. В общем, точная его профессия — прицепщик.

Замечу, что быть прицепщиком сложных сельскохозяйственных машин не так-то просто. Это не то что прицепил, сел и сиди смотри, как трактор тянет. Вовсе не так! Тут надо знать немало, и знать как следует. Одна только тракторная сеялка имеет больше полутысячи деталей, а сколько есть ещё других машин?.. Настоящий прицепщик, если говорить прямо, — такая фигура в колхозе, от которой во многом зависит урожай. Плохая вспашка или посев сразу отразится на трудодне колхозников. Но Терентий Петрович плохой работы не допустит. Во-первых, сн уже дважды был на трёхмесячных курсах прицепщиков и дело знает, во-вторых, он исключительно добросовестности человек.

Однажды был такой случай. Пришёл Терентий Петрович на дневную смену к тракторному плугу, осмотрел прицеп, дождался, пока тракторист Костя Ключев окончил заливку воды в радиатор, и сказал:

— Глуши трактор.

— По какому случаю? — спросил Костя, недоуменно подняв брови вверх и сдвинув замасленную шапку на затылок.

— По случаю утери лемешка предплужника у пятого корпуса.

— Ерунда-а! — протянул Костя, успокоившись, и поправил шапку. — Поехали!

По молодости и легкомыслию Костя не придавал особого значения такому пустяку, как крошечный лемешок.

— Не поедем. Глуши трактор и — давай в отряд за лемешком, а я тем временем подлажу плуг.

— Дядя Терентий! Да как же так? Илья Семёнович за ночную смену полторы нормы дал, а я буду в отряд бегать!

— Будешь бегать, — спокойно подтвердил Терентий Петрович.

— Лучше я попашу с полчаса, а ты сходи.

— Потому тебя и посылаю, что пахать нельзя без важной детали. А уйду — знаю, поедешь.

— Всё равно поеду.

— Не поедешь!

— А что ты мне сделаешь? — спросил Костя, глядя на Терентия Петровича сверху вниз.

— Что сделаю? — переспросил Терентий Петрович и поднял глаза на высокого, широкоплечего парня. — Чистиком по заду огрею! — При этом он действительно поднял чистик — длинную палку с лопаточкой на конце — и воткнул в землю рядом с собой, будто для того, чтобы удобнее было при случае схватить.

Терентий Петрович медленно обошёл вокруг трактора, затем вынул кيسет и стал закуривать. А Костя, покосившись на чистик, у которого стал Терентий Петрович, оглянулся на ворчливо попыхивавший трактор и про- сительно произнёс:

— Ну?

— Я тебе дам «ну»! — будто осердившись, сказал Терентий Петрович и взялся за чистик.

Конечно, ничего такого не могло быть, Терентий Петрович сроду никого не ударил, но большой Костя отошёл от маленького Терентия Петровича, заглушил трактор, от чего сразу стало скучно обоим, и с обидой заговорил:

— Полторы нормы дал, а предплужник потерял! Тоже — передовик называется! А я теперь стой без толку полчаса...

— С этого и начинал бы,— отозвался Терентий Петрович.— Это ты правильно. Доложу директору эмтеэс лично.— Тут он немного подумал.— И председателю доложу. И ты доложи... А со мной плохо пахать не будешь. Понял?

— «Доложи, доложи», «понял, понял!» — волновался Костя. Он тоже обошёл вокруг трактора и снова остановился перед Терентием Петровичем.

— Ты слышь! — спокойно тенорком заговорил тот.— Слушай меня, что скажу! — И нагнулся к предплужнику.— Он, лемешок, кладёт стерню на дно борозды. Так. Стерня та перепреет, а наверху, значит, будет чистый плодородный слой. Агротехника — первое дело.

Косте это было известно не хуже Терентия Петровича. Но кому нравится молчащий трактор! И Костя горячился:

— Да знаю я это давно!

— То-то и оно! А раз знаешь, то нельзя так, без соображения, говорить: «всё равно поеду». Как это так «поеду»? Ты меня везёшь, а я качество делаю. Мы с тобой, Костюха, перед народом отвечаем. Понял? А не так, чтобы трактор ехал — и вся недолга. А что он везёт за собой, как везёт, что из этого получится на будущий год — будто нам с тобой никакого интереса нет... Глупости!

— Конечно, глупости,— повторил Костя и пошёл в отряд за лемешком.

Все знают: там, где работает Терентий Петрович, качество будет отличное. Но почёт Терентию Петровичу идёт не только из-за его трудовых успехов. Есть и ещё кое-что. Вот возьмём, к примеру, выпивку. Люди пьют по-разному, и настроение у них бывает после этого разное: одни становятся смиренными, другие, наоборот, буйными, третьи даже плачут, иные пляшут, если случится лишний стакан хватить,— всяко бывает с людьми. Но с Терентием Петровичем ничего этого не бывает. Пьёт он очень редко — раза два-три в год, но пьёт, как следует, крепко, по-настоящему, и случается это только в праздники. К середине такого праздничного дня ноги у него ещё вполне подчиняются голове, но уже начинают отчасти с нею спорить. В это время он обязательно одет в чёрную суконную пару, обязательно при галстуке, в до блеска начищенных ботинках, но всё равно костюм ему чуть великоват и ботинки — тоже.

В колхозе «Новая жизнь» в такие дни не только наблюдают Терентия Петровича, но и группами сопровождают его, останавливаясь невдалеке, когда он останавливается. Больше того, иногда он даже обращается к собравшимся с короткой речью. А кто увидит в окно Терентия Петровича в таком состоянии, восклицает: «Петрович в обход пошёл!» После чего выскакивает на улицу и присоединяется к сопровождающей его группе.

В тот день, о котором пойдёт речь, Терентий Петрович, заложив руки за спину, сначала обратился к собравшимся:

— Товарищи! Не такой уж я хороший человек и не такой уж вовсе плохой. Точно. Но когда крепко выпью, то тогда... — он поднял палец вверх, покрутил им над головой,— только тогда, товарищи, у меня — ясность мысли и трезвость ума. Точно говорю!

Язык у него не заплетался, даже наоборот — говорил Терентий Петрович чётко, громче обычного, но речь складывалась совсем не такой, как всегда. Это был уже не тихий и скромный прицепщик: что-то смелое и сильное звучало в нём. Он повернулся лицом к хате, против которой остановился, и начал:

— Здесь живёт Герасим Иванович Корешков. Слушай, Гараська! — Хотя около хаты никого не было, но Терентий Петрович обращался так,

будто Корешков стоял перед ним.— Слушай, что я скажу! Тебе поручили резать корову на общественное питание. А куда ты дел голову и ноги? Унёс! Ты думаешь, голова и ноги — пустяк? Три котла студня можно наварить для бригады, а ты слопал сам. Нет в тебе правды ни на грош! Точно говорю. Если ты понимаешь жизнь, ненасытная твоя утроба, то ты не должен тронуть ни единой колхозной соломинки, потому — там общее достояние. А ты весь студень спёр, седогорлый леший. Пожилой человек, а совести нет. Бессовестный! — заключил Терентий Петрович и пошёл дальше, не обращая внимания на группу колхозников, следовавших за ним на отшибе.

Позади него послышался негромкий разговор.

— Бегал смотреть на Гараську?

— Смотрел. Стоит в сених, ругается потихоньку, а не вышел.

— Не поздоровится теперь Герасиму от студня.

— Коровьей ногой подавится.

И, немного спустя, опять спросил первый голос:

— Интересно, куда теперь пойдёт Терентий Петрович? В прошлом году у Киреевых останавливался...

Но Терентий Петрович прошёл мимо дома Киреевых и неожиданно остановился у Порукиных. Егор Порукин никогда не был замечен воровстве, минимум у него давно выработан, поэтому остановка здесь была для всех интересной. Кто бы и что в колхозе ни натворил — народ рано или поздно узнает, хотя виновному и кажется, что всё шито-крыто. Однако, если о студне разговор по селу был настойчивый, то о Порукине никто ничего не слышал, и нельзя было даже подумать о чём-либо плохом. А Терентий Петрович стал в позу оратора, засунул руки в карманы брюк и заговорил:

— Здесь живёт Порукин Егор Макарыч. Давно я хотел до тебя дойти, Егор Порукин, да всё недосуг. Слушай меня, что скажу!

Егор Макарыч вышел со двора на улицу и, не подозревая ничего плохого, подошёл к группе колхозников.

— Здорово! Чего это Терентий у меня стал?

— А кто ж его знает,— ответили несколько голосов сразу.— Выпил человек — спросу нет.

Терентий Петрович, конечно, видел, что Егор Макарыч вышел из дому, но не обернулся к нему, а стоял так же прямо против хаты и продолжал:

— Нет, ты слушай! У тебя, Егор, корова — симменталка, даёт двенадцать кувшинов молока. Хоть ты и говоришь «пером не мажу, а лью под блин масло из чайника», но, промежду прочим, на твои двенадцать кувшинов плевать я хотел «с высоты востока, господи, слава тебе!», как поётся у попа. — Тут Терентий Петрович передохнул маленько от такой речи и поправил картуз.— Та-ак. Ни у кого в колхозе такой нет: пять тыщ стоит твоя скотина! А спрошу-ка я: откуда у тебя взялась она? Где ты такую породу схпал?

Вдруг Егор Макарыч решительно зашагал к Терентию Петровичу и, остановившись перед ним, сказал решительно:

— Уйди! — Широкоплечий, в синей праздничной рубаше и хромовых сапогах, он нахмурил брови, прищурил один глаз и сердито повторил: — Уйди, говорю! Плохо будет!

Но тут из кружка молодёжи вышел тракторист Костя Клюев. Он стал лицом к Порукину, а спиной к Терентию Петровичу, повёл могучим плечом и сказал басовито:

— Не замай, Егор Макарыч Выпил человек — спросу нет

Порукин смерил взглядом Костю и, будто убедившись в своём бессилии, плюнул и ушёл к себе в калитку, хлопнув дверью. А Терентий

Петрович сначала обратился к Косте: «Правильно, Костя. Действуем дальше!», затем продолжал начатую речь.

— Нет, Егор Порукин, ты будешь слушать. Так. Года три назад ты взял из колхоза телушку-полуторницу, а отдал в обмен свою. Это точно: в колхоз — дохлятину, а себе — породу. Хоть и поздно об этом узнали, но слушай. Ты за что тринадцатого председателя поил коньячком «три свёкочки»? Ты и Прохору Палычу такой напиток вливаешь. Думаешь замазать? Затереть? Не-ет, Егорка, не пройдёт! Ты уж понимаешь, что этим самым мы колхозную породу переведём. У нас и так недодой молока, а ты махнируешь. Мошеник ты после этого, Егор! Точно говорю, товарищи! — заключил он и пошёл дальше.

Молодёжь, всегда такая шумливая и неугомонная, во время «обхода» вела себя смирно и тихо Слушали внимательно, изредка переговариваясь или смеясь негромко Иногда и нельзя было не засмеяться. Вот, например, остановился Терентий Петрович против хаты санитарного фельдшера (фельдшеров в колхозе трое и один врач). Остановился и ухмыльнулся. На крыльце стоял сам фельдшер Семён Васильевич.

— Приветствую, Семён Васильевич! — поклонился Терентий Петрович.

— Здорово, Терентий Петрович.

— Живём-то как?

— Помаленьку. Ничего себе.

— Ну, как: мухам теперь — гроб?

— Гибель. Смерть мухам! — серьёзно ответил Семён Васильевич, а сам нетерпеливо то засовывал пальцы за пояс, то вынимал их. Человек уже в годах, больше пятидесяти, с добрым животом, а беспокоится: что же заставило Терентия Петровича остановиться при «обходе»?

— И комарей душить будем снова?

— Ни одного комара в живых. Малярия теперь — тью-тью! Поминай как звали! — пробовал шутить фельдшер, поглаживая рукой красноватые усы.

— Вот и я говорю: если вы есть врач-муходав или там, скажем, насчёт душения комарей, то это тоже хорошо. Муха — она враг народного здоровья: где муха, там бескультурье. Точно. Муходав — это хорошо. Но только зачем же кот отравил, Семён Васильевич? А? Кот — животное полезное для домашнего хозяйства. Вы же сами читали лекцию, что кот — враг мышей, а мышь несёт в себе... ту-ля-ремью. Так я сказал? Так. А сам отравил кота мушиным порошком. Нет, так нельзя!

— Так то ж нечаянно случилось. Есть, конечно, вина и наша, неосторожность... На кошку пишу случайно попала повышенная дозировка.

— А кота-то теперь у меня нет! — воскликнул Терентий Петрович. — Сам-то я мышей ловить не способен.

— Я вам, Терентий Петрович, могу подарить очень хорошего котёнка, — уже весело говорил фельдшер, видимо радуясь, что дальше кота дело не пошло.

— Благодарность за котёнка! Не обижайтесь, Семён Васильич! Человек выпивший, словам удержу нет. А что касается того, что вы лично с Матрёны Щетинкиной взяли петуха, а с Акулины Степановны — окорок, а с Васильевны — гуся, жирного-прежирного, а Матрёна Егоровна принесла вам за женские болезни миску сливочного масла, то об этом говорить не будем. В писании у попа так и записано два лозунга: «Давящая рука не оскудеет» и «Отруби себе ту руку, которая себе не прочит». Бабы действуют по первому лозунгу, а вы, значит, — по второму. Прошу извинения, Семён Васильич! Об этом говорить не будем. Бывайте здоровеньки!

Семён Васильевич уже пятился задом к двери, шевелил усами, как таракан, бормоча:

— Невозможная личность. Прицепился, как... То есть, как это самое... Действительно невозможный.— И наконец он скрылся в сени.

Так Терентий Петрович обходил всё село, останавливаясь против тех домов, где он считал нужным высказать критические замечания. Критиковал он действительно невзирая на лица и только там, где проступки заслуживали общественного порицания. Чаще всего о таких уже шептались втихомолку, но Терентий Петрович говорил вслух и громко, и никуда уже нельзя было скрыться от невидимого суда народа. Около квартиры секретаря сельсовета он остановился и коротко обличил:

— Для советского человека — позор! Ты должен пример показывать, а сам по чужим бабам шляешься. У тебя же дитёнок есть, маломысленный ты человек! Ты же себе душу чернилом вымазал, беспутный! Слышь, секретарь, чтобы этого больше не было. Ни-ни!

Бригадира строительной бригады он отчитал за то, что тот колхозными досками замостил полы в своём доме; заведующую птицефермой уличил в растраживании яиц.

К вечеру Терентий Петрович, возвращаясь домой, заходил к хорошим друзьям, которых у него было множество, добавлял внутрь до окончательной своей нормы, целовал напоследок Костю Ключева и, выписывая кривую, продвигался помаленьку домой, где его ожидала жена — тихая и работающая, такая же скромная, как и муж её в трезвом виде. Терентий Петрович старался идти по линии телеграфных столбов или вдоль радиолинии. При этом он останавливался у каждого столба, стоял некоторое время, прислонившись спиной, затем нацеливался на следующий столб, мотал головой, ещё раз нацеливался и говорил: «Дойду. Точно дойду. Ну, Терёша, смелее!» — и решительно направлялся к следующему столбу. Шёл, конечно, не по прямой, но цели достигал и давал себе короткий отдых. Так, короткими перебежками, он и добирался до дому.

Утром Терентий Петрович вставал, как ни в чём не бывало, и отправлялся на работу точно к назначенному времени. Не подумайте, чтобы он выпил и на следующий день! Нет! Такого никогда не случалось. Не скоро выпьет теперь Терентий Петрович: может быть, даже через год. Но после этого дня в правлении появился Герасим Корешков и зашентал счетоводу, что-де принёс деньги за «студень», а то всё равно доймут — раз Терентий на обходе сказал, то доймут.

Егор Порукин, проходя мимо трактора в поле, спросил Терентия Петровича:

— Что же это ты на меня наорал вчера?

— Выпил, Егор Макарыч, выпил... Ничего не помню. Если не так, подравь меня, — скромненько отвечал Терентий Петрович.

Фельдшер, Семён Васильевич, вечером следующего дня принёс серого пушистого котёнка. Немного посидел, пока Терентий Петрович мылся после работы, а потом всё-таки сказал:

— Зря, Терентий Петрович, вчера говорил. Ой, зря!

— Это о чём я говорил? О мухах — помню, а больше, убей, не догадаюсь.

— Ты-то забыл! А народ болтать будет.

— Ну, так то ж народ, ему на роток не накинешь платок. А я-то при нём? Забыл, Семён Васильевич, — вздыхал Терентий Петрович. — Если чего неправду наговорил, то меня же люди осудят, а если правду сказал, то колхозники и до меня, небось, знали. Тут и обижаться нечего. Мало ли чего выпивший человек скажет? Хорошо скажет — слушай, нехорошо

скажет — пропущай мимо уха. Да-а-а... А котёночек хороший... Ишь ты, мяконецкий какой... Кс-кс-кс! Ишь ты!.. Это кто же — кот?

— Кот.

— Ко-от! Смотри-ка, какой ласковый... Кот?

— Кот,— всердцах ответил фельдшер.

— Да-а... Кот, значит. Может, вы со мной, Семён Васильич, борща покушаете? С баранинкой борщочек-то.

— Спасибо. Поужинал.

— А я вот только собираюсь покушать... Ишь ты, лезет на стол уже — умный кот. Кс-кс-кс!

Одним словом, у Терентия Петровича в обычной жизни хитринка была довольно тонкая. Но однажды случилось так, что ни хитринка, ни споконствие не спасли его от нарушения правил агротехники: хоть чуть-чуть, а нарушил.

Было это в первый день весеннего сева. С утра Терентий Петрович притащил ящичек с разными мелкими запасными деталями к тракторным сеялкам. В ящичке были шплинты, болтики для сошников, жестяные задвижки к высевающим аппаратам, гаечные ключики разных размеров, кусочки проволоки, нарезанные по стандарту, заклёпки, запасной чистик, маслёнка, три-четыре напильника и другие вещи, необходимые для работы прицепщика на сеялках. Всё это лежало не как-нибудь, а в соответствующих клеточках-отделениях, на которые разделён ящичек. Все трактористы знали, что Терентий Петрович очень любит порядок, и никто из них никогда не лез самовольно в его маленький склад. Если же Косте требовался, скажем, маленький гаечный ключик (большие-то у него были, а маленькие постоянно терялись), то он говорил:

— Терентий Петрович, разрешите «девять на двенадцать»?

Тот открывал свой ящик-склад, безошибочно, не глядя, брал с определённого места нужный ключ и подавал со словами:

— Утеряешь — не обижайся.

— Ну что вы, дядя Терентий!

— То-то же! Должен ты понимать, что мы через какой-нибудь копеечный шплинт можем полдня стоять в самое горячее время. А без такого ключика и вовсе беда. (Дать такое наставление Терентий Петрович считал необходимым.)

Но Костя Ключев, такой старательный и честный парень, всё-таки терял ключики — не держались в его крупных руках мелкие вещи. Так случилось и в тот день.

Терентий Петрович привинчивал свой ящик к раме сеялки. Костя ладил что-то у трактора. Агрегат с двумя сеялками стоял уже полдня в ожидании того, когда подсохнет почва и можно будет сеять. В поле было тихо, безветренно. В чистом, прозрачном воздухе чёрной точкой висел жаворонок и беспрестанно звенел. В другое время — в конце весны и летом — его не видно в мареве, а сейчас — вот он! — смотри, пожалуйста, и слушай.

— Во-он! Видишь? — показал Терентий Петрович пальцем на жаворонка.

— Во-он! — подтвердил Костя. — И птица же! Кроха, а не птица!

— Кажись, дунь на неё — и пропала. А ни один человек не обидит такую птичку. Ласковая птичка, весёлая! — восхищался Терентий Петрович. — Ты только подумай: какую ни возьми птицу — она поёт либо вечером, либо утром, или, скажем, соловей, — ночью. А эта — только днём, когда человек работает. Жаворонка — птичка такая, что ей цены нету. Человек целый день работает под её песню. Вот, допустим, мы с тобой сеем. Ничего нам за трактором не слышать. И вот мы с тобой, скажем, уморились и стали на заправку или на обед, а она, жавороночка,

тебе песенку и сочинит. И на душе от этого весело, и аппетит к работе повышается. Точно, Костя! Такая птичка — незаменимая в сельском хозяйстве. И она понимает, что человек её любит. Если напал на неё коршун, то она куда, думаешь, бросается? Либо в сеялку, либо прямо за пазуху, под ватник. Отличная птичка!

— Вот кукушка — тоже днём, ну какая-то она... не особенная.

— Кукушка — дрянь, лентяй-птица. От неё в трудовой жизни никакой помощи, а так — чепуха-птица... А эта — слышь? И сколько у неё ладов разных в голосе!

Они постояли некоторое время, прислушиваясь к жаворонку, и снова принялись за своё дело, но чуть не каждые десять минут Терентий Петрович отходил на несколько шагов от агрегата, пробовал ногами и руками почву.

— Не годится — сырая... Да когда же ты, матушка, поспеешь? — разговаривал он с землёй. — Свой срок любишь. Ну, ладно...

— Может, попробуем? — нерешительно спрашивал Костя.

— Здорово! Попробуем! Не видишь, что ли? Тут у самого всё нутро дрожит — сеять скорее, а раз нельзя, значит нельзя.

Уже дважды приезжал бригадир полеводческой бригады, как из-под земли вырастал на своём мотоцикле бригадир тракторного отряда, уже заезжал и директор МТС — волнение в поле нарастало по мере подсыхания почвы, но каждый из них, подходя к сеялкам, говорил вопросительно:

— Сыровато, Терентий Петрович?

— Нельзя, — отвечал тот. — Будьте покойны, часу не упустим. — При этом он брал горсть земли, сжимал её в своём маленьком кулачке, с силой бросал на пашню и говорил: — Видишь, не рассыпается? Вы не судите по дороге. Дорога, она высыхает много раньше. По дороге кати, куда хочешь, а сеять — сыро. По нашей земле посеять так — то и никакого урожая не будет. Заклётнет пашня черепком, хоть блины пеки. Так и называется наша почва — обыкновенный чернозём суглинистого механического состава.

Что и говорить, полное доверие Терентию Петровичу в трудовой деятельности! Отлично знает он прицепные машины и агротехнику, совсем не хуже участкового агронома.

Так-то оно так, но Костя ключик всё-таки потерял. Терентий Петрович заметил это уже тогда, когда тот начал ковырять пашню всеми десятью пальцами и бурчать вполголоса:

— Или чёрт нечистый ключами стал питаться? Скажи, как провалился в землю! Сейчас вот держал в руках — и нету... Тьфу! — И ковырял землю уже огромным ключом, потерять который никак невозможно, разве только запахать плугом.

Терентий Петрович подошёл вплотную и спросил:

— Я тебя предупреждал?

— Ну вот, честное слово, сейчас держал в руках — и нету! Как в тартарары!

Присев на корточки и переговариваясь, они стали копать вдвоём. — Вот тут ты стоял, — говорил Терентий Петрович, — вот тут завинчивал, а тут он и должен бы упасть.

— Тут, конечно. Не бывает же у гаечных ключей крыльев, не мог же он улететь! — восклицал Костя, разводя руками.

В этот самый момент и подъехала легковая автомашинка, остановившись на дороге против наших сеяльщиков. Дверца машины открылась не сразу. Видно, из кузова наблюдали за тем, как двое копались в земле. Терентий Петрович тихо, будто боясь, что его услышат из автомашины, сказал:

— Вставай, Костя!

- А ключик?
- Прямь место.
- Думаешь, секретарь райкома?

— Нет. У того машина зелёная, а эта чёрная. Зелёная часто в поле бывает, а эта — раз в год, в начале сева.

Они поднялись. Костя нагнулся над пускатом трактора, Терентий Петрович заглянул под шестерни сеялки: оба делали вид, что заняты подготовкой агрегата, искоса поглядывая на автомашину. Вдруг дверца рывком отворилась, и из машины сперва вылез, сгорбившись, главный районный агроном Чихаев, высокого роста и полный, а за ним — не вышел, а выскочил, как угорелый, — товарищ Недошлёткин, в то время ещё бывший председателем райисполкома и другом-попечителем председателя колхоза Прохора Палыча Самоварова. Чихаев остался около автомашины, а Недошлёткин посправил очки и решительно, как в боевое наступление, двинулся к сеялкам. Но, зайдя на пашню, прилип калашами к влажной почве, и одна калоша у него соскочила с ноги. Не обращая внимания на трудности, он кое-как вдел ногу в калошу и, шлёпая, приблизился к Терентию Петровичу.

— По какой причине агрегат находится в преступном простое?

— Сыро, товарищ Недошлёткин. Сеять нельзя. Заметьте, калашки-то липнут. Наши почвы...

— Что это за сырые настроения! Я думаю, немедленно сеять! — уже приказывал Недошлёткин. — Соседний район уже имеет пятнадцать процентов плана, а мы — четыре! Срыв! Полный срыв! Заводи трактор! — крикнул он Косте.

Костя, по неопытности в обращении с начальством, струсил и рванул ремень пускатча, и тот застрекотал пулемётной очередью, заглушая крик председателя райисполкома. Было видно, как Недошлёткин открывал по-цыплячьи рот, произнося указания, размахивал руками, но слов его не было слышно. Терентий Петрович спокойно стоял на подножке правой сеялки и ждал, когда замолчит пускатч. Наконец пускатч успокоился, и трактор запыхтел сосредоточенно, ровно и тихо. Тут-то и посмотрел Костя на Терентия Петровича. Тот отрицательно покачал головой, давая понять, что никакого дела не будет: надо стоять.

— Товарищ Недошлёткин! Нарушение агротехники — это же прямое преступление. Почва не готова — сеять не можем. Мы ждём. Будьте покойны, часу одного...

— Что-о-о-о! Я — преступление?! — Недошлёткин рванулся к кабине трактора, снова потерял калошу, поднял её обеими руками и грозно спросил. — Как фамилия?

И крупный человек Костя, а стушевался.

— Ключ... Ключев, Константин, — выдал он.

— Запишем! Примем меры! Как фамилия? — круто повернулся Недошлёткин к Терентию Петровичу.

— Климцов, — спокойно ответил Терентий Петрович.

— Прямую меру! Пожалее! Срыва плана не допущу! Вперёд! Я полагаю — вперёд! — И Недошлёткин поднял вверх калошу, как железнодорожник сигнальный флажок перед отправлением поезда.

Терентий Петрович резко повернулся к Косте и махнул рукой:

— Давай.

Сеялки поползли по сырой почве, накатывая её катышками, примазывая дисками и оставляя семена незаделанными.

Недошлёткин сел в автомашину и помчался форсировать темпы выполнения плана, а Терентий Петрович, не отъехав и ста метров, велел Косте заглушить трактор и сказал:

— Ну, Костя, давай теперь заделывать семена ногами. Всё равно стоять... Да оно, видать, только завтра и годится сеять.

Теперь они оба закрывали семена почвой, набрасывая её носками сапог. Им стало скучно до невозможности. Сначала работали молча, а потом поругались.

— Ты зачем завёл трактор? — со злобой шипел Терентий Петрович.

— А ты зачем махнул рукой, чтобы ехать? — басом, во весь голос кричал Костя.

— Если бы ты не завёл, то я бы не махнул.

— А если бы ты не махнул, то я бы не поехал.

— Ты главная фигура — тракторист. Сказал бы: «Не поеду!» — и всё тут, — наступал Терентий Петрович.

— Я тебя везу, — бубнил Костя, — а ты качество делаешь. Сам так говорил. Кто же главная фигура?

— Ты.

— Нет, ты, — упорствовал Костя.

— Ну сей один, если я главная фигура. Сей!

— Буду и один сеять.

— Ну и сей! Пожалуйста, сей, сделай одолжение!

— А что ж, думаешь, не буду? Вот возьму да и поеду по сырой почве. В случае чего, скажу — Недошлёпки приказал.

— Я тебе поеду по сырой! Во вредители колхозного строя хочешь итти? Иди, иди! Сей по сырой, маломысленный человек. Я тебе! — И Терентий Петрович подскочил к Косте.

Костя дёрнул головой, шапка его соскочила с головы и вдруг... Терентий Петрович просветлел! Из-за отворота костинного треуха выпал ключик «девять на двенадцать». Костя поднял его, отряхнул, дунул на него, вытер о засаленный ватник и, уже улыбаясь, сказал:

— Примите, Терентий Петрович. Сунул по рассеянности за шапку и забыл.

— Да тут отца родного забудешь, — смущённо поддержал Терентий Петрович, будто в утере ключика был повинен не Костя, а кто-то другой.

Несколько минут спустя они уже курили, сидя рядом на ящике сеялки, и Терентий Петрович говорил:

— И что только может человек наговорить сгоряча!.. Как я тебя?

— Вредитель колхозного строя!.. — И Костя заразительно захохотал.

Терентий Петрович тоже захохотал и сквозь смех, подражая Недошлепкину, взвизгнул:

— Вперёд! Я полагаю — вперёд!

К вечеру они проехали пробный ход, и Терентий Петрович заключил:

— Завтра, часов с одиннадцати, начнём во весь разворот. Ну, Костенька, дожили до посевной. В грязь лицом не ударили. Выдержали.

— Факт.

Посевная прошла отлично. Костя Клюев дал самую большую выработку на трактор. Лучшего качества сева, чем у Терентия Петровича, нигде, конечно, тоже не было. Вскоре после посевной, накануне прополочной, созывалось районное совещание передовиков сельского хозяйства. Правление колхоза выделило делегацию, в которой первым по списку значился Терентий Петрович. Люди были подобраны самые передовые, в этом никто не сомневался, но встал вопрос: кому выступать от лица колхоза? Костя — хорош, но в ораторы не годится. Илья Семёнович Раклин второе место занял после Кости, но голос хрипловатый. Терентий Петрович разве? Все согласны, но... рост уж очень мал: станёт за трибуной и — каюк! — скрылся из виду. Этого, конечно, никто вслух не гово-

рил, но мысль такая витала у многих. Наконец бригадир Платонов сказал так:

— Думать тут нечего. Если Терентию Петровичу стать сбоку трибуны, то лучшего человека не найти. Голос, как у певчей птицы, тон знает, сказать умеет, лучше него никто не скажет.

Было это ещё в те, теперь уже давно ушедшие в прошлое времена, когда председателем колхоза состоял Прохор Палыч Самоваров. После заседания правления он просмотрел список делегатов, вычеркнул всех бригадиров за «недисциплинированность» и написал на углу «утвердить». Счетоводу он велел составить речь для Терентия Петровича и самолично её поправил. Оратора вызвали в правление, и председатель изрёк:

— Выучишь наизусть. Чтоб — без запинки. Перед всем районом отвечаешь за колхоз и за моё руководство.

— Да я сам-то, может, лучше надумаю.

— Но, но! — пристукнул легонько по столу Прохор Палыч. — Бери пример с работников районного масштаба. Они как? Положит листок на трибуну, прочитает во весь голос, а тогда уж смотрит на собрание. А ты что? Хочешь так прямо сразу и глаза лупить на всех? Не полагается. Я, Самоваров, установку тебе дал. Выполняй!

Терентий Петрович взял речь, свернул вчетверо, сунул в боковой карман и вышел. То ли ему не понравилось сочинение счетовода, то ли ещё по какой причине, но перед самым отъездом он заявил:

— Речь читать не буду.

Это уж было чересчур, и Прохор Палыч вспылал. Делегаты уговаривали Терентия Петровича, но он упорно отказывался. Ходил задумчивый, иногда шептался о чём-то с Костей, ходил к Евсеичу и тоже шептался с ним, о чём-то секретничал с бригадиром Платоновым. И вдруг столь же неожиданно, будто у него созрело какое-то решение, заявил:

— Ладно. Речь читать буду.

Совещание открыл секретарь райкома Иван Иванович. Он хоть и новый в районе человек, но колхозники успели его полюбить за простоту, ум и прямоту характера. В своей речи он сказал, что у нас есть много таких колхозников, которые овладели машинной техникой, знают агрономию, совсем разучились плохо работать, что это новые люди — строители коммунизма, что это большие люди, что по своему труду они являются вожаками масс. В числе других передовых колхозников он упомянул и прицепщика Терентия Климцова.

Терентий Петрович слушал и вспоминал, как Иван Иванович не раз заезжал к нему на сев и, не дойдя ещё несколько метров, уже здоровался:

— Привет Терентию Петровичу! — А подойдя, подавал руку и спрашивал: — Как успехи?

— Двадцать пятый гектар добираем сегодня.

— Вот это да! Мне, Терентий Петрович, у вас, честное слово, нечего делать. Но, знаете, всё-таки буду заворачивать. Мы ваш метод — заезды, засыпка семян на ходу, технический уход, часовой график — уже пропагандируем. Завтра к вам заедет корреспондент районной газеты.

Иван Иванович закончил свою короткую, простую речь. У Терентия Петровича было радостно на душе. Он аплодировал вместе со всеми и вдруг увидел в президиуме Недошлёпкина. Стало почему-то сразу скучно, и возникла жгучая потребность громко, на весь зал сказать о своём неудовольствии.

В перерыве он подошёл с Костей к буфету.

— По сто? — сказал Костя.

— Можно, — подтвердил Терентий Петрович, но скука его не про-

шла. Он угрюмо взял стопку, чокнулся с Костей, но пить не стал — задумался.

Костя опрокинул свою стопку, воткнул вилку в сардельку и недоуменно спросил:

— Ты что ж, Петрович?

Терентий Петрович ничего не ответил. Он оставался в задумчивости и слушал духовой оркестр, исполнявший вальс.

— Что с тобой? — участливо повторил Костя и, нагнувшись к его уху, прошептал: — Ты ж хотел, «как на обходе»... Пей.

— Нет. Не буду пить, Костя.

— И говорить не будешь? — удивился тот.

— Буду.

— Так для смелости и долбани чуть... Сто — ничего не означает, а сидя придет.

— Нет, не буду. Чую я в себе сейчас силу и без водки. Понимаешь, Костюшка... Не надо пить.— И Терентий Петрович уже открыто взглянул на своего молодого друга.

Костя заметил в его глазах какой-то сильный и смелый огонёк.

— Не надо мне сейчас пить, — решительно повторил Терентий Петрович.

Они вошли в зал и заняли свои места.

— Слово предоставляется лучшему прицепщику района, товарищу Климову Терентию Петровичу, — объявил председательствующий, главный агроном товарищ Чихаев.

Терентий Петрович поднялся на сцену. Он стал сбоку трибуны и, держа перед собою заготовленную ему «речь», начал читать унылым голосом, без чувства и без выражения, что совсем на него не было похоже.

— Товарищи передовики района! — читал он. — Товарищи руководители района! Исходя из соответствующих установок высших организаций и на основе развёрнутого во всю ширь соревнования, а также под руководством районных организаций и председателя колхоза мы одержали громадный успех в деле выполнения и перевыполнения весеннего сева на высоком уровне развития полевых работ и образовали фундамент будущего урожая как основу нашей настоящей жизни в стремлении вперёд на преодоление трудностей и... — Ох! — вздохнул Терентий Петрович и посмотрел в публику. А раз посмотрел в публику, то потерял строчку. Но он, однако, не смутился, а честно объявил: — Потерял, товарищи... Ну, пушай, ладно. Я с другой строчки пойду. — И продолжал: — Мы, передовики колхоза «Новая жизнь», под напором энтузиазма закончили сев в пять дней... Ага! Вот она! Нашёл! Та-ак... В пять дней... И мы, передовики колхоза «Новая жизнь», обязуемся вывести все прополочные мероприятия в передовые ряды нашей славной агротехники и на этом не останавливаться, а идти дальше к уборочной кампании в том же разрезе высших темпов. И мы, передовики колхоза «Новая жизнь», призываем вас, товарищи передовики нашего района, последовать нашим стопам в упорном труде — Тут Терентий Петрович вдруг прервал чтение, посмотрел ещё раз в публику и сказал: — И тому подобное, товарищи. А теперь я скажу от себя.

Кто-то зашипел в публике, и Терентий Петрович увидел, что Прохор Палыч Самоваров делает ему знаки, воспреещающие дальнейшее выступление. Председатель совещания призвал звонком к порядку и сказал, повернувшись к оратору:

— Продолжайте.

— Товарищи! — начал снова Терентий Петрович. — У нас совещание лучших людей. Мы должны и поделиться опытом и отметить недостатки. Я дам сперва наводные вопросы и буду на них отвечать. — Голос у него

становился чистым, чётким, взгляд — весёлым и хитроватым: — Я спрашиваю: зачем нам понаписали вот эти шпаргалки? — Он потряс в воздухе «речью». — Ведь все читаем готовое, всем понаписали счетоводы. Или мы маломысленные люди? Это ж обидно, товарищи! (Зал загудел одобрительно). Мне бы надо говорить о часовом графике на севе, а меня заставляют читать «последовать нашим стопам». Да на что они мне сдались эти «стопы», прости господи? Отставить надо такую моду, товарищи. Это раз. Ещё наводной вопрос к главному агроному товарищу Чихаеву: может ли председатель райисполкома нарушать правила агротехники весеннего сева? Может ли он заставить сеять по грязи?

Зал заволновался и слегка загудел. Недошлёпкин потянулся было рукой к звонку, но Иван Иванович горстью захватил звонок и тихо придвинул его к себе, не отрывая, однако, взгляда от Терентия Петровича. Чихаев сначала покраснел, потом вспотел и уже не высухал до самого конца совещания. Он всё же ответил на вопрос Терентия Петровича:

— Он, конечно, может, но не должен... То есть должен, но не может. Как бы сказать...

Недошлёпкин был, видимо, доволен таким ответом. А Терентий Петрович слушал, подавшись вперёд и оттопырив рукой ухо, и вдруг, выпрямившись, рубанул:

— Вы, товарищ Чихаев, были вместе с товарищем Недошлёпкиным около моей сеялки. Почему вы даже не подошли к сеялке? Почему не запретили незаконный приказ районного начальства? Когда это самое кончится? Товарищи передовики! Каждый из нас — хозяин своего дела. Почему товарищ Чихаев не хозяин своего дела? Я, прицепщик, — хозяин, а почему Чихаев болтается по колхозам, как пустая сумка? Зарплату получил — и ни клоп в лысину. Нельзя так, товарищи! Нельзя! Партия требует от нас, народ требует отдать все силы на строительство коммунизма!

Последние слова Терентий Петрович произнёс твёрдо и настолько убеждённо, что гром аплодисментов заполнил зал и долго рокотал, то затихая, то усиливаясь вновь. Иван Иванович хлопал в ладоши так же сильно, как Терентий Петрович хлопал раньше ему. Но Терентий Петрович продолжал ещё стоять около трибуны и наконец поднял руку. Аплодисменты стихли. Только Костя ещё несколько раз хлопнул дополнительно, но это никому не показалось неуместным.

— А вы, товарищ Недошлёпкин. — звонко продолжал Терентий Петрович, — лезли ведь к агрегату по грязи, даже калошку свою утерjali и вынесли её, несчастную, на руках. Вы что же думаете, мы после вас сеяли? Да нет же, не сеяли! И вы думаете, меня накажете? Нет, не накажете, точно вам говорю. С работы меня снять невозможно никак. А я спрашиваю: когда кончится такое? Когда мы перестанем для сводки нарушать агротехнику и понижать урожай? Это же делается без соображения. Точно говорю, товарищи: без со-обра-же-ния!

И снова аплодисменты сорвались, будто огромная стая голубей захлопала разом крыльями. Недошлёпкин отодвинулся со своим стулом от стола президиума, потом подвинулся ещё в сторону и таким манером скрылся от взглядов публики. Он, правда, тоже хлопал, но ладони его при этом не соприкасались. Если бы все вздумали так хлопать, то сами аплодисменты были бы абсолютно бесшумны. С Чихаева пот валил ручьями, он покашливал, смотрел то на потолок, то под стол и ёрзал на стуле беспрестанно.

Когда Терентий Петрович спустился по ступенькам со сцены и зал притих, секретарь райкома встал и сказал:

— На вопросы, поставленные товарищем Климовым, я постараюсь

ответить в конце совещания. Вопросы он поставил чрезвычайно важные. Но сейчас скажу одно: спасибо вам, Терентий Петрович! За правду спасибо! Райком партии вас поддержит.

И снова зал аплодировал так же сильно.

Вот как выступил Терентий Петрович! И ведь ничего не выпил — ни грамма! — а заговорил полным голосом перед делегатами большого совещания, — на весь район заговорил!

Тугодум

Удивительный случай произошёл в колхозе «Новая жизнь». Никогда такого не было. У председателя колхоза, Петра Кузьмича Шурова, в кабинете оказались на столе четыре горшка молока, миска сливочного масла, накрытая чистой полотнянкой, две пустые базарные корзинки и коромысло.

— Чей это маслобойный завод? — спрашивал он, улыбаясь, у бригадира Платонова.

— Не ведаю, — отвечал тот и брал в руки коромысло, рассматривая его внимательно. — Метки никакой нет.

— Не из твоей ли бригады? — переводил взгляд Пётр Кузьмич на Алёшу Пшеничкина.

Пшеничкин шупал корзинки, заглядывал внутрь, исследовал горшки, недоуменно разводил руками и в свою очередь спрашивал:

— Кто принёс-то?

— Ребятишки. Около дороги в траве нашли.

Пётр Кузьмич поспрашивал ещё кое-кого, подумал и решил вывесить объявление о находке.

Счетовод Херувимов написал объявление тонко, с хитрецей:

«Объявление

Июня двадцатого дня найдено нижеследующее продуктивное имущество:

1. Горшков с молоком: штук — четыре.

2. Мисок сливочного масла (зелёная): штук — одна.

3. Корзинок базарных, наполненных вышеупомянутым: штук — две.

4. Коромысло обыкновенное (без примет): штук — одна.

Заинтересованной личности обратиться к председателю колхоза. Во избежание прокисания все найденные восемь мест помещены на временное хранение в колхозный ледник до востребования».

Пётр Кузьмич прочитал объявление, хитровато улыбнулся и сказал:

— Пусть будет так. А лучок попридержим. Интересно!

Килограмма два репчатого лука он выложил из найденных корзин в ящик письменного стола и запер на ключ. В объявлении лук не значился. Бригадирам он почему-то тоже о нём не сказал.

Молва о находке распространилась по колхозу, обошла и поле и фермы. Перед вечером народ толпился около объявления, и каждый высказывал свои замечания. А Пётр Кузьмич работал в своём кабинете и помаленьку слушал через открытое окно.

— Корзинок базарных... Коромысло обыкновенное... — прочитал Евсеич. — Так, так. Ясно дело, человек шёл на базар. Кто ж бы такой это был? — спрашивал он не то у самого себя, не то у присутствующих.

— Разве Матрёшка Хватова? — предположил конюх Данила Васильевич.

— Нет, та кончила сено на лугу. И сейчас там копнят, — ответил Евсеич. — Главно дело, почему корзины поставлены в траву? Не иначе тут конфуз какой-нибудь получился. Ясно дело.

Терентий Петрович Климцов пришёл позже. Он тоже прочитал объявление и спросил, обращаясь скромненько ко всем сразу:

— А может — Сидор Фомич Кожин?.. Нет, не он, у того в корзине должен быть обязательно лук-репка, а тут лук не обозначен. И вроде бы он был сегодня на работе. Был Сидор на работе?

— Был, — ответило несколько голосов сразу.

— Кто ж бы это мог быть? — совсем тихонько проговорил он.

— Терентий Петрович! — позвал из открытого окна Пётр Кузьмич. — Зайдите-ка ко мне на минутку по одному дельцу.

Терентий Петрович тщательно вытер ноги в сенях и вошёл.

— А почему у Сидора Фомича должен быть лук? — спросил председатель.

— А потому, что, кроме него, никто до июня месяца не додержит прошлогодний лук. Он его впятеро дороже продаёт — полтинник за головку. Человек такой: в колхозе — лёгкую работу, а дома — до поту.

— А если в корзине лук?

— Тогда — он.

Пётр Кузьмич поманил к себе Терентия Петровича и отодвинул ящик письменного стола. Терентий Петрович как глянул, так и воскликнул:

— Он! Точно говорю, он. Тугодум — по прозвищу.

— Так, так. Теперь надо выяснить обстоятельства, при которых всё это оставлено в траве. Придётся послать за ребяташками.

Через некоторое время у двери кабинета председателя стояли двое ребят — Миша Сучков и Валька Силкин.

— Ну, иди! — подталкивал Валька товарища.

— Нет, ты иди первым! — пятился от двери Миша. Мальчик он был смиренный и способный, не озорник. — Ты натворил, ты и входи сначала.

Дверь открылась. На пороге стоял Пётр Кузьмич.

— Давайте, давайте, ребята. Вы мне очень, очень нужны. Без вас тут вопроса решить нельзя.

Валька вошёл и снял фуражку, попробовал пригладить вихорок на голове над виском, но вихорок не подчинился. Курносенькое озорное лицо с острыми глазками обратилось к окну так, будто пришёл Валька по особому важному делу и ждёт начала разговора.

Миша хотел сначала спросить, как взрослый: «По какому, дескать, случаю вызвали?», но шмыгнул тонким носиком, помялся на месте, держа перед собою в опущенных руках фуражку, и сказал:

— Пришли.

Пётр Кузьмич улыбался одними глазами и смотрел на ребят. Было им лет по двенадцати — не больше.

— Вот что, ребятки, — начал он. — Всё, что мы будем здесь говорить, должно остаться тайной. Ни один человек не должен знать о нашем разговоре. — Ребятишки наострились и смотрели уже прямо на Петра Кузьмича. — Первое дело: в каком классе учиться?

— В четвёртом, — вполголоса, будто по секрету, ответили оба сразу.

— Хорошо — уже большие, можно доверить. А отметки как?

— Пятёрки, — с достоинством ответил Миша. А Валька молчал.

— А у тебя?

— По арифметике... тройка.

— Э-э! Как же это так?

Валька посмотрел на пол, увидел там сучок, потрогал его носком чувяка и не ответил. Миша счёл бестактным молчание товарища и ответил за него:

— Он арифметику знает. Только на контрольной записал неправильное условие. Надо было: «Один паровоз вышел со станции А, а другой со станции Б», а он записал: «Паровоз вышел со станции А, а пар о-

ход — со станции Б». Пока он думал, на каком расстоянии встретился паровоз с пароходом, время прошло. Так, Валька?

— А тебя спрашивают? Лезет тоже, — недовольно проговорил тот. — А может, железная дорога была вдоль канала Волга—Дон? Ты почём знаешь?

— Так то ж — задача, — возразил Миша.

— А канал — это тебе не задача?

— Ну, не арифметика же?

— Ну, и не лезь!

Спор заходил уже всерьёз. Пётр Кузьмич счёл нужным прервать их:

— А теперь давайте о деле поговорим. Спорить нам нечего: и задачу надо записывать правильно и на канале всё может быть. Оба вы правы. — Ребятишки посмотрели друг на друга уже примирительно, а он вдруг спросил: — Как же вы нашли корзинки?

— В траве, — ответил Миша.

— Это ни о чём не говорит. Расскажите подробно: как шли, куда шли. за чем шли. кто встречался на пути. Всё расскажите. Но чтобы после — молчок. Поняли?

— Рассказывай ты, Миша.

— Ишь, какой! Ты же сказал Сид... Ох! — Встрепенулся Миша и испуганно посмотрел на товарища. — Ты и рассказывай.

— А кто сказал: давай отнесём корзинки в правление? Ты? Или кто?

— Ладно. Рассказывай ты, Миша, — обратился Пётр Кузьмич.

— Ну... Пошли мы с Валькой утром рано на подсолнух — дополоть свои паюшки.

— До солнышка, — добавил Валька.

— Идём себе и идём. Тут Валька и говорит.. «Давай, — говорит, — сходим на речку, посмотрим наши верши — может, рыба попалась».

— Нет, ты первый сказал: «Рыбки бы теперь поймать!», а про верши это я уже потом, после. Ты сказал: «Рыбки бы», а я сказал: «Днём опрыскиватель пойдёт по подсолнухам, а дополоть надо раньше».

— А я-то тебе не говорил, что раз на работу идём, то не до рыбы? — спрашивал Миша. — Что я — лодырь, что ли?

— Ну, и я не лодырь. Двадцать трудодней имею.

— Похвалился! У меня двадцать три, а молчу.

— Ну, рассказывай ты, Валя, — сказал Пётр Кузьмич, всеми силами стараясь сохранить серьёзный вид, хотя это было очень трудно.

— Пришли мы к мосту, — начал теперь Валька. — Видим: бежит с коромыслом Сидор Фомич. Бежи-ит, труси-ит! Трух-трух-трух-трух... — Он немного помолчал. — Вчера же на наряде все ломали голову, как бы управиться с сеном и подсолнух дополоть — барометр на дождь пошёл, — а он бежит на базар. Бежит себе, и ему не совестно.

— Это я сказал так: «Бежит себе, и ему не совестно», — перебил Миша.

— Да ладно! — отмахнулся Валька. — Ну, шёл он и всё оглядывался. Мы и думаем: «Бессовестный! Люди — на работу, а он — на базар». Так ведь, Мишка?

— Так.

— Тут я и говорю... — Валька замялся, пристально посмотрел на Мишу, потом на Петра Кузьмича, и лицо его почему-то стало виноватым. Он понизил голос и совсем уже тихо сказал: — Говорю: «Давай корзинки отнесём в правление...» И...

— Стой, стой, Валя! Что-то тут немножко не так. Значит, отняли корзинки? — будто ужаснулся Пётр Кузьмич.

Миша подвинулся вплотную к Вальке и, слегка толкнув его локтем, сказал:

— Всё равно, Валька, узнают. Раз по секрету разговор, то... Раз уж оба придумали, то оба и отвечать давай.

И вдруг Валька оживился, заволновался, вихорок его задрожал, и он быстро заговорил:

— Мы и думаем: «Давай вернём его на работу». Так, Мишка? — Тот кивнул головой утвердительно. — Поравнялся он с нами, мы ему и говорим: «Дядя Сидор! А бригадир сейчас поскакал на базар и говорит: поеду посмотрю, кто из симулянтов подрывает скирдование сена». Тут Сидор Фомич остановился и спросил: «Правда?». А мы и говорим: «А председатель, мол, сейчас собирается ехать в город — линейка уже запряжена». Сказали мы так и вроде пошли на подсолнух, а сами сели в кустах. Постоял, постоял он и вернулся. Только прошёл немного и опять стал. Он же думал как: на базар пойти — там бригадир, вернуться обратно — председатель на линейке встретит. Тогда он сошёл в траву, поставил там корзины и пошёл домой через сады. Ну, тут мы и говорим: «Давай отнесём в правление». — Валька вытер фуражкой выступивший пот и сконфуженно закончил: — Раз виноваты, то значит виноваты. Мы больше не будем.

— Теперь всё ясно, — сказал Пётр Кузьмич. Он серьёзно посмотрел на ребят, встал, подошёл к ним, положил ладонь на плечо Миши, потрепал легонько вихорок Вали и сказал: — Я никому не скажу. Но вы больше так не делайте. Не надо, ребята, обманывать. А рыбу ловите, вам ловить полагается. Идёт сейчас рыба-то?

— Всё больше — линь, — ответил Миша.

— И плотва пошла хорошо, — добавил Валька. — Да всё нам как-то некогда.

— Работа. Прополочная, — степенно закончил Миша.

...Всё это я записал со слов самого Петра Кузьмича. В тот вечер, совсем в сумерках, мы сидели с ним вдвоём в его кабинете и он рассказал мне о ребятах и их находке. Свой рассказ он закончил так:

— А всё-таки важно то, что Сидор Фомич шёл на базар не с чистой совестью... Не пожелал встречи с бригадиром или с председателем. Это очень важно.

Мы уже собрались уходить, как в дверь кто-то осторожно постучал.

— Войдите, — откликнулся Пётр Кузьмич.

В кабинет вошёл Сидор Фомич.

— Добрый вечер! — угрюмовато поздоровался он.

— Добрый вечер! — приветливо ответил Пётр Кузьмич. — Садитесь, Сидор Фомич.

Но Сидор Фомич не сел, а переминался с ноги на ногу, не решаясь начать разговор. Крепкий на вид, с украинскими усами, чисто выбритый, с редкой проседью в рыжеватых волосах, он сначала почесал висок, медленно повёл плечами, легонько крякнул и без обиняков сказал:

— Значит, лук-то украли... В объявлении не обозначен.

— Так это ваше всё? — будто удивился Пётр Кузьмич. — Что же раньше не зашли?

— И зашёл бы, да... народ тут кругом. Думаю, вечерком схожу. — Он себя чувствовал явно неудобно: то рассматривал стены, то вдруг заглядывал в окно, хотя на улице ничего нельзя было разобрать в темноте. — Значит, лук пропал?.. А его там два килограмма — рублей на тридцать будет...

— Нет, не пропал. Жалеючи вас, я про лук-то никому не сказал. Всё ж неудобно: горячая пора в колхозе, а вы — на базар.

— А что ж тут такого? — возразил без особой силы Сидор Фомич. — Я к двенадцати часам дня был бы на работе. Как часы, был бы.

— Выходит так — одни будут работать с утра, а другие с половины дня. Так, что ли?

— Продукция... — неопределённо произнёс Сидор Фомич. — Огородное дело, как бы сказать, требует.

— А работать в колхозе?

— Мы работаем. Выполняем, как полагается. Сто пятьдесят трудодней за прошлый год имею. Но без овоща нам никак нельзя.

Удивительным мне показалось тогда, что Пётр Кузьмич не возражал Сидору Фомичу, хотя можно было бы говорить и о производительности труда и о многом другом. Он только спрашивал.

— А так, между нами говоря, Сидор Фомич: рублей на сто с лишним будет продуктов в двух корзинах?

Тот прикинул в уме, посмотрел в потолок и изложил:

— Лук — тридцать. Молоко — двадцать. Масло — сорок пять. Да. Так примерно рублей на сто должно быть... Кому-то хотелось чужим добром поживиться, да, видно, помеха вышла. — Он даже улыбнулся и повеселел, но не надолго.

— А как же эти корзины вы потеряли? — спросил Пётр Кузьмич. — Интересно!

— Как бы сказать, допустим, я иду... — Он растерялся и искал выхода. — Вижу, что вроде бы облака пошли. И я, значит, иду... Да! Дай, думаю, за плащом вернусь. А оно вон что вышло.

— За плащом, значит?

— За плащом.

— Значит, облачка находили?

— Облачка. Находили.

Так и не сказав никаких особых речей председатель — всё спрашивал да улыбался. Но Сидор Фомич, ссыпавши лук в мешочек, уходил потный и красный, как из бани, и вполголоса говорил:

— А работать будем. Как это так — не работать? Только овощ, он своё время знает. Без этого невозможно. И на базаре овощ требуется. Без этого нельзя.

Вскоре и мы с Петром Кузьмичом разошлись по домам.

Июньские ночи короткие: всё кажется — вечер, а, глядишь, — уже полночь на дворе. Ночь была тёмная. Тучи плотно закрыли небо, и звёзд не было видно. Изредка поодиночке падали капли дождя. В голове возник беспокойный вопрос: «Доскирдовали сено или нет?» И как бы в ответ, сначала послышался девичий смех, потом говор людей и вдруг, наперекор пасмурной погоде, грянула многоголосая песня:

Ка-алника, калинка моя,
В саду ягодка-малинка моя...

Кто-то на ходу притопывал, кто-то позванивал о косу в такт песне, под которую хорошо плясать. Люди шли с сеноуборки довольные, весёлые, говорливые.

Скоро всё стихло.

Земля запахла так, как она всегда пахнет перед дождём в июне. Тут и молоденький, от первых цветов гречишный медовый запах, и душистое — свежее-свежее! — сено, и такой ласковый душок крошки-чебреца; даже подорожник, и тот пахнет по-своему. Всё это то смешивается в воздухе, то поочередно вырывается струйками. Корни растений в такие ночи издают особый, какой-то прочный, могучий, богатырский земной аромат. Может быть, поэтому среди всех запахов настойчиво побеждает аромат земли. И кажется — земля дышит. А беспрестанный, ровный и напористый рокот

тракторов один господствует над всем живым: больше никаких звуков. И если человек, хотя бы однажды, ощутил дыхание такой ночи, то она надолго останется в памяти. Но если человек с детства дышал этим родным и любимым, то никогда он не забудет, где бы ни был, куда бы ни привёл его жизненный путь. Хорошо летом в тёмную ночь перед дождём!

Шёл я медленно и думал о Сидоре Фомиче. Я очень давно его знаю, с первых лет своей работы. В бездонной степной темени ничто не мешало воспоминаниям, и передо мною вдруг полплыли прошедшие годы. Что только не вспомнит человек, проживший полвека!

И вот вспомнилось такое...

Было это в 1933 году. У Сидора Фомича корова объелась дурной травой. Пришла из стада и собралась издыхать: живот раздуло бочкой, лежит, ноги вытянула кольями, язык вывалила, кричит... Беда! Кончается корова, а до ветеринарного врача — пять километров (тогда во всём районе было только два ветеринара). Жена Сидора Фомича побежала за бабкой Унылихой, единственной бабкой, оставшейся изо всех бабок. Присеменила та бабка. Маленькую кружечку с водичкой принесла с собой. Держит она кружечку, как живого зверёныша, в обеих ладонях и — вокруг коровы... Шепчет, крестится, водичкой сбрызгивает. А корова уже и ногами дрыгает, пропащее дело!

Хозяйка с заплаканными глазами дёргала корову за хвост и сквозь слёзы говорила:

— Ну, вставай же! Вставай!

Сам Фомич растерялся.

— Что же это ты, Машка? А? Бросать нас хочешь, а? Пропадём! Машка!

Случилось мне в этот день проходить мимо хаты Сидора Фомича. Услышал я бабий вой, зашёл во двор и увидел всю эту картину.

Сидор Фомич смотрел на меня остановившимися глазами. Брови у него поднялись, усы обвисли, а щетина на давно небритом лице растопорщилась во все стороны иглами, картуз сбился на сторону и заташил за собой прядь длинных волос, завернувшихся конопляной куделью. Лет было тогда не более тридцати, а видно — постарел он за эти минуты. Сначала он смотрел мне в лицо неподвижно, потом проблеснуло в глазах что-то вроде надежды, и он даже шагнул в мою сторону. Но вдруг махнул рукой, будто хотел сказать: «Ну что там — агроном! Что он понимает по коровьим делам!» — и снова уставил взгляд на корову.

Жена его перестала плакать и смотрела на меня умоляюще. Ещё молодая, русоволосая, с голубыми, блестящими от слёз глазами, полнощёкая, чуть курносенькая — видно, боевая бабочка, а сейчас вот потерялась вся и всхлипывает.

— Товарищ агроном! Подыхает Машка-то. Как же?

Бабка Унылиха выплескала всю «святую» водичку и тоже растерянно прошамшила, держа пустую и бесполезную кружку костлявым пальцем:

— Трава такая есть, чёртов волос называется. Вот и объелась. От неё и святая крещенская вода не помогает.

— Где,— спросил я Сидора Фомича,— паслась корова?

— На зеленях,— угрюмо, с недоверием ответил он.

— Тимпанит. Срочно надо прокол делать.

Незнакомое ли слово или уверенность, с которой я говорил, оказали действие — на меня смотрели с явной надеждой.

Терять времени никак нельзя было. Пока до врача доберёшься, скотина подохнет.

— Дай-ка, Сидор Фомич, камышинку из крыши,— сказал я.— Да по-

скорее! — А сам нащупал пах у коровы, кольнул карманным ножиком и вставил в отверстие поданную камышинку.

Воздух из брюха пошёл со свистом. Все молчали в волнении и неведении. И только через несколько минут, после того как корова шумно вздохнула, хозяйка бросилась ко мне.

— Голубчик, родимый! Да откуда тебя бог принёс?!

А Сидор Фомич поправил картуз, высморкался в сторону, потрогал усы и произнёс:

— Наука... она, брат... Да-а.

Пробовал я, по молодости, объяснить, что тут особой науки и не требуется и что есть даже простой инструмент — троакар, которым пользуются при тимпаните. Но эти «тимпанит» и «троакар» звучали так, что по лицу Сидора Фомича было видно: он и не собирался что-либо понять. Он только поддакивал и переспрашивал:

— Как говоришь — пантомит?

-- Тим-па-нит.

— Ишь ты... А как этот: туракар?

— Тро-а-кар.

— Ну, где там! — уже весело воскликнул он. — Одно слово, наука.

Во время нашего разговора жена его юркнула в хату и вскоре вышла, держа в чистой тряпочке кусок сливочного масла. Она стала против нас и молча ждала окончания беседы. Корова тем временем стала ворочаться. Мы помогли ей подняться и заставили ребятишек гонять её помаленьку на улице.

Сидор Фомич добродушно пригласил:

— Сядем давайте на скамеечку. Или в хату пожалуйста!

Сели с ним рядом около хаты, на лавочке. Хозяйка стала сбоку. Теперь Сидор Фомич стал уже совсем другим. Глаза у него, оказывается, острые, чуть прищуренные, усы он завинтил вверх, а лицо совсем повеселело. В расположении духа он сострил:

— Пантомит, пантомит, у Машки живот болит. — Но вдруг сразу по-мрачнел. — Да-а... Чуть было беда не стряслась. Спасибо вам! Никогда не забуду, во веки веков. Мы ведь к ней, к корове, большое уважение имеем... Кормилица... Без неё пропадёшь. Да. Наука — она... сила.

— Вот в колхозе, — сказал я, — десять коров в один день так же, как у вас, заболели, а ветеринар приехал и всех спас. Там действительно наука. А вы, Сидор Фомич, до сих пор не в колхозе. Нехорошо

Он был заядлым одиноличником, хотя колхоз существовал уже три года. И никакая агитация на него не действовала. Таких было дворов десять в селе. «Не прошибёшь мозги, — говорил председатель сельсовета, — тугодумы». Пользуясь добрым расположением Сидора Фомича, я завёл разговор о колхозе, пробовал убеждать. Помню, говорил горячо, волнуясь, как и полагается молодому агроному. Вдруг, среди моей речи, Сидор Фомич поднял брови, провёл ладонью вниз от переносья, отчего усы опустились, и проговорил медленно, глядя вниз:

— Ты вот что, товарищ агроном... Сколько тебе платить за корову-то? А о колхозе... где-нибудь.

Ошпарил он меня этими словами так, что я ничего не нашёл сказать, кроме слов:

— Какой ты... тяжёлый.

— Слышал, — так же угрюмо проговорил он. — И тугодум — слышал.

Жена его попятилась немного назад, спрятала кусок масла под передник и ушла в избу, оглядываясь.

Было ещё обиднее, когда Сидор вынул пятёрку и протянул мне со словами:

— Спасибо. Во веки веков не забуду. Поверь.

Отходя от хаты, я обернулся и увидел, что Сидор Фомич сидит, полу-согнувшись, и держит пятёрку в опущенной вниз руке. Таким он и остался в памяти.

Хорошо помню, что Сидор Фомич вступил в колхоз одним из последних. Он всё присматривался, взвешивал и чего-то боялся...

Дождь стал накрапывать настойчивее. Капли всё чаще падают на дорогу. Так начинается окладной дождь — без грома, тихо.

В ту ночь я долго не мог уснуть — Сидор Фомич не давал покоя. Вспоминалось, с каким интересом он посещал лекции по овощеводству и никак не хотел слушать о чём-либо другом. Он спрашивал: «А будет там насчёт овощей?» Если же ему отвечали отрицательно, то говорил: «Тогда мне и делать нечего». Потом возникло в памяти заседание правления, где обсуждали вопрос о позднем выходе некоторых колхозников на работу и о раннем уходе с поля на свои усадьбы. Многие вспомнились.

Да. Давно я знаю Сидора Фомича, очень давно.

И ещё припомнился разговор.

Совсем недавно Сидор Фомич работал с Евсеичем, которого одна ночная работа сторожем никогда не удовлетворяла. Работали они на воздушно-тепловом обогреве семян гречихи. Дело это очень простое: вороши семена и прогревай, чтобы тёпленькими стали. Площадка для обогрева была вблизи агрокабинета. Я иногда выходил проверить, как идёт работа, или наблюдал из открытого окна.

— Видишь, до чего додумались, — обращался Евсеич к Сидору Фомичу. — Семечко, допустим, живое, а не всхожее. А погрей его — и оно взойдёт. Ясно дело — научность. Трофим Денисыч — голова. — Евсеич растопырил пальцы по обе стороны головы на полметра. — Ум — во!

— А взойдёт? — сомневался Сидор Фомич.

— Ясное дело, взойдёт. Не первый раз такое делается у людей.

— Я ещё не видал. Будет ли дело?

— И не обязательно надо видеть. Агрономия, она, брат ты мой, знает, как оно там растёт. И над землёй — знает, и под землёй — знает. Я так думаю, что при коммунизме мы по сто центнеров зерна с гектара будем получать... А может, и больше. Ясно дело.

— Ну и загнул, Евсеич! Сто! Ты прикинь сперва, а потом говори. Я на своём огороде всё по науке делаю, а вот даже чесноку по сто центнеров с гектара не получается. А ты — зерна сто.

— Чудак ты, Фомич! На Алтае уже было по сто центнеров пшеницы, сам читал.

— Чем же это я чудак?

— А тем, что на своём огороде по научности делаешь, а тут не веришь, взойдёт или не взойдёт, будет или не будет по сто. Ясно дело, будет. Конечно, не сразу, а со временем.

— То-то вот — со временем. А кто его знает, как оно там будет со временем?

Он молча постоял в задумчивости, потом принялся снова за работу, но вскоре опять остановился и совсем неожиданно сказал:

— Маловато — полгектара.

— Это чего?

— Огорода, усадьбы.

Евсеич рассмеялся.

— А ты напиши по этому вопросу в Москву. Так, мол, и так: работаю на своём огороде столько же, сколько и в колхозе, и желаю иметь другой. Тут тебе сразу из центра бумага и придёт: дать Сидору Фомичу

два огорода. Пушай, дескать, попробует хрип гнуть, если забыл, как гнул когда-то. Пушай на него колхозники посмотрят. Ей-бо, так и напишут! А ты, значит, как получишь эту бумагу...

— Ну вот! Не может он без подковырки,— с досадой перебил Сидор Фомич.

— Какая же тут подковырка? — возразил Евсеич, и видно было, что он еле сдерживает смех. — Это ты будешь подковыривать лопатой, а рядом будут гусеничные да электрические над ухом: гр-рр, гр-рр! Копай лопатой два огорода, по полгектара каждый, копай, хоть облупись. Не возражаю.

Сидор Фомич молчал — видать, рассердился — и ворошил семена. А Евсеич долго смотрел на него и наконец окликнул:

— Сидор, а Сидор!

— Ну?

— Или у тебя портки колючие, что тебя от огорода не оттащишь? Сел — не отдерёшь.

— Тьфу! — отплёвывался тот. — И пожилой человек, а как... Ну, как бы сказать, скребница, что ли. Дерёт и дерёт по коже.

— Ой, Сидор! Много у нас с тобой драть надо. Ей-бо, много! Ясно дело, отдерут. Отдеру-ут!.. И такой станет человек чистый и... приветливый. — Евсеич вздохнул.

— А кто ж его знает... — нерешительно и уже примирительно произнёс Сидор Фомич. — Может, и так...

Он задумался и продолжал работу молча.

Я поделился этими своими воспоминаниями с Петром Кузьмичом на следующий день. Он слушал внимательно, не перебивая, а потом сказал задумчиво:

— Сидоры Фомичи — это самый трудный участок работы. Таким скорее можно доказать делом, дойти словом до них гораздо труднее. Недаром и прозвище ему — тугодум. Колхоз должен выращивать столько овощей, чтобы колхозник не так дорожил своей усадьбой. Убеждён, что это очень важно.

Мы долго сидели вдвоём. Прикидывали, высчитывали, записывали и, наконец, пришли к выводу, что колхоз может обработать не меньше сорока-пятидесяти гектаров огородных культур, не считая картофеля. Договорились начать это дело в нынешнем же году, если общее собрание разрешит сделать некоторые изменения в годовом производственном плане.

Пётр Кузьмич не любит откладывать дела. В ближайшие дни он уже повёз в район выписку из решения правления, в которой было написано: «Распахать за ольшаником заливной осоковый луг на площади пятьдесят гектаров под огороды. Увеличить производство овощей в десять раз. Просить райсельхозотдел планировать ежегодно нашему колхозу: лука — пятнадцать, чеснока — десять, капусты — двадцать гектаров. Организовать специальную овощную бригаду».

Перво-наперво Пётр Кузьмич попал к товарищу Чихаеву — главному агроному райсельхозотдела. Тот долго читал бумагу, рассматривал, удивлялся, а потом, вздохнув, сказал:

— Зачем столько овощей? Обузу себе выдумали. Я считаю, что наш план достаточен. Раз мы областной план развертали — значит он теперь будет стабильным. Овощей и на усадьбах колхозников хватит.

Так вот и сидели два агронома друг против друга: Пётр Кузьмич, председатель колхоза, и товарищ Чихаев, который прожил за письменным столом двадцать с лишним лет и насчёт планирования двух собак съел. Пётр Кузьмич доказывал своё, а Чихаев — своё. Пётр Кузьмич спорил,

улыбаясь, а товарищ Чихаев сердился. Они не пришли к соглашению, и Чихаев в конце концов написал резолюцию: «Укрепляйте полеводство и животноводство согласно решениям вышестоящих организаций, в которых об овощах не сказано». На словах он добавил:

— Хлопот полон рот, а будет ли доход? — И, очень довольный своим остроумием, вернул бумагу Пётру Кузьмичу. — Всё.

— Нет, не всё, — сказал Пётр Кузьмич.

— То есть как?

— К Ивану Ивановичу в райком схожу.

— Видите ли, — малость смешался Чихаев, — я приблизительно согласен... Я так и ставлю вопрос: будет ли доход? Если будет, то можно, а если не будет, тогда руководствоваться тем, что сама жизнь покажет, практика.

Пётр Кузьмич хорошо понял Чихаева, но с секретарём райкома, Иваном Ивановичем, всё-таки посоветовался и приехал в колхоз вполне довольный.

Вскоре он созвал заседание правления совместно с активом колхоза и пригласил Сидора Фомича принять участие в этом важном совещании.

Об организации овощеводства мне пришлось сделать доклад довольно обстоятельный. Дело для колхоза — новое, требующее точных расчётов, учёта затраты трудодней, внедрения механизации и т. д. Слушали все внимательно. При обсуждении никто не возражал, а лишь уточняли, выясняли, вносили свои соображения. Только Сидор Фомич сказал так:

— Оно, конечно, хорошо. Слов нет — дело сурьёзное. Только чеснок — штука то-онкая. Его же требуется с осени закладывать, накрывать сухим сыпцом, посадить точно во-время. Хлопотная штука! У нас в колхозе и на пяти гектарах овощей хромота идёт, а тут будет пятьдесят. Может, подождать бы? Такое моё соображение.

— До коих пор ждать? — перебил Евсеич. Они всегда спорят друг с другом, но никогда не порывают дружеских отношений.

— Ну, годик-другой: пока укрепится укрупнённый колхоз.

— А укреплять-то чем будешь? Палочкой-поджидалочкой?

— Отказать в таком предложении, — подал голос и Терентий Петрович.

После прений высказался Пётр Кузьмич.

— Три задачи решаются в этом вопросе, — сказал он: — обеспечение колхозников овощами, снижение цен на рынке, увеличение денежного дохода колхоза. Думаю, что общее собрание утвердит проект, предложенный докладчиком. — Длинно он говорить не умел и перешёл прямо к делу: — Сенокос у нас закончен, поэтому за ольшаником можно поднимать пласт, обработать его в пару, а с осени приступить к закладке чеснока и другим подготовительным работам. Овощную бригаду надо укомплектовать из колхозников, знающих это дело. Вношу предложение — создать два огородных звена; звеньевыми назначить следующих товарищей: члена правления Федору Карповну Васину и Сидора Фомича Кожина — мастера по огородничеству. Если Сидор Фомич сумел у себя, то в колхозе ему никак невозможно дать плохой урожай. Придётся, конечно, отвечать теперь и за общее дело, а не только за самого себя. Какие будут суждения?

— А как будет обстоять дело с коромыслом? — намекнул Терентий Петрович. — Насчёт базарных дел как? С тех самых кувшинов так и идёт по народу поговорка: «Кто — на работу, а кто — с коромыслом».

— Пусть он сам скажет, — ответил Пётр Кузьмич. — По-моему, Фомич справится...

— У него свой огород — золотая левада. Некогда будет работать на колхозном огороде, — сказал кто-то из угла.

А Сидор Фомич молчал. Крепко задумался он, очень крепко.

— Ну, как же решил? — спросил Пётр Кузьмич.

— Дайте хоть немного подумать, — проговорил вполголоса Фомич.

— Сколько времени тебе на думки отпустить? — спросил Евсеич, перебирая пальцами клинышек бородки и усмехаясь.

Но Сидор Фомич не заметил иронии Евсеича и искренне ответил, глядя ему прямо в лицо:

— Ну, хоть бы... с недельку подумать надо.

Наступило молчание. Пётр Кузьмич смотрел на Сидора Фомича внимательно, будто проник ему в душу и видел, что там у него творится внутри. В тишине слышно было, как тикают торопливые часы-ходики, которым ожидать не полагается — они идут и идут.

Сидор Фомич вздохнул.

В этом молчании послышался голос Терентия Петровича:

— Позвольте слово!

Терентий Петрович на собраниях говорил редко, больше подавал реплики, но после совещания передовиков уже иногда и выступал. Многие обернулись в его сторону, но, по малости роста, его не было видно, поэтому послышалось сразу несколько голосов:

— Выходи, Петрович, наперёд!

— Давай на вид становись!

Терентий Петрович вышел к столу и тихонько, спокойно начал:

— Так, товарищи. Сидору Фомичу мы внесли предложение. Хорошо. А он собирается подумать с недельку. Выходит, если каждому из нас над таким делом думать по недельке, то получится развал колхозного строительства, а не путь к коммунизму. Точно говорю. — Сидор Фомич поднял голову и внимательно посмотрел на оратора. Они встретились глазами, и Терентий Петрович чуть-чуть повысил голос: — Помнишь разговор на сенокосе, Фомич? Помнишь! Ты что тогда сказал? Ты сказал, что тебе, дескать, при социализме жить хорошо. Ладно. Это правильно. А что ты сказал ещё? — Терентий Петрович вдруг заговорил баском, подражая Сидору Фомичу: «Мне коммунизм не к спеху. Мне и при социализме неплохо». Спорили мы с тобой? Спорили, подтверждаю. А что после того спора? «Подумаю!» — говоришь. Ладно, думай. Но только я скажу ещё. Значит, тебе твоя усадьба дороже всего на свете. Ты одной ногой — в колхозе, а другой — на своём луке да чесноке. Одна рука — в колхозе, а другая — на базаре. Вот какой вывод я тебе делаю.

Тут Сидор Фомич встал и заявил прямо:

— Не иначе — ты выпил.

Терентий Петрович шагнул к нему и, подняв лицо вверх, сказал вежливо и так же спокойно:

— Давай дыхну! — И, не дожидаясь согласия, дохнул открытым ртом на Фомича.

— Тверёзый! — удивился тот и сел.

— Да разве ж можно по такому вопросу пить! — отозвался Терентий Петрович. — Небось, думаешь: «По какой причине он говорит?» Я отвечу. Что ж, Фомич, слов нет, ты живёшь вроде честно. Ты и чуть больше минимума выработал, но... — Терентий Петрович поднял палец вверх, вскинул бородку и резко произнёс: — Но ты сейчас — тормоз движения на данном этапе. Эх! Фомич, Фомич! И не один ты. Через то самое я и выступаю, а то молчал бы. Собственник ты, Фомич! Если ты хочешь понизить жизнь, то это самое — не лучше воровства. Точно говорю. — Терентий Петрович немного помолчал и вдруг воскликнул: — Не может того быть, чтобы у тебя и душа чесноком пропахла! Все ж мы тебя знаем — трудовик. Ну что ты всю жизнь упираешься? Тебя — к хорошей жизни, а ты — обратно.

Сидор Фомич ещё раз встал, и в голосе его послышалась просительная нотка.

— Ну, Терентий Петрович! — Он махнул рукой и сел, опустив голову.

— Слышь, Терентий! — заговорил Евсеич. — Ты что, не видишь, что человек стронулся с места и без того? Должен понимать: это же не с глазу на глаз разговор, тут публика. — И в его словах прозвучало что-то тёплое.

— Ладно, я кончил, — неожиданно сказал Терентий Петрович и пошёл на своё место. А уже оттуда добавил: — Только ты подумай над моими словами. Вопрос сурьёзный, Сидор Фомич. Я тебе не для критики, я душевно сказал.

Пётр Кузьмич спросил у присутствующих:

— Ну как же? Дадим Сидору Фомичу подумать?

На этот вопрос никто не ответил, но Сидор Фомич отозвался сам. Он сначала повёл плечами, будто стряхивая какую-то тяжесть, поднял лицо к председателю и медленно, с расстановкой сказал:

— Что ж... Два дня хватит. Послезавтра скажу.

Пётр Кузьмич улыбнулся и заразил всех — все улыбнулись. Дескать, сразу пять дней уступил... Только Сидор Фомич всё ж таки снова вздохнул. Он даже оглянулся на сидящих, но, не увидев в глазах людей ничего похожего на злобу, потрогал усы и, кажется, улыбнулся тоже. А может быть, мне просто показалось.

С совещания мы шли вдвоём с Петром Кузьмичом. Шли некоторое время молча. Он заговорил первым.

— Я был неправ, Владимир Акимыч, — сказал он, заключая вслух какую-то свою мысль.

— В чём?

— Можно и до Сидора Фомича дойти словом, но только надо уметь найти это слово. Вот Терентий Петрович нашёл. И Евсеич всегда находит. А я нет... Наверно, слово это должно быть точным и правдивым, как у Терентия Петровича, и душевным, как у Евсеича.

— Ты, Пётр Кузьмич, делом доходишь лучше слова.

— И всё-таки этого мало, — задумчиво проговорил он.

Мы попрощались.

«Найдёшь ты и слово! — думал я. — Не такой ты человек, чтобы не найти».

ГЛЕБ ПАГИРЕВ

★

К ПАРТИИ

Партия! В душевном разговоре,
В помыслах о завтрашней судьбе,
В радости, в сомнении и в горе
Люди обращаются к тебе.

И не только мы. В любую пору,
Выходя на праздник или в бой,
Все народы чувствуют опору
В слове, произнесенном тобой.

Партия! Когда ни призвала бы
И какой бы ни дала приказ,—
Воины, поэты и прорабы
На призыв вставали каждый раз.

Не найдётся и теперь такого,
Кто б из нас не почитал за честь
В нужный час, твоё услышав слово,
По-солдатски отозваться: «Есть!»

Партия! Чиста и безупречна
Та любовь, с которой мы храним
Имена, вошедшие навечно
В сердце вместе с именем твоим.

ЛЮДВИК АШКЕНАЗИ

★

СЬЕНФУЭГОС ИЛИ СТО ОГНЕЙ

Рассказ

Биография Рамона короткая. Она из тех биографий, которые можно передать десятью фразами. Но каждая фраза — словно том романа, а может быть, любой из них хватит и на целый роман.

Рамон — кубинец, уроженец города Гаваны. В детстве от недостаточного питания у него был вздут живот, а в юности, как у всех грузчиков, у него уже слегка сутулилась спина. Обо всём остальном, имеющем значение для его биографии, будет идти наш рассказ.

Кубинский плод манго золотисто-румян, а по вкусу напоминает посыпанный сахаром персик. Плод аквацаты похож на сказочную грушу, и кожица её такого нежнозелёного цвета, что художники не могут оторвать от неё глаз. Если надкусить очищенную аквацату, то по подбородку потечёт густой, жирный сок, который можно мазать на хлеб, как масло. А ананасов на Кубе больше, чем звёзд на небе! Достаточно протянуть руку, чтобы сорвать ананас. Но то, что у Рамона Хименеса в детстве был вздутый живот и тонкие ножки, худенькие щёки, горевшие желтоватым румянцем, и глаза, в которых, как в открытой книге, можно было прочесть выражение голода, — всё это не имеет никакой связи ни с плодом манго, по вкусу напоминающим густо посыпанный сахаром персик, ни с аквацатой — сказочной грушей, ни даже с ананасами, которые называют кубинской картошкой, потому что ананасы вкусны только для сытых, а не для голодных детей, поверьте нам. И густой сок аквацаты никого не насытит, если только его не намазать на хорошо выпеченную кукурузную лепёшку. А вся суть-то в том, что если хочешь чем-то намазать кукурузную лепёшку, то прежде всего её надо иметь.

Вот почему в детстве для Рамона лучшим лакомством были не манго, не аквацата, не ананасы, а самые обыкновенные лепёшки из кукурузы. На втором месте после кукурузных лепёшек шла фасолевая похлёбка с большим жёлтым кружком жира, который плавал гордо, как корабль, а Рамон тщательно обходил его ложкой, сберегая для последнего, самого вкусного глотка. Но, в конце концов, похлёбка хороша и без жирного пятна — было бы в ней хоть немного фасоли! Что касается кукурузных лепёшек, то лучшие из них — зеленовато-жёлтые, с блестящей корочкой. Такая лепёшка может показаться совершенно обыденной и прозаической вещью, если вы положите рядом с ней чудесную грушу аквацату, изумрудную, как морская волна. Но лепёшка тает во рту, как мёд, если приступаешь к ней с должной почтительностью и радостью. Ведь ананасы можно есть каждый день, а кукурузную лепёшку — нет. Вот и выходит, что только сытых детей привлекают ананасы, а голодных, поверьте нам, — нисколько! Не о них мечтал и Рамон Хименес, и всё же вырос он стройным, как сахарный тростник, с той только разницей, что не было такого ветра, который мог бы его согнуть.

Кстати о тростнике. На Кубе, если поедешь на юг — увидишь сахарный тростник; поедешь на запад — увидишь сахарный тростник. Горячий ветер клонит и гнёт его стебли. А на востоке и севере Кубы, кажется, самый воздух сладок, как сок тростника, и мешки с сахаром вздымаются к небу, как горы. Тут поневоле вспомнишь старого учителя географии, который вычислил со своими учениками, какой высоты получится гора, если сложить её из кусочков сахара, вывезенного с Кубы за пятьдесят лет. Гора должна была получиться такой высоты, что хороший альпинист мог бы добраться по ней до самой луны. Подсчёты эти были не такими уж праздными, как это казалось неблагодарным ученикам старого учителя. Если пользоваться кусочками сахара, как кирпичами, можно было бы из них за год построить новую Гавану, белую сахарную Гавану с небоскрёбом на Прадо, с новым дворцом Кастильо дель Моро и с новой тюрьмой Эль Принсипе.

Вот такая сладкая страна, этот остров Куба, где всюду высятся горы мешков с белым сахаром!

На одних мешках — штамп: «Cuban American Sugar Comp.».

На других: «United Sugar Comp.».

На третьих: «Azucarrera Atlantica del Golfo»¹.

Эти общие рассуждения о кубинском сахаре имеют отношение к детству нашего героя лишь постольку, поскольку читатель наш будет весьма изумлён, узнав, что в возрасте от трёх до десяти лет Рамон Хименес очень редко пил кофе с сахаром.

Прекрасные воспоминания детства быстро улечиваются, иначе Рамон Хименес до смерти помнил бы тот торжественный вечер — это было в весеннем месяце апреле, — когда мать впервые в жизни положила ему в руку три кусочка сахара и гордо сказала:

— На, поешь сладкого!

Мать Рамона Хименеса была хорошая женщина, которая сумела сделать то, что другим казалось невозможным: она воспитала десятерых своих детей в страхе божием. Её девочки расцвели, как яркие цветы, а мальчики выросли крепкие, как молодые деревца. Правда, страх божий, к огорчению богобоязненных соседей и кумовьёв, испарился из сердец детей матушки Консуэло так же быстро, как утренняя роса под лучами солнца. Но что важнее всего, говаривала матушка Консуэло, так это то, что у детей её осталось доброе сердце. По воскресеньям молодые Хименесы приносили обязательную дань материнской любви синьоры Консуэло, собираясь в её ветхой хижине, которая в дождливые дни вбирала воду, как губка.

После каждого воскресного посещения дети уносили с собою не только нравственные наставления, но и лепёшки со сладким творогом и повидлом из гуайавы.

Иногда к ним заглядывали соседи. Негр Рафаэль приносил свою гитару. Тогда в хижине Консуэло звучали старинные песни, и её любимая дочка Тереса, тоненькая девушка с узкими бёдрами и маленьким личиком, танцевала с улыбкой на ярких губах прихотливую кубинскую румбу, пристукивая высокими каблуками своих туфелек. Дети Консуэло были весёлые и легкомысленные, горячие и вспыльчивые, и только ласковый, полный любви, но всевидящий взгляд матушки Консуэло умерял необузданное веселье и предупреждал неожиданные вспышки.

Они любили свою золотую «мамиту» любовью простодушной и почти-тальной, хотя в памяти их стёрлись все её ласки и поцелуи, все её бессонные ночи и пролитые слёзы. Но матушка Консуэло не забыла ничего,

¹ «Кубино-американская сахарная компания», «Объединённая сахарная компания», «Атлантическая сахарная компания». (Примеч. перев.)

она наблюдала за своим выводком снисходительно и восхищённо и, перебирая чётки, шептала свои особые молитвы. Каждая бусинка её чётки носила имя кого-нибудь из её детей. Матушка Консуэло останавливала взгляд на ком-нибудь из них, нащупывала его бусинку и шептала: «Пресвятая дева Мария с Гвадалупы, сохрани его».

Так оберегала матушка Консуэло своих легкомысленных детей.

Когда они расходились, мать раздавала им лепёшки и выходила со свечой на порог, чтобы осветить им дорогу в узком, тёмном проулочке предместья Гаваны.

Матушка Консуэло была довольна — самое горькое и тяжкое осталось позади, теперь она могла вволю поспать, а на верхней полочке у неё были припасены сладости, которыми она лакомилась понемногу и осторожно. Вот как заслуженно доживает свой век женщина, сумевшая воспитать своих детей так, чтобы они не разбежались, словно котят, и питали уважение к той, которая произвела их на этот прекрасный свет.

Среди всех детей Консуэло выделялся Рамон, которого прозвали Сьенфуэгос, что означает «Сто огней». В нём как будто действительно пылало сто огней — такой он был беспокойный и нетерпеливый, упорный и пытливый человек. И жил он своей, непонятной и чуждой матушке Консуэло жизнью. Он шёл своей, а не проторённой дорогой. Это был удивительный, не похожий на других юноша, хотя глаза у него были материнские — глаза цвета зрелой сливы, даже немного темнее, со светло-серебристым блеском. Такие глаза были у матушки Консуэло в те времена, когда на неё ещё заглядывались мужчины. Продолговатые и задумчивые были глаза у Сьенфуэгоса, и Консуэло видела в них свою молодость.

В них действительно как будто отражалось сто огней. Но Сьенфуэгосом Рамона звали не поэтому, а просто потому, что он родился в квартале с этим названием. Никто не знал, кто первым так его назвал, но это прозвище к нему пристало, и тут уж ничего не изменишь.

Рамон рано ускользнул из материнских рук и был не похож на других. Он задавал ей странные вопросы и требовал таких же ответов. Говорил он мало, как будто слова свои ценил на вес золота, улыбался, когда никто этого не ожидал, и мрачнел, когда следовало бы смеяться. Мать следила за ним с тревогой в сердце, терялась и робела. Только когда он улыбался, Консуэло чувствовала, что сердце её тает, как кусок сахара, и тогда ей очень хотелось, чтобы он снова был маленьким и бегал без штанишек и чтобы ей снова приходилось утирать ему нос и залечивать шишки.

И тогда она забывала тот тревожный ночной разговор, после которого в её материнском сердце навсегда поселился страх. Разговор был, правда, совсем обычный, и трудно, в самом деле, понять, почему она столько о нём думала. Однажды Сьенфуэгос не явился на воскресное семейное собрание — забежал только поздно вечером. Консуэло уже погасила свет и собиралась лечь спать.

— Не зажигай света, — сказал Рамон, — посидим в темноте.

И знаете, в комнате вдруг стало светлее от глаз Рамона! Или это только так показалось его матери? Матерям всегда ведь многое кажется...

— Вчера в порту я грузил мешки... — сказал Рамон. — С сахаром. И один мешок свалился в воду...

— Ты должен быть осторожнее! — заметила Консуэло. — Тебя выгонят с работы. Хозяйва стали нынче очень строги.

— Его лишь слегка окатило волной, — продолжал Рамон, — совсем немного, и он промок только чуть-чуть. А когда я хотел его поднять, надсмотрщик сказал: «Оставь его, некогда... Беги за следующим».

— Какой хороший человек! — улыбнулась мать. — Такие не часто встречаются. Не знаешь, как его зовут?

— Не знаю, — ответил Рамон. — Я не знаю, как его зовут. Но он вовсе не хороший человек. Просто мешок сахару для него не имеет никакой цены. Всё равно, что стебель травы. Что ему мешок сахару?

— Кому? — удивлённо переспросила Консуэло.

— Ему, — повторил Сьенфуэгос, и вдруг его мягкий, ещё полудетский голос зазвенел, как вода, превратившаяся в лёд. — Сахар остался там; его может смыть волна, и он до скончания века останется в солёной воде. Но вот если б я вздумал унести его с собой...

— Что ты говоришь! — всполошилась Консуэло.

И ей вдруг пришло в голову: не бредит ли сын?

В то время ему не было и семнадцати лет.

— Помнишь, что значил для нас кусок сахару? — сказал он, и голос его задрожал.

— Мы были бедны, — вздохнула Консуэло. — У нас ничего не было. Ведь всегда так — одни бедны, а другие богаты. У одних есть всё, у других нет ничего.

— Мы почти никогда не клали сахару в кофе, — воскликнул Рамон так, что Консуэло испугалась его голоса, — а сахару на Кубе столько же, сколько песку в море... Чей же тогда этот сахар?

Ему ещё и семнадцати не минуло, а уж вот какие у него были мысли! Консуэло знала эти мысли, и её исповедник из церкви святого Лаврентия, славный, добрый отец Бартоломео, называл их дьявольскими. Сердце Консуэло затрепетало, как раненая птица, потому что она поняла, по какому пути пойдёт её сын.

И она сказала — так, просто, чтобы в последний раз предостеречь его:

— Бог знает, что он делает, сынок.

— Нет, не знает, — возразил Рамон, — и я не знаю бога.

Это были страшные, кощунственные слова, и после них Консуэло долго лежала в темноте без сна, а лицо её было мокро от слёз. Она думала о том, что такое добро и что такое зло, и не сердилась на сына, потому что он был плотью от её плоти и кровью от её крови. Но она боялась за него так, что об этом нельзя и рассказать. Потом ей привиделся плохой сон — будто умирает Сьенфуэгос и она бежит в приход святого Лаврентия за исповедником. Бежит по длинной и широкой улице, у которой нет конца. Так она бежала, бежала и не добежала. Потому что улице не было конца.

Однако ничего особенного не случилось; разве только то, что Сьенфуэгос стал ещё больше задумываться.

Он грузил в порту мешки с сахаром на иностранные пароходы, и его разгорячённая спина всегда была покрыта сахарной пылью. На одних мешках был штамп: «Cuban American Sugar Comp.», на других — «United Sugar Comp.». Это были синие и красные штампы с иностранными словами, и Рамон скоро понял, что этими штампами запечатана судьба острова Кубы. Он носил на согнутой спине джутовые мешки с сахаром и чувствовал себя при этом как человек, помогающий вора́м выносить вещи из собственного дома.

А всё это произошло от книг. Книги на первый взгляд кажутся самой обыкновенной вещью, и трудно представить, что от шуршания их страниц может взойти какое-то семя. Но если кого-нибудь охватит такая сильная книжная горячка, какая охватила Сьенфуэгоса, да если ещё найдётся мудрый советчик, знающий, что следует и чего не следует читать, то человек почувствует себя так, словно кто-то зажжёт внутри него запальный шнур. Прочтёт он книгу, и огонёк продвинется ближе к цели.

Огонёк горит и не угасает, ползёт всё дальше и дальше, и вдруг вырывается огромное, яркое пламя, и в свете его человек может разглядеть самые тёмные уголки своей жизни. Всё вокруг становится сразу ясным, как днём, человек познаёт причины и факты жизни и приближается к истине. Всё становится на свои места, и человек начинает размышлять о том, где правда и где ложь, что чисто и что нечисто, что надо построить, а что необходимо разрушить.

Так и у Сьенфуэгоса — огонёк добежал до конца, старый мир взлетел на воздух и в зареве взрыва открылись очертания будущего.

Как звали того человека, который открыл ему путь к книгам, Сьенфуэгос так и не узнал. Человек этот был болен туберкулёзом и вскоре умер. Сьенфуэгос знал только, что у него были седые усы и что книги он держал под подушкой. Всё, что осталось от него, была старая, засаленная книжка о Спартаке, в которой недоставало заглавной страницы. Это была первая книга, которую получил Сьенфуэгос от этого человека. Как не узнал Сьенфуэгос имени того, кто увлёк его книгами, так и не узнал он, кто написал «Спартака», книгу волнующую и пламенную, которую можно читать сто раз.

Сьенфуэгосу было тогда четырнадцать лет; человек с седыми усами жил по соседству с ними, он не вставал с постели, и Сьенфуэгос приносил ему воду.

Когда он вернул больному первую прочитанную им книгу — книгу о Спартаке,— тот спросил:

— Понравилось?

— Понравилось,— сказал Сьенфуэгос.

Глаза его были красны, потому что он читал всю ночь. Он глубоко страдал оттого, что Спартаку не удалось освободить рабов.

— Я подарю тебе её,— сказал седоусый.— Хочешь?

— Хочу,— прошептал Сьенфуэгос.

С тех пор он пристрастился к чтению. Позднее он научился отделять злаки от плевел. А человек с седыми усами умер.

Сьенфуэгос вырос и поселился в душном доме, недалеко от порта. В комнате его было только три предмета: кровать, на которой он спал, ящик, на котором он ел, и полка, на которой за зелёной занавеской стояли книги. Приходя домой, он раздвигал занавеску торжественно, как раздвигают занавес в больших театрах. Потом проводил пальцем по корешкам своих книг и каждый раз снова и снова перечитывал их заглавия. Некоторые книги он вынимал и переставлял на другое место. По субботам он тщательно стирал с них пыль и каждый год красил полку чёрной краской.

Потом он раздобыл ещё маленькую этажерку для книг и поставил её возле своей кровати. На этажерке стояли четыре книжки: растрёпанная книга о Спартаке — подарок человека с седыми усами, рядом — книга под названием «Дос Риос». Это были рассказы о Хосе Марти, который боролся за свободу Кубы и пал у Дос Риоса. В книге были напечатаны и песни Хосе Марти — «Versos sencillos», что означает «Простые стихи». И ещё там был «Репортаж с петлей на шее», а затем книга, которую Сьенфуэгос никогда не читал, потому что она была на иностранном языке. Это был маленький сборник стихов Владимира Маяковского в коричневом переплёте, с непонятным русским шрифтом. На первой странице был портрет Маяковского, довольно необычный портрет: поэт, в шляпе и галстук, с тростью в руке, стоял на Бруклинском мосту в Нью-Йорке. Позади него убежали вдаль линии железных дорог и высился небоскрёб. Маяковский смотрел так, словно очень удивлялся чему-то. Он высоко поднял брови и задумчиво сжал губы. В книжке лежала газетная

вырезка. Это был отрывок из стихотворения Маяковского «Блэк энд уайт» в испанском переводе:

Белый
ест
ананас спелый,
чёрный —
гнилью мочёный.
Белую работу
делает белый.
чёрную работу —
чёрный.

С друзьями Сьенфуэгос о книгах не разговаривал. Не потому, что не хотел,— он просто боялся, что не сумеет о них сказать. Только один раз, давая кому-то «Репортаж» Фучика, он сказал:

— Вот человек, жизни и смерти которого я завидую...

— Даже смерти? — спросил приятель.

— Нет,— сказал Сьенфуэгос.— Не смерти. Я плохо выразился. Я завидую его жизни. Потому что его смерть — та же жизнь.

— Где ты научился так говорить? — удивился приятель, который давно не видел Сьенфуэгоса, и, уходя, покачал головой.

Среди книг за зелёной занавеской лежала одна книжка, которой, на первый взгляд, там было не место. Это была сберегательная книжка. Она была тоненькая, в яркокрасной обложке, и Сьенфуэгос перелистывал её столь же часто, как и другие книжки. О сберегательной книжке Рамона Хименеса надо говорить особо, потому что её место в этом рассказе значительно и определённо. Мы не знаем, что видел Сьенфуэгос на её страницах, перелистывая их по вечерам, но во всяком случае — не одни только куцые столбики цифр и шестигранные печати сберегательной кассы. Нечто иное и более прекрасное читал Сьенфуэгос в своей вкладной книжке, и это была необычайная и волнующая история.

Нужно сказать, что Гавана — неподходящее место для сберегательных касс. У богатых есть собственные, никому не доступные сейфы, а бедным не из чего копить. Но не только это — у простых гаванцев не в почёте бережливые и скуповатые люди, обладатели вкладной книжки, густо заполненной записями и печатями и заботливо хранимой в том месте, где лежит свадебная фотография, документ о бракосочетании и золотая монета, подаренная на крестинах новорождённому сыну. Гавана — город легкомысленный, народ здешний отнюдь не избегает кабачков и трактиров. Их жажда велика: видно, знойный воздух иссушает кровь, а язык томится по влаге. Люди здесь беспечные и с размахом; они швыряют последнюю монету на стойку так, чтобы никто не мог подметить в них хоть каплю сожаления об истраченных деньгах. Лишь бы они были в Гаване немало возможностей, ради которых человек, обладающий фантазией, не станет излишне скряжничать. Публичные дома здесь встречаются чаще, чем сберегательные кассы, а американских баров больше, чем школ. Деньги же существуют для того, чтобы их тратить.

О вкладной книжке Сьенфуэгоса не знал никто, кроме него самого. Это было его глубоко сокровенное, на первый взгляд даже непонятное, новое увлечение. В самом деле, если юноша был способен не поужинать, чтобы купить своей девушке цветы, и всегда думал о других, а не о себе,— откуда у него это? Позвольте, да ведь вы, собственно, ещё и не знаете, каков он. Это был стройный, весёлый юноша с крупными белыми зубами и вечно падающей на лоб прядью волос. Он умел смеяться так заразительно, что, глядя на него, никто не мог удержаться

от смеха. А когда он субботним вечером, сидя в дверях своего дома, играл на гитаре, все шедшие мимо девушки замедляли шаг и вздыхали, и вздохи их были полны грусти и ласки, словно их кто-то обнимал в это время.

Когда Сьенфуэгос говорил, невозможно было не слушать его, хотя слова у него выходили медленно, как будто с трудом, преодолевая какие-то препятствия. Они были похожи на рокот бурного потока, бегущего по камням. Но это были простые, правдивые, горячие слова. Они излучали чистоту и любовь к людям. Короче, это был простой, хороший парень, чуточку долговязый, с чистым, добрым сердцем.

Вкладная книжка имеет прямое отношение ко всему рассказу, хотя не сразу это заметишь.

История её такова.

В 1947 году в Гавану прибыл советский пароход «Кахетия». Прибыл и отбыл, многие его видели, а многие — нет. Сьенфуэгос его не видел, и, как это получилось, мы не знаем. Пароход пришёл и ушёл, и на океане не осталось никакого следа. Борозда на его поверхности сомкнулась, и след парохода «Кахетия», который должна была бы отметить огненная линия на зелёных волнах, затерялся за туманным горизонтом. Для тех, кто не видел парохода «Кахетия», но страстно мечтал его увидеть, осталось единственное вещественное доказательство того, что это не «летучий голландец», а настоящий пароход с живыми людьми. То была миниатюрная скульптура Сталина. Советский моряк с «Кахетии» подарил её старому портовому сторожу Игнацио по прозвищу «Сенбернар».

Игнацио был такой же грузный и добродушный, и были у него такие же отвислые уши, как у тех замечательных псов, что спасают заблудившихся в горах путников. В остальном Игнацио ничем не отличался от других портовых рабочих, и многие завистники сомневались в том, что именно он — тот человек, который по праву достоин быть обладателем скульптуры Сталина. Сенбернар прятал её у себя на груди и показывал только близким друзьям. Сталин был изображён в полувоенном кителе с поднятой для приветствия рукой. Скульптура была отлита из блестящей коричневой бронзы. Игнацио заботливо тёр фигурку большим носовым платком неопределённого цвета, и она блестела ещё ярче — достаточно было даже слабого света, чтобы она сверкала.

В порту о подарке советского моряка знали многие, и Игнацио сильно вырос в общественном мнении. Рамон Хименес разыскал как-то старого сторожа и попросил его показать ему Сталина.

— Кто ты? — спросил Игнацио.

— Меня зовут Сьенфуэгос, — ответил Рамон.

— Я слышал о тебе, — сказал Игнацио.

Он поставил бронзовую фигурку на ладонь и поднял руку вверх, к солнцу.

Сьенфуэгос не отрывал взгляда от скульптуры: как хороша она была! Затем он спросил старого Игнацио:

— Скажи мне, пожалуйста, как они выглядели? Можешь ты мне сказать, как они выглядели?

— Кто? — удивился Сенбернар, хотя он наверняка сразу же понял, о ком идёт речь, но переспросил только потому, что любил во всём точность.

— Я хочу, чтобы ты сказал мне, как выглядели советские моряки, — пояснил Сьенфуэгос. — Какие они из себя?..

— У них есть руки и ноги, — с усмешкой начал Игнацио, — штаны у них наверху узкие, внизу широкие... А так — люди как люди! — И добавил: — Головы у них бритые...

Игнацио любил, чтобы и вопросы и ответы были точными. А может, он и на самом деле был этаким непонятливым старым пнём.

— Не знаю, понимаешь ли ты меня,— вежливо настаивал Сьенфуэгос.— Будь так добр, постарайся меня понять... Я хочу знать, как выглядят советские люди, как они улыбаются, что они говорили...

И он вспомнил портрет Владимира Маяковского из книжки со своей этажерки. И вспомнил то, что читал о Сталинграде и о тех, кто истекал кровью в сталинградских окопах. То, что говорил Игнацио, по прозвищу Сенбернар, казалось ему неуважением, насмешкой.

Старый Игнацио снова продолжал с улыбкой:

— Что они говорили?.. Да что же им было говорить? Что на Кубе отчаянная жарница! А один улыбнулся, увидев пальму,— кто знает, почему она ему понравилась? А головы у них гладкие, как колёно...

— Старый ты, а глупый,— возмущённо сказал Сьенфуэгос и повернулся, чтобы уйти.

Однако Игнацио не обиделся. Он покачал головой и снисходительно заметил:

— Ну и спичка же ты!

— Всё равно я их когда-нибудь увижу,— резко ответил Сьенфуэгос.

— Возможно.

— И ты ещё носишь на груди изображение Сталина, старый краб! — воскликнул с обидой в голосе Сьенфуэгос и ушёл, не попрощавшись.

Но Игнацио-Сенбернар и тут не обиделся. Конечно, он понимал, в чём дело, но он любил, чтобы вопросы и ответы были точными. А Сьенфуэгос ещё не умел так ставить вопросы. Было ему только двадцать лет...

С той поры Сьенфуэгоса обуяло страстное желание — во что бы то ни стало увидеть советского человека.

Несколько позднее дошли до Гаваны первые вести о готовящемся берлинском фестивале молодёжи.

В рабочем кружке — о нём мы рассказывать не станем: это самостоятельная история — горячо, до поздней ночи, говорили о фестивале. Это были молодые мечты, и Сьенфуэгос всецело им отдался. Он купил карту и разыскал на ней Берлин. Чёрный кружок на зелёном поле карты Сьенфуэгос обвёл красным карандашом, и получился как бы нерасцветший бутон пиона. С того времени Сьенфуэгос стал есть один раз в день, а за занавеской его библиотеки появилась книжечка в красной обложке, в которую позднее Рамон стал заглядывать чаще, чем в другие. Это и была его вкладная книжка. Он ходил смотреть на рекламные плакаты транспортных компаний, на изображения синих морей и дымящих паровозов, и дорожная лихорадка развивалась в нём, как болезнь. Это была благородная дорожная лихорадка. Сьенфуэгос хотел увидеть советского человека. Вероятно, это желание вам кажется простым и несложным? Возможно. То, что обычно для вас, было необычным для Сьенфуэгоса, а то, что было привычным для него, непривычно для вас. Он плохо считал, иначе ему стало бы ясно, что понадобится двадцать лет, прежде чем он сможет скопить себе денег на проезд до Берлина. А к тому времени, быть может, и в Гаване будут фестивали и Сьенфуэгосу не придётся никуда ездить.

Считал он скверно, но для себя он завёл строгий бюджет. Бюджет его выглядел так:

Ежемесячный доход: 55 песо¹.

Расход: квартира — 10 песо, хлеб — 20 песо, свет — 6 песо, вода — 2 песо, книги — 2 песо, сбережения — 15 песо.

¹ Один песо равен одному американскому доллару.

Итого — 55 песо.

В следующий же месяц Съенфуэгос вычеркнул графу «книги». Ни хлеб, ни воду вычеркнуть было нельзя. В Гаване очень странно обстоит дело с водой. Кто хочет пить воду, должен платить за неё деньги. Вода в Гаване продаётся, и, может быть, продавался бы самый воздух, если бы его можно было держать на складе.

Из недр Кубы бьёт плохая вода: она горькая-горькая, и, если, мучимый жаждой, приникнешь к ней, она покажется отравой. Предприимчивые люди очищают кубинскую воду и продают. Хочешь утолить жажду, дорогой соотечественник? Покупай воду, дорогой соотечественник!

Воду из бюджета вычеркнуть нельзя. И хлеб вычеркнуть также нельзя.

На воскресные семейные вечеринки Съенфуэгос не ходил, и когда после долгого отсутствия Консуэло увидела его, она всплеснула руками, потому что лицо Съенфуэгоса так осунулось, что, казалось, на нём ничего не осталось, кроме глаз.

«Какая это змея так мучит его?» — подумала Консуэло ревниво, хотя понимала, что сыну её пора зажечь огонь в собственном домашнем очаге. Где те времена, когда Рамон приходил к ней со всеми своими сгорчтениями и клал свою чёрную голову на её тёплые колени, поверяя матери тайны? Беспокойно и печально смотрела Консуэло на сына, жившего уже своей собственной жизнью.

Единственное, что могла сделать Консуэло, это отдать все традиционные лепёшки со сладким творогом и повидлом из гуайавы одному только Съенфуэгосу. Она завернула их в бумагу и сунула в руки своему исхудавшему Рамону. Хотела было его погладить, но не осмелилась. Вдруг получилось так, что мать не решилась погладить собственного дитя! Он смотрел на неё сверху вниз, потому что был высок ростом. А Консуэло поднимала к нему голову, как к чему-то, чего нельзя достичь.

Остальные дети её говорили, что Рамон — коммунист.

Скажите, пожалуйста, что это такое — коммунист?

Но когда он улыбнулся матери, Консуэло снова почувствовала, что сердце её тает, как кусок сахара, и ей так захотелось, чтобы он снова стал маленьким, бегал без штанишек и чтобы ей пришлось утирать ему нос и залечивать шишки...

Она часто вспоминала о том, как Съенфуэгос воскликнул тогда, ночью: «Чей же это сахар?»

Когда он вышел, она отвернула занавеску и долго смотрела ему вслед. Он был красивый мужчина, такой красивый, что Консуэло даже заплакала от радости, что это её сын.

Вечера были знойные, будившие вдохновение. Прямо из порта Съенфуэгос шёл к своим друзьям, и они пели кубинские песни. Песни были нежные и весёлые, в них говорилось о пылких девушках и о фламинго, о солнце, скользящем над кронами пальм, и о струнах, которые никогда не рвутся. Самые красивые из них были песни, которые пела девушка Инесилья, черноволосая, как ночь, и стройная, как луч. Она сама складывала их. Достаточно было, чтобы ей понравилось какое-нибудь слово, и из этого слова она создавала песню. Слова же ей нравились чужие, непонятные и необычные, многосложные и звучные. Так сложила Инесилья песню о радио, которое называлось «Супергетеродин», об автомобиле под названием «Мерседес-Бенц», песню о родимом пятнышке, которое было у любимого на лопатке.

И ещё одну чудесную песню пела Инесилья — песню о пароходе «Кахетия».

Так они готовились к берлинскому фестивалю.

Съенфуэгос стал ещё более исправно посещать свою сберкассу и

вкладывать каждый месяц свои пятнадцать песо. Служащему кассы нравился весёлый юноша; он наставлял Рамона житейским мудростям, говорил о том, как благородна бережливость и какие богатые плоды пожинают сообразительные, бережливые люди.

— Вы хотите заняться торговлей? — участливо спрашивал он Сьенфуэгоса, а в душе порицал его за жизнь, полную лишений: ведь он уже тридцать лет служил в сберегательной кассе и знал крутые тропы, на которых терпели крушение человеческие надежды.

Сьенфуэгос же лелеял свою надежду, жил ею и для неё: он должен увидеть советских людей!

Но получилось так, что он их не увидел. Собственно, мы не можем сказать наверняка, видел он их или нет. Одни говорят одно, другие — другое. Так что лучше вам самим разобраться в этом.

А пока, дорогие друзья, позвольте продолжать рассказ.

В один из дождливых февральских дней на Кубу, в белый город Гавану, прибыл американский президент. Он прибыл в праздничном настроении, стёкла его очков добродушно поблёскивали, и фотографии на аэродроме запечатлели его лицо, украшенное официально-приветливой улыбкой. Его сопровождали супруга в новой шляпе испанского фасона, дама преклонных лет с несколько косящим взглядом, и дочь, певица с почти колоратурным сопрано; на подбородке её виднелось жёлтое пятнышко от сырых яиц, выпитых ею в самолёте. Президент похвалил пальмы и море, подчеркнул, что приехал он с единственной целью половить рыбку в кубинских водах — что, в виде исключения, соответствовало истине, — мельком упомянул о своих государственных заботах и о том, как он счастлив, что на время может забыть о них в этой стране грёз. Затем в сопровождении представителей власти он отправился в гостеприимно предоставленную ему пышную резиденцию, где, как сообщили газеты, принял холодный душ и съел компот. Дочь его в это время вела дружескую беседу с директором гаванской оперы и обещала ему выступить в роли Травиаты. Директора переполняли смешанные чувства: он был в восторге от чести, доставленной ему разговором с дочерью президента, но в то же время приходил в ужас от её артистического энтузиазма. Супруга президента в тот же день устроила чай для некоторых избранных дам Гаваны, который прошёл, как сообщили газеты, в дружественной атмосфере.

На следующий день в газетах была помещена фотография улыбающегося президента с подписью: «Президент сказал на аэродроме: «Я хочу видеть чистое небо, без военных самолётов».

Одна левая газета откликнулась на это в редакционной статье так: «Это вам, г-н президент, вряд ли удастся. Американская военная авиация имеет на нашем острове слишком много баз».

Этот незначительный инцидент никоим образом не омрачил идиллического настроения президента, но, как бы то ни было, это было невежливо по отношению к столь высокопоставленному гостю, который приехал рассеяться на Кубе и имел полное право закидывать свою удочку в кубинские воды, не испытывая при этом каких бы то ни было помех и раздражений. Официальным кругам Кубы было очень неприятно, когда супруга президента с надлежащим неудовольствием упомянула о «язвительных выпадах» такого рода. Её муж приехал сюда вовсе не за тем, чтобы даже во время своего редкого и заслуженного отдыха вдыхать ядовитую атмосферу газетных полемик. Он приехал на Кубу потому, что здесь зелёные волны с серебристыми барашками и что дом, где он будет жить, утопает в чудесных цветах колларио, окрашенных в цвет зари и издающих пьянящий аромат.

В американскую газету «Нью-Йорк геральд трибюн» проникло даже сообщение о том, что группа безответственных элементов в Гаване готовит так называемую демонстрацию мира с лозунгами, направленными против высокого гостя. Президент прочёл эту заметку и совершенно справедливо заметил:

— И в этой стране, повидимому, слишком много красных.

Слова президента молнией облетели все официальные учреждения, и им было придано большое значение. Возникла ситуация неприятная и даже несколько напряжённая.

Результатом этой неприятной и даже несколько напряжённой ситуации и явились, повидимому, чрезвычайные совещания у начальника гаванской полиции. Из надёжных источников — а что удивительного в том, что у начальника полиции есть повсюду надёжные источники — поступали донесения, что вести о так называемой демонстрации мира вполне обоснованы и что организация кубинской молодёжи, известная своей близостью к разным международным коммунистическим организациям, играет первую роль в этом возмутительном деле. Из докладных записок агента Ботинаги явствовало даже, что высокий гость будет изображён во время этой процессии в весьма недостойном виде. И начальник полиции — хотя он невольно засмеялся, взглянув на приложенный Ботинаги рисунок, — понял, что его мягкому и удобному креслу угрожает серьёзная опасность, если ему не удастся умелым манёвром сорвать демонстрацию.

— Придётся вам остановить их,— сказал начальник полиции своим подчинённым. — И остановить без вашей прямой помощи... Полиция в данном случае не годится.

— Но тогда как же? — изумились полицейские.

-- Как же, как? — сердито передразнил начальник. Потом, сделав длинную паузу, он торжественно объявил: — Их должен остановить гаванский народ... Граждане Гаваны должны встать на защиту своего гостя. Никакой полиции. Сам народ...

А когда полицейские обменялись удивлёнными, тревожными взглядами — они не привыкли слышать такие громкие фразы из уст своего начальника, — он весело заметил:

— На это дело мы ассигновали десять тысяч песо.

Тогда подчинённые встали и отправились выполнять поручение — теперь им всё было ясно.

А начальник полиции остался один за своим большим полированным письменным столом с тяжёлым пресс-папье, на котором готовился к прыжку жёлтый ягуар. Начальник размышлял о том, не слишком ли он разоткровенничался в присутствии стольких своих подчинённых. Но затем успокоил себя: «Я знаю о них больше, чем они обо мне». И настроил приёмник на Нью-Йорк.

Демонстрация в защиту мира была назначена на утро воскресенья. Небо было ясное, с дымчатыми кудрявыми облачками и светлыми разводами, похожими на узенькие полевые тропинки. Солнце освещало землю, а ветер трепал деревья. Земля была весёлая, воскресная, и люди улыбались голубым знамёнам процессии. Всё шло, как обычно. Ребёнок выпустил цветной воздушный шар, и шар взлетел высоко в небо. Дама в чёрном вышла из храма и зажмурила глаза от яркого солнца. Фламинго стояли на одной ноге перед белой виллой, утопающей в зелени. За отдёрнутой занавеской показался человек с чёрными лоснящимися волосами, в шёлковом домашнем халате и посмотрел на кишашую людьми улицу. Потом он зевнул — он ещё не совсем проснулся. Неподалёку из открытого окна звучало прекрасное сопрано, превозносившее до невероятных колоратурных высот самый белый и самый сладкий в мире сахар фирмы

«Cuban American Sugar Corp.». Бледная девушка в туфлях на высоких каблуках, ещё не совсем протрезвившаяся, возвращалась после своих ночных походов. Короче, это было обычное воскресенье. Гавана была такой же, как всегда; порядочные граждане занимались своими маленькими заботами, читали утренние газеты, чистили фрукты к завтраку, и некоторых из них очень удивила пёстрая толпа молодёжи, которая со знамёнами и песнями валом валила к Пасео дель Прадо.

Чего они хотят? Мира? А разве теперь не мир?

И они продолжали намазывать на свои лепёшки толстый слой сладкого творога и повидла из плодов дерева гуайавы.

Так уж бывает в жизни людей: одному достаточно иметь перед собой круглый столик с дымящимся кофе и сытным завтраком, а другой видит перед собой весь мир и не умеет быть счастливым в одиночку.

В первой шеренге демонстрантов шёл Сьенфуэгос.

Пока они проходили предместье, он широко улыбался и здоровался со знакомыми. Увидев молодых людей, он высоко подымал древко и медленно покачивал голубое знамя. Девушке, появившейся в окне, он крикнул:

— Кончита, кинь нам розу!

И Кончита в самом деле кинула розу. Сьенфуэгос поймал её на лету и прикрепил к древку. В колонне заплодировали — демонстрация была не особенно большой, но радость в ней так и бурлила. Шла одна молодёжь, за двумя, скорее случайными, исключениями.

Одним исключением был Донато Перес Флорес, неправдоподобно заросший волосами человек неопределённого возраста, с горьким выражением во взгляде; он нёс щит с надписью:

«Я уже десять лет ночью в каменной трубе. У меня никогда не было жилья».

Этот кубинский Диоген отличался от своего предшественника-философа тем, что всю свою жизнь честно работал, пока была работа. Хижину, в которой он когда-то жил вместе со своей семьёй, состоявшей из десяти человек, съёл один из тех ураганов, которые часто свирепствуют на Кубе; с того времени Донато Перес Флорес с семьёй обитал в каменных водопроводных трубах, заготовленных городским управлением Гаваны для каких-то других, пока не осуществлённых целей. Дядюшка Донато Перес Флорес был человек боевой, он никогда не терял надежды и пользовался каждым случаем для того, чтобы напомнить быстро забывающим, беспечным жителям Гаваны о своих бедствиях и о своём гневе. Молодёжь взяла его с собой, и так он шёл, заражаясь их весельем и смеясь вместе с ними, вслед за картонными голубями и голубым знаменем, которое нёс Сьенфуэгос.

Вторым исключением был безработный фокусник по прозвищу Зеро.

Донесение полицейского агента Ботинаги, обратившее на себя такое внимание в соответствующих инстанциях, было связано, главным образом, с личностью фокусника Зеро. У фокусника Зеро были старые и несведённые счёты с президентом США. Он изъездил Америку вдоль и поперёк. С президентом её — тогда был другой президент — Зеро жил в непосредственном соседстве. Он ночевал на скамьях в вашигтонском парке, и оттуда ему был виден Белый дом. В Белом доме светились окна, и Зеро искал в них тень президента. Но никогда ничего не видел. Счёт безработного фокусника Зеро к американскому президенту был далеко не покрыт.

Теперь Зеро шёл в рядах демонстрантов в маске, напоминающей лицо высокопоставленного гостя. Маска широко и добродушно улыбалась, у неё были острые, белые зубы, как у полевых мышей, а бесцветные глаза прятались за благожелательно поблёскивавшими очками. На Зеро

был потёртый фрак и смятый цилиндр; шёл он так, как ходит по канату акробат: расставлял руки, чтобы удержать равновесие, и то и дело спотыкался о воображаемое препятствие. Когда ему удавалось преодолеть это препятствие, он, улыбаясь, церемонно раскланивался. Заметив, что зрители следят за ним, он снимал цилиндр и ко всеобщей потехе показывал его пустую внутренность. Затем президент-Зеро произносил заклинание, переворачивал цилиндр, и в нём оказывалась картонная модель атомной бомбы. Президент-Зеро кланялся, высоко поднимая свою атомную бомбу, вкладывал её обратно в цилиндр, шептал заклинание и... цилиндр опять был пуст.

Такие весёлые фокусы проделывал Зеро со своим президентским цилиндром. Кроме шита Донато Переса Флореса, в колонне несли ещё один плакат, на котором выделялись красные буквы:

«Мир победит всйну!»

Сьенфуэгос шёл в первом ряду. Лицо его пылало, а в глазах горело сто огней. Он высоко держал голову, и огромная, ещё не понятная ему самому гордость наполняла его. Он не глядел по сторонам, слышал лишь гул голосов за собой и песни, и его переполняла любовь к простым людям, которым приходилось бороться за своё счастье. Жаль, что в эту минуту его не видела Консуэло. Матери должны видеть своих детей в такие минуты и восхищаться ими.

Но всё-таки хорошо, что там не было Консуэло, потому что приближался миг, который разбил бы ей сердце.

Там, где улица сворачивает к центру города и откуда уже видна зелёная листва старых деревьев на Пасео дель Прадо и блеск мрамора на гаванском Капитолии, стояли, покуривая, трое мужчин в белых костюмах. На первый взгляд они ничем не отличались от остальных прохожих и зевак и вели непринуждённый разговор, сверкая своими белыми зубами. Речь шла о женщинах, и мужчины громко смеялись. Только у одного из них еле приметно дрожали кончики пальцев. Это был ещё молодой и, видно, недостаточно опытный человек; он, правда, не испытывал никаких угрызений совести, но в глазах его всё же сквозила тревога. Когда мужчины в белом увидели голову колонны, один из них вошёл в телефонную будку, снял трубку и сказал:

— Можете итти.

Второй в белом вышел на середину мостовой и стал ждать. Это был тот самый, у которого дрожали кончики пальцев; он был несколько бледнее остальных двух. Он держал свой первый экзамен и боялся осрамиться. Он бросил недокуренную папиросу и наступил на неё ногой. Из-под башмака потянулся прозрачный голубой дымок.

Когда первые ряды демонстрантов поравнялись с ним, он сунул руку в карман, вынул тёмную посудину и выплеснул её содержимое Рамону в лицо. Это была серная кислота.

Страшно закричал Сьенфуэгос, невозможно описать этот крик. Знамя выпало из его рук и рухнуло на асфальт. Никто его не поднял, а человек в белом, удирая, нашёл ещё время пнуть его ногой, и на голубом полотнище осталось коричневое пятно от его резинового каблука. Только роза, подаренная Кончитой, лежала нетронутая, свежая, с нежными ароматными лепестками, благоухающая и забытая всеми. Это была великолепная красная роза — даже кровь, вытекшая из глаз Сьенфуэгоса, не могла соперничать с ней по цвету.

Затем начали взрываться слезоточивые бомбы, откуда-то появились какие-то люди, и вокруг ослеплённого Сьенфуэгоса разразилось нечто вроде тех гаванских бурь, которые налетают с моря и ломают всё на своём пути. У неизвестных были сильные, хищные руки, а дыхание горячее и смрадное; они дрались с таким остервенением, как будто решался

вопрос их жизни, тогда как дело шло вовсе не об этом, а лишь о том, чтобы подработать. Они выполняли задание старательно и точно; молотили кулаками и рвали волосы, пинали ногами в живот упавших девушек, а щит старого Донато Переса Флореса разбили о его седую голову. От щита осталась лишь половинка со словами: «Я уже десять лет ночью в каменной трубе».

Потом явилась добрая гаванская полиция и навела порядок. Мужчины, одетые в белое, бесследно исчезли; только тот, у которого дрожали кончики пальцев, сидел в ближнем баре «Мирамаре» и жадно пил из высокого стакана. Глаза его блестели, и он был очень доволен собой — ведь он обеспечил себе будущность в стране, где люди боятся завтрашнего дня. Недавно у него родился ребёнок, и человек, у которого дрожали кончики пальцев, в радостном волнении глотал слюну, набегавшую у него при мысли о том, что он честно заработал деньги и что для него и его семьи настали добрые, благополучные времена. Он выглядывал в окно без страха, зная, что никто не разыскивает его.

Полиция наводила порядок, и толстый полицейский комиссар, не то удивлённо, не то огорчённо качая головой, говорил:

— Нигде на свете нет таких горячих голов, как в Гаване. Удивительно, что они не курятся, как вулканы. Что-нибудь не понравится, и, пожалуйста, — начинается свалка.

И он добавил:

— Хосе, подымите это голубое знамя и отдайте его владельцу...

Вот как гаванский народ выступил на защиту своего высокого гостя.

Чи-то руки подняли Сьенфуэгоса с земли и подхватили его под локти. Дребезжал трамвай, и взволнованные человеческие голоса то приливали к нему, то отливали от него, словно прибой, бьющийся о прибрежные скалы. Рамон узнал голос девушки Инесилья, которая слагала такие чудесные песни, затем услышал пронзительный тонкий вой сирены и заткнул уши. Приехал врач в белом халате, но Сьенфуэгос не видел, что халат врача белый. Его вела девушка Инесилья, лицо её было залито слезами, но Сьенфуэгос не видел этих слёз. Прежде чем войти в машину, которая должна была отвезти его в больницу, он остановился и поднял голову к солнцу. Он смотрел прямо на раскалённый добела диск, и те, кто видел этот взгляд, никогда его не забудут. Это был кровавый взгляд, молящий и требовательный. Так Сьенфуэгос спрашивал у своего солнца, почему оно погасло. На месте глаз у него зияли красные отверстия, перевязанные белым бинтом. Повязка была толще самых прочных стен. Через неё не проникал ни свет дня, ни сияние звёзд, ни человеческая улыбка, ни зелень деревьев.

Шофёр машины скорой помощи нетерпеливо засигналил, и врач жалостливо сказал:

— Ну, входите, входите.

Быть может, он хотел сказать это иначе, лучше, но не сумел, и Сьенфуэгос вдруг почувствовал, как у него немеют руки и никнет голова, а по лбу струятся капельки пота. Слишком сильной была боль, и предел человеческого терпения был перейдён.

В машине Сьенфуэгос держал Инесилью за руку и молчал. Один только раз он спросил:

— Инесилья, что случилось?

— Я не знаю, — ответила Инесилья и заплакала.

— Не расстраивайте больного, — сказал врач, — оставьте его в покое. Ему нужен покой.

— Мне не нужен покой! — вскричал Сьенфуэгос. — Не хочу быть спокойным... И не буду спокойным!

И он так стиснул руку Инесилья, что девушка невольно вскрикнула.

А Сьенфуэгос повернулся в ту сторону, где он чувствовал, должно быть, её лицо, и улыбнулся... Невозможно описать эту улыбку. Была в ней такая страшная скорбь и такая страшная сила, что Инесилья отвела глаза. Она испугалась, потому что ей вдруг почудилось, будто из-под его повязки кто-то на неё смотрит. Но это, понятно, только почудилось ей, ибо кто бы это мог быть, Инесилья?

Больница стояла на холме, у неё были белые стены и большие окна. Вокруг росли старые деревья. От них — особенно по ночам — веяло ароматами леса: пахло землёй, листьями, корой и зелёной кровью, что течёт в жилах деревьев. Под утро Сьенфуэгос просыпался, и ему казалось, будто он слышит, как оседает на листьях роса. Он припоминал, как выглядят листья, и как-то даже попросил сестру принести ему листок. Он положил его себе на губы и так лежал и вдыхал его аромат.

В первые дни ему было трудно привыкнуть к темноте, и он напряжённо думал о том, как выглядят предметы, с которыми он соприкасался. Когда он ел аквацату, он весь сосредоточивался на воспоминании о том, какого она цвета. Как трава или как море? Нет, цвет её не похож ни на траву, ни на море, и Сьенфуэгос очень страдал от того, что не сохранил в памяти всех оттенков красок и уже не помнил, что такое красное или зелёное, коричневое или голубое. Для него существовал сейчас только один цвет — чёрный.

Ночью Сьенфуэгос спал беспокойно, боясь проспать новый день. Днём его навещали друзья — знакомые и незнакомые. Пахли цветы, шуршали платья девушек. Самым тяжёлым был первый день, когда пришла Консуэло. Она сидела у его постели и не могла произнести ни слова, только дрожала и всё время закрывала глаза. Но когда Консуэло прислушивалась, как ровно дышит её сын Рамон, на эти короткие мгновения она переставала думать о том, что произошло с ним. Она держала в руках чётки, бусинки которых носили имена её детей, но забыла, которая из них бусинка Рамона, и не искала её. Консуэло прислоняла свой пылающий лоб к холодной спинке кровати, чтобы немного охладить его, но он оставался горячим и влажным.

Ночью Консуэло вела разговор с пресвятой девой Марией, но это был бесполезный разговор. Пресвятая дева Мария явно не понимала Консуэло, она попрежнему пристально и нежно смотрела на своё нагое дитя, и земной матери не становилось от этого легче. Скорее — тяжелее, потому что она вспомнила, какое смуглозолотистое тельце было у Рамона, когда он родился, и какой это был неправдоподобно прекрасный ребёнок.

Что могла сказать Консуэло своему несчастному сыну?

— Будешь есть лепёшки с творогом? — спросила она, скорбно глядя в белые повязки, за которыми навсегда скрылись глаза Рамона.

— Не падай духом, мамита, — ответил Рамон. — Я научусь жить и так. И, даже не видя тебя, всегда узнаю, когда ты улыбнёшься. Я могу коснуться твоей руки и твоих волос, а ведь это всё равно, как если бы я тебя видел. И не сердись за то, что я так много тебя огорчал...

— Ты меня не огорчал, — заплакала Консуэло. — Ты самый лучший из всех моих детей, и я люблю тебя больше всех, мой Сьенфуэгос!

Она впервые назвала его «Сьенфуэгос». Она не любила этого прозвища. Его придумали уличные мальчишки, а матери приличествует называть своё дитя именем, которое ему дали при крещении.

И Сьенфуэгос понял, что хотела сказать Консуэло одним этим словом, и улыбнулся матери.

— Пусть тут закрывают на ночь окна, — проговорила она. — Ещё простудишься. Ночной ветер сырой и нездоровый. И хорошенько укрывайся; ты никогда не укрывался как следует.

— Хорошо, мама,— послушно отозвался Сьенфуэгос и принялся есть лепёшку с творогом, хотя вовсе не был голоден.

— Ты бы помолился пресвятой деве Марии с Гвадалупы,— сказала Консуэло робко, хотя считала это чрезвычайно важным.

Сьенфуэгос не ответил. Он вспомнил о своих книгах и попросил Консуэло принести ему некоторые из них.

Мать тихо вздохнула, и губы её сложились в горькую усмешку. Книги, книги... Какой тебе от них прок, сын мой милый? Но она пойдёт и принесёт ему их... И заодно приберёт его комнату, чтобы он нашёл там полный порядок, когда вернётся из больницы.

И тут она впервые осознала, что никогда ещё не бывала в его комнате.

Мать попросалась и тихо вышла. Только ещё раз со страхом и покорностью взглянула на большое распятие, висевшее в изголовье кровати, и на надпись: «Рамон Хименес, рабочий».

Как-то к Сьенфуэгосу явился неожиданный посетитель. Это был Игнацио, по прозвищу Сенбернар, обладатель маленькой бронзовой скульптуры Сталина. Он на цыпочках вошёл в палату, его испуганные серые глаза выражали сострадание и просьбу о прощении. Он долго не мог взглянуть в лицо Сьенфуэгоса.

Сьенфуэгос очень ему обрадовался и всё старался представить себе Игнацио. Старый сторож носил синие брюки и вышитый фартук, как у маленьких мальчиков. На фартуке мелкими стежками был изображён корабль с распущенными парусами и синей надписью: «Esperanza», то есть «Надежда». Лицо у него было, как у доброго пса, который видал всякие виды и не станет вилять хвостом из-за каждого пустяка.

— Я принёс тебе жареной рыбы,— сказал он.— Ты любишь жареную рыбу? Я сам её жарил. Посмотри, какая у неё корочка. Золотистая, как орех.

И вдруг запнулся, вспомнив, что Сьенфуэгос не видит. И так как не знал, чем исправить свою оплошность, то сидел молча, пощипывая реденькую бородку.

Потом, само собой разумеется, речь зашла о пароходе «Кахетия».

— Пароход больше не приходил? — спросил Сьенфуэгос.

Он не сказал какой, но Игнацио-Сенбернар понял.

— Нет,— ответил он,— а может, и приходил. Разве можно всё знать?

— Слушай, Игнацио,— сказал Сьенфуэгос.

— Что, сынок?

— Теперь-то ты бы мог мне сказать... Знаешь, о чём я, Игнацио? Или опята не знаешь?

— Знаю,— ответил Игнацио,— но как я тебе это скажу? — И нерешительно проговорил: — У них были полосатые тельняшки.— И после долгого молчания добавил с некоторой долей досады: — У одного из них была гармонь. Но он не играл.

Опять дело чуть не дошло до ссоры, но обстоятельства были уже не те, что при первой их встрече, и потому они сразу же помирились.

На прощание Игнацио сунул в руку Сьенфуэгоса изображение Сталина. Это был дорогой подарок. Прежде чем положить фигурку в руку Сьенфуэгоса, Игнацио нерешительно поглядел на неё, будто прощаясь, и даже легонько постучал по бронзовому плечу Сталина указательным пальцем, как бы желая ему счастливого пути.

Всё же этот Игнацио, которого прозвали Сенбернаром, был умный человек — умный и добрый. Сьенфуэгос держал бронзовое изображение в своей большой руке и от души благодарил Игнацио. Затем он медленно нащупал пуговицы на кителе Сталина и козырёк его фуражки.

— На фуражке есть ещё звезда,— сказал Игнацио.

И в самом деле, на фуражке была ещё звезда. И её Сьенфуэгос нашупал пальцами и с тех пор безошибочно находил её.

Под конец они поцеловались, и Игнацио-Сенбернар ушёл, очень довольный собою, что с ним редко случалось.

А скульптура Сталина заняла место на ночном столике рядом с букетом черноволосой девушки Инесильи.

За всеми этими событиями мы ещё не рассказали вам о посещениях Инесильи. Она приходила к Рамону ежедневно, и он сразу же узнавал её шаги, потому что они были особенно лёгкие и чуть-чуть неравномерные, напоминавшие первые капли дождя.

Инесилья жила далеко и ходила в больницу пешком, потому что у неё не было лишних денег. По дороге она раздумывала о том, что сказать Сьенфуэгосу, но ни разу ничего не придумала, хотя обычно слова у неё лились, как вода, особенно когда она складывала песни. Это очень угнетало Инесилью, потому что ей хотелось высказать Сьенфуэгосу хоть часть того, что наполняло её. Так уж бывает с людьми. На Кубе на этот счёт есть даже поговорка: гладко и красно умеют говорить только брачные аферисты, а истинная любовь всегда заикается.

Да, истинная любовь заикается.

Девушка Инесилья чувствовала, что она прикоснулась к чему-то великому и прекрасному, но что это такое — она не умела сказать. Может быть, ей удалось бы сложить об этом песню, но она ни разу не попробовала этого сделать. Даже во сне. И очень жаль — ибо кто знает, какой бы получилась песнь о Сьенфуэгосе, что означает Сто огней?

Время для Сьенфуэгоса было распределено по шагам Инесильи. Когда она уходила, её шаги звучали для него колыбельной песней. Он быстро засыпал, так как знал, что день окончен и больше ничего не произойдёт. Когда Инесилья приходила, он поднимался, опираясь на локоть, и начинал смеяться, ещё не услышав её голоса. Потом кричал по направлению к двери:

— Добрый день, Инесилья!

Инесилья приходила большей частью по вечерам, но Сьенфуэгос плохо отличал свет от темноты и не знал, когда на небе солнце, а когда звёзды. Позже он научился точно различать ночь и день, но в то время, когда к нему приходила девушка Инесилья, у него ещё не было этого умения.

Инесилья меняла цветы, потом садилась на край постели и брала Сьенфуэгоса за руку. Сьенфуэгос становился очень весёлым, громко смеялся и с интересом выслушивал скудные новости города Гаваны.

Американский президент уехал, приехала американская эскадра, матросы ходят пьяные, а на сигарной фабрике, где работает Инесилья, по-прежнему приходится скручивать очень влажные листья табака, так что руки отекают и горят, как в огне. А так, дорогой друг, ничего больше не происходит; дни сменяют ночи, а ночи — дни, и вот уже на носу весна.

Таким образом, главное, что давали посещения Инесильи, были книги. Книги принесла Консуэло, заботливо перевязав их розовой лентой и вложив в первую из них раскрашенное изображение пресвятой девы Марии с Гвадалупы. Матерь божья витала высоко над землёй, касаясь своими сандалиями луны, и её окружал ореол золотых лучей, разбегавшихся по всем направлениям. Под её сандалиями было маленькое серое пятно, похожее на чернильную кляксу. Это и была наша земля, юдоль слёз и сосуд греховный. К сожалению, Сьенфуэгос обнаружил эту картинку и, когда Инесилья описала ему, что на ней изображено, смял её влажной ладонью и выбросил за окно.

Картинка действительно никак не подходила к книжке. Книжка называлась «Что делать?», и написал её Владимир Ильич Ленин, чьё

лицо с остроконечной бородкой было вытиснено на обложке. Инесилья читала Рамону книжку, но, сказать правду, скучала при этом, так как нигде не находила в ней ответа на волнуемый её вопрос: что делать? Но Сьенфуэгос слушал с пылающим лицом, и этого было для девушки достаточно.

Однажды Инесилья пришла и сказала:

— Завтра я не приду, Рамон.

— Отчего, Инесилья? — спросил Рамон.

— Завтра Первое мая, — ответила Инесилья, — демонстрация начнётся утром и, должно быть, затянется до вечера. Потом в нашем рабочем кружке будет доклад, а затем... наверное, будем танцевать...

И она сладко потянулась, потому что была женщиной, а месяц май на Кубе такой же, как и всюду. Но когда она посмотрела на Сьенфуэгоса, что-то вдруг сдавило ей горло, и она не знала, что делать дальше. Она зашелестела юбкой и уткнула лицо в букет.

А Сьенфуэгос весь засиял. Смотрите-ка, а он-то забыл о Первом мае!..

— Иди, Инесилья, — взволнованно сказал он. — Потом расскажешь мне, как там было. Сколько было людей, сколько знамен. Привёл ли учитель Педро детей... И что пели и что кричали... А увидишь знакомых, скажи: «Сьенфуэгос приветствует Первое мая. Товарищи, помните о слепом Рамоне Хименесе». — И он засмеялся. — Первое мая... Оно приходит каждый год, и время остановить нельзя. Время не остановишь, и с каждым годом колонны демонстрантов становятся всё больше...

Потом он приподнялся и посидел молча. И ещё сказал Инесилье:

— Не могу плакать, у меня не текут слёзы. Страшно хочется плакать, Инесилья. Но нельзя же плакать без слёз.

Инесилья смотрела на улыбающийся день за большим окном. И сказала себе, что не пойдёт завтра на демонстрацию, а весь день будет читать Сьенфуэгоса.

И утром она пришла к нему, празднично одетая, в нарядном зелёном платье и с розой в волосах. Она принесла подарок — бутылку сладкого вина, и они выпили её вдвоём. Затем Сьенфуэгос попросил Инесилью прочитать одно место из книги, которая называется «Репортаж с петлей на шее». Инесилья долго искала это место. Оно звучало так:

«Этот смотр чувствуешь по таким мелочам... не знаю, поймёшь ли ты меня, товарищ, когда прочтёшь мои слова, если ты не пережил всего сам? Постарайся понять. Поверь, в этом была сила.

Утренний привет соседней камеры: оттуда выстукивают два такта из Бетховена, сегодня торжественнее, настойчивее, чем обычно, и стена передаёт их тоже в ином, необычном тоне.

Мы надеваем нашу лучшую одежду. И так во всех камерах.

К завтраку мы уже в полном параде. Перед открытой дверью камеры дефилируют коридорные с хлебом, чёрным кофе и водой. Товарищ Скоршепа подаёт три хлебца вместо двух. Это его поздравление с Первым мая, деловое поздравление. Передавая хлеб, он незаметно жмёт мне руку. Разговаривать нельзя, враги следят даже за выражением наших глаз, но разве нам непонятен немой разговор пальцев?

Во двор, под окна нашей камеры, выходят на утреннюю прогулку женщины. Я влезаю на стол и через решётку смотрю вниз. Может быть, они заметят меня. Да, заметили! Поднимают сжатые в кулак руки. Я отвечаю тем же. Во дворе сегодня радостно и оживлённо, совсем иначе, чем в другие дни. Надзирательница ничего не замечает или, может быть, старается не замечать. Это тоже имеет отношение к смуте.

Сейчас наша очередь гулять. Я показываю упражнение: сегодня Первое мая, ребята, сегодня мы начнём зарядку по-другому, пусть дивятся конвойные. Первое движение: раз, два, раз, два — удары молотом. Вто-

рое: косьба. Молот и коса. Чутьочку воображения — и товарищи поймут: серп и молот.

Мы проделываем эти движения, и я поглядываю кругом. На лицах улыбки, все с энтузиазмом следуют моему примеру. Поняли! Правильно, ребята, здесь наша первомайская колонна, а эта пантомима — наша первомайская клятва: пойдём на смерть, но не изменим.

Мы снова в камере. Девять часов. Сейчас часы на Кремлёвской башне бьют десять, и на Красной площади начинается парад. Отец, мы с вами! Там сейчас поют «Интернационал», он раздаётся во всём мире, пусть зазвучит он и в нашей камере. Мы поём. Одна революционная песня следует за другой, мы не хотим быть одинокими, да мы и не одиноки, мы вместе с теми, кто сейчас свободно поёт на воле, с теми, кто ведёт бой, как и мы...

Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах...

Да, мы с вами.

Так мы в камере № 267 решили завершить песнями наш первомайский смотр. Но это ещё не всё! Нет!

Посмотри, бон коридорная из женского корпуса расхаживает по двору и насвистывает марш Красной Армии, Партизанскую и другие советские песни, чтобы подбодрить товарищей в камерах. А мужчина в форме чешского полицейского, который принёс мне бумагу и карандаш и сейчас сторожит в коридоре, чтобы меня не захватили врасплох? А тот, другой, инициатор этих записок, который уносит и заботливо прячет эти листки, чтобы когда-нибудь, когда придёт время, они снова появились на свет? За один такой клочок бумаги оба могут заплатить головой. И они идут на этот риск, чтобы сохранить связь между скованным сегодня и свободным завтра. Они участники боя. Смело и твёрдо они стоят на своих постах и, применяясь к обстановке, сражаются тем оружием, какое у них есть в руках. Они делают своё дело просто и незаметно, как нечто само собой разумеющееся, и никто не видит, что это бой не на жизнь, а на смерть, в котором они, сражаясь на нашей стороне, могут победить или пасть».

— Прочти мне это ещё раз,— сказал Сьенфуэгос, когда Инесилья кончила.

— Всё?

— Всё. От начала до конца.

Когда она дочитала, он попросил её открыть окно и подвести его к нему.

— Может быть, мы что-нибудь услышим,— проговорил он.— Хотя бы какую-нибудь песню.

Они долго стояли у окна, но не слышали ничего. К окну только прилетела серенькая птичка, названия которой Инесилья не знала, и запрыгала по карнизу. Она дважды чирикнула и улетела.

Вечером пришли товарищи из рабочего кружка. Привёл их писатель Хуан, лицо которого Сьенфуэгос помнил лишь смутно. У него была коричневая, как у метиса, кожа и яркоголубые глаза, выделявшиеся на его лице, как незабудки в лесной чаще.

— Поздравляю тебя,— сказал писатель Хуан,— ты поедешь в Берлин.

Вот видите, Сьенфуэгос всё же поедет в Берлин!

— Но где я возьму деньги? — забеспокоился Рамон, подумав о своей скромной вкладной книжке, которая лежала, всеми забытая и ненужная, на книжной полке.

— Деньги есть,— успокоил его писатель Хуан,— мы отправим тебя в Берлин и привезём обратно. Порто-франко. Ты ведь делегат..

— Инесилья, найди мою карту,— попросил Сьенфуэгос,— она в большой книге с синей обложкой.

Инесилья нашла карту и принесла её.

— Где Берлин, Инесилья? — спросил он.

— Вот,— прошептала она.

И она подвела его большой палец к красному кружочку, похожему на нерасцветший бутон пиона.

Вот так получилось, что Рамон Хименес поехал в Берлин.

Инесилья в Берлин не поехала. И Сьенфуэгос не знал, что среди денег, собранных для его поездки, были все её сбережения. Так и не купит она себе чудесного огненно-алого шерстяного жакета, который ей так хотелось иметь. И ещё она хотела купить белого шёлку на блузку и гитару марки «Мартин». Спасибо тебе, девушка Инесилья, жаль, что в Берлине никто не услышит твоих чудесных песен.

О том, как Сьенфуэгос ехал в Берлин, мы расскажем коротко. Он не видел, как океан менял цвет, как чистили крылья чайки и как из-за голубого полукруга горизонта вставал дым неизвестных пароходов. Тьма одинакова всюду, на всех морях и на всех материках. Если в рот попадёт капля солёной воды—её проглотишь, но зелёным ли огнём преломился в ней солнечный луч или капля заискрилась глубокой лазурью — этого не узнаешь. Так же не мог узнать Рамон, каков на лицо пароходный кок, заходивший к нему по вечерам, или эlegantный господин из первого класса, беседовавший только со своей собакой; делегаты, ехавшие в Берлин вместе с Сьенфуэгосом, сложили об этом господине смешные стишки. Не знал Рамон, как выглядят и сами делегаты: столяр Антонио, переплётчик Альфредо и писатель Хуан, лицо которого он помнил очень смутно.

Они очень заботились о Сьенфуэгосе, были возле него неотлучно, днём и ночью.

Сьенфуэгос всё время находился в состоянии какого-то торжественного и радостного возбуждения, такого, какое испытывают новобрачные. Он подолгу гулял по палубе и размышлял.

Однажды он пожаловался писателю Хуану:

— Я так хотел увидеть, как выглядит советский человек, и вот не увижу его...

И писатель Хуан — хотя писатели и умеют отвечать на многие вопросы — на этот раз ответа не нашёл.

Но через несколько дней он сказал Сьенфуэгосу:

— Человек может видеть по-всякому. Есть слепцы, которые видят, и зрячие, которые слепы. Что захочешь увидеть, то и увидишь.

А Сьенфуэгос уже действительно видел одну вещь, которая выступала из тьмы и возвращалась к нему в те моменты, когда он этого менее всего ожидал. Это было видение демонстрации за мир, во время которой он потерял зрение. Этот образ постоянно возвращался к нему, становясь с каждым разом всё отчётливее и осязатее. Кончита бросала розу, фокусник Зеро снимал цилиндр и церемонно раскланивался, шестестели голубые знамёна, и Сьенфуэгосу казалось, что их прозрачные полотнища гладят его по лицу. Но то был солёный морской ветер, который порой поднимался даже во время их спокойного плавания. И он видел улицу, сворачивающую на Пасео дель Прадо, и человека в белом, с неясным лицом. Так из отрывочных воспоминаний, превращавшихся в яркие образы, у него складывалась та несколько странная, но прекрасная речь, с которой он обратился к своим друзьям в вечер, когда они приближались к берегу Европы.

— Я безмерно счастливый человек,— сказал им тогда Сьенфуэгос.—

Я, товарищи, живу в самом красивом сне, который только может сниться человеку. Я вижу голубые знамёна мира, и они вечно реют вокруг меня. Из всего большого и прекрасного мира, который я видел, во мне остался только маленький его обломок, но он пустил корни во мне, как дерево, и цветёт. Я, товарищи, вижу перед собою демонстрацию за мир и никогда не перестану её видеть. Я счастливейший осуждённый на этом свете — до смерти, до последнего дыхания, до конца моих дней я присуждён видеть эту прекрасную демонстрацию, и я не могу от неё уйти, потому что она во мне. Я ношу этот образ в себе, и он никогда не исчезнет. И всё начинается снова, и опять... опять... до последнего дыхания, всю жизнь...

Никто его не утешал, потому что он не нуждался в утешении. Наоборот, он сам утешал других. Ибо не всякий человек знает, как надо жить, а Сьенфуэгос знал это.

По морю берлинского фестиваля Рамона водила Инге. Это была немецкая студентка из Иены, она изучала романские языки и литературу. У неё было нежное розовое личико с маленьким ртом, который имел такое выражение, будто она всегда немного сердилась. Но она почти никогда не сердилась, наоборот, доброта её переливалась через край, а Сьенфуэгос был ей особенно дорог — не только потому, что она его жалела, но и потому, что скоро она почувствовала красоту его души. На рукаве у неё была повязка с надписью «Lootse», что означает лоцман.

Она водила Рамона за руку, как маленького мальчика, хотя Рамону пришлось бы глядеть на её русые волосы сверху вниз: он был высок и строен, в то время как у Инге были короткие и немного полные ноги (к её великому и тайному огорчению) и круглые розовые щёки, так что она скорее походила на фарфоровую куклолку, чем на лоцмана.

Через несколько дней неутомимая Инге привела ему свою красивую тёмную овчарку с патетической кличкой «Кориолан». Кориолан спал в номере Сьенфуэгоса. Пёс был очень спокойный и степенный, и единственное, что выводило его из себя, был шаловливый старый попугай, обитавший в окне противоположного дома. Попугай сидел на розовой жёрдочке и безумолку трещал. По утрам Кориолан долго и яростно лаял на окна попугая, и это заменяло Сьенфуэгосу будильник. Потом приходила Инге, и все трое отправлялись на улицы и площади Берлина.

Улицы были очень оживлёнными, и ходить по ним было трудно. Сьенфуэгос ступал осторожно и медленно, окружённый глубокой тьмой, которая не имела ни начала, ни конца. Он смотрел прямо вперёд, будто сосредоточившись на какой-то определённой точке, а слух его ловил чужой и звучный гул, который стоял вокруг него. Скоро он научился различать звуки и вылавливать то, что ему казалось важным. Услышав чужую речь, он спрашивал у Инге:

— Кто это прошёл?

— Шотландцы,— отвечала Инге.

— Шотландцы,— улыбался Рамон.— А как они одеты?

— В юбочки,— грустно отвечала Инге,— а юбочки в зелёную и красную клетку...

И Рамон, счастливый, повторял:

— Вот как,— в зелёную и красную клетку...

Потом говорил Инге:

— Будь так добра, напиши в моей записной книжке: «Сегодня мы встретили шотландцев, на них были зелёные и красные клетчатые юбочки».

И нерешительно останавливался:

— Что же ещё? Эх, надо было нам с ними поговорить!

Но шотландцы были уже далеко, и Рамон с Инге отправлялись дальше. Услышав песню, Рамон сиял от удовольствия. Он тихонько размахивал рукой в такт, и, если мотив был знаком, подхватывал его.

Счастливее всего он был, когда слышал песни пионеров.

— Они маленькие или побольше? — спрашивал он Инге.

— Дети или барабаны?

— Дети, глупенькая.

— Дети маленькие.

Рамон звонко смеялся и смотрел вниз, будто видел там что-нибудь.

— Мальчики или девочки?

— Девочки.

— Разве девочки бьют в барабаны? — радостно переспрашивал он.

— Они и трубить умеют, — отвечала Инге, и у неё сжималось горло.

— Девочки?

— Да, девочки.

Однажды Инге подозвала маленькую пионерку, и Сьенфуэгос долго беседовал с нею.

— Ты знаешь, где Куба? — спросил он.

— Мы ещё не проходили Кубу, — ответила пионерка, — а Францию прошли. Во Франции есть город Париж, и там была Парижская Коммуна.

— Хочешь шоколаду?

— Хочу.

— А галстук ты носишь?

— Я даже сама его глажу, — гордо заявила пионерка, скромно откусив кусочек шоколаду.

— А ты слепой? — спросила она потом Сьенфуэгоса.

Инге моргнула ей, но Сьенфуэгос весело ответил:

— Слепой. Но мне кажется, что тебя я всё равно вижу... Правда, ведь у тебя косички?

— Правда.

— И чёрные глаза?

— Нет, голубые, — возразила пионерка.

— А у меня были чёрные, — проговорил Сьенфуэгос. — Как чернила. Мне их выжгли во время демонстрации за мир.

— Кто их тебе выжжет? — ужаснулась девочка. — Разве глаза выжигают?

— Злые люди, — объяснила Инге. — За то, что Сьенфуэгос хотел мира, а они хотят войны.

— А мы всё равно победим, — сказала девочка.

И Инге по просьбе Рамона внесла в записную книжку: «Встретил девочку, она сказала: «Мы победим». Забыл спросить, как её зовут. Жаль, что не знаю её адреса. Мог бы послать ей из Гаваны фрукты. Фрукты полезны детям».

В один из дней делегаты Кубы встретились с советской молодёжью. Был среди них и Сьенфуэгос. Он сидел грустный, притихший и прислушивался к звонким голосам, говорившим на чужом языке, обратив лицо туда, откуда эти голоса доносились. Казалось, он пристально всматривался. На стёклах его чёрных очков играл заблудившийся солнечный луч. Но он не светил Сьенфуэгосу; он прыгал по чёрному стеклу, как маленькая кривая молния. А советские люди были близко, их можно было достать рукой, они говорили живыми человеческими голосами, смеялись, хлопали в ладоши, провозглашали славу. Но видеть их он не мог. Сьенфуэгос снял очки, протёр и снова надел. Будто достаточно было только протереть очки, чтобы всё снова пришло в порядок. И он смотрел и смотрел, всё смотрел — и не видел ничего.

Писатель Хуан рассказал историю Сьенфуэгоса, и вдруг воцарилась небывалая тишина. Кто-то глухо закашлялся, зажужжала пчела, и Сьенфуэгос услышал её. Он немного покраснел, потому что писатели имеют обыкновение всё преувеличивать и приукрашивать, а Хуан гнал свои слова галопом, и под его писательскими шпорами фразы взлетали, как резвые кони. Но, по существу, всё это была правда — здесь сидел Сьенфуэгос, и за чёрными стёклами его очков зияли пустые орбиты...

Потом все обступили его, жали ему руки, обнимали...

Незнакомая девушка произнесла:

— Милый, хороший человек...

Её звали Татьяна Волкова, она пела в Уральском ансамбле.

— Здравствуйте,— прошептал Сьенфуэгос.

Это было единственное русское слово, которое он знал. И голосом, полным отчаяния, он вдруг воскликнул:

— Я так хотел вас видеть — и не увижу.

— Что он говорит? — спросила девушка из Уральского ансамбля.

Ей рассказали, как Сьенфуэгос копил деньги, чтобы приехать сюда на фестиваль и увидеть советских людей, и Таня Волкова вся вспыхнула. Лицо её горело, сердце сильно билось. Так вот он какой, этот Сьенфуэгос!...

— Я не знала,— сказала она своему товарищу Игорю, когда они возвращались домой после этой волнующей встречи — что нас так любят...

В тот же день комсомольцы Уральского ансамбля песни и пляски решили взять шефство над слепым кубинцем Рамоном Хименесом.

— Я пойду к нему первая,— заявила Таня Волкова,— сегодня же вечером.

— И я с тобой,— сказала Наташа Зайцева, у которой было чистое и звонкое сопрано.

Вечером Наташа Зайцева и Таня Волкова пришли к Сьенфуэгосу.

Первые минуты этого свидания были трудны. Оно было похоже на встречу государственных деятелей. С одной стороны стояли Сьенфуэгос, особенно розовая сегодня Инге и пёс Кориолан, который не понимал важности и значения момента. С другой стороны стояли Таня Волкова и Наташа Зайцева, обе с опущенными глазами, обе взволнованные и покрасневшиеся.

«Дорогой товарищ,— читала Таня письмо комсомольцев Уральского ансамбля песни и пляски.— Мы решили сегодня взять над тобою шефство на всё время берлинского фестиваля. Если бы это оказалось возможным, мы рады были бы поддерживать нашу с тобой дружбу и после твоего возвращения на родину. Дорогой товарищ, мы знаем, как ты любишь нас, советских людей, и хотели бы, как умеем, ответить на твою любовь и хоть немного вознаградить тебя за жертву, принесённую тобою делу мира и сотрудничества между народами. Тебе трудно присутствовать на наших выступлениях на больших площадях и стадионах, поэтому мы решили каждый вечер приходить к тебе и петь для тебя. Нам хочется принести тебе с собою частицу нашей прекрасной Родины; мы хотим, чтобы ты услышал её голос и ощутил её дыхание. Пожалуйста, товарищ, прими наш скромный дар!»

Инге шёпотом перевела ему это на испанский язык. Сьенфуэгос с минуту стоял неподвижно, затем снял чёрные очки и долго вытирал их носовым платком. Они не были влажны, потому что Сьенфуэгос не мог плакать. Но вытирал он их так, как близорукие вытирают свои очки, когда они затуманиваются и мешают смотреть.

Но когда Сьенфуэгос снова надел очки и улыбнулся своей самой радостной улыбкой, все вокруг заулыбались. Даже Кориолан поддался общему настроению и оскалил зубы. Он перестал зевать, разлёгся на полу,

постукивая хвостом, и смотрел на людей с удивлением и почтительностью. Это был один из тех моментов, когда Кориолан начинал чувствовать величие людей и смотрел на человека так, как мы смотрим на гору.

— Сколько вас? — спросил Сьенфуэгос.

— Двое, — ответила Наташа, — но мы представляем всех.

— Вы сидите? — вежливо спросил Сьенфуэгос. — Нет? Так садитесь.

— Мы будем стоять, — возразила Таня Волкова. — Мы постоим...

А ты садись... Человеку лучше слушается, когда он сидит.

Потом посоветовались о том, что спеть.

— Споём про черёмуху, — предложила Таня.

Наташа кивнула в знак согласия.

Это была простая народная песня. Росла в саду черёмуха и видела многое. Приходил к девушке милый, а однажды не пришёл. И осталась одна черёмуха, и лила свой аромат, и шумела под окошком, в которое никто больше не постучит.

Может быть, тут следовало запеть другие песни — боевые, энергичные. Но раз девушкам захотелось спеть о черёмухе, что ж — пусть. И они пели её красивыми высокими и взволнованными голосами, держась за руки.

Сьенфуэгос удивился, когда Инге перевела ему содержание.

— Что такое черёмуха? — спросил он.

— Это такое дерево, — объяснила Таня, вздыхая. — Оно растёт в садах, или у заборов, или просто в лесу. Цветы у него белые, как снег, а пахнут так, что кружится голова, будто ты выпил вина. А когда цветы опадают, становится так грустно, словно тебя кто-то покинул...

— У нас росла черёмуха у речки, — добавила Наташа. — Ни с того ни с сего взяла да выросла. И цветы у неё были такие прозрачные, что сквозь них всё было видно... Маленькие такие цветочки...

И она вдруг сильно покраснела.

После минутного молчания Сьенфуэгос спросил, будто видел всё это:

— А ты к ней ходила?

— Ходила, — ответила Наташа, улыбнулась Тане девичьей улыбкой и обняла её.

Потом они ещё пели «Калинку», песню о солнечной поляне и об одиноком гармонисте, который играл по вечерам так, что люди не могли заснуть. Потом ещё старую комсомольскую о том, как двое расставались.

А Таня ещё вспомнила стихи Михаила Светлова о русском парне, который хотел отдать землю крестьянам в Гренаде. И она спела ему эту песню.

— У кубинских крестьян тоже нет земли, — сказал Сьенфуэгос. И взволнованно спросил: — А тот человек действительно жил?

— Да, — ответила Наташа.

— И живёт, — добавила Таня. — Мы все такие. Мы даже вроде и не умеем думать только о себе. Так нас учили в школе — думать обо всех славных людях на свете. Мы иначе не умеем. Правда, Наташа?

— Да, Таня.

— Сколько тебе лет? — спросил Сьенфуэгос.

— Двадцать, — сказала Таня.

— А тебе, Наташа?

— Девятнадцать.

— Желаю вам много счастья в жизни, — торжественно проговорил Сьенфуэгос. — И много красоты. И великой борьбы! Слава вам, советские люди!

И это прозвучало как благословение.

Когда Таня и Наташа ушли, Сьенфуэгос спросил у своего «лоцмана» Инге:

— Можешь ты мне сказать, какие они?

— Я не знаю,— нерешительно сказала Инге.— Как это — какие?

— Ты меня не поняла,— возразил Сьенфуэгос.— Пожалуйста, скажи мне, как они улыбались, как смотрели... И всё, что можно передать словами...

— Но я действительно не знаю,— смутилась Инге.— Они такие же, как мы. Как ты и я.

И тут же добавила таким тоном, словно сделала открытие:

— У одной была блузка из шёлка, расшитая цветами... А у другой косы уложены венцом на голове. Эта — светловолосая. Такая маленькая...

— Спасибо, Инге...— задумчиво сказал Сьенфуэгос.

Он и не слышал её слов, потому что перед ним опять возник из тьмы образ, который всегда возвращался к нему, как фильм, который никогда не кончается. Сьенфуэгос снова шёл с демонстрацией мира и нёс голубое знамя молодёжи. Сзади него шумели голоса, а впереди расстилалась большая солнечная площадь, и с площади навстречу колонне шли девушки Таня и Наташа. Как они выглядели в его видении, мы не знаем; это знает только Сьенфуэгос.

Перевод с чешского Э. Берштейн

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

★

ТВОЙ ВЗГЛЯД

С аварского

Твой взгляд с усмешкой не люблю —
не нужно так смотреть,
Как будто нового уже
ты не откроешь впредь,
Как будто знаешь наперёд
ты все мои мечты,
Как будто сердце навсегда
взяла в ладони ты,
Как будто, где я ни брожу,
куда я ни стремлюсь,
Мой каждый день, мой каждый шаг
ты знаешь наизусть,
Как будто те стихи, что я
задумал лишь пока,
Ты уж давным-давно прочла,
скрыть не сумев зевка,
Как будто нечего тебе
теперь мне рассказать,
Как будто всё, что ждёт меня,
ты можешь угадать.
Ох, до чего я не люблю
усмешку этих глаз!..
Послушай новые стихи —
я кончил их сейчас.

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

ИЗ СТИХОВ ИНДИЙСКИХ ПОЭТОВ

ХАРИНДРАНАТ ЧАТТОПАДХАЯ

★

Философу

Слышишь,— голод сжимает горло народа!
Слышишь,— смерть клокочет в горле народа!
Ты замкнулся, как в клетке, о «духе» болтая,
Но вся мудрость твоя — болтовня попугая.

Накормить ты не сможешь мильоны голодных
Метафизикой, только для сытых пригодной.
Перестань же бесстыдно кривляться у гроба.
Пусть-ка бог твой побудет в клетке из ребёр!

Ты гнусавишь гимны над трупами женщин,
Над детьми жжёшь куренья, цветами увенчан,—
Как же смеешь ты кутаться в белую тогу,
Ты,
Забывший о человеке —
Единственном божестве!

СУКАНТА БХАТТАЧАРЬЯ

★

Проза

О жизнь моя!
Не нужно больше снов,
Не нужно больше немощных стихов!
Ударь со всей воинствующей силой грозной
Прозой!

Пусть исчезнет
Нежных строчек гарь!
Ударь,
Тяжёлым молотом ударь!
В последний раз ударь!

С меня сегодня хватит тонкостей
Рифмованной трухи —
Дарую отпуск вам,
Мои стихи!

Ведь вся земля моя
Так остро
Прозаично голодна!..

О чёрствой чапати¹
 Порой напомним
 Лишь луна.

Мольба

Слушай, солнце!
 Даруй нам тепло,
 Чтоб согреться мог каждый!
 Ибо злышали мы,
 Что пылаешь ты щедрым костром.
 Принимая твой жар
 И в себе сохраняя,
 однажды
 Сможет каждый из нас
 Запылать животворным огнём.

И когда в том огне,
 Озаряющем наши надежды,
 Безработица наша,
 Как листья сухие, сгорит,—
 Может быть, мы оденем
 Добротную тёплой одеждой
 Мальчугана,
 Который
 На улице голым стоит.

Но сегодня
 Промозглому ветру открыта земля,
 И сегодня мы молим:
 Даруй нам побольше тепла!

Перевод Рауфа Галимова

¹ Чапати — лепёшка.

ЦЮИ ЛАНЬ-ПО

★

МАЛЕНЬКИЙ ЛИ-БЭНЬ

1

На западной окраине Пекина есть очень оживлённая торговая улица. Что ни дом, то лавка. Правда, лавки эти не сравнить с большими магазинами в центре города, но жители западной окраины — небогатый народ; всё, что им требуется, достанут и здесь.

Вот в этой лавке торгуют разными маслами, в той — солью; дальше — копильня свиных окороков, мясные лавки, где можно купить говядину и баранину, но свинина не продаётся; харчевни, где торгуют одной только лапшой; велосипедные лавки — велосипеды там чаще чинят, чем продают; парикмахерские — электрической завивки не спрашивай; самые разнообразные мастерские, где любая работа производится вручную и, как в муравейнике, с утра до вечера суетится трудовой люд.

Улица асфальтирована, она связывает западную и восточную окраины Пекина. В центре улицы стоит большой разрушенный храм. Каждые десять дней во дворе храма бывает базар, он продолжается два дня. В эту пору здесь очень людно; у лотков и витрин, тесня друг друга, толпятся покупатели и ротозей: во всех лавках идёт бойкая торговля.

В центре города обширным кругом покупателей могут похвалиться магазины, существующие не менее двух-трёх десятков лет; на окраине же лавке, чтобы заручиться постоянной клиентурой, довольно лет восьми—десяти. Покупают большей частью соседи. Такие клиенты хорошо знают, что при денежных затруднениях им предложат покупать «на запись», в кредит. При встречах лавочники и покупатели приветствуют друг друга любезными фразами: «Вы ели сегодня?» или «У вас сегодня очень занятой день?» На свадьбах и других семейных торжествах преподносят обычно друг другу подарки.

За последнее время на этой улице появилось новое предприятие. Раньше здесь была мастерская вязаных изделий; она закрылась, и на её месте сам домовладелец открыл велосипедную лавку под названием «Мажестик».

Как-то с самого утра шёл сильный снег. Людей на улице почти не было. В полдень к дверям новой лавки подъехал на велосипеде молодой человек в студенческой форме. Он позвал хозяина. Никто не откликнулся. Студент толкнул передним колесом застеклённую дверь и вошёл в лавку. Там не было ни души. У восточной стены на небольшом деревянном помосте стоял старый перекрашенный велосипед. У западной — стеклянный шкаф, где лежали запасные велосипедные части: фонари, цепи, передаточные колёса, втулки и прочие детали. Поперёк помещения на бамбуковой палке висели новые и старые камеры; в глубине стоял письменный стол, а за ним висела толстая стёганая занавеска, замечная зимой дверь, — видимо, там была жилая комната.

Студент — его звали Дин И — подождал немного, но никто не показывался.

— Есть тут кто-нибудь? — громко крикнул он.

В ту же минуту раздался детский плач, и из-под стёганой занавески вынырнул мальчик лет тринадцати-четырнадцати — круглоголовый, смуглый, крепко сбитый, с большими, широко открытыми глазами. На первый взгляд он показался Дин И глуповатым. На одной руке он держал маленького голозадого ребёнка, а в другой у него была пелёнка. Ребёнок орал во всё горло. Мальчик тихо попросил студента подождать и опять юркнул за занавеску.

«Где же сам хозяин? — недоумевал Дин И. — Паренёк этот, видно, злесь за няньку... Действительно ли чинят тут велосипеды? Что-то непохоже. Ну ладно, раз уж зашёл — подожду, узнаю». Он прислонил велосипед к стене, а сам сел на стул. Немного погодя вышел, шаркая ногами, тот же мальчик и с улыбкой посмотрел на студента.

— Авария? — спросил он, улыбнувшись ещё шире.

— Задняя покрывка спустила, — ответил Дин И и подумал: «А паренёк, видно, смышлёный».

Мальчик проворно подвесил велосипед и, вытащив камеру, стал накачивать её. Дин И внимательно разглядывал парнишку. На нём была рваная солдатская куртка, сквозь дыры в штанах виднелись голые сизые колени; босые ноги ёрзали в непомерно больших, стоптанных белых туфлях.

— Тебе не холодно? — спросил студент.

— А если холодно? — с горькой усмешкой ответил мальчик. — Что поделаешь? Я уж привык, ничего.

— Почему же не попросишь хозяина, чтобы купил тебе одежду по мерке да потеплей?

Мальчик поднял на него глаза.

— Директор и без того попрекает нас каждым куском, где уж тут просить новую одежду...

Дин И промолчал. Парнишка сел на пол и погрузил камеру в таз с водой; вдруг он вздохнул тяжело и прерывисто, словно подавляя стон. Дин И встал и подошёл к мальчику. У него были сильно обморожены руки; распухшие, красно-лилового цвета кисти напоянали два пучка моркови, все пальцы были покрыты язвами и кровоточинами. Холодная вода причиняла ему невыносимую боль. Дыхание со свистом вырывалось из его груди, но, крепко сжав зубы, он продолжал искать в воде пузырьки воздуха, чтобы определить место прокола.

— Ой-ой, ты погляди на свои руки! Оставь! Дай, я сам сделаю! — воскликнул Дин И.

— Не беспокойтесь, — торопливо перебил его мальчик, — всё равно я каждый день этим занимаюсь. Руки отморожены... Но это ничего, я могу работать. Сейчас всё будет готово.

Дин И стало не по себе. «Кто хозяин этой лавки? Что здесь за люди? Несладко, судя по всему, живётся мальчишке», — подумал он.

— Ты тут один, что ли?

— Не-ет... Есть ещё... — ответил мальчик.

— Где же они? Я здесь уже полчаса, а никого не видно.

Мальчик скривил губы и кивнул в сторону внутренней комнаты.

— Директор с женой ещё не вставали. Бухгалтер в чайной, играет в шахматы, а мастер ушёл в гости. У каждого свои дела, им некогда возиться с лавкой.

Вдруг из-за стёганой занавески донёлся пронзительный женский голос:

— Сяо Ли-бэнь! Куда это ты запропал, чёрт тебя подери! Даже печку ещё не растопил, хочешь людей до смерти заморозить, что ли?

— Сейчас иду! Сейчас иду! — ответил мальчик.

— Хватит, кончай, — сказал Дин И. — Велосипед в порядке. Сколько с меня?

— По вашему усмотрению...

Дин И вытащил монету и дал мальчику.

— Спасибо.

Дин И протянул ему ещё две.

— Вот, возьми, это тебе. Пойди в аптеку и купи мазь. Будешь каждый раз мазать руки на ночь, и всё пройдёт.

Мальчуган совсем растерялся от неожиданности; потом быстро сунул деньги Дин И и возбуждённо зашептал:

— Нельзя, нельзя... Ты очень хороший человек, но это... Нет, я не могу. Они... — он показал пальцем на занавеску, — они узнают, и такое будет! — И он торопливо вытолкнул велосипед за дверь.

Дин И понял и не стал настаивать. Молча он погладил мальчика по голове.

— Да... Не повезло тебе с местом, — участливо проговорил он. — Ну, ничего, не горюй! Я сам куплю лекарство и принесу тебе.

Студент сел на свой велосипед и уехал, а маленький мастер всё стоял у двери и смотрел ему вслед. Мальчик был глубоко потрясён, ему никогда ещё не приходилось слышать доброе слово от чужого человека. Сердце у него ныло, он заплакал. Но тут ему вспомнились прощальные слова матери: «Если подступит к сердцу обида, сынок, — терпи, мы люди бедные, нам некому жаловаться. Потекут слёзы — глотай их. Не плачь часто, а то люди скажут, что у тебя нет гордости, что ты слаб». Мальчик всхлипнул и вытер рукавом слёзы.

— Сяо Ли-бэнь! Убить тебя мало! Чего ты там лодырничашь, негодай этакий! — вспугнул его тот же визгливый женский голос.

— Иду, иду, — крикнул он и вошёл в лавку.

2

Сяо¹ Ли-бэнь — прозвище. Настоящая фамилия мальчика Ван, а имя — Чжу-цзы. Родился он в деревне Чжанцю, провинции Шаньдун. В роду Ванов все занимались земледелием. У старого Куна — помещика из военных — отец Чжу-цзы брал в аренду десять му² земли под пшеницу, да было у него шесть му собственной земли, хоть и плохой. Едоков в семье было немного, и можно бы прожить от урожая, если бы не разорительные налоги да помещичьи поборы.

Чжу-цзы было лет восемь, когда пришли «японские черти»³. Жизнь стала совсем плохая. Японцы налетали на деревни, силой отбирали у крестьян продовольствие, хватали мужчин, связывали их верёвками и бросали в грузовики. Редко-редко кто возвращался потом в свою деревню: их увозили на тяжёлые работы в Японию, в Маньчжурию. Многие из них погибали ещё по дороге туда.

Во время одного такого налёта отец Чжу-цзы не успел спрятаться: «японские черти» схватили его и увезли вместе с другими. Мать пыталась выкупить его; распродала всё хозяйство, ещё и в долг денег взяла и отправилась в уездный город. Деньги у неё там, конечно, приняли, но отца не выпустили. С тех пор они ничего о нём не слышали — точно в воду канул. Мать Чжу-цзы вместе с сыном перешла жить к своей матери. Но в доме бабки жили голодно, каждый лишний рот был в тягость, помещи-

¹ Сяо — малый, маленький. (Примеч. перев.)

² Му — мера площади, равняется $\frac{1}{16}$ гектара. (Примеч. перев.)

³ Так китайские крестьяне называли солдат японской оккупационной армии. (Примеч. перев.)

ку задолжали по горло. Старшая невестка очень притесняла их, оставаться там было невозможно. Мать Чжу-цзы отвела сына к своему брату и попросила отдать мальчика в город учиться какому-нибудь ремеслу, а сама нанялась в прислуги к помещику. Так распалась семья Ван. С тяжёлым сердцем, в слезах расставались мать и сын. Чжу-цзы было тогда десять лет.

Дядя повёз Чжу-цзы в город Цзинань. Сам он был кузнецом, потому и племянника отдал в мастерскую, где делали ножи и ножницы. По малолетству Чжу-цзы не мог ещё бить кувалдой; целыми днями он раздувал мехи горна. От дыма и огня лицо его постепенно почернело; руки всё время ныли от тяжёлой работы. Мастерская терпела убытки и вскоре закрылась. Чжу-цзы так и не успел научиться ремеслу. Дядя взял его с собой в Пекин. Там у них было много земляков среди рикш, водносов, мусорщиков, кустарей и ремесленников. Земляки, чем могли, помогали друг другу. Дядя одолжил инструменты для починки котлов и вместе с Чжу-цзы стал бродить по улицам, громко выкрикивая: «Котлы починяем! Старые котлы починяем!» Дела шли неплохо, дневного заработка им вполне хватало на еду.

Дядя Чжу-цзы с малых лет бродяжничал и хватил много лиха; когда горе подступало к сердцу, он забегал в кабачок, пропивал всё, что у него было, а потом буянил и плакал. Под горячую руку доставалось и мальчику. После, правда, дядя жалел его, покупал ему орехи и сладости. Но и этой жизни пришёл конец. Как-то осенью гоминдановцы набирали солдат. Повсюду они устраивали облавы, ловили людей на улицах, уводили из домов. Чжу-цзы с дядей жили в то время без прописки у одного земляка. В полночь в дом ворвались полицейские с солдатами и, не слушая никаких объяснений, забрали дядю. Чжу-цзы остался один.

Семья земляка не могла содержать мальчика, которого надо было кормить, как взрослого. Он стал переходить из рук в руки, пока наконец по рекомендации одного старого шаньдунца не попал учеником в велосипедную лавку «Мажестик».

3

Владелец велосипедной лавки «Мажестик» терпеть не мог, когда его называли «хозяином». Он презирал это слово, считал его унижительным и пошлым для достойного, благородного человека. Он не уставал повторять: «Эту лавчонку я открыл вовсе не для того, чтобы она меня кормила. Просто захотелось позабавиться, а, между прочим, я практикуюсь здесь в технике торговли, так как в дальнейшем имею намерение организовать крупное предприятие».

Пораскинув мозгами, он решил, что подчинённые должны называть его «директор». Вскоре он распространил это правило на клиентов и на знакомых, не допуская никаких исключений. Новички, по неведению называвшие его «хозяином», попадали впросак — тут же гневный взгляд заставлял их почувствовать свою оплошность. А иные, из тех, кто знал о его слабости, извлекали из неё для себя немалую выгоду. Эти ещё на пороге заводили «директор то...» да «директор сё...», и тут уж запасные части доставались им за полцены, а починка велосипеда — и вовсе даром.

Фамилия владельца лавки была Ху, а имя Ли-ту. Было ему лет тридцать с небольшим. Жёлтый и худой, с усиками тоньше женских бровей, он смахивал на курильщика опиума. Ху Ли-ту никогда не расставался с тёмными очками и разными баночками-скляночками. Дня не проходило, чтобы он не приобрёл какого-нибудь нового препарата для укрепления здоровья: то он принимал гормоны, то рыбий жир, — что

увидит, то и покупает. При всяком удобном случае он ходил в больницу делать себе вливание глюкозы. Но, несмотря на все его старания, ничто не шло ему на пользу. День ото дня он всё желтел и тощал.

Когда-то Ху Ли-ту учился в университете; теперь он увлекался танцами, был завсегдатаем кино, театра, варьете и других увеселительных заведений. Особое пристрастие он питал к бильярду и бейзболу.

Считая себя человеком образованным, Ху Ли-ту решил, что ему неудобно иметь много жён, поэтому завёл всего только трёх. Первая жена, на которой он женился по закону, была из чиновничьей семьи; но она держалась старых взглядов, и он не любил её. Вторую он взял из домашней прислуги, но, хотя у неё были маленькие ножки, она ему довольно скоро надоела. Больше других ему пришлось по душе третья жена, которая раньше работала маркёром в бильярдной «Красная башня». Говорили, правда, что между второй и третьей была ещё одна, но её он считал женой только наполовину. Эту «половину» он привёл из «весёлого дома», и она ушла от него ровно через три с половиной дня, предварительно содрав с него порядочную сумму.

Сынок богатых родителей, Ху Ли-ту привык к беззаботной жизни. Его покойный отец был крупным чиновником и толковым коммерсантом. Он разбогател, ловко используя своё служебное положение для расширения торговых дел, и не жалел никаких средств для укрепления связей в чиновничьем мире. В своё время он слыл большим авторитетом в деловых и политических кругах Пекина и Тяньцзина. О положении, которого он достиг, другие торговцы и мечтать не смели. Когда ему исполнилось немногим больше пятидесяти, он внезапно умер. После него осталось не меньше десяти домов, несколько десятков цин¹ рисовых полей, несколько меняльных лавок и больших мануфактурных магазинов.

Ху Ли-ту досталось крупное состояние, но, к величайшему сожалению своих близких, он не унаследовал способностей отца. Не прошло и нескольких лет, как положение семьи сильно пошатнулось. Все дела велись управляющими, которые мошенничали и воровали без всякого стеснения. Двое или трое из них просто сбежали с доверенными им деньгами; магазины один за другим прогорели; с меняльными лавками пришлось распроститься. Большие дома тоже были распроданы, осталось каких-нибудь три-четыре деревянных домишка. К счастью, в семье хранилось несколько золотых слитков; это улетело не сразу. Но при расточительности Ху Ли-ту и золота, в конце концов, осталось немного.

К тридцати годам, когда наступила пора остепениться, Ху Ли-ту решил, что неплохо бы и ему пойти по стопам отца. Для начала он купил себе пост мелкого чиновника, но уже спустя неделю почувствовал, что новые обязанности гнетут и сковывают его душу. Они требовали от него слишком больших усилий: надо было рано вставать, приходиться на службу во-время, не уходить раньше времени. Но больше всего его обременяла кисточка, которой он писал черновики разных документов, — она казалась ему «невыносимо тяжёлой». Ху Ли-ту не выдержал. Он бросил службу и занялся изданием газеты. Но из этого тоже ничего хорошего не вышло. И Ху Ли-ту окончательно во всём разочаровался. У него просто руки опустились. Тогда один из его прихлебателей, У Лян-синь, имя которого по странному совпадению созвучно слову «бесчестный», предложил ему новый план: открыть велосипедную лавку. Да, да, — для начала небольшую велосипедную лавку, в собственном доме, на главной улице западной окраины Пекина. И пусть не подумают, что такой человек, как Ху Ли-ту, остановится на какой-то велосипедной лавке! Его ждут

¹ Цин — китайская мера площади, равная 100 му или 6,6 гектара. (Примеч. перев.)

большие дела... Ху Ли-ту ухватился за богатую перспективу и всю свою большую душу вложил в это маленькое дело.

С того и началось. Прежде всего капитально отремонтировали фасад дома, затем занялись укомплектованием штатов. Вопрос был решён быстро и мудро: Ху Ли-ту назначил себя «директором», его прихлебатель по собственной рекомендации был утверждён в должности «бухгалтера»; вдвоём они пригласили молодого мастера и по совету старого шаньдунца — хозяина коптильни — взяли в ученики маленького Ван Чжу-цзы.

Ху Ли-ту решил жить при лавке — этого требовали интересы дела! Его третья жена, Лао-сань, чтобы не разлучаться с супругом, переселилась туда же, захватив с собой ребёнка. «Ли-ту необходим уход, — заявила она дома, — кроме того, я буду помогать ему». На самом же деле она ушла из дому потому, что при лавке ей было вольготней. В доме старшей хозяйкой считалась мать Ху Ли-ту, к тому же там жили ещё две жены, которые вошли в дом раньше и были выше по положению, чем Лао-сань. Это, разумеется, ей совсем не нравилось.

Наконец всё было готово. На собрании служащих торжественно обсудили вопрос о названии лавки. Директор хотел назвать её «Колесо эпохи», желая подчеркнуть, что он всегда впереди своего времени. Бухгалтер толковал, что в коммерции главное — солидность, и предлагал назвать лавку «Хэн Тун», то есть «Везение», «Удача», «Счастье». У мастера своего мнения на этот счёт не было. Хозяйка же изо всех сил настаивала на том, чтобы лавку назвали не иначе, как «Мажестик». Это название было в большой моде. Она ходила в кино «Мажестик», завивалась в парикмахерской «Мажестик», покупала обувь в магазине «Мажестик»... Ей так хотелось иметь свой собственный «Мажестик»!

Всем пришлось уступить. На следующий же день пришёл маляр и написал на витринах: «Велосипедная лавка «Мажестик», «Продаются только новые велосипеды», «Продаются велосипедные части».

Наступил день открытия. На дверях висели свитки с пожеланиями успеха — золотые иероглифы на красном фоне. Электрический патефон непрерывно наигрывал песенку «Муж с женой поссорились». Патефон вносил большое оживление. В лавке на деревянном помосте были выставлены новые велосипеды китайской марки «Чжун»; все стены были обвешаны камерами и покрышками, повсюду были разложены велосипедные части и детали.

Дело было новое, требовалось умело привлечь клиентов, и директор решил сначала не гнаться за большими барышами. Первую партию велосипедов принесли, можно сказать, в жертву покупателям: продали её по себестоимости. На эти деньги Ху Ли-ту рассчитывал приобрести шесть новых велосипедов, но тем временем деньги упали в цене, и он смог купить только четыре. Ху Ли-ту невесело подумал: «Если моё дело и дальше так пойдёт, в следующий раз я куплю всего полтора велосипеда». Он заволновался и решил поучиться делу у опытных коммерсантов. Ему объяснили, что прежде всего он должен быть в курсе рыночных цен и что эти сведения надо собирать быстро. К тому же для успеха дела нужно немножко спекулировать. Тут Ху Ли-ту сразу почувствовал под собой твёрдую почву. Он установил в лавке телефон и стал по телефону поддерживать связи с деловыми людьми: приглашал их в рестораны и в увеселительные заведения. Несмотря на это, он никак не мог угнаться за настоящими коммерсантами. Товару в лавке становилось всё меньше, капитала для оборота не хватало. Наконец директору надоело, он рассердился и совсем прекратил покупку новых велосипедов. Лавка перешла на мелкую починку и продажу запасных частей. Ну, а пристало ли ему, в самом деле, интересоваться жалким ремонтом покрышек и ка-

мер или заменой износившихся деталей! Такое ничтожное дело может существовать и без его руководства. Недолго думая, Ху Ли-ту возложил все административные функции на бухгалтера У Лян-синя, а связи с клиентами и поставщиками — на мастера. Себе он избрал благую часть: жить в своё удовольствие.

4

Ван Чжу-цзы не влюбились в лавке «Мажестик» с самого первого дня. Стоило Лао-сань услышать его голос, и с ней прямо чуть дурно не делалось.

— Нет, вы послушайте его, вы только послушайте! До чего же он похож на клоуна Ли-бэня, когда тот изображает простофилю-старьевщика на базаре! Ну вылитый Ли-бэнь, только маленький — Сяо Ли-бэнь. Простофиля, как есть простофиля! — визжала она, нисколько не смущаясь присутствием Чжу-цзы.

— Дурак! Хуже скотины! У городской собаки, и у той больше соображения, чем у этой деревенщины! — горячо поддакивал хозяйке директорский приживал У Лян-синь и брезгливо складывал губы в иероглиф восьмёрки.

Молодому мастеру тоже показалось, что парнишка глуповат, с ним скуки не развезешь. А уж вовсе не по душе пришёлся Чжу-цзы директору Ху Ли-ту, хотя бы по одному тому, что в первую же минуту нарушил священное правило и назвал директора «хозяином». Если б не то, что Ху Ли-ту часто приходилось брать копчёное мясо у старого шаньдунца, он немедленно выставил бы Чжу-цзы за дверь.

Так прозвище «Сяо Ли-бэнь» и утвердилось за Чжу-цзы в лавке «Мажестик». Вскоре здесь словно и вовсе забыли его настоящее имя. Директор приказал У Лян-синю научить мальчика подавать гостям сигареты и чай и всем прочим церемониям, которые обязан знать слуга благородного господина; молодой мастер по распоряжению директора стал обучать его ремонту велосипедов. Кроме того, на Чжу-цзы возложили множество других обязанностей: он убирал лавку и комнату, ходил за покупками, готовил еду, топил печь, — словом, делал всё, что ни прикажут.

Оба учителя, не желая долго обременять себя новыми обязанностями, ревностно принялись за дело, и месяц спустя разнообразная программа была закончена. Чжу-цзы понимал, что здесь у него нет друзей, и работал молча, не покладая рук. А руки и голова у этого деревенского «простофили» были ничуть не хуже, чем у любого городского мальчишки. Он ко всему присматривался и всё быстро усваивал. Не скроем, что молодой мастер убоился, как бы ученик не обогнал его в сноровке и не лишил куска хлеба. По этим соображениям он утаил от него кое-что из своих познаний, твёрдо решив про себя: «Хоть убейте, а учить я его больше не буду!» Но мальчик сам каждую свободную минутку возился с велосипедом и вскоре научился разбирать и собирать машину, чинить камеры, заменять части; только в тормозе заднего колеса он не совсем ещё разобрался.

В кабаках и дансингах директор Ху Ли-ту имел твёрдую репутацию щедрого человека. На женщин он тратил деньги без счёта, как воду из водопровода. Но для своих служащих он был всё равно как фарфоровый петух, из которого пера не выдернешь. Даже проныре У Лян-синю, который уже много лет пил, ел и веселился на счёт Ху Ли-ту, никогда не удалось выпросить у него наличных денег. А У Лян-синь частенько нуждался в них, и поэтому ему приходилось действовать обходным манёвром. Будучи по природе человеком нечистоплотным, он не брезгал никакими средствами. Всякий раз, когда Лао-сань или Ху Ли-ту поручали ему

какое-нибудь денежное дело, У Лян-синь изловчится и пару сот юаней положит себе в карман. Нередко он входил в соглашение с шайкой уличных хулиганов, и когда те, шантажируя директора разными угрозами, вымогали у него деньги, бухгалтеру тоже перепадала львиная доля. Когда же ему и этого нехватало, он подсылал к Ху Ли-ту свою дочь. Она покочетничает-покочетничает, резво сунет свою маленькую ручку к нему в карман — и цель достигнута.

Молодой мастер — единственное лицо технического персонала велосипедной лавки «Мажестик» — работал уже несколько месяцев, но не получил ещё ни чоха¹. На все его напоминания о жалованье директор неизменно отвечал, что денег у него нет, так как торговля идёт плохо. У молодого мастера не было денег даже на то, чтобы купить себе несколько штук сигарет, а курить ему очень хотелось. Бедняге ничего другого не оставалось делать, как подбирать на углах окурки. В конце концов ему надоело жить с пустым кошельком, и он нашёл способ наполнять его. Покупая товары, он просил, — конечно небезвозмездно, — указать в счёте ложную сумму, а разницу присваивал себе. Затем он и за починку велосипедов стал тайком брать дороже, чем полагалось; иной раз, когда бухгалтер У Лян-синь уходил по своим делам, он ухитрялся сдавать директору не всю дневную выручку. Пользовался он и другими возможностями. Попадёт к нему на ремонт какой-нибудь японский или другой заграничный велосипед, — он моментально снимет с него новые части, заменит их старыми, а новые продаст на стороне. Все эти операции он без труда проделывал под носом у директора, но провести бухгалтера было невозможно. Приходилось делиться с ним доходами, а не то хозяйский приживал мог его выдать.

Клиенты, раз побывавшие в лавке «Мажестик», в другой туда не заглядывали. Дела шли из рук вон плохо и, кроме убытка, ничего не приносили, а Ху Ли-ту попрежнему ничем не интересовался и ни на что не обращал внимания. Бухгалтер У Лян-синь и молодой мастер целыми днями только и думали о том, как бы кого обмануть и на этом выгадать. Предприятие рушилось у всех на глазах. Как ни странно, но, когда лавка перестала торговать, все почувствовали облегчение. Директору теперь ничто не мешало с головой окунуться в развлечения; у хозяйки голова больше не болела от забот; бухгалтер, плотно закусив, брал клетку с певчей птичкой и с утра отправлялся в чайную, а молодой мастер только и знал, что бегал в гости к соседям со всей улицы. Всем было полное раздолье, одному Сяо Ли-бэню не везло — у него-то работы прибавилось.

Встанет ни свет ни заря, пол подметёт, горшки вынесет, печку затопит, воду для умывальника подаст, чай заварит, за продуктами сбегает, приготовит еду для хозяев, потом для служащих; не успеет сам поесть — пелёнки надо стирать, ботинки почистить, да ко всему ещё — главная обязанность! — смотреть за ребёнком и кормить его. И не забывайте: велосипедная лавка «Мажестик», превратившаяся теперь в ремонтную мастерскую, тоже была на его попечении. Там он отвешивал поклоны клиентам и чинил их велосипеды.

Сяо Ли-бэнь просто не знал, как ему со всем этим управиться. Он не только прислуживал директору и его супруге, но был ещё на побегушках у бухгалтера и молодого мастера. Мало того, что он убирал их постели, — каждый день он должен был делать массаж ног бухгалтеру У Лян-синю и чесать спину молодому мастеру. Наконец часам к двум ночи, когда все его четыре начальника спокойно засыпали, Сяо Ли-бэнь брал своё дырявое ватное одеяло и располагался на деревянном помосте, где раньше стояли новые велосипеды. Всё его тело так ныло и болело, что мальчику

¹ Чох — китайская мелкая монета, соответствует русскому грошу. (Примеч. перев.)

казалось, будто он разобран на части. А там, едва он уснёт, глядишь, окна начинают светлеть, на улице раздаются чьи-то шаги, и Сяо Ли-бэнь, протирая глаза, вскакивает и открывает двери лавки...

Директор Ху Ли-ту и его супруга Лао-сань в день едят четыре раза: завтракают, обедают, ужинают да ещё ночью закусывают; бухгалтер У Лян-синь, мастер и Сяо Ли-бэнь едят два раза в день, а сколько раз ест маленький барчонок — и не сосчитать. Всего пять с половиной человек, а три разных сословия!

Лао-сань была охотница поспать и поесть да к тому же ещё и сластёна, но готовить сама не умела. Сяо Ли-бэнь тоже был не бог весть каким поваром. Поэтому господа предпочитали обходиться без горячего; они обычно ели копчёный окорок, сосиски, мясные консервы, а когда это им надоело, отправлялись в ресторан. При всём том они были твёрдо уверены, что приносят себя в жертву интересам дела.

У Лао-сань было молоко, но она не кормила ребёнка грудью — кто-то ей сказал, что от материнского молока ребёнок глупеет. Младенец питался консервированным молоком или молочным порошком с печеньем. Чем он больше ел, тем больше худел и орал с утра до вечера. От одного этого ребёнка у Сяо Ли-бэня голова шла кругом.

У служащих лавки «Мажестик» пища была самая простая. Директор установил твёрдую норму: три цзиня¹ проса и цзинь капусты на всех, и больше ничего. Ху Ли-ту требовал от подчинённых строгой дисциплины и не баловал их ни выплатой жалованья, ни излишествами в еде. На каждого приходилось по одной пампушке и по чашке кристально чистой воды с бесцветной капустой и бесцветной солью. У Лян-синя называл это блюдо «суп из трёх бесцветных элементов» и, когда его приглашали обедать, морщился и редко шёл к столу. Если он не шёл к кому-нибудь непрошенным гостем, то ждал, когда супруга директора закончит еду, и подбирал объедки. Он не всегда съедал их, но ни с кем не делился и уносил с собой. Молодой мастер, когда бывал при деньгах, обязательно покупал себе еду повкусней, а хозяйские харчи глотал с неохотой; уж если денег у него в кармане совсем не было, довольствовался ими. Один только Сяо Ли-бэнь неизменно ел с наслаждением, но никогда вдоволь — одной просяной пампушкой разве наешься?

5

Самые оживлённые часы наступали в лавке «Мажестик» по вечерам. В девять часов торговля прекращалась, и, по заведённому порядку, в велосипедной лавке собирались гости. Во внутренней комнате знакомые Лао-сань играли в мацзян²; друзья бухгалтера У Лян-синя, расположившись в помещении лавки, рассказывали анекдоты и пели песни. Директор Ху Ли-ту не принимал участия в этих развлечениях; каждый вечер он отправлялся в южную часть города, в район увеселительных заведений.

Лао-сань водила знакомство только с самыми важными персонами из их квартала: хозяйкой парикмахерской и её любимчиком, старшим учеником Сяо Мао, околоточным надзирателем Янем, владелицей портняжной мастерской, миловидной тётушкой Пань, и ещё кое с кем. Приятели У Лян-синя были не столь высокопоставленные лица: старик шаньдунец — хозяин коптильни; владелец часовой мастерской, по прозвищу Старый Чудак; бывший артист, потерявший голос, по прозвищу Богوم Наказанный, и ещё один дружок по шахматам в чайной, которого все называли Дармоед. У Лян-синя, кудахтая, словно старая курица, пел высокие женские партии. Старый Чудак исполнял арии старух; Дармоед подвизался

¹ Цзинь — китайский фунт, равен 0,6 килограмма. (Примеч. перев.)

² Мацзян — азартная игра в кости. (Примеч. перев.)

на ролях стариков; старый шаньдунец подтягивал басом, а Богом Наказанный был одновременно дирижёром и скрипачом-аккомпаниатором. Каждый вечер они упражняли свои голоса в опере «Защита отечества от кочевников» или в опере «Ян Сы-лань бежит от матери». Все певцы горели желанием к Новому году выступить на сцене, поэтому они усиленно разучивали роли и репетировали.

Лао-сань и тётушка Пань по виду друг в друге души не чаяли, а на самом деле люто ненавидели друг друга. И всё из-за Ху Ли-ту. Стоило ему вернуться домой при гостях, как он тотчас же пристраивался за спиной тётушки Пань, смотрел в её костяшки, а то и сам играл за неё одну-две партии да ещё нащёптывал что-то на ухо, придвинувшись вплотную к хорошенькой соседке. Каково было смотреть на это Лао-сань! И она частенько-таки выходила из себя...

Между околоточным и Сяо Мао тоже нередко бывали стычки. Сяо Мао был готов услужить Лао-сань и подбрасывал ей хорошие кости; в ответ она, жмуря глаза, сладко улыбалась. Околоточный бесился и при всяком удобном случае начинал придирается к Сяо Мао. Тот всегда ему уступал, боясь испортить отношения с местными властями.

В эти часы и у Сяо Ли-бэня выдавалась иногда свободная минутка. Хозяева были заняты, ребёнок спал, и мальчик мог выйти на улицу. Там он встречался со своими друзьями. Это были: Шунь-цзы — ученик из парикмахерской, Лао-яо — ученик из портняжной мастерской, Сяо Гоу-цзы — мальчик на побегушках при продовольственной лавке и ещё сын часовых дел мастера, по прозвищу Маленький Чудак.

Собравшись, они рассказывали друг другу о своей жизни, ругали хозяев, жаловались на незаслуженные обиды, и на душе у них становилось как будто легче. Маленькому Чудаку, сыну часовых дел мастера, было неудобно ругать своего отца, но он от всего сердца ругал других хозяев, и ребята считали его своим.

Однажды вечером мальчики собрались как всегда возле лавки «Мажестик»; отойти подальше Сяо Ли-бэнь боялся — хозяйка каждую минуту могла послать его куда-нибудь. Разговор начал парикмахерский ученик Шунь-цзы.

— Ой, что у нас было сегодня! Хозяин с хозяйкой поругались! Она всё шепталась-шепталась с Сяо Мао, а хозяин и заметил. Так рассвирепел, что хотел тут же выбросить старшего ученика на улицу. А хозяйка, подняла такой рёв и крик! Хозяин только руками замахал, — рассмеялся Шунь-цзы.

— А у меня сегодня какая радость! — подпрыгнув на месте, воскликнул Лао-яо. — Наш хозяин испортил брюки лётчику! Лётчик примерил их и, ни слова не говоря, как даст ему по уху! Эх! Так и зазвенело — цип-ни! У хозяина всё лицо стало красным. Не вмешайся хозяйка, — эх! — получил бы он ещё десяток пощёчин.

Сяо Гоу-цзы заявил, что у его хозяина совсем нет совести.

— Знаете, — воскликнул Гоу-цзы, — он в муку подсыпает порошок из белого камня. Ни один желудок не может переварить такого.

— Ты думаешь, только у твоего хозяина нет совести? — спросил Сяо Ли-бэнь.

И все согласились с тем, что у хозяев вообще нет совести.

Чем хуже шли дела в лавке «Мажестик», тем тяжелей становилась жизнь Сяо Ли-бэня. Он не только за всех работал, но и для всех был козлом отпущения. Все сбывали на нём свою злобу. Поссорится директор с женой или проиграется на миллиарде — виноват Сяо Ли-бэнь, колотушки и пинки достаются ему. Приревнует ли Лао-сань супруга к очередной сопернице, заплачет ли ребёнок, — оплеухи получает Сяо Ли-бэнь. Всё терпел мальчик за кусок хлеба, но в душе его разгоралось негодование.

И у бухгалтера У Лян-синя был свой излюбленный приём: ему нравилось бить мальчика трубкой по голове. Но его Сяо Ли-бэнь не боялся — пусть его потешится, стукнет разок, другой: как никак — начальство. Молодой мастер тоже пытался приложить к нему руку, но однажды, когда дома никого не было, Сяо Ли-бэнь так дал ему головой в живот, что тот полдня разогнуться не мог. С тех пор он больше не приставал к Сяо Ли-бэню. По тому, как Сяо Ли-бэнь переносил побои — без слёз, без вздохов, его мучители догадывались, что парнишка не из трусливых.

Мальчик и вправду обладал большой выдержкой, но всё же он был только ребёнок, ему надо было перед кем-то излить свою боль, свою обиду и ненависть. Он часто вспоминал студента, которому однажды чинил велосипед, ему очень хотелось встретиться с ним, но студент больше не приходил, а как его найти, Сяо Ли-бэнь не знал. Ему оставалось лишь одно утешение — на рассвете или поздно вечером убежать в большой разрушенный храм. Там, облокотившись на сломанную статую будды, он давал волю слезам. Эти слёзы приносили ему облегчение. Но стоило кому-нибудь заглянуть в храм, и он убегал, боясь, что другие заметят его слабость и он «потеряет лицо» — упадёт в глазах окружающих.

6

Супруга директора лавки «Мажестик» всё собиралась нанять служанку, но Ху Ли-ту отговаривался тем, что её негде поместить. В конце концов У Лян-синя разрешил их спор, сказав, что его дочь Сяо Фын-бао — Маленькая Пудреница, согласна приходить днём и помогать по хозяйству.

Сяо Фын-бао была куда красивей своего отца. Говорила она сладко и приятно, даже брови и глаза её умели разговаривать. Походка у неё была плавная, лёгкая — идёт, словно ветерок пробегает по мягкой ивовой листве. Для У Лян-синя его дочь была настоящим сокровищем: много раз он её продавал и не раз она была предметом подарка, но как-то так получалось, что рано или поздно он получал её обратно. На этот счёт и у отца и у дочери было много хитрых уловок.

Появление Сяо Фын-бао немедленно вызвало перемены в жизни обитателей лавки «Мажестик». Директор почти перестал уходить из дому; молодой мастер не шатался по улице, как прежде; околоточный Янь и Сяо Мао, которые раньше заходили только по вечерам поиграть в ма-цзян, теперь стали частенько наведываться и днём. Все были очень довольны её появлением, все, кроме Лао-сань. С первого же дня она почувствовала, что её положение пошатнулось. Вскоре Ху Ли-ту полностью сдался в плен Сяо Фын-бао, а постоянные поклонники Лао-сань понемногу отступались от неё. Она рассвирепела, как тигрица, и Сяо Фын-бао пришлось бежать с поля брани. Супруга директора благополучно вернула себе своих поклонников, а У Лян-синя чуть не уволили. С тех пор Ху Ли-ту больше не посещал весёлые дома в южной части города; вместо этого он пропадал в доме бухгалтера.

После случая с Сяо Фын-бао Сяо Ли-бэня на несколько дней приставили к серьёзному делу. Всякий раз, когда директор выходил из дому, Лао-сань снаряжала Сяо Ли-бэня в разведку. Однажды он получил приказ войти к У Лян-синю в дом и разузнать, что там делается, когда бызает директор. На вопрос, зачем он пришёл, Сяо Ли-бэнь ответил: «Меня прислала хозяйка». Сяо Фын-бао с холодной улыбкой тут же выпроводила Ху Ли-ту.

— Уходите, уходите скорей! Не накликайте на меня беды!

Ху Ли-ту вскипел, схватил палку и выгнал Сяо Ли-бэня. Затем он получил ещё пару оплеух от хозяйки. От ответственных поручений его отстранили. Воспользовавшись случаем, молодой мастер предложил

Лао-сань в качестве частного сыщика себя. Они договорились о вознаграждении, молодой мастер получил деньги и... стал сам превосходно проводить время в домике у бухгалтера, когда там не бывало директора. Лао-сань он подавал ложный рапорт, и все стороны были довольны.

Три дня подряд шёл густой снег. Потом оттаяло, и вдруг подул холодный северо-западный ветер, подморозило, на дорогах образовалась сплошная гололедица. Прохожие и велосипедисты немилосердно скользили и то и дело падали.

После обеда Ху Ли-ту хотелось выйти из дому, но он испугался холода — ведь так легко простудиться! Надев меховой халат, он сел возле печки и стал болтать с бухгалтером. Лао-сань с ребёнком на руках стояла у окна и гладела на прохожих. Сяо Ли-бэнь дежурил около стёганой занавески, ожидая, не зайдёт ли кто в лавку. Он дрожал от холода и, чтобы хоть немного согреться, всё глубже и глубже засовывал руки в дырявые рукава куртки. Вдруг Лао-сань звонко расхохоталась и показала пальцем в окно.

— Ой, упал! Смотрите, вон тот, с велосипедом... Ха-ха! Настоящая глиняная обезьяна! И очки разбил!

Все поспешили к окну, но в эту минуту дверь в лавку отворилась, и вошёл тот, кого Лао-сань обозвала «глиняной обезьяной». Как известно, Ху Ли-ту вообще не занимался случайными клиентами, У Лян-синь слегка кивнул головой и лениво проговорил слова приветствия, но Сяо Ли-бэнь радостно бросился навстречу вошедшему. Перед ним стоял знакомый студент Дин И. Улыбаясь, он смотрел на мальчика. Оправа на его очках сломалась, ватный халат был испачкан, руль велосипеда погнулся. Сяо Ли-бэнь подхватил велосипед, и Дин И стал вытирать платком руки.

— Есть ещё повреждения? — спросил Сяо Ли-бэнь, хлопоча над рулём.

— Кажется, нет, — ответил Дин И. — Да я не за этим пришёл. Я тебе кое-что принёс, а то ты, наверное, думал, что я тебя обманул. Раньше не мог, не было времени.

Он отстегнул подвешенный к велосипеду портфель и вынул оттуда баночку мази, пачку ваты и бинт.

— Вот, возьми, — сказал он Сяо Ли-бэню. — Это мазь. Каждый день перед сном чисто-начисто мой руки, мажь на вату мазь и прикладывай к ранкам, а потом завязывай покрепче. — Всё скоро пройдёт, и руки у тебя заживут. Понял?

Сяо Ли-бэнь молча кивнул головой. Дин И вытащил из портфеля старую фуфайку и тоже дал её мальчику.

— Фуфайка старая, но ты её всё-таки надень. Она тёплая, от ветра защищает. Я тоже бедный, новую купить не могу — ну, пусть хоть эта... Ты возьми...

Сяо Ли-бэнь, одной рукой прижимая к груди лекарство, другую протянул за фуфайкой и продолжал молча смотреть на студента. Окружающие с удивлением уставились на них обоих. У Лян-синь не выдержал:

— Вы давно знакомы? — спросил он, подходя к Дин И.

— Нет, совсем недавно, — спокойно ответил Дин И.

— Тогда с какой же стати вы дарите нашему ученику все эти вещи? — в полном недоумении воскликнул У Лян-синь.

— Вы, кажется, удивлены? — в свою очередь спросил студент.

— Очень странно! — ответил бухгалтер У Лян-синь и повернулся к Ху Ли-ту и его супруге. Те, видимо, ждали, что будет дальше.

— Ничего странного здесь нет, — сказал Дин И, переводя взгляд с У Лян-синя на Ху Ли-ту. — Я как-то заходил сюда чинить камеру и заметил, что ваш ученик одет хуже нищего. Он мёрзнет! Разве вы не знае-

те, что у него отморожены руки? Люди должны помогать друг другу. Ведь он же человек! У меня мало денег, но я хочу помочь мальчику хоть чем-нибудь. Вы думаете, что я поступаю неправильно?

Бухгалтер У Лян-синь выпучил глаза, отошёл в сторону и закурил трубку. Сяо Ли-бэнь, увидев, как нахмурился директор, как надула губы хозяйка, понял, что даром ему это не пройдёт.

— Спасибо вам, господин, но я ничего не могу взять у вас. Они избыют меня, — тихо сказал он и протянул студенту свёртки.

Дин И положил ему руку на плечо и обвёл всех присутствующих медленным взглядом.

— Ты не бойся, — сказал он. — Мы с тобой добрые друзья, а в том, что друзья помогают друг другу, нет ничего плохого. Ты вылечишь руки и будешь ещё лучше работать. Не бойся. Скажи, как тебя зовут?

— Сяо Ли-бэнь, — ещё тише ответил мальчик.

— Это твой настоящее имя?

Сяо Ли-бэнь молчал. Дин И повторил настойчиво и мягко, не снимая руки с плеча мальчика.

— Скажи мне, как тебя зовут?

— Ван Чжу-цзы...

— До свидания, Чжу-цзы. Я ещё приду к тебе, — громко сказал Дин И и вышел из лавки.

У Лян-синь только и дожидался этого.

— Проклятый ублюдок! Ишь, мутить воду сюда пришёл! Знаем мы этих студентов, все смутьяны и бунтовщики!

— Нет, это просто коммунистическая пропаганда! — подхватил директор. — Он — я-то уж его насквозь вижу! — он хочет моё имущество делить! Вот чему они учат людей!

Лао-сань не отставала от них, а ругаться она умела почище У Лян-синя.

— Стоит мне увидеть студента, — заключила она, — как я просто из себя выхожу. Нажрутса, бездельники, до отвала и суют нос в чужие дела! Все они из Восьмой армии...

Желая ещё больше угодить хозяйке, У Лян-синь выхватил у Сяо Ли-бэня банку с лекарством и одним махом выбросил её на улицу. В это время вошёл молодой мастер. Он тотчас приметил фуфайку, которую Сяо Ли-бэнь всё ещё держал в руках.

— У тебя что, обновка? Откуда? — И он ловко выхватил фуфайку у мальчика.

— Это ему из Восьмой армии прислали, — прошипел У Лян-синь.

— Мне всё равно — из восьмой или седьмой, — рассмеялся мастер. — Ну-ка, я примерю её, посмотрю, может быть, мне подойдёт! — Он натянул фуфайку через голову и убежал.

У Лян-синь задохнулся от зависти — из-под носа у него вырвали добычу!

Сяо Ли-бэнь стоял, белый от обиды, злости и бессилия; его трясло, как в лихорадке. В эту минуту кто-то ударил его ногой в спину. Мальчик стремглав полетел вперёд. Кое-как удержавшись на ногах, он обернулся. Это директор приступил к обучению своего ученика. Сяо Ли-бэнь, глядя на него исподлобья, крепко стал на ноги и выпрямился.

— Эй, ты! Черепашье яйцо! Если ты мне ещё раз вздумаешь зазывать студентов, чтобы они здесь беспорядки устраивали, я тебе все твои собачьи ноги переломаю, так и знай! — рывкнул директор.

Сяо Ли-бэнь не стерпел и сказал ему то, что думал:

¹ Черепашье яйцо, то есть безродный, — самое обидное ругательство. (Примеч. перев.)

— Хороший человек от чистого сердца подарил мне лекарство и фу-файку, разве это называется «беспорядки»? Как вы ещё позволяете добрым людям дышать!

Ху Ли-ту, замахнувшись на Сяо Ли-бэня, дико заверещал:

— Ты что? Возражать? А? Тоже бунтовать вздумал?..

— Сами заставляете, — ответил мальчик.

— Ага! Значит так? — угрожающе просипел Ху Ли-ту. — Хорошо. Я скажу кому надо, пусть первым делом расправятся с твоим студентом... Посмотрим тогда, как ты будешь бунтовать!

Вечером околоточный надзиратель пришёл играть в кости. Ради встречи с ним Ху Ли-ту нарочно остался дома. Но околоточный Янь в ответ на просьбу арестовать студента или хотя бы всыпать ему как следует только заматал головой.

— Ой, теперь такое время, что лучше не связываться со студентами! Чуть что — бросают учиться, устраивают демонстрации. Протесты у них всякие — то против голода и нищеты, то требуют от правительства прекратить войну против коммунистов. Сам мэр города, увидев студентов, только головой качает. Прошу вас, не затевайте вы ничего в моём участке. Неизвестно, что и как ещё будет. Дело может и совсем плохо обернуться...

Ху Ли-ту обмер и замолчал. Сяо Ли-бэнь смотрел на них, слушал и думал про себя: «Плохие люди боятся хороших людей. Почему они их боятся? Чудно! Я вот несколько не боюсь студентов, они хорошие, ничего страшного в них нет. Надо и мне быть твёрдым, как они...»

7

Уже всем стало известно, что гоминдановская армия на северо-востоке потерпела поражение. Гоминдановская головка в Пекине была охвачена паникой; атмосфера с каждым днём становилась всё напряжённей. Крупные грабители-чиновники, слетевшиеся в Пекин после разгрома Японии, снова собрались улетать. Те, кто потрусливей, давно уже удрали, бросив имущество на произвол судьбы; те, кто похрабрей, отправляли семьи в Гонконг или на Тайван, а сами оставались в городе, стараясь ликвидировать своё имущество, распродать дома и землю, обменять даньги на золотые слитки; автомобили, мебель, разная утварь — всё это теперь продавалось за бесценок прямо на улицах. Пришли наконец дни, когда народ увидел чудовище с головой тигра и с туловищем змеи таким, как оно есть. Как маска, слетел с гоминдановцев воинственный пыл, осталась лишь подлая, ничем не прикрытая трусость. «У этих клопов, насосавшихся человеческой крови, — с презрительной усмешкой говорили люди, — вдруг выросли крылья, и они готовы хоть на облака забраться, только бы спасти свою шкуру. Посмотрим, где-то они сядут!»

Но в лавке «Мажестик» по вечерам всё ещё встречались старые приятели. Они обсуждали положение и делились сплетнями; правда, лица у всех были кислые.

— Ходят слухи, что Линь Бяо с миллионным войском уже прошёл Шанхайгуань¹, — шепнёт один, а второй добавит:

— Говорят, что Восьмая армия ужасно жестока — всех подряд убивают!

— Делят не только имущество, но и... жён! У кого их много — берегись! — с намёком кой на кого кивал старый шаньдунец.

От таких разговоров у Ху Ли-ту душа уходила в пятки. Старый Чудак, хозяин часовой лавки, и бухгалтер У Лян-синь тоже загрустили.

¹ Шанхайгуань — горный проход из Маньчжурии в собственно Китай; расположен у берга моря, севернее Тяньцзиня. (Примеч. перев.)

— Надвигается беда! Большая беда! — повторяли они, понуриив головы.

Когда стало известно, что гоминдановцы отступили из Калгана, клуб в лавке «Мажестик» закрылся. В мацзян больше не играли и песен не пели. Ху Ли-ту перестал выходить из дому. Теперь если гости и собирались, так только во внутренней комнате. Только и разговору было, что о приближении Народно-освободительной армии.

Как-то и к Сяо Ли-бэню пришли его друзья. Проскользнув в лавку, они уселись на деревянный помост и тоже завели беседу о Восьмой армии. Маленький Чудак, подражая отцу, качал головой.

— Ой, мой отец говорит, что Восьмая армия точь-в-точь как дьяволы из даосской шайки «Белый лотос». Они убивают людей и глазом не моргнут, и такие у них порядки, чтоб все мужчины и женщины жили вместе... Они поддерживают маньчжурскую династию и уничтожают иностранцев... Понять невозможно, такое тёмное дело!

Шунь-цзы и Лао-яо сделалось немного страшно; Сяо Ли-бэнь и Сяо Гоу-цзы возражали Маленькому Чудаку.

— Когда я был маленьким, — сказал Сяо Ли-бэнь, — у нас в деревне я сам видел Восьмую армию. Не верю я твоему отцу, он не знает, что говорит. А я знаю! Все они очень хорошие — войдут во двор, только и слышно «тётушка», «дяденька», очень ласково со всеми обращались. Когда жили в какой-нибудь семье, непременно помогали по хозяйству, носили воду, подметали двор, никогда никого не грабили! Жалко вот, что они недолго задерживались на одном месте. А все наши деревенские хотели, чтобы они бывали почаще. Восьмая армия совсем не такая, как ты о ней говоришь! Я сам видел.

Сяо Гоу-цзы вдруг оглянулся вокруг, нет ли поблизости посторонних.

— Вы только никому не говорите, — понизил он голос. — Когда я жил ещё дома, у нас в деревне тоже была Восьмая армия и я состоял в пионерском отряде...

У мальчишек от удивления расширились глаза и приоткрылись рты.

— А ты правду говоришь? — спросил Шунь-цзы. — Значит, ты сам тоже вроде Восьмой армии?

Вместо ответа Сяо Гоу-цзы сделал жест, как бы подтверждая слова Шунь-цзы.

— А что же делал ваш пионерский отряд? — спросил его Шунь-цзы. — Вы тоже ходили с винтовками, как маленькие солдаты?

— Вот ещё! — воскликнул Сяо Гоу-цзы. — В свободное время мы собирались вместе, читали книги, пели песни, танцевали янгэ, а иногда дежурили у входа в деревню.

Шунь-цзы и Лао-яо верили Сяо Гоу-цзы, но Маленький Чудак ещё сомневался.

— Вот ты говоришь, что тебе было так хорошо в твоём пионерском отряде. Зачем же ты приехал в Пекин? — спросил он.

— Разве я сам хотел? — горячо возразил Сяо Гоу-цзы. — Это всё мой отец — он здесь жил и требовал, чтобы меня прислали в город учиться ремеслу. Знай я, как здесь будет, ни за что бы не поехал сюда, даже к бабушке!

Ребята звонко рассмеялись, но тут из внутренней комнаты выскочил Ху Ли-ту и с криком напустился на них.

— Что за шум? Слепые щенята, и те распустились! У людей сердце не на месте, а они здесь ржут! Вон! К чёртовой матери! Чтобы духу вашего здесь не было!

Мальчишки не заставили просить себя дважды и опрометью выскочили из лавки.

Спустя несколько дней праздновали рождение Ху Ли-ту. Как ни тре-

можно ему было, он всё же решил отметить это событие. Супруги с утра приоделись: Ху Ли-ту облачился в халат на лисьем меху, а Лао-сань вырядилась в самые яркие цвета. У Лян-синь натянул по этому случаю поверх халата парадную куртку, молодой мастер надел новый халат. Один Сяо Ли-бэнь был попрежнему в своей рваной солдатской куртке и в сношенных грязнобелых туфлях на дырявых подмётках.

Как только директор встал с постели, бухгалтер У Лян-синь вместе с молодым мастером и Сяо Ли-бэнем явились с поздравлениями. У Лян-синь первый стал на колени и принялся отбивать поклоны. Супруги поспешили его поднять.

— Мы очень молоды, мы не заслужили, — приговаривали они.

Вторым был молодой мастер; он тоже почтительно опустился на колени и отвесил три положенных поклона, а затем ещё один, отдельно — жене директора. Лао-сань это очень понравилось, и она дала ему в награду двадцать юаней. Сяо Ли-бэнь с отвращением смотрел на церемонию и думал: «Какого чёрта они кланяются этим гнилым костям! Меня бы спросили, я бы сказал, что закопать их мало!» Тут У Лян-синь подтолкнул его.

— А ты почему не кланяешься директору?

Сяо Ли-бэнь понял, что ему не отвертеться, и шлёпнулся на колени. Сколько он отмахал поклонов, он не считал, но Лао-сань вдруг закричала не своим голосом.

— Да что же ты, мерзавец, нас на тот свет отправляешь, что ли? Кто это живому человеку кладёт четыре поклона? Ты что, предков поминать? Ох! Он нас нарочно хоронит! Я его знаю... — Голос её оборвался, она с кулаками налетела на мальчика.

У Лян-синь вытолкнул Сяо Ли-бэня из комнаты и задал ему трёпку.

К вечеру пришли друзья и знакомые с подарками. Одни подносили персики, другие — символ долголетия — лапшу, третьи дарили деньги в красных конвертах. Лавку закрыли, и всё помещение предоставили гостям. Во внутренней комнате сидели женщины, в лавке — мужчины. Сяо Ли-бэнь подавал стулья и разносил чай. В такой день могла прийти в гости даже Сяо Фын-бао, и она-таки явилась — в длинном розовом халате и в коротком зелёном пальто. Едва она вошла, как весь дом наполнился запахом духов. Ху Ли-ту она отвесила три поклона, и он просиял. Мужчины окружили Сяо Фын-бао, и пошла весёлая болтовня. Разумеется, Лао-сань сразу надула губы, но устраивать сцену не стала — в доме был праздник. Она надменно отвернулась и старалась не обращать внимания на соперницу.

Сяо Ли-бэнь получил распоряжение пойти в ресторан «Янь-чунь лоу» и заказать ужин с лапшой на два стола. Ужин доставили на дом. Лапша с тарелок исчезла быстрее, чем тучи с неба при сильном ветре. Мужчины стали играть в хуацюань, над столом замелькали пальцы, только и слышно было, как игроки, надрываясь, выкрикивали: «Муж и жена — пара!», «Без пяти пальцев не рука!»

Женщины вели себя более чинно; они сидели за столом, жеманно улыбаясь, и шушукались о семейных делах. Ху Ли-ту, держа в руках рюмку, подошёл к их столу и пригласил дам выпить с ним. Он пил с каждой гостьей отдельно, но ни с одной не задерживался, пока не дошёл черёд до тётушки Пань. Тут они стали долго уговаривать друга друга, сопровождая просьбы ласковыми словами; пили тоже не спеша. Лао-сань смотрела в сторону; сердце её готово было разорваться от ревности, но она молчала. Самое страшное было ещё впереди. Ху Ли-ту подошёл к Сяо Фын-бао.

— Вы не можете не выпить со мной, — сладострастно прогнусавил Ху Ли-ту.

— Хэ-н! Нам с вами не пить, нет, нет... — ворковала Сяо Фын-бао, поводя плечами.

Они пререкались долго — казалось, конца этому не будет. Он всё совал ей рюмку, а она, отталкивая его, повторяла:

— Хэ-н! Нет, мы с вами не можем выпить, нет, нет...

В конце концов он уломал её; отхлебнув маленький глоток, Сяо Фын-бао протянула остаток Ху Ли-ту. Он взял рюмку и, закрыв глаза, запрокинув кадык, с блаженным лицом высосал вино до последней капли. За столом стихли; все пристально следили за происходящим — ведь это была церемония «новобрачные пьют вино». И вдруг — бац! На стол хлопнулась чашка с уксусом и разлетелась вдребезги. Уксус и осколки брызнули во все стороны. Это Лао-сань взорвалась, как огнедышащий вулкан! Хлынули слёзы, посыпались угрозы, крики... Гости торопливо разошлись, гадая, чем всё это кончится.

8

На другой день Лао-сань, поднявшись рано утром, взяла ребёнка и переехала к своей матери. Ху Ли-ту проснулся только в полдень. Узнав, что жена ушла от него, он пришёл в ярость. У Лян-синь, заметив, что директор не в духе, подхватил клетку с птицей и убрался в чайную. Молодой мастер только что вернулся из гостей. Ни о чём не думая и ничего не делая, он беспечно бубнил себе под нос какую-то песенку. Директор подошёл к нему и уставился тяжёлым взглядом.

— Ты что это, болван, только и знаешь жрать да по гостям шататься! А кто будет дело делать? Может, ты думаешь, что у меня здесь детский приют? Довольно прикидываться бедным внучком. А то придётся тебе выкатываться отсюда!

Парень растерянно захлопал глазами; ему очень хотелось огрызнуться, но он боялся остаться без куска хлеба, да и нечего ему было возразить. Он с грохотом выкатил из угла велосипед и молча занялся его починкой. Сяо Ли-бэнь, зная характер директора, понимал, что ему не миновать трёпки. Низко-низко опустив голову, он продолжал работать. Директор, прищуриль глаза, смотрел на мальчика, но придаться было не к чему. И надо же было Сяо Ли-бэню именно в эту минуту опрокинуть таз с водой! С быстротой молнии Ху Ли-ту схватил железную кочергу и бросился на мальчика. Он уже успел нанести ему несколько сильных ударов, как вдруг кто-то крепко сжал его локоть. Ху Ли-ту стремительно обернулся. Перед ним стоял человек в очках. «А! Это тот самый студент с лекарством,— вспомнил директор. — Ну, я его сейчас проучу! Я ему сейчас покажу, каков у меня нрав!» Но тут ему пришло на память предупреждение околоточного Яня. Невольно съёжившись, Ху Ли-ту отпустил Сяо Ли-бэня и бросил кочергу. Дин И с отвращением смотрел на него.

— Вы как будто человек с образованием? Почему же вы так позверски обращаетесь со своим учеником? — возмущённо спросил Дин И. — Разве он совершил какое-нибудь преступление? Как вы смеете бить его кочергой? А если бы вашего ребёнка так истязали, как бы вы на это посмотрели?

Ху Ли-ту не мог удержаться; подавляя страх, он бросил на Дин И высокомерный взгляд.

— У меня в лавке свои порядки. Не суйтесь не в своё дело! — грубо ответил он.

— То есть как не моё дело? — воскликнул Дин И. — Каждый имеет право вмешаться, когда видит, что в обществе поступают неправильно и бесчеловечно. Известно ли вам, что за истязания ученика вас можно привлечь к суду? О вас следовало бы написать в газету! Ученики при-

ходят к вам учиться ремеслу. Они не каторжники. И вы не имеете права посягать на их жизнь! Феодалным нравам пора положить конец!

Ху Ли-ту был так поражен этой отповедью, что потерял дар речи. Весь красный, с открытым ртом, он стоял перед студентом, уставившись на него глазами, налитыми кровью. Вдруг он ногой распахнул двери и вышел на улицу. Он «спасал своё лицо».

Сяо Ли-бэнь стоял в сторонке. Он улыбался, но глаза его были полны слёз. Когда Ху Ли-ту вышел, он бросился на грудь Дин И; тот обнял его.

— Хороший человек опять помог мне,— прошептал Сяо Ли-бэнь; потом поднял голову и рассмеялся.— А директор-то убежал! Поджал хвост и убежал! Здорово!

— Он тебя не поранил? Может, свести тебя в больницу?

— К таким нежностям я ещё не привык,— ответил Сяо Ли-бэнь, продолжая смеяться.

Дин И тоже улыбнулся и, потянув за собой мальчика, сел с ним на деревянный помост.

— Младший брат! — произнёс он после некоторого раздумья.— Послушай, что я тебе скажу. Нельзя всё сносить молча. Ты не позволяй себя бить. Надо научиться постоять за себя, ведь скоро... — Оглянувшись, он увидел у стены молодого мастера и смолк.

Тот заметил это и смутился. Видно, студент считает, что он на стороне хозяина, потому и решил держаться осторожнее. Молодой мастер почувствовал себя виноватым. Нерешительно он подошёл к Дин И.

— Вы очень хорошо поступили,— робко произнёс он,— выручили нашего младшего брата. Вот так же били и мучили меня, когда я был учеником. Вы настоящий герой, про таких пишут в книгах. Вы помогаете бедным людям, никого не боитесь. Разрешите спросить, как ваше имя и где вы работаете?

— Меня зовут Дин И, я учусь в университете Жэнь-да. Садитесь, поговорим. Я очень рад, что вы к нам присоединились.

Молодой мастер сел рядом с Сяо Ли-бэнем. Дин И посмотрел на обоих и улыбнулся.

— Ну какой же я герой? Да и не к чему ждать помощи от героев. Можно победить трудности собственными силами. Только нужно действовать всем вместе, помогать друг другу в трудную минуту. Тогда тех, кто притесняет нас, удастся сломить.

Дин И заметил, что его не совсем понимают, хотя слушают очень внимательно. Он помолчал, потом снова заговорил, глядя на мастера.

— Возьмём для примера то, что сейчас произошло. Хозяин ни с того ни с сего стал бить вашего младшего брата, а вы стояли в стороне и смотрели, как будто это вас и не касается. Почему вы не заступились за него? Ведь я-то случайно зашёл в лавку!

— Это верно,— подхватил Сяо Ли-бэнь.— Мы должны быть заодно... Защищать и помогать... Тогда директор не будет таким хабрецом.

— Вот-вот,— сказал Дин И,— значит вы поняли. Я ещё навещу вас, а сейчас мне пора.

Сяо Ли-бэнь проводил его до дверей.

— Когда же вы придёте? — спросил он грустно.

— Положение сейчас быстро меняется,— помедлив, проговорил Дин И.— Скоро будут совсем большие перемены. У меня много работы, но я постараюсь прийти скоро.

Молодой мастер всё ещё сидел на помосте; когда Сяо Ли-бэнь вернулся, он встал и снял с себя фуфайку.

— Возьми, надень,— сказал он.— Я не должен был её у тебя отбирать.

Он приветливо разговаривал и шутил с Сяо Ли-бэнем, а мальчик

с непривычки очень конфузился. В это время в лавку глянул Сяо Гоу-цзы. Сяо Ли-бэнь, захлёбываясь, рассказал ему обо всём, что произошло. Сяо Гоу-цзы даже перекувыркнулся от радости.

К вечеру вернулись супруга директора, сам директор и У Лян-синь.

— Ну-ка, Сяо Ли-бэнь! Забирай свои пожитки и катись отсюда, живо! — ещё не закрыв за собой двери, крикнул директор.

— Почему вы гоните меня? За что? — сдержанно спросил Сяо Ли-бэнь.

— За то, что ты с связан с Восьмой армией! — продолжал кричать Ху Ли-ту. — Ты разрушаешь моё предприятие! Скажи спасибо, что так легко отделался, — тебя надо было бы отправить в штаб гарнизона!

— Когда нет доказательств, — возразил молодой мастер, — не следует утверждать, что человек связан с Восьмой армией.

— Пускай отправляет, куда хочет, а сам я никуда не уйду! — отрезал Сяо Ли-бэнь.

Директор никак не ожидал от Сяо Ли-бэня такого отпора. Он растерянно поглядел на У Лян-синя, как бы спрашивая, что же делать теперь. Бухгалтер потянул его за рукав во внутреннюю комнату.

— Видите ли... Ведь Восьмая армия того и гляди нагрянет сюда, — шепнул он. — Если вы с ним повздорите, как бы не было потом неприятностей...

Ху Ли-ту молчал. Лао-сань кипела от негодования.

— Подумать только, до чего дожили! Дурак, простофиля, и тот смеет заявлять о себе! Просто жить невозможно на свете!

У Лян-синь вернулся в лавку и, прикинувшись добрым другом, обратился к Сяо Ли-бэню с ласковым упрёком.

— Ты ещё ребёнок, не знаешь жизни, не понимаешь, что хорошо, что плохо. Как это можно идти против директора? Мне пришлось заступиться за тебя, и на этот раз директор смягчился. Будь хорошим малым, попроси прощения, и конец делу.

Сяо Ли-бэнь хмурился и молчал. Тут вмешался молодой мастер:

— Бьёт без всякой вины, а потом ещё заставляет прощения просить! Разве это справедливо?

— А тебе какое дело? — оборвал его У Лян-синь. — И ты кашу завариваешь?

— Кашу не мы завариваем, — сказал молодой мастер. — За что директор его побил, а меня изругал? Вам ничего не стоит и убить человека: двинул головой о землю — и всё.

— Пусть директор делает, что хочет, а просить прощения я не буду, ни за что не буду! — твёрдо заявил Сяо Ли-бэнь.

У Лян-синь понял, что Сяо Ли-бэнь не уступит. А тут ещё молодой мастер масла в огонь подливает. Он решил оставить их на время в покое.

— Ну ладно, ладно, — примирительно произнёс он. — Уже темно, пора готовить ужин. Позвать вас к столу — это, по-вашему, тоже значит человека обидеть?

Так закончился этот бурный день. С тех пор директор редко поднимал руку на своих подчинённых, но кормил попрежнему впроголодь. В животе Сяо Ли-бэня урчало от голода, но на сердце у него было гораздо веселее.

9

Вначале, когда раздалась артиллерийская канонада, никто не обратил на это особого внимания, думали, что происходит проба пушек. Однако гул усилился, вскоре отчётливо послышалась пулемётная стрельба. Уже не могло быть сомнений в том, что Народно-освободительная армия

подходит к Пекину, но всё-таки никто не думал, что это произойдёт так быстро. На другой день улицы заполнились войсками и военными обозами. Все жители предместий устремились в город. Дороги были забиты людьми. Не желая разрушать древнюю столицу, Народно-освободительная армия взяла город в окружение.

Население Пекина стало требовать у властей, чтобы город сдали без боя. Начались трудные дни. Цены на продукты поднимались по нескольку раз на день. Банкноты «золотого юаня»¹ превратились в простые бумажки. По улицам шатались спекулянты и, позванивая старыми серебряными долларами, выкрикивали: «Покупаем — продаём!» Овощей на рынке не было, мясо стало недоступной роскошью. Почти в каждой квартире стояли гоминдановские солдаты. Они тащили всё, что попадалось им на глаза, издевались над мирными жителями, избивали их. От каждой семьи потребовали выставить по одному взрослому мужчине на военные работы. Одних направляли на площадь Хатамын и в храм Неба для постройки внутригородских аэродромов; других посылали за город рыть окопы и сносить дома, прилегающие к городской стене. Людей выбрасывали прямо на улицу, их жилища разрушали у них на глазах. Ни слёзы, ни жалобы никого не трогали. Грозил голод. Все, кто был с деньгами, запасались продовольствием; беднота была в отчаянии. Гоминдановцы, по всей видимости, собирались удерживать осаждённый город. Пекинцы с ужасом вспоминали о Чанчуне². Гул артиллерии и ружейная стрельба за городом наводили на них панику. Пекин походил на муравейник, сброшенный на горячую сковороду.

В лавку «Мажестик» тоже прислали солдат на постой. Ху Ли-ту, опасаясь, как бы с Лао-сань не случилось чего худого, отослал её домой. Молодого мастера и Сяо Ли-бэня мобилизовали на работы, одного — от лавки, другого — от семьи директора. Торговля прекратилась. Ху Ли-ту был мрачен, убытки росли с каждым днём. Солдаты были грубы и свирепы, без раздумья пускали в ход кулаки. Ху Ли-ту пробовал было и здесь дать волю своему директорскому нраву, но тотчас же унтер умирил его парой оплеух. К счастью, У Лян-синь умел развлечь солдат, часами просиживая с ними за игрой в мацзян. Кроме того, бухгалтер выискивал способы продавать военное обмундирование и казённый рис; на этой почве гоминдановские вояки быстро сдружились с ним.

Сяо Ли-бэнь ежедневно ходил за городскую стену. Там его вместе с другими пекинцами заставляли работать на разборке домов, которые, как утверждали гоминдановские власти, «мешали обороне города». Сердце разрывалось у мальчика от того, что он видел, а руки не поднимались ломать человеческое жильё; но солдаты, наблюдавшие за сносом домов, били людей и заставляли их работать. Сяо Ли-бэнь с тоской твердил про себя: «Скорее бы Восьмая армия пришла... Никаких сил больше нет... Восьмая армия, приходи поскорей!..»

Осада Пекина продолжалась больше месяца. Дошли слухи, что после тяжёлых боёв освобождён Тяньцзинь. Пекинцы только и говорили, что о бессмысленном сопротивлении гоминдановцев — по их вине население погибнет, если не от снарядов, так от голода. Газеты наперебой кричали о мирных переговорах, но мир всё не наступал. О мире молились и Будде и христианскому богу, даже помещики и городские заправилы требовали мира. Так это тянулось до кануна Нового года. Наконец дождались

¹ Денежные знаки гоминдановского правительства. (Примеч. перев.)

² Окружённый частями Народно-освободительной армии, город Чанчунь, бывшая столица японской марионеточной империи Маньчжоуго, в 1947 году бессмысленно удерживался гоминдановской армией при помощи американской военной авиации. Это причинило большие бедствия местному населению. (Примеч. перев.)

хороших известий. Утром газеты оповестили: «Пекинские власти приняли требование населения сдать город Народно-освободительной армии без боя. За мир! Прекратить войну!»

Все вздохнули с облегчением.

Наступил Новый год. Ху Ли-ту послал Сяо Ли-бэня за праздничными лепёшками. Улица была заполнена народом — казалось, будто широкая река текла на запад. Рабочие, студенты и другие горожане несли бумажные флажки и выкрикивали: «Приветствуем славную, доблестную Народную армию!», «Да здравствует освобождение Пекина!», «Да здравствует председатель Мао!».

Сяо Ли-бэнь забыл о лепёшках и пошёл с толпой. Издали доносились звуки сотен барабанов и гонгов. Навстречу толпе шёл большой отряд. Оркестр играл как раз ту песню, которую Сяо Ли-бэнь слышал дома, в деревне, когда был ещё совсем маленьким:

Вставайте все,
Кто не хочет быть рабом!

Сердце его сильно забило. Увидев стройные ряды молодых бойцов, мальчик рванулся вперёд. Он плакал от радости, но не замечал своих слёз.

Части Народно-освободительной армии всё шли и шли, казалось, они вырастали из-под земли и не будет им конца. Толпа расступилась, заняв обе стороны улицы.

— Смотрите, смотрите, какие все молодые и здоровые!

— Вот молодцы! Совсем не похожи на гоминдановских головорезов!

— Наконец-то освободили нас! — радостно переговаривались люди.

Сяо Ли-бэнь стоял до тех пор, пока не прошли все войска. Только тогда он увидел у себя в руках лепёшки! А директор-то ждёт их к завтраку! Сяо Ли-бэнь нехотя направился в лавку.

Придя домой, он увидел, что Ху Ли-ту и У Лян-синь сидят как пришибленные. Сяо Ли-бэнь подал лепёшки. Директор на него взглянул молча — только и всего!

10

Пекин был освобождён от гоминдановцев. Пришёл конец тёмным силам старого общества. Народно-освободительная армия принесла с собой новую жизнь. Бойцы обращались с населением дружелюбно и вежливо. Старое чиновничество затаилось. Молодые служащие с искренним интересом принялись за политическое образование, которое было введено при каждом учреждении и предприятии. Рабочие шумно митинговали и создавали свои организации. Правда о Коммунистической партии и Народно-освободительной армии проникала даже в те слои населения, которые прежде были настроены недоверчиво и даже враждебно. Во всём проявлялось новое, а старое постепенно отступало и исчезало. На улицах зазвучали новые, революционные песни. Молодёжь и армейские культработники отплясывали на площадях народный крестьянский танец янгэ. Даже дети распевали: «Заря на Востоке... Солнце взошло!» Новая жизнь проникала повсюду. Дошла она и до лавки «Мажестик».

Однажды Сяо Ли-бэнь увидел на улице группу школьников-пропагандистов. Это были подростки тринадцати-четырнадцати лет. Прислушиваясь к их словам, Сяо Ли-бэнь с горечью думал: вот ему столько же лет, сколько и им, а он так мало понимает и знает. Он решил переговорить со своим приятелем Шунь-цзы, который одно время учился в начальной школе. Сяо Ли-бэнь тут же забежал в парикмахерскую, где работал

Шунь-цзы. Друзья потолковали. Шунь-цзы одобрил желание Сяо Ли-бэня учиться.

— Учение большую пользу приносит, — авторитетно заметил Шунь-цзы. — Очень многое узнаешь в школе.

О том, чтобы поступить в школу, Сяо Ли-бэнь не смел и мечтать, — не видать ему такого счастья! Но оставаться тёмным и неграмотным он тоже не хотел и стал просить Шунь-цзы, чтобы тот хоть немного научил его читать. Ученик парикмахера и сам-то учился всего два года, но не отказал приятелю. Они стали заниматься каждый вечер. Очень скоро запас знаний у учителя истощился; он не знал, что ответить на вопросы ученика, и пришлось ему выйти в отставку.

В это же время Сяо Ли-бэню случилось узнать, что по радио рассказывают всякие интересные истории. С тех пор он старался не пропустить этого удовольствия: стоило У Лян-синю включить радио, и мальчик, не отрываясь, прослушивал всю передачу. Так он познакомился с ляншаньскими братьями из исторического романа «Шуйху чжуань»¹ и узнал о борьбе китайского народа против феодалов и их чиновников. Его вкусы весьма расходились со вкусами бухгалтера; тот предпочитал всем прочим рассказам историю любви Пань Цзин-лэ и Пань Чао-юнь, а Сяо Ли-бэнь больше всего любил героическую историю «Как У Сун победил тигра».

Воинственные ляншаньские братья произвели сильное впечатление на Сяо Ли-бэня. Он слушал рассказы про их отважную и справедливую борьбу, и в нём крепло убеждение: да, именно так и надо действовать — человек не должен терпеть ни обид, ни издевательств, нельзя допускать, чтобы человек мучил человека. «Надо быть таким, как У Сун, — твердил себе Сяо Ли-бэнь. — Разбить вдребезги деревянные колодки и сбросить в воду конвоиров!»

Тем временем директор Ху Ли-ту пребывал в совсем ином настроении, и совсем другие мысли одолевали его. После освобождения Пекина он совсем пал духом, ни в чём не находил утешения: торговля его никогда не занимала, а развлекаться, как прежде, не было желания. Уныло сидел он у себя в лавке. Подчинённые только и слышали: «Покрепче запирайте двери!», «Помсньше шляйтесь по улицам!».

Равнодушие Ху Ли-ту к делам привело к тому, что лавка совсем опустела — ни товара, ни покупателей. Всем было ясно, что не сегодня-завтра «Мажестик» придётся закрыть. У Лян-синя это весьма беспокоило, и он стал раздумывать, каким бы способом сохранить свой кусок хлеба и привольное житьё.

Как-то в разговоре Ху Ли-ту действительно сказал бухгалтеру, что намерен продать лавку.

— Не падайте духом! — бодро приступил У Лян-синь к уговорам. — Разве можно в такое время самому себе становиться поперёк дороги! Разве вы не читали, что опубликовал новый мэр горда Е Цзе-ин? Народное правительство защищает частную собственность и поддерживает торгово-промышленную деятельность. А наше дело как раз и есть полупромышленное, полуторговое, одним словом, производственная торговля. Вы должны с новой энергией заняться делом.

Ху Ли-ту почесал затылок.

— Наше дело так запущено... Просто ума не приложу, как его поднять.

¹ «Шуйху чжуань» — «Речная заводь», популярный героико-приключенческий роман писателя XIII века Ши Най-аня о ста восьми названных братьях-разбойниках, сражавшихся с лихоимцами, чиновниками-притеснителями, «злыми императорами» — со всеми, кто обижает мирных тружеников. (Примеч. перев.)

— Когда у дела есть прочная основа,— с воодушевлением убеждал его У Лян-синь,— этого не так уж трудно добиться. Конечно, придётся вам кое-что продать для первого оборота, зато потом мы забьём в барабан и начнём новое представление. Закупим побольше товаров, развернём операции... Какие бы времена ни наступили, у торговца кусок хлеба всегда будет. А закроете вы лавку,— что тогда? Во-первых, сидя без дела, можно целую гору съесть, во-вторых, не имея профессии, не обещаться неприятностей от властей! Нет, сомневаться нечего. Послушайтесь моего совета, ошибки вы не сделаете.

Ху Ли-ту, никогда не отличавшемуся самостоятельностью, доводы его советчика показались весьма убедительными. Он решил вернуться к своему делу, хотя и не испытывал при мысли об этом никакого удовольствия. Золотых слитков у него давно уже не было, и пришлось ему заимствовать кое-какие золотые вещи у старой госпожи—своей матери—и у всех трёх молодых—своих жён. Директор вручил драгоценности У Лян-синю, который их продал, разумеется с порядочной выгодой для себя. На эти деньги директор купил несколько новых велосипедов, изрядный запас шин и других нужных в деле принадлежностей. Фасад лавки выкрасили наново. Повесили два больших рекламных плаката с портретами известных кинозвёзд. Лао-сань снова заняла в лавке место хозяйки. По мнению Ху Ли-ту, следовало бы расширить и штаты, но У Лян-синь отговорил его.

— Теперь трудно с новыми служащими. Хватит наших двух дураков.

Цены стали устойчивее, и дела в лавке пошли куда лучше прежнего. Учреждения и организации, расположенные поблизости, стали приобретать велосипеды. Торговля расширялась, и директор перестал бездельничать. Теперь он сам обслуживал покупателей, был с ними очень любезен и вообще испытывал некоторый подъём сил и чувств.

Поскольку новые власти не вмешивались в их дела, директор и его супруга решили, что бояться им нечего, и дали волю своим старым замашкам. Молодой мастер потребовал у директора жалованье. Ху Ли-ту, как обычно, сослался на то, что у него нет денег.

— Я не обязан работать на вас даром,— возразил ему молодой мастер.

— Хочешь — работай, не хочешь — не работай, — глядя в потолок, отвечал ему Ху Ли-ту.

Молодой мастер пожаловался на него в профсоюз. Ху Ли-ту вызвали и разъяснили ему, что если он желает пользоваться наёмным трудом, то обязан оплачивать его. Как техническому работнику молодому мастеру полагалась ежемесячная плата в размере стоимости двухсот цзиней проса¹, стол и квартира за счёт хозяина, а в конце года — участие в прибылях. Ху Ли-ту вынужден был согласиться с этим решением. Молодой мастер получил по новому расчёту зарплату за прошедшие полгода. К этому времени он узнал, что Народная армия освободила район, где была его родная деревня, и взял у директора отпуск, чтобы навестить свою мать.

У Лян-синь просто места себе не находил, так завидовал он молодому мастеру. В конце концов он решил тоже вступить в профсоюз торговых работников и добился этого. Став членом профсоюза, он тотчас же стал пугать Ху Ли-ту.

¹ В то время в Китае заработная плата рабочим и служащим исчислялась в товарных единицах по ценам рынка. За товарную единицу на севере был принят один цзинь проса, на юге — один цзинь риса. (Примеч. перев.)

— Мне удалось узнать, что профсоюз считает вас представителем бюрократического капитала ¹, и поэтому ваше имущество подлежит конфискации. Я полдня бился с властями, пока не уговорил оставить вас в покое! Да, честно могу сказать, нелегко мне это далось... В профсоюзе мне сказали, что бухгалтер — технический служащий, оклад у него куда больше, чем у рабочего. Но ладно, мы с вами люди свои, не тащить же мне вас туда! Так и быть, — согласен получать ставку в триста цзиней проса в месяц...

Ху Ли-ту испугался, но стал яростно торговаться с У Лян-синем. Они долго не уступали друг другу; наконец сошлись на том, что бухгалтер будет получать жалованье, равное цене двухсот шестидесяти цзиней проса.

Один только Сяо Ли-бэнь остался в обиде — ему не платили ни гроша, а втихомолку поколачивали. У Лян-синь, опасаясь, что мальчик потеряет наконец терпение и тоже найдёт себе защиту, сделал ему такое наставление:

— Ты с нас примера не бери. Я точно знаю, что ученики, работающие меньше трёх лет, не имеют права на зарплату. Ты должен нас во всём слушаться. Мы тебе зла не желаем. В профсоюзе сказали: «Ученики в лавках — это паразиты! Эту должность скоро отменят!» Понимаешь? От-ме-ня! Лучше слушайся меня, я в обиду тебя не дам, а то останешься без куска хлеба и умрёшь с голоду.

Сяо Ли-бэнь похолодел от страха; на этот раз он почему-то поверил У Лян-синю. А ведь он с таким нетерпением ждал Народно-освободительную армию! Он так надеялся, что она поможет ему встать на ноги. Но вот прошло полгода со дня освобождения Пекина, а к нему никто не пришёл даже спросить, как он живёт. Учеников собираются отменять. Что же его ждёт?

Однажды вечером в лавке никого не было. Сяо Ли-бэнь сидел один на деревянном помосте и грустил. В это время к нему пришли Сяо Гоу-цзы и Шунь-цзы. Они уселись рядом с Сяо Ли-бэнем, и все трое дружно вздохнули. Сяо Ли-бэнь заметил, что у Шунь-цзы красные и распухшие глаза. Он наклонился к нему и тихо спросил:

— Что с тобой? Опять били?

— Утром отколотили и сейчас опять, — дрожащим голосом ответил Шунь-цзы.

— Чёрт побери! Что это за жизнь! — воскликнул Сяо Ли-бэнь. — О чём думает Народно-освободительная армия? И куда пропал Дин И? Хозяевам попржнему никто не мешает нас обижать. Скажите, пожалуйста, что нам делать?

— Пойти, да и повеситься всем вместе, — со слезами ответил Шунь-цзы.

— Нет, это не выход! — покачал головой Сяо Ли-бэнь.

Сяо Гоу-цзы сердито сказал:

— С чего это нам умирать? Хозяевам от этого хуже не станет. Нужно бороться с ними!

— Это, конечно, так, — согласился Сяо Ли-бэнь. — Бороться я с ними не боюсь. Только вот какая штука: что если они-то с нами бороться не будут, а просто возьмут да и выгонят на улицу? И всё тут.

Он коснулся самого больного места, и ребята примолкли. Вдруг скрипнула дверь, и кто-то вбежал в лавку. Мальчики вздрогнули, но тут же успокоились. Это был их товарищ Лао-яо. Сегодня он, неизвестно почему, был необычайно весел.

¹ «Бюрократический капитал» — компрадорская буржуазия, связанная с гоминданом и иностранными империалистами. (Примеч. перев.)

— Эй вы, учиться хотите? — заливаясь радостным смехом, спросил он.

— Где? — воскликнули все трое.

— Сейчас был у нас в гостях староста улицы. Вдруг он спрашивает меня: «Хочешь учиться?» Я отвечаю: «Учиться хочу, но платить за учение не могу». Тогда он сказал, что школа эта бесплатная. Занятия вечерние, после работы. Я ему сразу: «Где это?» А он сказал, что на нашей улице. Вот организовали вечернюю школу для всех неграмотных ребят. Книги тоже выдают бесплатно. Правда, хорошо?

Сяо Ли-бэнь подпрыгнул от радости и, потянув за руку Лао-яо, крикнул:

— Идёмте!.. Идёмте в школу! Скорей!

— Постой, не торопись. А хозяин-то позволит тебе?

Этот вопрос ошеломил мальчиков. Сяо Гоу-цзы встал и подошёл к Лао-яо.

— А твой хозяин согласился? — спросил он.

— Когда староста улицы говорил, хозяин слушал и молчал, а когда староста ушёл, я ему сказал, что пойду учиться. А он фыркнул и закричал: «К чёртовой матери школу! Ты только посмотри на себя! С такой рожей кто тебя учить будет?»

— Значит, не позволил, — заметил Шунь-цзы.

— Ну их! — с возбуждением воскликнул Сяо Ли-бэнь. — Всё равно, согласятся наши хозяева или не согласятся — учиться мы будем! Это очень хорошее дело! Поговорим с хозяевами и посмотрим, как это они нас не пустят!

На другой день Сяо Ли-бэнь, набравшись духу, попросил у директора позволения посещать вечернюю школу. Директор даже не рассердился и спокойно спросил.

— А в вечерней школе еду дают?

— Книги дают, а еды не дают, — ответил Сяо Ли-бэнь.

— Если тебя там будут кормить, — нахмурив брови, отчеканил Ху Ли-ту, — тогда не только по вечерам — с утра до ночи можешь торчать в своей школе! Я только рад буду. Но учиться — там, а жрать — здесь, — не выйдет! У меня не богадельня. Проваливай.

Сяо Ли-бэнь выслушал эту речь да при ней и остался, как обезьянка с грецким орехом, — ни проглотить, ни раскусить. Немного погодя, воспользовавшись свободной минуткой, Сяо Ли-бэнь побежал к Сяо Гоу-цзы разузнать о его делах. Не успел ещё он рта открыть, как Сяо Гоу-цзы шепнул ему на ухо:

— Уже получил две плюхи и один пинок... А ты?

Сяо Ли-бэнь печально покачал головой и молча ушёл. На улице он встретил Лао-яо; тот на бегу соорудил Сяо Ли-бэню гримасу и крикнул:

— Ой, знаешь, утром я сказал хозяину, что хочу учиться в школе, а он приказал мне сию же минуту складывать монетки и убираться вон. Хорошо, что старший ученик заступился за меня! В наказание я полдня простоял на коленях да ещё есть не давали! Вот тебе и занятия в школе! Не знаю, что делать? — И Лао-яо побежал дальше.

Сяо Ли-бэнь пошёл к Шунь-цзы. Тот с горечью рассказал ему свою «историю».

— Сегодня хозяин всё время попусту придирается ко мне. О школе я даже заговорить с ним не посмел — сразу бы отлупил!

Сяо Ли-бэнь не поступил в вечернюю школу. Ещё одна надежда была потеряна. Тоска одолевала его. Последнее время директор не дрался и не ругался, а только холодно посматривал на него. Сяо Ли-бэнь догадывался, что Ху Ли-ту замышляет какой-то подвох, и со стеснённым сердцем ждал, что будет.

Спустя несколько дней Сяо Ли-бэнь, выйдя за покупками, увидел

группу людей в театральных масках; они шли по улице под звуки барабана и танцевали янгэ. За ними следовала толпа. Рядом с танцорами какой-то человек вёл велосипед. Приглядевшись, Сяо Ли-бэнь узнал в нём Дин И. Студент тоже узнал мальчика, вышел из толпы и протянул ему руку.

— Давно не видались! Давно не видались! — улыбаясь, повторял он. — Совсем недавно я заходил к тебе в лавку, но хозяева сказали, что ты уехал домой. Я поверил. — Дин И взял Сяо Ли-бэня за руку. — Ну рассказывай, как твои дела?

— Освободить-то освободили, а измываются по-старому, — с обидой ответил мальчик. — Народная армия и не думает о нас! Наверно, нас совсем за людей не считают!

— Маленький друг! Ты не должен так думать, это неправильно, — успокаивал Дин И мальчика. — Ты войди в положение правительства, у него сейчас много трудных дел, очень много! Оно не может сразу обо всех позаботиться. Сам действуй — законы теперь наши, народные. Пойди в участок и расскажи там всё, они поговорят с твоим хозяином. Главное, не бойся, действуй смело! Мы ведь тоже должны помогать народному правительству и разоблачать тех, кто нарушает новые законы. Понял? Ну и хорошо. Я ещё приду к тебе. Оказывается, ты куда-то и не уезжал! Это они хотели помешать нам. Ладно! Мне пора, надо догнать свою группу, спешим на демонстрацию. До свидания! — Дин И вскочил на велосипед.

Сяо Ли-бэню сразу стало так легко и весело, что от радости он готов был взлететь на облако. Вприпрыжку он вернулся в лавку. Едва дождав-шись вечера, он побежал к своим товарищам и рассказал им о встрече с Дин И. Ребята внимательно слушали его, и лица их светлели.

— Значит, мы можем пойти в участок и власти заступятся за нас? — медленно переспросил Сяо Гоу-цзы.

— Конечно! — подтвердил Сяо Ли-бэнь.

— Нет, нет, это ни к чему, — неожиданно заявил Шунь-цзы. — Вы что, забыли? Ведь в участке сидит околоточный Янь! Он же приятель нашим хозяевам, вместе пьют и играют. Так что же вы думаете, пойдёт он против них?

— Надзиратель Янь! — рассмеялся Лао-яо. — «Император ада»! Да его давным-давно уже убрали! Он теперь сделался рикшей, я своими глазами видел, как он вёз одного толстяка, пот с него так и катился!

— Слышали, как поют студенты? — спросил Сяо Ли-бэнь. — «В объединении — сила!» Давайте объединимся, тогда нам не будет страшно. Верно?

— Верно! — сказали все. — Давайте объединимся!

11

То, чего Сяо Ли-бэнь опасался, наконец произошло. Бухгалтер У Лян-синь привёл в лавку мальчика лет пятнадцати; в руках у него был узелок, за плечами — ветхое одеяло. У Лян-синь указал новичку место для вещей и тут же задал работу. После обеда Ху Ли-ту позвал Сяо Ли-бэня к себе.

— Ты пришёл ко мне год тому назад, за это время ты много потрудился, — вкрадчиво заговорил он. — Но торговля сейчас плохая, налоги тяжёлые. Я не могу прокормить столько людей. Найди себе другое место, тебе же лучше будет. — Он вынул двести юаней Женьминьцяо¹ и протянул их мальчику. — На, возьми, это тебе маленький подарок. На рикшу... Возьми, возьми, не стесняйся!

¹ Денежные знаки Народного банка Китая. Сумма по тому времени очень небольшая. (Примеч. перев.)

Сяо Ли-бэнь был не дурак. Он понял, что хозяин за улыбкой скрывает удар, и, выхватив у Ху Ли-ту деньги, разорвал их в клочки. Все всполошились. Никто не ожидал от парнишки такой дерзости. Тут выступил вперёд У Лян-синь:

— Разве ты, простофиля этакий, не понимаешь, что тебе помогают «сохранить лицо»? Хочешь, чтобы тебя просто взяли и выгнали на улицу? — угрожающим тоном спросил он.

— По какому праву вы меня выгоняете? — смело спросил Сяо Ли-бэнь и выпрямился. — Вы не имеете права выгонять человека на улицу!

— Ты плохо работаешь! — крикнул У Лян-синь. — Есть все основания тебя выгнать.

Но прежде чем разгневанный мальчик успел ответить, Ху Ли-ту ударил его в спину, да так, что из глаз посыпались искры. С быстротой ящерицы Сяо Ли-бэнь повернулся, вцепился директору в грудь и изо всех сил оттолкнул его прочь. Ху Ли-ту мог ждать чего угодно, только не этого. Он схватился за грудь и надрывно застонал. Лао-сань и бухгалтер накиннулись на мальчика с кулаками. Ху Ли-ту, тотчас же оправившись, пришел им на помощь. Сяо Ли-бэнь отчаянно отбивался, но одолеть троих взрослых он не мог. Наконец его выбросили за дверь. Стоя на коленях с разбитым носом, с распухшим лицом, Сяо Ли-бэнь всё ещё рвался в драку. Но тут подоспели Шунь-цзы и Сяо Гоу-цзы и подняли Сяо Ли-бэня.

— Пустите меня! Я буду с ними драться насмерть! — тяжело дыша, повторял Сяо Ли-бэнь.

— Они большие, нам с ними не справиться, — уговаривали его друзья. — Лучше пойдём сейчас же в участок, там с ними поговорят.

Они взяли Сяо Ли-бэня под руки и повели.

— Подождите! И я с вами за правдой! — закричал Лао-яо, догоняя их.

В участке они прошли прямо к начальнику. Тот взглянул на мальчишек и, заметив окровавленный нос, решил, что они подрались между собой. Не говоря ни слова, он взял Сяо Ли-бэня за руку и повёл в другую комнату. Там он вымыл ему лицо, заткнул нос ваткой, потом смазал царапины на лице и руках иодом и вернулся с ним в приёмную.

Шунь-цзы и остальные ребята, увидев разукрашенного Сяо Ли-бэня, невольно рассмеялись. Сяо Ли-бэнь тоже засмеялся. Начальник участка улыбался, поглядывая на них.

— Озорники, озорники! Вот повздорили, подрались, а кончили драку — и опять мир!

— Да мы вовсе и не дрались! — с недоумением воскликнул Сяо Ли-бэнь.

— Тогда кто же это тебя так разукрасил? — спросил начальник.

Сяо Ли-бэнь рассказал ему обо всём. Начальник внимательно слушал его, понимая, как должно было у этого мальчика накипеть на душе, как необходимо ему излить все свои обиды и унижения. Разве мог начальник участка не понять Сяо Ли-бэня! Он сам в своё время был таким же бедным, вечно битым парнишкой.

— Да!.. Ты, видно, хлебнул-таки горя в этом «Мажестике»! — сочувственно сказал он. — Ну, ничего. Твоё горе — моё горе. Я тебе помогу. Народное правительство не станет потворствовать незаконным поступкам таких хозяев, как твой Ху Ли-ту. Мы с ним поговорим официально. Ну, а ваши хозяева как? — обратился он к остальным мальчикам.

Они наперебой стали рассказывать начальнику о своих бедах, он молча слушал.

— Неважная ваша жизнь, ребята, — задумчиво сказал он. — А вы всё-таки не унывайте! Подождите немного, всё переменится. Теперь новые порядки. Об избиениях мы поговорим здесь, а что касается зарплаты и

условий вашей работы, то эти вопросы разбирает профсоюз. Вы все уже вступили в профсоюз?

— Нет! — хором ответили мальчики.

— Бухгалтер У Лян-синь говорит, что учеников, если кто работает меньше трёх лет, считают в профсоюзах паразитами, — сказал Сяо Ли-бэнь, — и что нам запретили платить жалованье и что нельзя вот настолько ослушаться хозяина. Это правда?

— Враньё! — ответил начальник — Клевета! Он клеветает на новое Народное правительство; он, видно, с хозяином заодно, этот негодяй! Профсоюзы специально ведают такими делами. Сейчас я помогу вам всем. Посидите здесь, подождите.

Когда в «Мажестик» пришли от начальника участка за хозяином и бухгалтером, Ху Ли-ту отчаянно испугался и стал молить У Лян-синя придумать выход из положения.

— Я для себя самого ничего не могу придумать, — ответил У Лян-синь, — одно только скажу: когда придём туда, надо побольше кланяться и поменьше говорить.

С тяжёлым сердцем шли они в участок, а когда увидели там мальчиков, весело беседующих с начальником, и вовсе пали духом; одна мысль мелькнула у обоих: «Наше дело проиграно!»

Начальник вежливо поздоровался с ними и пригласил сесть; затем он обратился к Ху Ли-ту:

— За что вы избивали ученика Ван Чжу-цзы или — как вы его там называете? — Сяо Ли-бэнь, что ли?

— Этого никогда не было! — с пылом ответил Ху Ли-ту.

— Да, не было! Посмотрите, что из человека сделали, а ещё не признаются! — вскипел Сяо Гоу-цзы.

Начальник остановил его и продолжал допрашивать Ху Ли-ту.

— Вы бьёте и притесняете своего ученика. Это недопустимо. Придётся вам признать свои ошибки.

— Я просто не знаю, какие у меня ошибки, — скромно возразил Ху Ли-ту.

— Может быть, вы на самом деле ещё не понимаете, — подумав, сказал начальник. — Тогда выслушайте меня. Во-первых, вы бесплатно пользуетесь наёмной рабочей силой; во-вторых, вы эксплуатируете ученика, помимо его служебных обязанностей; в-третьих, вы ограничиваете, не имея на то никакого права, его личную свободу; в-четвёртых, вы применяете телесные наказания и, в-пятых, вы без всякого основания уволили его. Вам пора понять, что времена изменились. Теперь пролетарии встали на ноги, рабочий класс сегодня — самый уважаемый класс. Ваше феодальное самоуправство заслуживает строгого наказания! Но если вы признаете свои ошибки и дадите слово, что поправите их, — мы вам на этот раз простим. Народное правительство великодушно.

Выслушав обвинения, Ху Ли-ту сообразил, что действительно хватил через край.

— Я признаю свои ошибки и я непременно исправлю их, — произнёс он тоном глубокого раскаяния.

Как раз при этих словах в приёмную вошли хозяева остальных трёх учеников. От неожиданности они застыли на пороге, не в силах двинуться ни назад, ни вперёд. Начальник участка попросил их сесть. Отвешивая вежливые поклоны, они заняли места рядом с Ху Ли-ту. Мальчики тихо сидели на скамье у окна; они хитро подмигивали друг другу и довольные улыбались. Первый раз в жизни они без страха смотрели на своих хозяев, понимая, что теперь право на их стороне. Сяо Ли-бэнь смотрел на начальника участка, и он казался ему одним из ляншаньских героев, о которых он слышал по радио. Конечно! Ведь он защищал угнетённых и

наказывал преступников! Теперь заживём! Народная власть не даст в обиду учеников! Сяо Ли-бэнь слушал, как начальник вежливо, но твёрдо говорил с хозяевами. Те сидели с вытянутыми лицами, покачиваясь и кивая головами, надо полагать, в знак согласия. Под конец начальник снова обратился к Ху Ли-ту. Остальные с облегчением перевели дыхание, надеясь, что с ними начальник уже покончил и что, может быть, даже они покажутся ему несравненно добрее и лучше, чем владелец лавки «Мажестик».

— Так вот, господин Ху Ли-ту, — произнёс начальник неторопливо и внушительно, — вы должны полностью осознать свою вину перед народом и представить письменное признание своих тяжёлых проступков. И, само собой разумеется, дать гарантию, что впредь вы не позволите себе феодального произвола в обращении с подчинёнными. В противном случае мы прибегнем не к уговорам, а к иным мерам воздействия. Я не советую вам нарушать законы Народного правительства. Это слишком серьёзное преступление, за которое придётся отвечать в полной мере. Вы меня поняли, не правда ли?

Не дожидаясь ответа от Ху Ли-ту, начальник взглянул на его соседей.

— Ну, а как вы? Принимаете критику вашего поведения или вы со мной не согласны? Быть может, у вас есть возражения?

— Что вы, что вы! Какие возражения! Мы с удовольствием признаём вашу справедливую критику! — нестройным хором воскликнули все четыре хозяина, кланяясь и натянуто улыбаясь.

У Лян-синь, тихонько сидевший тем временем в углу, решил наконец, что весь этот неприятный разговор его не касается, и с миной человека, которому противно находиться рядом с преступниками, обратился к начальнику участка:

— Начальник, мне можно итти?

— Подождите, подождите, у меня и к вам есть дело.

У Лян-синь изобразил на своём лице глубочайшее удивление и пожал плечами.

Начальник встал и подошёл к мальчикам.

— Пойдёмте в профсоюз, там закончим наш разговор, — сказал он и поглядел на У Лян-синя. — Пойдёмте все!

Начальник вышел из комнаты, мальчики торопливо зашагали следом за ним. Хозяева, напротив, двигались не слишком спеша. В конце шествия плёлся У Лян-синь.

В профсоюзе внимательно разобрались в деле четырёх учеников. Ху Ли-ту решил про себя соглашаться со всеми указаниями властей, поэтому поспешил признать, что его ученик уже весьма основательно овладел своим ремеслом. Сяо Ли-бэню установили ставку в шестьдесят цзиней проса, стол, жильё и одежду за счёт нанимателя. Личное обслуживание хозяина и его семьи в обязанности ученика не входило. В нерабочее время он имел право свободно располагать собой. Увольнение с работы было признано незаконным. Ху Ли-ту не спорил.

Шунь-цзы и Лао-яо ещё не были готовы к самостоятельной работе, поэтому им полагалась заработная плата в размере стоимости тридцати цзиней проса в месяц, а Сяо Гоу-цзы уже полностью закончил срок ученичества, и хозяин должен был платить ему столько же, сколько приказчику, — сто цзиней проса в месяц. Все остальные условия труда были одинаковы для всех.

На сияющем лице Сяо Ли-бэня внезапно мелькнула тревога. Он подошёл к Сяо Гоу-цзы и что-то шепнул ему на ухо. Сяо Гоу-цзы кивнул головой, подумал минуту, затем подошёл к столу.

— Товарищ, у нас есть к вам ещё вопрос, — сказал он председателю союза.

— Давай, давай, не смущайся! — подбодрил его председатель. — Очень хорошо, что у вас есть к нам вопросы, говори.

— Мы просим вас разъяснить одно дело, чтобы не было потом неприятностей. Мы хотим учиться в вечерней школе. Хозяева не разрешают. Как быть?

— Запрещать учиться никто не имеет права! Занятия в школе назначены в часы, когда вы уже свободны. Для этого мы и открываем вечерние школы. Вам понятно? — спросил он у хозяев и слегка улыбнулся.

— Понятно, — в один голос ответили мальчики.

Хочешь не хочешь, а пришлось хозяевам присоединиться к своим ученикам.

— Вот замечательно! — воскликнул председатель профсоюза. — Как приятно, когда видишь такое согласие между учениками и хозяевами! — Он весело захохотал.

Вдруг к нему присоединился чей-то пронзительный смешок. Все невольно обернулись. Это смеялся, прижав руки к груди и закатив глазки, бухгалтер У Лян-синь.

— Мудрая политика у народной власти... очень мудрая политика, — захлёбываясь от подбострастия, приговаривал он и кланялся то председателю профсоюза, то начальнику участка.

Ху Ли-ту бросал на него злобные взгляды и думал: «Проклятый проныра! Ко всякой власти подбехать умеет! Такой не пропадёт. А я-то, дурак, змею пригреб у себя на груди!»

Не успел Ху Ли-ту властью выругать в душе своего приживала, как начальник участка поднялся с места и подошёл к У Лян-синю. Тот встал.

— Вам придётся выслушать сейчас то, что вы говорили ученику Чжу-цзы по поводу отношения профсоюзов к ученикам. — Он обернулся к Сяо Ли-бэню. — Подойди к столу и повтори всё, что говорил тебе господин У Лян-синь.

Сяо Ли-бэнь обстоятельно, не торопясь, повторил сказанное У Лян-синем. Маленькое, сморщенное личико У Лян-синя почернело. Впервые в жизни он растерялся, растерялся, как крыса, попавшая в ловушку. От страха он потерял власть над своим телом. Ноги не слушались его, колени подогнулись, казалось, он вот-вот упадёт. На него противно было смотреть. Бойкий Лао-яо высказал это вслух.

— Кажется, господина У Лян-синя стало тошнить?

Ху Ли-ту испытывал мстительное желание рассказать, как У Лян-синь настраивал его против народной власти, как твердил, что владельца лавки «Мажестик» считает представителем бюрократического капитала. Но тут же его стали терзать сомнения: «Знать бы, что я его одного утоплю, — утопил бы с наслаждением; но пока я ещё и сам толком не знаю, что со мной сделают... пожалуй, лучше уж подождать. Этот дьявол может ещё пригодиться».

Пока Ху Ли-ту решал эту важную для себя проблему, начальник участка и председатель профсоюза вполголоса совещались, как поступить с У Лян-синем. У Лян-синь тем временем лихорадочно соображал, что предпринять. Пятясь задом, он прислонился к стене и вдруг визгливым, бабьим голосом закричал:

— Как можно доверять неразумному мальчишке! Этот деревенский дурень совсем не понял меня! Дурачок он, как есть дурачок! Народные власти обязаны... Народные власти должны...

— Что должны народные власти? — медленно спросил председатель союза. — Поощрять клеветников, сеющих недоверие к органам народной власти? Да?

— Да разве я такой болван? — взвизгнул У Лян-синь. — Я просто го-

ворил этому дурачку, что в профсоюзах не любят тунеядцев и лентяев, что ученики должны теперь хорошо работать, стараться для всего народа...

Сяо Ли-бэнь хотел было вмешаться, но председатель оставил его движением руки.

— У Лян-синь, служащий велосипедной лавки, за распространение злостной клеветы, подрывающей авторитет профсоюзов, привлекается к ответственности по суду. — Сейчас можно всем разойтись. У Лян-синь будет вызван в суд повесткой.

По дороге домой мальчишки подпрыгивали и приплясывали, а хозяева шли, повесив головы. У Лян-синь, ни с кем не попрощавшись, тотчас свернул в переулок.

Несколько дней спустя на центральной улице западной окраины Пекина состоялось большое собрание представителей рабочих и старост улиц. Обсуждался вопрос о праздновании открытия Народно-политической консультативной конференции¹.

После собрания начальник участка попросил присутствующих задержаться немного. Все остались на местах. Вошёл Ху Ли-ту. Начальник коротко предложил ему признать свою вину перед народом. Лицо Ху Ли-ту покрылось багровыми пятнами. Минуту он стоял молча. Потом, заикаясь на каждом слове, он рассказал, как взял к себе в ученики Сяо Ли-бэня и как обращался с ним. Самому Ху Ли-ту и всем хозяевам, слушавшим его, показалось, что нет кары тяжелее, чем открытое покаяние перед народом. После Ху Ли-ту выступили ещё несколько человек; они резко критиковали хозяев и требовали от них не только человеческого обращения с подчинёнными, но и честности и добросовестности в торговле.

Хотя Ху Ли-ту и «потерял лицо», но попутно разрешил для себя весьма важный вопрос. Он окончательно убедился, что новое правительство не считает его представителем «бюрократического капитала» и он может спокойно вести своё дело. Значит, У Лян-синь всё наврал ему! На радостях Ху Ли-ту дал себе слово впредь ничем не вызывать недовольства новых властей.

Новая жизнь началась для Ван Чжу-цзы. Прежде всего больше никто не смел называть его унижительной кличкой Сяо Ли-бэнь. Ван Чжу-цзы поступил в вечернюю школу и стал одним из её лучших учеников. Вместе с ним учились его старые друзья; у всех у них появилось много новых приятелей — учеников из других лавок и мастерских. Теперь уже никто не запрещал им учиться.

Как-то утром в лавку «Мажестик» зашёл студент Дин И. Чжу-цзы с радостью бросился ему навстречу.

— Да тебя и не узнать! — воскликнул Дин И — Совсем переменялся. Как вырос! Смотрите, штаны и куртка на нём почти новые, а руки совсем зажили.

Ван Чжу-цзы, смеясь, обеими руками пожимал руку своему старшему другу.

— Что штаны целые — это очень хорошо, и что побольше еды — тоже хорошо. Но лучше всего — школа! Я буду грамотным, я уже умею читать. И я тебе не сказал ещё самого главного. Меня приняли в Союз новодемократической молодёжи, — торжественно добавил он.

— Поздравляю, поздравляю, — радостно воскликнул Дин И. — Такое событие надо отпраздновать. Знаешь что: приходи ко мне в гости. Дай-ка

¹ Народно-политическая консультативная конференция представителей всех демократических партий, политических групп, классов и национальных меньшинств Китая была созвана в сентябре 1949 года. На этой конференции было создано Центральное Народное Правительство, и 1 октября была провозглашена Китайская Народная Республика. (Примеч. перев.)

я запишу тебе мой новый адрес. Теперь ты можешь сам его прочитать. Да, наконец-то и я живу на постоянном месте. Прежде-то мне приходилось частенько менять адреса, ведь гоминдановцы всё время охотились за мной. Вот, младший брат, пришла к нам новая жизнь! Много теперь у нас дела. Мао Цзэ-дун сказал: «Это только первый шаг, а впереди дорога в десятки тысяч ли». Ну да ведь нас с тобой работой не испугаешь, правда?

— Теперь меня ничем не испугаешь, я чувствую себя настоящим человеком, — ответил Чжу-цзы.

Перевод с китайского Вл. Рогова.

ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

ИВАН ЗЫКОВ

★

ПЛОТИНЫ И РЫБЫ

1. Рыба рыбе рознь.

Ж

изнь рыб скрыта от человеческого глаза. Она менее изучена, чем жизнь других живых существ.

Многие думают, что рыбы живут в воде все одинаково и представляют из себя этакую приведённую к одному знаменателю одноликую массу. Такое понимание издавна закрепило в языке. Слово «рыба» употребляется нами наравне со словами «крупа» и «мука», в единственном числе и в собирательном смысле, обозначая не только отдельный экземпляр, но и всю совокупность. В основе этого сведения воедино всех рыб — от кильки до белуги — лежит издавна укоренившаяся ложная мысль об их одинаковости, равнозначности каждой отдельной рыбины всей их совокупности. А это не соответствует положению вещей и противоречит элементарным основам биологической науки.

Жизнь птиц проходит у нас на виду и более нам знакома. Кулику удобно на болоте, глухарю — в сосновом бору, утке — на заросшем камышом озере. Воробьи прекрасно чувствуют себя на городских улицах, а вороны с удовольствием копаются на мусорных свалках. Великие силы воздействия среды на организм и приспособления организма к среде создали множество разнообразных видов живых существ; все они гибко применились к окружающей среде строением своего тела, и каждый на своём месте чувствует себя дома.

Но приспособление организма к среде происходит исподволь. Существующие виды живых существ образовывались в течение долгих тысячелетий и миллионов лет. Чем лучше приспособился организм к определённой среде, тем менее подходит строение его тела ко всякой другой среде и тем труднее для него бывает переход из привычной в непривычную обстановку.

Загоните глухаря в камыш — он не переделается в утку, а просто погибнет. Он не найдёт там себе не только ниши, но даже местечка присесть, стдохнуть.

Рыбы, как и птицы, тоже живут по-разному. Различные их виды приспособились к самым разнообразным условиям обитания: к пресной воде и к солёной, к стоячей и текучей, мелкой и глубокой, тёплой и холодной. Там, где одна рыба благоденствует, другая погибает. Есть, например, рыба, живущая в горячей воде гейзеров, где из других рыб получилась бы уха.

Птицы хоть яйца высидывают более или менее одинаково, а рыбы и икру мечут по-разному. У сёмги икра крупна, как горох, у судака мелка, как манная крупа. Сёмужья икра требует для своего развития текучей воды с большим содержанием кислорода, икра карася развивается в бедной кислородом стоячей воде. Выметанная икра сельди свободно плавает в воде, сёмга закапывает свою икру в песок и гравий, а икра судака приклеивается к погружённым в воду растениям. Большинство рыб мечет икру весной, и личинки выклёвываются из их икры через два-три дня, а сига, сёмга, кета и другие лососевые рыбы нерестятся осенью, и их икра лежит полгода подо льдом.

Есть рыбы, которые постоянно живут в реке и тут же нерестятся, — их называют «жильми». Другие рыбы не живут в реке, а только проходят по ней к своим нере-

стилищам, — их называют «проходными». Сами они приспособлены к жизни в солёной морской, а их икра может развиваться только в пресной речной воде. Вот им и приходится совершать далёкие путешествия из морей в реки. Проходным рыбам требуется огромный запас энергии в виде белка и жира; они обладают сильными, объёмистыми мышцами, упитанным телом. Поэтому такие рыбы представляют наибольшую ценность для промысла. К ним относятся осетры, лососи, сиги, некоторые виды сельдей и другие.

Угри, наоборот, живут в европейских реках, а икру ходят метать через весь Атлантический океан. Им тоже приходится запастись «горючее» для дальнего рейса. Кто их едал, знает, какая это жирная и вкусная рыба.

Говоря о рыбах, никогда не следует забывать, что рыба рыбе рознь, а «рыбы вообще», которая могла бы существовать в любой воде, такой «средней рыбы» в природе нет. Что одной рыбе здорово, то другой — смерть.

Настолько разнообразны требования, предъявляемые различными рыбами к условиям существования, что сейчас при перестройке природы вырастает множество забот для ихтиологов: как быть с теми или другими рыбами? И среди ихтиологов идут жаркие дискуссии.

2. Потрясение, равное геологической катастрофе.

— Какой шутник придумал для Тихого такую неподходящую фамилию? — сказал один из оппонентов, отирая со лба пот после особенно горячего спора.

И в самом деле профессор Мефодий Иосифович Тихий — человек страстный и темпераментный, очень упорный в отстаивании своих мнений.

— Развитие науки немыслимо без полемики, — говорит профессор, — без борьбы с ошибками. На мою долю выпала неблагоприятная задача — лить холодную воду на закружившиеся от воображаемых успехов головы. Ну, и пришлось поспорить. Жалею теперь, что мало спорил. Большого бы достиг, если бы действовал пенапористее.

Долгий путь профессора Тихого в рыбохозяйственной науке направлялся одной руководящей идеей. Но начался он сложно и противоречиво, как, впрочем, и у многих других учёных, вступивших в науку до Великой Октябрьской революции.

В наши дни мы привыкли видеть, как советская наука, неразрывно связанная с жизнью, идёт с ней рука об руку, помогает ей решать практические вопросы и в свою очередь сама черпает вдохновение из бьющей ключом житейской практики. Но не всегда было так.

В 1909 году начинал свою деятельность двадцатилетний ихтиолог Мефодий Тихий. Молодой учёный стал работать не над вопросами повышения уловов у русских рыбаков, а возымел интерес к изучению рыбных промыслов у древних греков и римлян. Он принял участие в археологических раскопках древних греческих городов Крыма, отыскивал там рыбы косточки, сделал ряд любопытных с археологической точки зрения находок и опубликовал в 1912 году труд «Анчоус Херсонеса Таврического».

Оказывается, древние греки и римляне в изобилии вылавливали анчоус, более известный нам под именем хамсы, и, судя по упаковке, приготавливали рыбку очень тщательно. Мефодий Тихий находил остатки косточек хамсы в маленьких, изящных баночках.

Сейчас он обо всём этом вспоминает с добродушной иронией и добавляет с улыбочкой:

— Был ли в античные времена организован возврат порожней посуды на манер нынешнего Главконсерва, — этого установить не удалось.

Как это на первый взгляд ни удивительно, но именно в занятиях археологической ихтиологией Тихий натолкнулся на проблему, сделавшую его практически деятелем в области рыбного хозяйства, а не отвлечённым теоретиком.

Начав с раскопок Херсонеса Таврического, Мефодий Тихий углубился ещё дальше во тьму веков и принял участие в раскопках стоянок каменного века. Там тоже были найдены рыбы кости. Оказалось, что несколько тысяч лет назад в Крыму ловилось

много лососей. Климат тогда был другой, в Крыму росли берёзы и текли полноводные реки, куда лососи входили для нереста. Сейчас в сухом и жарком Крыму нет ни рек, ни лососей. Вот это исчезновение вида, вызванное изменением природы, и стало для Мефодия Тихого основной темой его научной работы.

В советское время природа начала изменяться особенно быстро под влиянием целенаправленной деятельности человека, и реки стали подвергаться коренной перестройке. Тут родилось много проблем для ихтиологов. Для Мефодия Тихого основная тема его работы — зависимость между режимом рек и видовым составом рыб — превратилась в практическую задачу: пусть реки меняют своё течение, но как сделать, чтобы рыбы сохранились при этом в наиболее выгодном для человека составе? Тихий оказался в решении этой проблемы на передовой линии. Он выполнил много практических работ и опубликовал ряд трудов, среди них наиболее важна его книга «Гидростроительство и запасы рыб».

Началось с Волховстроя.

На Ладожском озере водится несколько разновидностей сига. Вероятно, всякий знает эту вкусную, жирную рыбу, особенно ценимую за то, что в ней нет мелких ключих костей, как это бывает у леща, щуки, воблы, жерева и множества других рыб.

Среди нескольких разновидностей ладожских сига особое место занимал волховский сиг. Он жил и нагуливал жир вместе с другими ладожскими сигадами в просторном и глубоком озере, а плодиться ходил осенью по воспетой в былинах реке Волхов. Тут его и ловили. В удачный год налавливали триста тысяч штук, а сига — один к одному, не меньше полутора кило в штуке.

Волховскими сигадами назывались по месту лова, а нерестились они вовсе не в Волхове: волховская мутная, илистая вода им не нравилась. Они проходили весь Волхов от устья до истока, шли мимо Новгорода в Ильмень-озеро, из озера сворачивали в реку Мсту, поднимались по ней против течения и там нерестились.

И, надо сказать, хорошее они нашли себе местечко. Мста течёт по каменистому руслу, вода — чистая, прозрачная; хорошо сиговой икре лежать в такой воде целую зиму. И мало там налимов, пожирающих икру: налимы не любят песчаных и каменистых грунтов, прозрачной воды, они привыкли искать добычу в мутной водичке и прятаться в корягах.

Нерестовый путь волховских сигадами был очень сложен. Но сигадами никогда не сбивались с курса. Они ходили этой дорогой не только тогда, когда наши предки совершали «путь из Варяг в Греки» и когда жил легендарный Садко — богатый гость, а и пораньше. Если же посчитать, сколько времени они эту трассу искали да к ней приспособились, так счёт затеряется во тьме тысячелетий.

Так ходили сигадами вплоть до 1924 года. А в 1925 году была сооружена Волховская гидроэлектростанция, и река замкнулась плотиной. Шли сигадами своим обычным путём вверх по реке и встретили вдруг высокую стену и непреодолимый водопад. Река запёрта, дороги нет.

Медлительной природе для перестройки реки и образования водопада потребовались бы тысячелетия; в течение этих тысячелетий сигадами отвыкали бы от своих прежних привычек. А в эпоху начавшегося при советской власти гигантского гидростроительства такие изменения происходят за один год. Но такое ускорение геологических процессов волею человека равнозначно геологической катастрофе для населяющих воды живых существ. Геологические тысячелетия как бы спрессовались в один год, и сигадами совершенно внезапно встретили на своём пути бетонную стену.

Сколько раз сигадами кидались в kloкочущие струи воды, вырвавшейся из-под турбин? Сколько раз бурлящая вода отбрасывала их безумные атаки? Сколько времени стояли под плотиной? Когда наконец, обессиленные и отчаявшиеся, повернули они обратно? Ничего этого мы не знаем, это недоступно для наблюдений. Но всё это было. В низовьях Волхова и на Ладожском озере рыбаками начали попадаться сигадами, вернувшиеся от плотины. Они оказались с невыметанной икрой, хотя срок нереста давно уже прошёл. Учёные исследовали их, и оказалось, что в рыбьих телах жизненные процессы заторможены, реакции перепутаны: созревшая было во время хода к

нерестилищу икра не была выметана, потому что не было нерестовых условий, и она вступила в обратный процесс дегенерации, рассасывания. Вот как велико было потрясение организма, вызванное торможением реакций, укоренившихся у сига за тысячелетия нерестового хода по Волхову, Ильменю и Мсте.

Сигам, казалось бы, не так уж трудно приспособиться к новым условиям. В том же Ладожском озере живут чисто озёрные сиги, никуда на нерест они не ходят, плодятся тут же, в озере, вымётывая икру на каменные гряды. Их организм и их икра ничем особенным не отличаются от организма и икры волховского сига. Мог бы и волховский сиг приспособиться к нересту в озере; ничего невозможного тут нет: и в озере и в Мсте вода одинаковая, пресная.

Но не скоро ломаются тысячелетние привычки. Вот уже сколько лет река Волхов заперта плотиной, и нет по ней дороги, и много уже сменилось сиговых поколений, но те сиги, которые сейчас существуют благодаря искусственному их разведению, по-прежнему осенью идут с озера в реку и толпятся у бетонной стены под бурлящим водопадом.

Приспособятся или не приспособятся? Этот вопрос волновал Мефодия Тихого. Можно было ожидать, что живые силы природы и потребности организма в конце концов опрокинут привычки. Осенью, во время хода сига, Тихий производил наблюдения у плотины и переживал то, что испытывает самый рьяный болельщик в минуту решающей спортивной схватки.

Спустя несколько лет под плотиной выловили самку сига с вытекающей из тела икрой и самца с вытекающими молоками. Это было верным признаком начавшегося нереста. Обнаружились и другие признаки. Процеживая воду марлевым сачком, Тихий собрал несколько сиговых икринок. Они оказались оплодотворёнными. Выловили налима, вскрыли желудок, был он туго набит сиговой икрой, как пшённой кашей.

На самом Ладожском озере тоже выловили волховского сига с текучей икрой. Из стада выделилась часть, начавшая приспособляться к новым условиям.

Другая часть оказалась консервативной. Прошло уже более четверти столетия с момента постройки Волховской ГЭС, но до сих пор вылавливаются сиги, вернувшиеся от плотины с невыметанной икрой. Эти обречены на вымирание, они не оставят после себя потомства.

3. Сквозное движение.

Крупное потрясение в жизни волховского сигового стада не явилось неожиданностью для ихтиологов. Они предвидели его, когда стало известно решение о строительстве Волховской ГЭС. Рыбные промыслы на Волхове велись издревле, со времён Великого Новгорода; состав ихтиофауны был достаточно изучен, ход сига известен. В период подготовки к строительству были произведены дополнительные исследования. Угроза, нависшая над существованием волховского сигового стада, была ясна.

Для спасения сига ихтиологи наметили и осуществили на Волховстрое все меры, какие были доступны в начале двадцатых годов. Ожидали очень больших результатов, надеялись, что запасы сига не только не уменьшатся, а значительно возрастут.

Надо сказать, что все принятые меры основывались только на умозрительных расчётах, опыта ещё не было.

Был построен ступенчато-лестничный рыбход для подъёма и прохождения сига через плотину. Ожидалось, что он обеспечит сигам открытый путь на нерестилища.

У плотины построили завод по искусственной инкубации икры. Он ежегодно оплодотворял миллионы отцеженных у рыб икринок, инкубировал их в аппаратах, и в момент выклева личинок выпускал их в реку. Предполагалось, что завод заселит Ладогу миллионами сига.

Все эти меры оказались достаточными для того, чтобы уберечь стадо от полного вымирания, но не для сохранения его численности. Стадо катастрофически уменьшалось. В 1922 году на Волхове было выловлено 310 тысяч штук весом в 4460 центнеров, в 1933 году выловили 13 тысяч штук, в 1934 году — 5 123 штуки весом в 76 центнеров. В дальнейшем годовой улов упал до 600 штук — 10 центнеров.

Такая же судьба постигла свирское сиговое стадо с постройкой Свирской ГЭС. А пример Волховстроя и Свирстроя многое значил для всех последующих гидростроительств. Строились гидростанции на Днепре, на сёмужьих реках Севера, разрабатывался план Большой Волги. Впереди предстояли более значительные конфликты между рыбами и плотинами.

Кое-кто считал, что на Волховстрое приняты все меры, какие только возможны. Если они не достигли цели, значит так должно быть. Значит, с развёртыванием гидростроительства должны исчезнуть проходные рыбы.

Кивали на границу: там не осталось проходных рыб. Ссылались на мнение американца Дарлингга: «Плотины неизбежно приводят к биологическим пустыням в водоёмах». Таков-де закон природы, изменить его нельзя. Надо примириться с предстоящим исчезновением проходных рыб и по примеру Западной Европы довольствоваться атлантической треской и сельдью. Их существованию не угрожают никакие плотины.

Вот тогда и обнаружил Мефодий Тихий темперамент пылкого спорщика. Он доказывал, что на Волховстрое были допущены крупные ошибки. Всё можно сделать иначе: и сигов следует разводить не так, и рыбоход можно построить иначе, — тогда будут иные результаты.

В начале тридцатых годов, когда был принят план реконструкции Волги, Тихий забил тревогу и выступил со статьями в специальных журналах и в общей прессе. «Можно примириться с таким пустяком, как потеря четырёх тысяч центнеров волховского сига, — писал он, — но с Волгой связана половина нынешнего улова нашей страны, и там потерь допускать нельзя».

Самым верным средством размножения рыб Тихий считал естественный нерест. Надо сделать для рыб возможным проход через плотины. Волховстроевский ступенчатый рыбоход оказался неудачным, по нему не прошёл ни один сиг. Но отсюда вовсе не значит, что идея рыбохода порошна. На волховстроевском рыбоходе неправильно рассчитаны ступени и токи воды. Надо построить рыбоход иначе. Как? Сразу на этот вопрос не ответишь. Надо поискать!

И он упорно искал. Не один год ушёл на поиски.

Первый этап его работы — рыбоход для пропуска лососевых рыб.

Принцип рыбохода основан на способности лососевых рыб прыгать через пороги и водопады. Едва ли есть на свете что-либо более непреодолимое и упорное, чем инстинкт размножения у рыб, заставляющий их преодолевать самые трудные препятствия.

На Мурмане, на реке Западной Лице есть водопад в три метра высотой. Крупная сёмга берёт его прыжком с разбега. Конечно, раз на раз не приходится, случается иногда рыбам падать обратно, но они повторяют попытки, пока не добиваются своего.

Удивления достойно, как сёмга переправляется через семиметровый водопад на реке Териберке. Там, в скалах левого берега, есть расщелины, наполненные водой. Сёмга по ним и перебирается, где прыжками, а где ползком на брюхе.

Разумеется, через высокую плотину гидростанции рыба перемахнуть не может. Но если разложить большой водопад на цепь маленьких, построить рядом с плотиной ступенчатый ряд бассейнов с переливающейся из одного в другой водой, рассчитать ступеньки и токи воды правильно, а не так, как это было сделано на Волховстрое, — подём рыбы через плотину становится возможен.

Казалось бы, всё так просто и понятно. Но Тихому пришлось выдержать длительную борьбу. После неудачи Волховстроя идея рыбохода не встречала поддержки. За рыбоход стоял один Тихий, все остальные ихтиологи отрицали его целесообразность. Выдвигались новые возражения:

— Ну, хорошо. Производители поднимутся, пройдут через плотину, отнерестятся. Это верно. Ну, а дальше что? Как молодь скатится обратно? Через турбины?! Другого-то пути нет. Что же от неё останется? Рваные куски! Мятая протоплазма!

Профессор Тихий экспериментировал на Волховстрое — выловленных сегов пропускал через турбины. Внизу они попадались в сетку, и что же? Все оказывались **здравы** и невредимы. На первый взгляд **невероятно, но факт есть факт**.

Тихий решил поразить своих несговорчивых оппонентов более наглядным опытом. Вместе с комиссией поехал он на Волховстрой и взял с собой большую, накрытую мешком корзину. Внутри что-то возилось и крикало.

На Волховстрое Мефодий Иосифович вытащил из корзины двух белых краснолапых уток и бросил в воду, низвергающуюся к турбинам. Вода засосала уток. А немного погодя они вынырнули под плотиной живёхоньки-целёхоньки и принялись отряхиваться. Члены комиссии только руками развели.

— Ну, что скажете? — спросил Тихий своих оппонентов. — Не думаете же вы, что уткам легче нырять под водой, чем рыбам?

Все возражения сразу отпали. Рыбоход получил признание. Ясно, что рыбам можно обеспечить сквозное движение в обе стороны.

Когда-то ихтиолог Тихий окунулся в археологию. Что могло помешать этому разностороннему человеку сблизиться теперь с гидрологией и гидротехникой? Мефодий Иосифович обнаружил изрядное дарование в качестве конструктора гидросооружений. Построенный по его расчётам рыбоход через плотину гидроэлектростанции на сёмужьей нерестовой реке Туломе в районе Мурманска удобен для прохода сёмги. Он очень отлог, подъём на девятнадцать метров разбит на пятьдесят четыре ступеньки и растянут на полкилометра по горизонтали. Маленькие бассейны-ступеньки чередуются с большими бассейнами для отдыха.

Сёмга берёт девятнадцатиметровый подъём не единым махом, а медленно, с передышками; путь длится сутки, а иногда и до двух суток. И никогда не случалось, чтобы вступившая в рыбоход сёмга остановилась на полдороге. Все рыбы доходят до цели.

Поднимающаяся сёмга охраняется как государственное достояние. Каждая рыбина записывается в журнал. Приняты меры, чтобы ничто не нарушало её покоя. Всего за сезон проходит теперь около двух тысяч производителей. Туломское стадо сохранено. В этом заслуга Мефодия Иосифовича Тихого.

Рыбоходы годятся не для всех рыб, а только для лососевых. Они нерестятся на порожистых реках и научились перескакивать через препятствия.

Другие проходные рыбы и, в частности, осетровые прыгать не умеют. Как же их пропускать через плотины? Надо было придумывать что-либо другое. Мефодий Тихий потратил много времени на работу и задачу решил.

Рыбоподъёмник его конструкции, построенный на Цимлянском гидроузле, представляет из себя остроумное соединение лифта и шлюза. Рыбе не надо тратить сил на подъём, её поднимут механизмы.

Профессор Тихий старательно изучал концентрацию рыб под плотинами всех существующих гидростанций и выяснил, в каком наиболее выгодном месте надо установить подъёмник, чтобы ни одна рыба его не миновала. К тому же подход к плотине разгорожен сетками, они всех рыб направляют в канал, ведущий к лифту.

В канал рыбы входят ещё по своей воле, а всё дальнейшее от них уже не зависит. Периодически в канал опускается натянутая на раму сетка и начинает двигаться по каналу от его начала и до самого конца, толкая рыбу в подъёмник. Дальше происходит то же самое, что и в обыкновенном лифте: закрывается дверца лифтового колодца и начинается подъём, только вместо кабинки поднимается вторая натянутая на раму сетка, увлекая рыбу вверх, и одновременно с подъёмом сетки поднимается в лифтовом колодце уровень воды. В этом сходство с судоходным шлюзом.

Партия за партией переправляются рыбы из нижнего в верхний бьеф, всем делом управляет один диспетчер.

Азовским осетрам, белугам и другим проходным рыбам открыто сквозное движение к верховьям Дона, где удобные нерестилища сохранились в полной неприкосновенности. Ведь выше Калача Дон остался прежней рекой со всеми её особенностями, нужными для рыб, нерестящихся в проточной воде.

Рыбоподъёмники позволят сохранить естественный нерест на ряде других рек, где будут строятся электростанции и судоходные шлюзы.

В Ленинграде, в одном из дальних корпусов Смольного, где помещается руководимая Тихим лаборатория рыбоводства Всесоюзного научно-исследовательского института озёрного и речного рыбного хозяйства (ВНИОРХ), мы ведём беседу о плотинах и рыбах, о судьбах рыбных стад.

— Я в таком возрасте, что пора мне подводить итоги, — рассказывает Мефодий Иосифович Тихий, — и в моём возрасте особенно ясно видно, что смысл жизни заключается в деле. Много сделал человек за свою жизнь — есть что вспомнить. Не успел сделать — вспоминать нечего, словно и жизни не было. В начале работы над рыбоходами и рыбоподъёмниками я преувеличивал значение моей задачи. Мечтал ликвидировать конфликт между рыбами и плотинами в самом его корне. Мне тогда казалось, что если плотины станут проходными для рыб, то конфликт устраняется раз и навсегда для всех рек, для всех рыб. На деле получилось не так. Действительность сложна, и её нельзя уложить в одну ниточку так, чтобы взять эту ниточку, потянуть, и разом развязались бы все узлы. В природе действует закон многообразия, и универсальные средства не годятся. Так вышло и с моим рыбоподъёмником. Нельзя все болезни вылечить одним лекарством.

Я спросил:

— Разве ваш рыбоподъёмник не годится для всех рек, где строятся плотины?

— Нет, — ответил учёный, — не годится. Он совершенно неприменим на Волге. Но я не обескуражен. Одному человеку не под силу решить все вопросы. Каждый несёт свой вклад, и знания растут в результате совместной работы многих людей. Тут и спор необходим. Не во имя утверждения своей монополии, а как средство единения и устранения необоснованных претензий. Вопрос о рыбах при гидростроительстве решается не одним универсальным средством, а многими средствами. Возьмите для аналогии внутригородской транспорт. Нельзя ставить вопрос так: или метрополитен, или автобусы, или троллейбусы, или автомобили. Нужно всё. Так и с рыбой. Нужно принимать все меры к сохранению естественного нереста во всех случаях, где он возможен, но в то же время необходимо искусственное рыборазведение.

Учёный помолчал и добавил:

— Да, для Волги рыбоподъёмник не годится, ибо Волга после реконструкции перестаёт быть рекой в обычном смысле слова. Крупные перемены произойдут на Волге.

Давайте поглядим, что делается на Волге: какие рыбы там ходят по реке, могут ли они отвыкнуть от хождений и какие изменения вносят в их жизнь волжские плотины.

4. С моря в реку.

Нам, северянам, привыкшим к коротким весенним половодьям на малых реках Центральной России, спервоначала, пока не привыкнешь, кажутся удивительными очень длинные и очень поздние разливы в низовьях Волги. Где-нибудь в Калуге или Рязани давно уже сошла вода, а в Астрахани только ещё начинает прибывать, и продержится она месяца два-три, пока вся не сольётся в Каспий из отдалённых уголков великой Русской равнины.

А местность в низовьях Волги плоская, берега низкие; разливается вода вширь, затопляет низины. И вот глядишь, сколько река уже затопила земель, сколько налила широких заливов, ильменей и покоев, а ничуть не скудеет её сила. Прибывает да прибывает. Между тихими, стоячими ильменями всё так же несётся по стрежени вода, глубокая, быстрая, мутная. В глубине мутной волжской воды идут с моря навстречу течению осетры, белуги, севрюги, сельди, судаки, сазаны и другие рыбы. Ловцы подставляют им свои невода, а они всё идут и идут без перерыва.

Вошедший с моря поток рыб делится в устьях Волги надвое. Сазаны, лещи да судаки с воблой, войдя в устье реки, чувствуют себя тут уже дома и прекращают путь. Они рассеиваются по бесчисленным протокам и тихим ильменям Волжской дельты в поисках удобных мест для нереста. Весенние воды наполнены рыбой. Даже

на внутриволжских речках Астрахани — на Кутуме, Царёве и Варзациевом канале — идёт весной любительский лов. На перилах мостов, на верхушках свай, на бревенчатых перекладинах под мостами — всюду, где можно висеть над водой — пристраиваются вошедшие в азарт подростки и взрослые любители, черпают наметками зазевавшуюся гоблу подобно тому, как домашние хозяйки вытаскивают шумовкой из кастрюли галушки.

А в стороне от протоков, в стоячих водах заросших травами ильменей, идёт на утренних зорях возня. Видно по струям, как ходят под водой стайки рыб. Нет-нет да и взбурлит вода от сильного удара рыбьего хвоста. Взлетает порой на воздух красножёлтый сазан и грузно шлёпается обратно в воду. Тут происходит нерест.

Мы проехали по ильмену в лодке. Сорвали торчавший из воды пучок травы, а он весь облеплен зеленоватыми и жёлтенькими шаричками сазаньей икры.

В тихой заводи скопился островок плавающих прутиков, листьев и всякого растительного мусора. Там тоже оказалась икра.

В природе всё определено закономерной цепью причинностей. Поведение живого существа, впитавшего в себя, в свои рефлексы и инстинкты, опыт многих поколений предков, подчинявшихся требованиям обстановки, стало целесообразным. Судачки и сазаны не выбрасывают икру на речное дно, потому что лежащий там киселеобразный ил — самый страшный враг икры: икра, попавшая в ил, задыхается и погибает. Нет, они идут на залитые половодьем низины и мечут икру на погружённые в воду луговые травы; икринки в воде выделяют клейкое вещество, прилипают к траве и висят до тех пор, пока не выклюнутся личинки.

Произошло это потому, что потомство рыб, выметывавших икру в ил, погибало; уцелели только те рыбы, чьи предки выметывали икру на травы. И действия, обеспечивающие жизнь потомства, закрепились наследственно в системе инстинктов.

Где нет разливов и погружённых в воду трав, нет и нереста судаков, лещей и сазанов. Потому и важен для рыб весенний разлив в дельте Волги, покрывающий полтора миллиона гектаров заросших травой низин. Волжская дельта в современном её состоянии — гигантский естественный питомник для размножения так называемых полупроходных рыб: судака, сазана, леща, воблы. Равного ему нет в мире.

Но скоро всё это изменится. На Волге строятся плотины. Они сооружаются вдалеке от дельты и Каспия, но они затрагивают жизнь даже тех рыб, которым не преграждают путь к нерестилищам.

После постройки волжских плотин всё станет иначе. Весенние талые воды будут скапливаться в водохранилищах, в дельту Волги придёт только их избыток и придёт значительно позже, после заполнения водохранилищ. Разливы в дельте Волги станут меньше и не в то время года, когда нерестятся рыбы. Сроки нереста рыб нельзя изменить, потому что они связаны с определённой температурой воды. Рыбы попрежнему станут пытаться нереститься весной, но весной им нигде будет рассеивать на затопленных травах свою икру. В Волжской дельте мало останется нерестилищ для полупроходных рыб.

А вторая группа рыб — осетры, белуги, севрюги, белорыбца, сельдь-черноспинка, более известная в продаже под именем «залом», — никогда не заходит на мелкие стоячие воды ильмени. Она не останавливается в Волжской дельте, не сворачивает с глубокой стрежени, держит дальний курс.

На тоне Краснознаменной, вблизи знаменитого Оранжерейного рыбообрабатывающего комбината, идёт лов. Сильный моторный баркас тащит за собой большую лодку; в лодке лежит невод; он на ходу постепенно соскальзывает с кормы в воду и ложится по реке широким полукольцом поплавок. Дуга невода раскрыта навстречу идущим с моря рыбам.

Баркас подводит опустевшую лодку к берегу, подхватывает другую точно такую же лодку со вторым неводом и уходит на новый замёт. А канат первого невода поднимают на трактор. Начинается таракхень; трактор тянет канатом невод к берегу. По мере вытаскивания канаты и сетки сразу же укладываются в стоящую у берега пустую лодку.

Дуга поплавок на воде быстро уменьшается, придвигается к береговой отмели. Вода начинает вдруг бурлить, это обнаруживаются загнанные сетью на мель пудовые осетры и севрюги. Реже попадаются белуги. Те — по десять-пятнадцать пудов.

Неумолимая сеть подталкивает их ещё ближе к жёлтому песку, и вот из воды показываются гребнистые рыбы спины с костяными зубцами, как у гигантских вымерших ящеров мезозойской эры. Рыбак в резиновом комбинезоне бродит в воде и перекидывает улов в живорыбную прорезь — лодку, наполненную водой.

Работа идёт безостановочно круглые сутки. И так же безостановочно круглые сутки идут с Каспия в Волгу осетры. Всегда только в одну сторону, всегда в реку. Рыбаки так и построили свои ловушки, у всех раскрыты входы со стороны моря.

В этом постоянном ходе рыбы всегда только в одну сторону чувствуется на первый взгляд нарушение равновесия. Не может источник не иссякнуть, если нет возврата. Тут душа любого бухгалтера возмутится: как же возможно нарушение баланса между активом и пассивом, приходом и расходом?

Конечно, взрослой рыбы возвращается из реки в море очень мало. Но движение тем не менее существует в обе стороны.

Помню, как прошлым летом я примкнул однажды к группе ихтиологов, производивших наблюдения на отмелях Каспийского взморья. Раздевшись, ихтиологи бродили в воде и таскали небольшой неводок, сшитый из самой обыкновенной марли. Отойдут от берега насколько рост позволяет, расправят волокушу и тащат к берегу. Плещётся вода, сверкают на солнце бризги. Я тоже включился в это весёлое занятие.

На берегу мы разворачиваем неводок, опускаемся на корточки, сдвигаемся в тесный кружок и, сталкиваясь лбами, начинаем рыться в груде зелёных водорослей. Внимательно разглядываем каждую соринку, выбираем из водорослей разнопородную рыбью молодь ростом в полспички и в целую спичку: судачков, лещиков, сазанчиков, воблешку. И время от времени кто-либо из биологов испускает победный клич: счастливцев увидел среди водорослей и разнопородной мелочи крошечную севрюжку, осетрёнка или белужонка — серенькое тельце с пятью продольными полосками белых костяшек. Это те малые, но дорогие золотники, ради которых ихтиологи снарядили катер, приехали целой компанией на взморье и проводят здесь день в наслаждениях, кажущихся более пристойными отдыхающим в лагере пионерам, нежели пожилым учёным.

Найдённых осетрят, белужат и севрюжат отбирают, как крупинки золота, осторожно очищают от мусора и суют в банки с формалином. После, в лаборатории, мальков исследуют, выяснят, чем они питались и как росли.

Вот это и есть возврат из реки в море. С моря в реку идут взрослые, обратно — мальки. Идущие с моря осетры, которых вылавливают на Краснознамённой и на других волжских тонях, имеют, в основном, по четырнадцать лет. Попадают и старше. Возраст рыб всегда можно сосчитать по слоям чешуи точно так же, как определяют возраст дерева по годовым кольцам на его срезе.

В устьях Волги никогда не бывает осетров промежуточных возрастов. Есть только скачывающиеся по течению маленькие сеголетки и идущие с моря четырнадцатилетние. Те тоже родились в реке, скатились в море и четырнадцать лет паслись в его глубинах на просторных пастбищах и сытных кормах, выросли в полтора метра величиной. Но в четырнадцать лет начинают у них набухать икра и молоки, наступает пора свершить положенное природой и произвести потомство, рыбы идут тогда в реку и обязательно в ту, где родились сами. Как они находят дорогу? В этом одна из тайн природы.

На подступах к Волге и в речных устьях осетров встречают ловцы с сетками, крючьями и неводами. На протяжении двухсот с лишком километров пути осетров подстерегает ежeminутная опасность. По крайней мере, девяносто процентов осетровых рыб попадает через рыбацкие руки на обеденный стол, и происходит это без ущерба для запасов рыбы на Каспии, потому что та десятая или двадцатая часть, которая благополучно минует ловушки и пройдёт в зону запрета промысла, где жизнь рыб уже охраняется законом, вполне обеспечивает воспроизводство стада. Ведь каждая самка осетра несёт в себе от двухсот тысяч до полумиллиона икринок, а у белуг бывает и по миллиону. И пусть отнерестится только двадцатая часть стада, и пусть подавляющее большинство родившейся молоди в свою очередь погибнет от бесчисленных опасностей,

но, если от каждой отнерестившейся рыбины вырастет хотя бы по двадцать взрослых потомков, этого уж достаточно для восстановления запасов; через четырнадцать лет в реку войдёт стадо детей, равное былому стаду отцов, и рыбаки опять могут выставлять навстречу рыбам свои ловушки и снова вылавливать девяносто процентов без боязни истощения запасов. Так повторяется ежегодно, и так восстанавливается равновесие.

Но почему же осетрам и белугам надо обязательно идти по глубокой стрезени вверх по реке, преодолевать встречное течение, подниматься до Саратова, Куйбышева, Казани, Горького? Ведь вот остались же сазаны, судаки да лещи с воблой под Астраханью, рассеялись по залитым половодьем низинам, развесили там икру на травах, и получилось у них хорошо: выклюнулось из икры множество личинок. Нельзя ли осетровым рыбам тоже обойтись без дальних путешествий? Что гонит их за тысячи километров?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, я сел в Астрахани на белый волжский пароход и отправился вслед за осетрами поглядеть, что у них происходит на нерестилищах.

5. Маленькое, но нужное открытие.

В Саратове, недалеко от пассажирской пристани, куда причаливают белые пароходы, и почти рядом с домом Н. Г. Чернышевского стоит здание Саратовского отделения Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии, сокращённо называемого ВНИРО.

Случается, люди недоумевают: какая же может быть связь с морским хозяйством и океанографией у Саратова, столь удалённого от морей и океанов? А связь очень тесная. Здесь родина каспийского осетрового стада, здесь и надо изучать корни морского плодородия.

Саратовское отделение ВНИРО, руководимое молодым и энергичным директором Ириной Борисовной Богатовой, выполняет важную задачу. Только за последних четыре года его коллектив внёс несколько значительных вкладов в рыбохозяйственную науку.

С Ириной Богатовой мне приводилось встречаться и прежде, на реке Куре, куда летом отовсюду съезжаются советские рыбоводы, работающие над осетрами. Богатова закончила аспирантуру после войны, недавно защитила диссертацию, а всю войну провела на фронте медицинской сестрой. Должно быть, фронтная закалка этой высокой белокурой женщины сказалась в её неутомимой энергии и твёрдой воле. Под её руководством отделение достигло заметных успехов.

Крепкой, «мужской» рукой ведёт она работу и держит в порядке немалое институтское хозяйство.

Подвал здания занят аквариумами; в них плавают рыбы. Тут производятся интереснейшие и разнообразные исследования над молодью. Например, растут впервые в мировой истории искусственно выведенные белужата.

Но сейчас, весной, основное — «полевые» работы. Рыбоводы проводят их, конечно, не в поле, а на воде. Сотрудники разъехались кто куда. Большинство работает в Ахмате, где сосредоточен «флот», состоящий из простых и моторных лодок.

...Вчера около волжского села со странным названием «Синенькие» изловили осетра. Когда подняли из воды шершавое, отороченное рядами острых костяных бляшек трёхпудовое тело, из рыбины брызнула струйка икры. По белому животу тёмным пунктиром катились шарики, похожие на свинцовую охотничью дробь. Попалась «текучая» самка в нерестовом состоянии. Созревшая икра распирала её тело и стремилась вырваться наружу.

Острым ножом разрезали рыбий живот, икра хлынула в подставленный таз. Её было ровно полпуда.

Ловить осетров в районе Саратова строжайше запрещено. Пришедшие сюда с Каспия и преодолевшие на долгом пути множество препятствий, они должны здесь без помех производить потомство. Но эта рыбина попала в хорошие руки. Она поймана для важной научной работы и притом вовсе не в ущерб, а с выгодой для размножения осетров. Хотя икра попала не в реку, а в эмалированный таз, — пойманный осётр всё равно оставит после себя потомство. Икру искусственно оплодотворят молоками стер-

ляди, проинкубируют в аппаратах и выведут сотни тысяч маленьких рыбок. И не прѣстных осетрат, а гибридов осетра и стерляди, создадут новую породу рыбы. Этим делом занят профессор Николай Иванович Николукин.

Поимка текущего осетра — верный признак того, что у осетров начался нерест. Для сотрудницы Саратовского отделения ВНИРО Лидии Александровны Алявдиной это был сигнал усилить поиски осетровых нерестилищ. Сегодня возобновлено прерванное было крейсирование на моторной лодке вдоль правого берега Волги, который, как известно, горист на всѣм протяжении от Горького до Сталинграда.

Стоит безоблачный май, нежаркий и весѣлый месяц, наполненный блеском солнца и сверканием весенней воды. Вода поднялась метров на двенадцать против своей обычной высоты, скрыла плоские острова и отодвинула вдаль противоположный луговой берег.

Алявдиной нечего делать у низких берегов с их отмелями и тихими заводами. Еѣ интересуют горы и кручи, большие глубины и быстрые, клубящиеся течения, когда вода катится по реке клубками, поднимается и опускается. Такие течения речники-судоходцы называют суводями, а учёные гидрологи — турбулентными потоками.

Высокий правый берег крутым обрывом падает к реке. Местами, там, где вода из года в год подмывает гору, обрыв почти отвесен. На осыпающихся кручах не растут ни кусты, ни травы — выглядывает голубовато-серый голый камень-песчаник, разграфлённый трещинами по ровнейшим линиям пластов, как на геологической наглядной таблице разрезов земной коры.

Подмываемая водой гора роняет в реку свои обломки, а быстрое течение обкатывает их, закругляет, превращает в булыжник и в гальку. У подножия круч всегда лежат галечные террасы. Летом они обсыхают, а сейчас скрыты весенней высокой водой, и глубина над ними достигает десяти метров.

Наша лодка держится всего в нескольких десятках метров от обрыва. Мы идѣм над залитой половодьем береговой террасой и волочим по дну особую драгу, построенную собственными руками Алявдиной. К раме пришиты два мешка: наружный из частой сетки, внутренний — из редкой. Получились две драги, одна вложена в другую.

Этот снаряд тащится по речному дну всего только одну минуту, затем его поднимают в лодку. Драга успевае за это время захватить немножко гальки, и вся галька отсортирована: в мешке из редкой сетки остались самые большие камни величиной с апельсин и с яйцо, а мелочь, в орех величиной, провалилась через редкую сетку во второй мешок.

Лидия Александровна быстро и осторожно выбирает камушки по одной штуке, оглядывает и кидает за борт. Оба мешка пустеют. Драгу снова опускают на дно, снова поднимают, но там не оказывается ничего, кроме пустой гальки. И снова с бульканьем падают в воду выбрасываемые за борт камни.

— Если поймали текущего осетра, — говорит неутомимая Алявдина, — значит, нерест начался. Должна быть икра! Попробуем у того оврага.

И вот наконец первая находка: на поднятых с десятиметровой глубины камнях оказались осетровые икринки — маленькие и нежные пузырьки, приклеившиеся к тяжѣлым и грубым обломкам песчаника. Целость этих хрупких созданий среди пересыпающихся в мешке камней кажется чудом. Сдвинутся камни — лопнул пузырёк. Понятно, почему никому до сих пор не удавалось поднимать с речного дна осетровую икру: это всё равно, что из каменных развалин вычерпывать экскаватором вместе с кирпичами рассыпанные среди них куриные яйца. Там хоть скорлупки останутся и укажут, что яйца были, а здесь лопнет икринка — и вода смоеет её след.

Нельзя отыскать икру и водолазу: вода на Волге слишком мутна.

Только придуманная Алявдиной двухмешковая драга, отделяющая тяжѣлые камни от лёгких, и только кропотливый осторожный сбор камней минимальнейшими количествами, всего по несколько штук, обеспечили успех. В мае 1949 года неподалѣку от села Синенькие, Саратовской области, впервые в истории рыбководства был начат систематический сбор икры с осетровых нерестилищ. Это позволило досконально изучить нерестилища. Прежде случались только редчайшие, единичные находки отложенной осетрами икры.

Конечно, находки Алявдиной не опрокинули прежних взглядов на нерест осетровых рыб. Всё основное было известно и раньше по ряду косвенных признаков. Главнейшие из них — вылов «текучих» рыб. Рыбу с созревшей, просящейся наружу икрой можно выловить только в районе нерестилищ. Ну, а об остальном можно уже догадаться по логике вещей. Но находки Алявдиной, во-первых, придали прежним предположениям достоверность факта и, во-вторых, дополнили эти предположения целым рядом неизвестных прежде деталей. И многие ихтиологи в работе над вопросами размножения осетров будут обращаться к скромному открытию Алявдиной. Разрабатывая методы искусственной инкубации осетровой икры, они будут вынуждены время от времени спохватываться: а как же получается у осетров в естественном состоянии, какие на этот счёт есть данные в материалах Алявдиной?

Проведя два лета в лодке, под солнцем и под дождём, в затишье и в бурю, Лидия Александровна собрала материал для составления точной карты осетровых и севрюжьих нерестилищ на протяжении четырёхсот километров в пределах Саратовской области. Были установлены два типа нерестилищ: удобные — весенние, расположенные на затопляемых половодьем каменистых террасах горного берега, и менее удобные — летние. Те находятся тоже под правым горным берегом, но дальше от обрыва, в самом русле реки. Весенние нерестилища после спада воды обнажаются и до будущей весны лежат на сухом грунте, проветриваются, дезинфицируются; поэтому на них почти не бывает врагов осетровой икры. На летних нерестилищах, круглый год погружённых в воду, заводится, конечно, всякая водяная живность, и там врагов больше.

6. Распорядок жизни осетров.

Ленинградский профессор Павел Амфилохевич Дрягин в своей недавно опубликованной работе раскрыл зависимость между величиной икринок и характером нереста у различных рыб. Всё оказывается настолько просто, что может быть понятно любому школьнику, изучающему геометрию.

Икринка дышит своей поверхностью, получая необходимый кислород из окружающей воды. Внутреннее вещество икринки — потребитель кислорода. А у шаров разной величины отношение поверхности к объёму неодинаково.

У сазанов, лещей и судаков икринка имеет диаметр примерно в один миллиметр. Её объём равен примерно половине кубического миллиметра, а поверхность — трём квадратным миллиметрам. Если привести к единице, к одному кубическому миллиметру, то получается, что каждый кубический миллиметр икринки этих рыб дышит шестью квадратными миллиметрами поверхности.

Икринка осетра диаметром в три миллиметра имеет объём в четырнадцать кубических миллиметров, а поверхность в двадцать восемь квадратных миллиметров. У осетровой икры на каждый кубический миллиметр вещества икринки приходится только два квадратных миллиметра дышащей поверхности. Легко понять, что осетровой икре вдвое труднее дышать, чем сазаньей или лещовой. И нетрудно понять, что сазанья и лещовая икра менее требовательна к содержанию кислорода в воде, а осетровая икра нуждается в воде, более насыщенной кислородом. Имеют значение и другие обстоятельства, но размер икринки остаётся самым важным из них.

Сазаны, лещи и судаки рассеяли свою икру на гравях в стоячей воде тихих ильменей, и у них получилось хорошо. А осетровая икра там станет задыхаться: она нуждается в постоянном притоке свежей воды, её надо положить в русло реки в текущую воду и прикрепить к чему-либо неподвижному так, чтобы вода текла мимо, обмывала икру, отдавала ей кислород.

Галька, лежащая в реке на большой глубине и быстром течении, сдувающим ил, создаёт великолепные условия для вымета осетровой икры. Вскоре после выпуска и оплодотворения икра выделяет клей; икринки, перекатываясь с гальки на гальку, в конце концов к какой-нибудь из них прилипают и так остаются на одном месте, постоянно омываемые течением, пока из них не выклевываются личинки.

Высокий правый берег Волги на протяжении от Горького до Сталинграда постоянно сыплет в реку гальку. Здесь и расположены осетровые нерестилища. Осетры любят нереститься под горой и, надо сказать, не зря.

А ниже Сталинграда Волга течёт на равнине по молодым породам, главным образом по своим собственным наносам, и размывает мягкие глины и сыпучие пески. Где же там **взяться** камню? Там мало галечных мест. Вот и приходится осетрам в поисках гальки подниматься на тысячу километров вверх по реке.

После исследований Алявдиной двух типов нерестилищ — весенних и летних — становится понятным расписание хода рыб в течение года и образование яровой и озимой групп.

Весенний нерест на залитых паводком удобных каменистых террасах горного берега, где много гальки, мало ила и почти нет поедающих икру хищников, происходит в самый пик паводка и протекает очень дружно, не более чем в одну неделю. Осетры спешат отнереститься поскорее, чтобы личинки успели выйти до спада воды, иначе ведь икра может обсохнуть.

Те осетровые рыбы, которые входят с моря в Волгу весной, не успевают прийти к Саратову или в Жигули до спада весенней воды: путь-то ведь очень далёк и труден. Они опаздывают к весеннему нересту, и этим опоздавшим осетрам приходится нереститься летом в русле реки, в менее удобных условиях. Другая часть рыбного стада отправляется с моря в путь загодя, входит в реку осенью или даже летом, проводит трудную и голодную зиму на глубоких ямах, а весной нерестится на лучших местах.

Различное время входа в реку — у одних в год нереста, у других в год, предшествующий нересту, — закрепилось в качестве наследственного свойства. Выделились две группы осетров: яровая и озимая. Озимая более многочисленна и составляет большинство волжского осетрового стада.

Так сложилась жизнь рыб семейства осетровых. Произошло это в результате приспособления организма к среде в течение очень долгого времени, и невозможно сказать, занял ли этот процесс тысячи или миллионы лет.

Но скоро всё станет иначе. Изменения произойдут внезапно. Пойдут осетры и белуги вверх по Волге, как всегда ходили, и встретят у Сталинграда плотину и водопад. И не в том дело, что путь к нерестилищам закрыт — рыбоподъёмником очень просто поднять осетров на плетину. Беда в том, что осетровых нерестилищ на Волге не останется. Осетрам и белугам незачем переходить через Сталинградскую и Куйбышевскую плотины, потому что за плотинами они попадут не в текучую реку, а в стоячие водохранилища с илом на дне. Волга превратится в цепь озёр.

Над волго-каспийским рыбным стадом нависла угроза. А это не четыре тысячи центнеров волховского сига — здесь миллионы центнеров высокосортной рыбы. Белорыбца и сельдь-залом тоже окажутся отрезанными от нерестилищ. А судаки да сазаны с лещами пострадают оттого, что в дельте Волги прекратятся широкие разливы, вода перестанет заливать заросшие травами низины.

Надо было искать выход.

7. Новая фаза в развитии рыбного хозяйства.

На месте нынешних московских улиц и площадей некогда свистали в лесах рябчики и чуфыкали тетерева, бродили олени и козы, и тогдашнее население добывало себе пищу охотой. А сейчас не только поблизости от Москвы, но и вообще-то в центральных областях не часто встретишь рябчика или тетерева, не говоря уже об оленях. Они не могли ужиться на распаханных полях, рядом с городами и сёлами. Но человек от этого не потерял. Разве он остался без пищи и разве оскудела продуктивность земли? Совсем наоборот.

Первообытный человек брал от природы только её самородные дары: охотился на диких животных, собирал плоды дикорастущих растений. Дары девственной природы были далеко не щедрыми, но достаточными для редкого населения.

А когда население увеличивалось, нарастал конфликт между потребностями общества и оскудевающей природой, и тогда человек перестраивал свою хозяйственную деятельность; началась пора обогащения природы человеческим трудом, культурой. Человек стал выращивать культурные растения, разводить домашних животных и птиц и получил на этом деле громадный выигрыш. На том гектаре, где прежде собирал

лукошко грибов и ягод, берёт он сейчас стопудовые урожаи зерна или гысячи пудов овощей, там, где добывал охотой по полрябчика с гектара, содержит целую птицеферму, а та площадь, где кормилась прежде одна дикая коза, даёт сейчас корм большому стаду домашних животных. Певец созидательной деятельности человека А. М. Горький писал: «Человеку и слава за это, пред ним и восторг, ибо это сила его воли, его воображения неутомимо претворяет бесплодный кусок Космоса в обиталище своё, устроая Землю всё более удобно для себя...»

На водную фауну человек влиял значительно медленнее. «Подводное царство» по самой природе своей менее доступно для человека. Невский лосось проходит по реке через Ленинград между Зимним дворцом и Петропавловской крепостью. Осетры спокойно идут мимо набережных Астрахани, Сталинграда, Сарагова, чего не решится сделать никакой зверь или дикая птица. Рыба, защищённая своей недоступной человеку жидкой средой, дольше уживалась с ним рядом, чем вольный животный мир суши. Её было достаточно, сама она плодилась, и потому рыболовство до сих пор не выходило из охотничьей стадии пассивного использования даров природы. Культурное рыболовство находилось в зачаточном состоянии и играло ничтожную роль в общей сумме добычи рыбы.

Да и теперь охотничья стадия использования самородной рыбы далеко ещё не изжита. Но расширение промысла на дальних морях не должно отвлекать нас от забот о судьбах наших богатейших внутренних водоёмов. Если произойдёт их истощение, никакое расширение дальнего рыболовства не в состоянии качественно компенсировать убытка.

Охотничье рыболовство обычного типа должно смениться культурным рыбным хозяйством. Рассчитывать на готовые дары природы не в правилах советского человека. Если рыба теряет естественные условия для размножения, надо создать новые, искусственные условия для размножения. Рядом с сухопутным животноводством должна встать новая отрасль хозяйства — рыболовство.

В принципе всё здесь ясно. Рыба из самородной должна превратиться в искусственно разводимую, домашнюю. Но в практическом осуществлении этого верного принципа встречается больше затруднений, чем в одомашнивании животных суши. Ведь рыбы живут в особой, не доступной для нас среде, и потому возможность управления жизнью рыб для нас ограничена. Трудностей в молодой отрасли хозяйства встречается очень много. А создавать её приходится в условиях крайней спешки. Время не ждёт. Сухопутное животноводство создавалось тысячелетиями, рыболовство надо создать в кратчайший срок.

Советское правительство, заботясь о разностороннем обогащении природы нашей страны, в 1935 году обязало учитывать интересы рыбного хозяйства при проектировании гидросооружений и принимать меры по воспроизводству рыбных запасов, когда гидростроительство может ухудшить естественные условия размножения рыб. При разработке проектов и смет гидростроительств должны предусматриваться расходы на мероприятия по воспроизводству рыбных запасов.

Этот закон действует поныне. Он имеет большое принципиальное значение: во-первых, меры по сохранению рыбы обязательны и, во-вторых, кредиты на строительство рыбоподъёмников и рыболовецких заводов не приходится специально испрашивать — они предпрещаются уже самым фактом гидростроительства.

Осуществлением мероприятий по охране рыб занят Главрыбвод — Главное управление рыбоохраны и рыболовства Министерства лёгкой и пищевой промышленности.

Но не легко было учёным найти те мероприятия, которые следовало осуществлять.

Разведение полупроходных рыб, нерестующих в дельте Волги, не встретилось ни с какими принципиальными трудностями и давно уже освоено, накоплен большой опыт работы. Сазанов, лещей и судаков отбирают из улова на тоне и пускают в ильмень. Там они нерестятся самым естественным образом в привычных для себя условиях. Ильмень отгораживается от реки земляным валом, вода напускается по каналу через частую металлическую сетку, чтобы не могла проникнуть никакая сорная и хищная рыба. Мальки растут без всякой помехи. Когда они достаточно окрепнут, открывают ворота, и мольдь вместе с водой скатывается в реку.

Сейчас ильмени рыбхозов наполняются весенней полой водой. После постройки плотин, когда высокие подьёмы воды в дельте Волги прекратятся, воду в ильмени рыбхозов станут накачивать насосами. Только в том и разница.

А с осетрами пришлось учёным крепко поработать. Они оказались очень трудной рыбой для искусственного разведения. Много с осетрами вышло хлопот.

Работы велись частично и на Волге и на Дону, но наиболее важные результаты достигнуты на Куре, где с 1936 года действовала первая в СССР и во всём мире экспериментальная осетроводческая станция.

В 1939 году возник замысел постройки такого же экспериментального осетроводческого завода в низовьях Волги, поскольку Саратовское отделение ВНИРО по своему местоположению не могло выполнить новых задач, вставших перед осетроводством. Саратов стоит за тысячу километров от устья Волги, а надо было найти методы искусственного разведения осетров в низовьях рек.

Война помешала осуществить постройку завода на Волге. Куринская станция осталась не только первой в мире, но и единственной. Здесь и была сосредоточена вся работа советских учёных над проблемами искусственного разведения осетров.

В то время, когда профессор Тихий разрабатывал систему сквозного движения рыб через плотины, другие учёные на Куре изыскивали методы искусственного разведения осетров в низовьях рек так, чтобы им можно было не ходить через плотины.

Противоречия тут нет. Одно дополняет другое.

8. Кура рыбная.

Мы привыкли видеть Куру в пределах Грузии и представляем её сгиснутой ущельями, шумной горной рекой. Такою она вошла и в литературу, начиная с поэм Лермонтова. Но из Грузии река уходит в Азербайджан и бежит там сначала по широченной долине.

Здесь уже мало выпадает дождей. Горы Большого и Малого Кавказа и поперечные хребты обступили долину со всех сторон и преградили доступ ветрам, насыщенным океанической влагой. Земледелие развивается здесь не на собственных дождях, а за счёт тех дождей, которые выпали в горах. С гор стекает много рек, но ни одна из них не доходит в этих местах до Куры: всю воду без остатка разбирают на орошение полей, садов и виноградников. На этой воде зеленеет цветущий Азербайджан. Басти Багирова ставит здесь мировые рекорды сбора хлопка, и шамхорские виноградари срезают тяжёлые гроздья.

Чем дальше на восток, тем меньше выпадает дождей.

У Мингечаура Кура прорезает невысокий хребет Боз-Даг и дальше течёт к Каспию пятьсот километров по равнине. Тут простирается полупустыня. Насколько неравномерно распределена на Кавказе атмосферная влага, видно из такого факта. по ту сторону горных хребтов, на Черноморском побережье Кавказа, выпадает за год такая масса дождей, что, если бы они хлынули разом, земля покрылась бы слоем воды высотой в два с половиной метра; на равнине Восточного Азербайджана дождей выпадает в год всего пятнадцать сантиметров. Чтобы покрыть испарение с поверхности земли, при здешнем жарком солнце требуется влаги в пятнадцать раз больше.

Кура пробегает по равнине узкой лентой, а по сторонам лежит иссохшая земля. Она очень плодородна, но недостаток влаги не позволяет ей одеться растительностью.

Вскоре всё это изменится. В Мингечауре грохочут машины. Сооружается плотина. Вода станет вращать турбины и даст электроэнергию. Вода пойдёт по оросительным каналам и напоит землю. На улицах молодого города строителей Мингечаура уже стоят довольно высокие деревья, и впервые в здешних местах легла на землю тень.

Велика сила земного плодородия под жарким солнцем. Недостает только воды. А теперь будет и вода. В пустынных ныне степях возникнут совхозы и колхозы; земля покроется виноградниками, плодовыми садами, чайными кустами, хлопковыми плантациями, и степные ветры станут шелестеть листвою и раскачивать полновесные колосья.

Но перестройка Куры отразится не только на жизни окружающих степей. Она затронет в первую очередь жизнь самой реки. Помимо Куры — вращательницы турбин и Куры — оросительницы земель, есть ещё Кура рыбная. Она тоже изменится. И тут возникает такая же проблема, как на всех других нерестовых реках, перегораживаемых плотинами.

Профессор Александр Николаевич Державин — большой знаток куринских рыбных богатств и, в частности, осетров. Уроженец Казани и потомок поэта Гавриила Державина, он навсегда связал свою жизнь с Азербайджаном и судьбами куринских рыб. Он начал работу на Куре ещё в 1912 году и, в отличие от М. И. Тихого, сразу стал заниматься практическими проблемами рыбного хозяйства. Державин ещё тогда приступил к работе над искусственным разведением осетров и сорок лет назад создал метод инкубации осетровой икры, применяемый доныне. Многие умеет он порассказать о куринских рыбах.

Кура славится не столько количеством, сколько качеством рыбы. На других реках ценные породы рыб среди малоценных — крупинки золота в массе песка. На Куре, наоборот, — преобладают ценные породы. Из всего улова одну треть по количеству составляют осетры и севрюги; по стоимости же они вместе с икрой составляют две трети добычи.

И есть ещё куринский лосось. По обилию жира и по вкусовым качествам он превосходит все другие разновидности лососей во всём мире. На магазинных прилавках, где ряд серебристых рыбных тушек с розовым разрезом мяса лёг возрастающей диаграммой цен и качеств, куринский лосось всегда занимает по праву самое высшее место. И это уже не тушка, а пудовая туша. И особенно нежен розовый цвет её среза, особенно янтарны стекающие на блюдо капельки жира.

— Причины превосходства куринского лосося над лососями всего мира понять трудно, — рассказывает профессор Державин — Это — лосось-говоровосходитель, и от всех равнинных и горных лососей он отличается особой трудностью своего нерестового пути. Он проходит не только тысячу километров против буйного речного течения, но и поднимается при этом на две тысячи метров над уровнем моря к истокам Арагвы и Алазани, текущих из ледников Кавказского хребта. Путь от Каспия до нерестилищ длится пять с половиной месяцев, и за это время лосось ничего не ест, потому что и пищи для него в реке нет, да и не тем он теперь «занят». И вот перед началом долгого пути тело рыбы запасается силами, наливается полнокровием.

Водится на Куре маленькая, но очень вкусная рыбка шемая. Есть ещё сазаны, кутумы, жерехи, сомы. Но значение всей этой рыбы бледнеет перед огромностью куринского осетрового стада и особенной ценностью здешнего лосося.

В низовьях Куры расположены богатейшие рыбные промыслы. Их центром является крупнейший рыбообрабатывающий комбинат имени Кирова, имеющий мировое значение по количеству добываемой красной рыбы и чёрной икры.

Невода на тонях круглые сутки безостановочно процеживают воду, вычерпывают севрюг и осетров. Их тут же вспарывают, вынимают икру, пробивают для отделения от плёнок через решето и ставят на лёд. Через каждые два часа специальный «икорный» баркас отвозит икру с тони на комбинат.

Среди других разделочных цехов комбината с их бетоном и деревом, со льдом, с солью и сыростью икорные цехи выделяются простором, светом, сверкающей белизной стен, белыми халатами мастериц и чрезвычайнейшей чистотой.

Старший мастер быстро просматривает и прощупывает каждую базу из привезённой партии икры и каждой вазе даёт назначение: зернистая, паюс, высший сорт, первый.. У икорного мастера — необычайная острота ощущений, отточенная годами практики.

Примечательно то, что готовность и солёность икры определяется при обработке не на вкус, а на ощупь. Пальцы чувствуют крепость зерна.

В икорных цехах работа идёт в три смены, круглые сутки, и все сменяются, а вось-

мидесятилетний мастер паюсного цеха Гусейн-ага Гусейнов один работает с ранней азербайджанской весны до поздней азербайджанской осени без смены. Разве что ухитрится вздремнуть немножко после обработки одной партии икры до прибытия другой...

— Никто ж вас так не заставляет, — говорю я старому Гусейну.

— Люди не заставляют, но дело советует, — отвечает старик, — никому икру не доверю: дорогая, ответственная вещь. Я пятьдесят два года на икре работаю, мне она виднее. Зимой сплю, когда икры не бывает, когда жереха да кутума ловят. Тогда мне делать нечего.

В его возрасте люди числятся в инвалидах, а этот богатырь проводит над чаном, не разгибаясь, три смены и могучими руками перебрасывает центнеры. Говорят, вода в Куре такая — силу даёт.

— Вода водой, — поправляет Державин, — но здесь сказывается икра, которую старому мастеру постоянно приходится пробовать. Если даже простой рыбий жир, вываренный в котлах, полезен для организма, то насколько же полезнее икра, в которой природа запасла всё, что нужно для создания живого существа, всё, что нужно ему для питания в первые дни жизни. В икринке есть и пищевые вещества и биологические стимуляторы. Мне кажется, что вещество икринки ещё не достаточно изучено биохимиками и что в нём заключаются пока ещё не известные нам витамины.

9. От мезозойской эры до советской власти.

— Вы только подумайте! — говорит профессор Державин. — Рядом с осетрами плескались в воде ихтиозавры и плезиозавры, над ними шумели крылья птеродактилей, с берегов на них глядели динозавры и другие гигантские ящеры. И жизнь всех этих сверстников осетров затерялась в бесконечностях геологических эпох. Все они давно вымерли, и только скелеты стоят в палеонтологических музеях. Их называют «допотопными вымершими чудовищами». А сами осетры благополучно прожили полтора миллиона лет от мезозойской эры до советской власти! Осетры — тоже допотопные, но не вымершие «чудовища».

Я спросил:

— А другие рыбы? Разве они моложе осетров?

— Да, моложе. Осетры, севрюги и белуги — одни из самых древних рыб на земном шаре. Биологически они очень примитивны и на ступенях эволюционной лестницы стоят ниже других рыб.

— Как примитивны? Кажалось бы, самые что ни есть высшие. Откуда это видно, что они такие древние?

— По окаменелостям, по отпечаткам в пластах горных пород, — отвечает профессор, — да и по строению тела. Вы же знаете, что высшими являются животные позвоночно-черепные. Легко убедиться, что осетры занимают промежуточное место между каким-нибудь бескостным червяком и карасём. У карася и череп и позвоночник состоят из костей; а у осетра образовались только хрящи, но не успели ещё окостенеть. Костяные бляшки у осетров есть только на коже, и этим они тоже напоминают своих сверстников — панцирных животных.

— Как же так случилось, — спрашиваю я учёного, — что ящеры вымерли, а осетры остались?

— В том-то и беда, что осетры тоже исчезают. И вовсе не потому, что они не жизнеспособны. Нет, это крепкие рыбы. Но слишком усердно за ними охотились. На всём земном шаре они исчезли, а сохранились главным образом в водоёмах нашей страны. На долю Советского Союза приходится свыше девяноста процентов мирового улова осетровых рыб. Много осетров в Азовском море и ещё больше в Каспийском. Советский Каспий без Ирана даёт семьдесят процентов мировой добычи, и потому каспийское осетровое стадо составляет часть национального богатства нашей страны. Мы обязаны его сохранить. Наши осетры — последние на земном шаре. Право же, потомки поругают нас, если мы не сохраним для них икорно-балычных богатств, — шутит учёный.

10. Академия осетроводства.

Такой академии нет в списке научных учреждений СССР, но фактически она существует, ибо трудно подыскать какое-либо иное название для целой совокупности научно-исследовательских учреждений, планомерно работающих над одной проблемой.

Находится эта не внесённая в списки «академия» на берегу Куры, рядом с комбинатом имени Кирова, и занимается разработкой методов разведения и выращивания осетровых рыб.

Мы сидим на бетонном бортике небольшого круглого бассейна под камышёвым навесом, с которого свисают недозрелые ещё виноградные кисти. В бассейне плавают молодые осетрята величиной с обыкновенную спичку. Веером тоненьких струек в бассейн с журчаньем сочится из трубок свежая вода. Журчанье слышится со всех сторон. Вокруг нас много таких же журчащих бассейнов, и во всех плавают осетровая молодь.

А дальше видны бассейны покрупнее, бассейны помельче и бассейны совсем маленьки. Одни предназначены для выращивания осетрят, другие для разведения дафний — мельчайших зеленоватых водяных блошек, служащих кормом для осетрят, третьи — для водорослей, которыми питаются блошки.

Около кормовых бассейнов работает, процеживая сачком воду, высокая белокурая женщина, наша знакомая Ирина Борисовна Богатова, директор Саратовского отделения ВНИРО.

Вся эта совокупность бассейнов и бассейничков составляет Куринскую экспериментальную рыбоводную станцию, созданную трудами профессора Державина.

Весной здесь становитсялюдно. Как только на Куре начинается весенний ход осетров, к этому времени на станцию съезжаются учёные. Здесь работают группы сотрудников Ленинградского университета (руководитель Н. Л. Гербильский), Азербайджанской Академии наук (руководитель А. Н. Державин), Института морфологии животных Академии наук СССР (руководитель И. А. Садов), Московского ВНИРО (руководитель Н. И. Кожин), Саратовского отделения ВНИРО (руководитель И. Б. Богатова)

Всё новое, что было открыто за последнее пятнадцатилетие в биологии осетровых и в области практического осетроводства, или родилось здесь или было здесь экспериментально проверено. Учёные работали рядом, на одном материале, но работали разными методами. Это давало возможность сравнивать результаты и оценивать выгоды и невыгоды тех или иных методов. Совместная работа многих учёных поставила Куринскую станцию на положение всесоюзной академии осетроводства.

Первый и самый важный вопрос, над которым работала Куринская станция,— получение зрелой икры в низовьях рек.

Когда мы ездили в Мингечаур, там, за пятьсот километров от устья Куры и Куринской осетроводческой станции, удалось изловить осетра. Ножом вспороли его живот, и точно так же, как когда-то в Саратове, из разрезанного брюшка широким потоком хлынула икра. Каждое зёрнышко отделяется от другого, каждое готово к самостоятельному существованию, к зарождению новой жизни. И зёрна крупные: в одном грамме от сорока до пятидесяти икринок.

А на низовых тонях, где производится промысловый лов, из осетров и севрюг вынимают икру, связанную плёнками в «ястык». Чтобы отделить зёрна друг от друга, икру перед отправкой на комбинат имени Кирова протирают через «грохотку», нечто вроде решета. И эта икра, добытая в низовьях, значительно мельче; один грамм содержит от восьмидесяти до ста икринок.

Такова разница, видимая невооружённым глазом. А гистологи, изучая строение икринок, замечают ещё больше всяких различий.

В реку осетры входят с незрелой икрой. Всеми механизмами приспособляемости к окружающим условиям рыбий организм приновился к созреванию икры именно к моменту прихода рыбы на нерестилище. Иначе и быть не может. Иначе рыбы теряли бы икру в глинистой жиже.

Отсюда понятно, почему различные группы осетров входят в реку на различных

стадиях зрелости икры: яровые — с более зрелой икрой, озимые, которые станут нереститься только в будущем году, после зимовки в реке, — на очень ранних стадиях созревания.

Искусственной инкубацией икры сиговых рыб у нас занимаются уже столет. Нехитрое дело — отцедить у рыбы на нерестилищах зрелую икру, смешать её с молоками самцов и положить для инкубации в аппараты с проточной водой. С осетровой икрой дело сложнее, но сорок лет назад Державин разработал метод инкубации осетровой икры, и это послужило началом осетроводства.

Но заниматься этим делом можно было только на нерестилищах, куда теперь вход рыбам будет закрыт. Теперь придётся разводить осетров в низовьях рек. А икра рыб, выловленных в низовьях, — незрелая. Она не годится для оплодотворения. Её можно пустить только в переработку, передать икрянщику Гусейн-ага Гусейнову — пускай солил и пробует пальцем. Вывести же из этой икры живую рыбку невозможно.

Перед сухопутными зоотехниками никогда не стояла задача получать от животных потомство на первом месяце беременности, и растениеводы никогда не пытались снимать урожай с неколосившейся ещё пшеницы. А перед ихтиологами подобная задача встала.

Как получить в низовьях рек икру, годную для оплодотворения? Таков был первый вопрос, над которым работала куринская «академия».

К решению этого нелёгкого вопроса учёные шли разными путями.

Трудность заключается в том, что на созревание икры влияет не просто время, а время плюс обстановка. Если прервать путь рыбы к нерестилищу, то прерывается и созревание икры. Начинается обратный процесс жировой дегенерации, икра постепенно рассасывается — была сна, и нет её. Так показали наблюдения над волховскими сигадами.

А какие элементы обстановки совершенно необходимы для созревания и без каких можно обойтись? Всё это не было ещё достаточно изучено.

В конце тридцатых годов А. Н. Державин осуществил метод выдерживания производителей. Он построил специальные бассейны и сажал туда пойманных осетров. Перегородки и работа насосов поддерживали в бассейнах постоянно круговое течение. Надо было создать у рыб иллюзию движения вверх по реке против течения и вызвать связанные с этим движением рефлексы, отражающиеся на внутренней секреции. Не всё ли равно: пройдут ли осетры пятьсот километров вверх по реке или прокружатся пятьсот километров против течения в бассейне, — результат будет один и тот же.

Метод Державина дал положительные результаты: часть осетров, проплавав месяц в бассейне, дала зрелую икру. Она была оплодотворена и инкубирована. Это был первый случай, когда осётры дали потомство в низовьях рек.

Но успех был ещё не полным. Во-первых, созрели далеко не все посаженные осетры; часть не перенесла неволи и погибла. Во-вторых, огромные бетонные бассейны с насосами, поддерживающими движение воды, оказались дороги. Рождались соображения о том, что для осетров вовсе не обязательно постоянное круговое движение воды в бассейнах: в реке ведь они не идут непрерывно против течения, а отстаиваются и на ямах. Кроме того, бетонный бассейн имеет слишком индустриальный и непривычный для осетров вид. Кто знает: не лучше ли они себя станут чувствовать в водоёмах, выкопанных просто в земле? Предстояло улучшить, упростить и совершенствовать метод.

В этот момент все советские рыболовы были потрясены известием, поистине сенсационным: профессор Ленинградского университета Николай Львович Гербильский, гистолог по специальности, добился созревания икры у рыб, впрыскивая в их тело препарат гипофиза — придатка головного мозга, взятого у рыб той же породы. Это было выдающимся достижением биологической науки.

Зачем строить бассейны? Зачем сажать туда осетров? Зачем ждать месяцы? Стоит только впрыснуть в тело осетра препарат осетрового гипофиза, и икра созреет через сорок часов независимо от того, где бы осётр ни находился — в обычной живорыбной лодке — прорези или прямо в реке, привязанный веревкой за хвост. Вот это и делает разработанный профессором Гербильским метод гипофизарных инъекций лёгким, удобным, простым, применимым в любом месте без каких бы то ни было сооружений, доступным рыболовам-производственникам в любых условиях.

У некоторых учёных-эмбриологов рождались в отношении гипофизарной инъекции сомнения; говорили, что инъекция влечёт за собой не что иное, как преждевременный выкидыш, и полученные с её помощью осетрята — недоноски.

Но легкость и простота метода обеспечили ему успех в производстве. Главрыбвод безоговорочно принял для осетроводства метод гипофизарных инъекций. Бассейны Державина перестали действовать. Их превратили в отстойники насосной станции, подающей воду в инкубаторий и в бассейны для выращивания молоди.

Метод гипофизарных инъекций настолько прост, что моментально перешёл из рук учёных в руки рядовых рыбоводов-производственников.

Гипофизарная инъекция совершенно не действует на осетров с ранними стадиями зрелости икры, но даёт результат у той небольшой сравнительно части яровых осетров, которая входит в реку на последних стадиях развития икры. У осетров так называемой четвёртой (предпоследней) стадии зрелости инъекция вызывает быстрое созревание и приводит их в нерестовое состояние. Задача рыбовода заключается в умелом отборе рыб с икрой именно в четвёртой стадии.

На тоне «Первый маяк», где круглые сутки непрерывно подходят к берегу, сменяя друг друга, невода, мастер Куринской экспериментальной станции Мирза Ширмамедович Гусейнов, однофамилец старого икрянщика, зорким глазом осматривает пойманных севрюг и осетров. Он сразу различает, где самец, где самка и на какой она стадии беременности. Неподходящих глушат ударами колотушки и кидают в ларь. Из них вырежут икру и повезут её на переработку, а самих осетров сдадут на холодильник. Подходящих Мирза Ширмамедович опускает в живорыбную прорезь — наполненную водой лодку с прорезанными бортами для постоянного обмена воды. Отобранные осетры и севрюги из разряда промысловой рыбы переводятся в ранг производителей потомства.

Наполненную производителями прорезь моторный баркас ведёт на рыбообразную станцию, и здесь появляется девушка в белом халате со шприцем в руке и со склянкой. Вся операция инъекции занимает несколько секунд. Укол в спинку, и всё кончено.

«Наколотых» самок и самцов снова пускают плавать в ту же прорезь для созревания. Когда придёт час, осетров вскроют, возьмут икру, польют молоками самцов, осторожно отмоют, чтобы икра не склеилась в комок и не задохнулась, разложат по инкубационным аппаратам — ящикам со стенками из мелкой латунной сетки — и опустят в Куру. Текучая вода струится через сетку и поддерживает икринки во взвешенном состоянии. Икринки плавают в воде, вскоре из них выходят червячки величиной в сантиметр.

А самих вскрытых севрюг и осетров сдают на холодильник комбината имени Кирова продолжать путь к магазинному прилавку и обеденному столу советских граждан.

Так некоторые осетры и севрюги по дороге с тони «Первый маяк» к холодильнику комбината имени Кирова выполняют мимоходом предназначенные им природой функции рождения потомства. Их икра, минувшая умелые руки икрянщика Гусейн-ага Гусейнова и попав в умелые иным умением руки его однофамильца Гусейнова Мирзы Ширмамедовича, возвращается в море маленькими рыбками. Это имеет исключительно важное значение и составляет переворот в рыборазведении. Прежде вся вылавливаемая промысловая рыба изымалась из биологического цикла воспроизводства запасов; потомство давала только рыба, проскользнувшая мимо сетей и ушедшая на нерестилища. Теперь промысловая рыба, попадающая в кастрюли, на сковородки и в консервные банки, может оставить после себя потомство. Едва ли требуется разъяснять огромное значение этого факта для сохранения и умножения наших рыбных богатств.

Метод гипофизарных инъекций не требовал строительства заводов. Он давал возможность выводить из икры осетрята на любой рыбацкой тоне, где вылавливают осетров. Не требовалось никакого сложного инвентаря, нужен только шприц с гипофизом. Нужна ещё живорыбная прорезь для посадки наколотых осетров для созревания, но она есть на рыбацкой тоне. Нужны ящики для инкубации икры, но их может изготовить на месте любой плотник из досок и частой латунной сетки. За неимением латунной можно взять частую сетку из тонкой железной проволоки, какой в низовьях Куры и

Волги затягивают окна, чтобы не залетали здешние злые комары. Словом, нет никаких затруднений.

Метод Гербильского был с триумфом принят рыбододами-производственниками. Он дал возможность заняться осетроводством на всех осетровых реках Советского Союза, где не было осетроводных заводов. На Волге, на Дону, Урале, Кубани и Днепре возникли передвижные сезонные осетроводческие пункты — живорыбные прорези с веренищами плавающих на поверхности реки ящиков с инкубируемой икрой. Они заменили собой те заводы с бассейнами, насосными станциями, журчащими трубками и другим сложным оборудованием, которые должны были строиться по мысли Державина.

Каждую весну осетроводческие пункты выпускали в реки десятки миллионов выведенных из икры личинок.

Вначале работали только с осетрами и севрюгами и долго не брались за белугу. Не потому, что там есть какие-либо принципиальные трудности, а потому, что эту пятидесятитонную рыбину в руки не возьмешь и через борт в прорезь не перекинешь. Требовались какие-то особые приспособления. Их придумали на Дону, и вместо обычной прорези построили для белуги специальную лодку с окном в борту, с треногой и блоками. Заарканенную белугу вводили внутрь лодки через это окно, а для осмотров и для выемки икры — поднимали на блоках. Гипофизарная инъекция дала результат, икра и молоки дозрели. В мае 1949 года в Рогожкине на Дону впервые были искусственно выведены из икры белужата.

В тот же день сотрудница ВНИРО Ольга Леонтьевна Гордиенко отвезла 1800 белужат на самолёте в Саратов и выращивала их там в аквариумах, где мне и случилось увидеть этих хищников, начинающих пожирать друг друга, когда им во-время не дают корма.

В следующем году белужат вывели и на Волге, на Краснознамённой тоне, но их там не выращивали. Сезонные осетроводческие пункты на прорезях работают довольно-таки кустарно. Их работа заканчивается выпуском в реку однодневных личинок. Выращивать их негде. Осетроводческие пункты не могут даже проверить качество выпускаемой продукции.

Куринская станция с её бассейнами, приспособленными для выращивания молоди, оставалась единственной экспериментальной базой и была попрежнему центром научно-исследовательской работы в осетроводстве.

11. „Без спора скоро, да не споро“.

Николай Львович Гербильский до начала своей научной деятельности в гистологии лет шесть преподавал естествознание в средней школе, и он сам считает школьную работу хорошей подготовкой для всей своей последующей деятельности. Там, по его словам, лучше всего оттачиваются педагогические способности и умение организовывать коллективы молодёжи.

В Ленинградском университете Гербильский очень быстро сумел собрать вокруг себя замечательный коллектив молодых исследователей, организовал лабораторию основ рыбоводства и стал главой школы «гипофизарников». Метод гипофизарных инъекций получил теоретическое обоснование благодаря детальному изучению процесса созревания икры у гипофизированных рыб.

Успех был полный. Казалось, все вопросы получения зрелой икры осетров в низовьях рек решены разом и навсегда с большой выгодой для производства.

Но в это время Державин продолжал упрямо твердить:

— Нет, гипофизарная инъекция не решает вопроса. Надо осетров отсаживать в водоёмы и выдерживать для созревания икры. Инъекция не может изменить и заменить собою очень сложную и очень стойкую систему взаимодействия между организмом и средой.

Началась полемика между Державиным и Гербильским, длившаяся двенадцать лет и ставшая притчей во языцех. У многих рыбододов-производственников на всех осетровых реках сложилось мнение, что вся эта полемика переросла в личное соперничество.

Великий умелец обращаться с осетрами, Мирза Гусейнов сокрушался.

— Перестали бы спорить Державин с Гербильским, подали бы друг другу руки да работали бы вместе. Какая бы польза была для дела!

Людам казалось, что Мирза Гусейнов говорит так только по недостатку учёности. Пусть Мирза — знаток осетров и пусть никто из учёных не сумеет без него правильно отобрать на тоне из промысловой рыбы производителей именно в четвёртой стадии, но ведь Мирза «только практик». Где ему разбираться в сложных теоретических разногласиях! И ему ли судить, что в науке примиримо и что непримиримо!

Но прав оказался не кто иной, а именно Мирза Гусейнов.

В 1950 году Н. Л. Гербильский удивил многих сторонних наблюдателей крутым поворотом в методах своей работы: возглавляемый им коллектив учёных перешёл на новые формы работы, объединив оба метода. Производители сначала выдерживались, а потом уже подвергались гипофизации.

Произошло это потому, что выдвинулись новые, не учитывавшиеся прежде соображения. Перед осетроводством встали новые, расширенные задачи, и тут оказалось, что хотя гипофизарная инъекция обеспечивает масштабы осетроводства количественно, но не обеспечивает качественно.

Как уже было сказано, впрыскивание гипофиза оказывает действие только на осетров с икрой в четвёртой стадии созревания. Поэтому при гипофизарном методе на всех советских реках искусственно разводились только ранние яровые осетры, входящие в реки с достаточно зрелой икрой. С поздними яровыми и с озимыми осетрами, составляющими большинство стада, работать было бесполезно: никакая инъекция не могла действовать на их совершенно незрелую икру.

При таком методе работы всё будущее осетровое стадо состояло бы из одной разновидности осетров. А это подтачивало бы жизнеспособность будущего стада. Потому что в природе существование нескольких внутривидовых групп при постоянном скрещивании между ними как нельзя лучше способствует всесторонней приспособляемости вида к разнообразным условиям и служит основой его жизнестойкости.

Освоить разведение озимой группы удалось путём отсадки осетров в водоём с осени и выдерживания их в течение целой зимы. К весне они достаточно созревали и были пригодны к гипофизации.

Поздних яровых отсаживали весной и держали всё лето, осенью гипофизировали, получали зрелую икру.

Задача выдерживания производителей теперь скромнее той, какую ставил в своё время Державин. Вовсе не обязательно ждать, когда рыбы дойдут до полной зрелости и сами начнут нереститься. Достаточно рыбе дозреть только до четвёртой стадии, а затем можно путём гипофизации перевести её в пятую, нерестовую, стадию в те сроки, какие нужны для производства. Если ждать, когда рыбы сами начнут, то может случиться, что в одни периоды инкубаторий будет подолгу простаивать без работы из-за отсутствия икры а в другие, когда разом созреет много рыб, не сможет принять всю икру, и она пропадёт. Вот какие удобства и выгоды даёт комбинированный способ, основанный на методах и Державина и Гербильского.

Над практическим осуществлением перехода на новые формы работы много потрудился один из учеников профессора Гербильского, кандидат биологических наук Борис Николаевич Казанский.

В декабре 1951 года в Москве состоялась созданная Академией наук и министерством всесоюзная конференция по рыбным запасам.

Конференция рекомендовала оба метода: выдерживание с последующей гипофизацией и выдерживание до полного вызревания без гипофизации.

В перерыве между заседаниями я подошёл к Державину.

— Теперь вы снова займётесь выдерживанием?

Он ответил неохотно:

— Вообще-то люди, конечно, важнее осетров, но в данном случае имеют значение только осетры. Важно, чтобы их отсаживали и выдерживали. А кто — это неважно. — И, вдруг просияв, заговорил с увлечением: — Дожили голубчики от мезозойской эры до советской власти, теперь доживут и до коммунизма. И ещё больше их станет, потому что кормовые запасы Каспия позволяют увеличить стадо в два-три раза. Но надо

ещё над этим поработать. Наука требует большой работы. А не так, чтобы брать что полегче да поскорее.

Ошиблись те, кто усматривал в двенадцатилетней полемике своекорыстные мотивы личного соперничества. Были у Державина реальные поводы для спора. И изменил же Гербильский свою линию, когда в поле зрения вошли новые, не учитывавшиеся прежде факторы. Уступил без всякого нажима со стороны и без боязни, что уступкой он может уронить своё достоинство.

Оба они энтузиасты своего дела. Оттого и разгораются у них жаркие споры.

Сил своих для работы никто из них не шадит. Весенний осетроводный сезон — всё равно что страдная пора. В окнах лабораторий не гаснет по ночам свет. Прилягут рыбоводы ненадолго отдохнуть и снова поднимаются на работу: живая природа не считается с привычными людям расписаниями.

— В два часа ночи надо взять пробу.

— В три часа начнём эксперимент.

— Спать будем в Москве.

Вспоминается такой случай. Однажды отбирали производителей на тоне «Первый маяк». Наполнили севрюгами прорезь и поехали на моторке для исследовательской работы дальше, к взморью, а на прорези оставили мастера-рыбовода Мирзу Гусейнова: должен был вскоре прийти баркас и отбуксировать прорезь на станцию. Но так случилось, что баркас не пришёл. На вторые сутки вернулись мы со взморья и увидели у берега на прежнем месте прорезь и на ней Мирзу Гусейнова. Комары его всего изъели, и не только нет у него никакой пищи, но и табак вчера кончился. И всё-таки Мирза на берег не сошёл и не оставил прорезь без наблюдения. Да и как он мог поступить иначе? Ведь в прорези находились производители, а это несравнимо больше, чем простые севрюги.

12. Тайна осетровых ноздрей.

То, что не из-за личного соперничества происходят споры, видно из другой дискуссии

Подвергался сомнению державинский метод инкубации осетровой икры, предпринимались попытки заменить его иным способом. Возник спор. Но сам Державин не принял в нём участия. С упорством защищая метод выдерживания производителей, он в те же самые годы не сказал ни одного слова в защиту своего метода инкубации икры. С интересом следил за работой, беспристрастно ждал результатов, но как бы со стороны, словно не его метод подвергался пересмотру.

И тут видна справедливость слов Державина о том, что советскому учёному ничего не нужно, кроме истины.

Началось с осетровых ноздрей. Эти ненормальности в строении тела заметны и невооружённым глазом. Обнаружил их у некоторых осетрят работник Института морфологии животных Академии наук СССР И. А. Садов.

У осетровых рыб ноздри бывают разделены перегородками надвое, и выглядит это так, будто у них с каждой стороны по две ноздри, а всего с обеих сторон — четыре. Но у искусственных осетрят иногда встречаются ноздри без перегородок, непомерно большие. Стало быть, такие осетрята — уродцы, брак производства. И они встречаются в заметном проценте.

— У взрослых естественных осетров тоже встречаются такие ноздри, — утверждают рыбаки и рыбоводы.

— У естественных очень редко, — возражает Садов, — а у искусственных, к сожалению, часто.

— Какое же это может иметь значение? — удивляются рыбаки. — Сам же ты, Иван Александрович, видел, как позавчера на «Первом маяке» поймали осетра с тремя ноздрями и одним глазом, и дал тот одноглазый осетр одиннадцать килограмм икры. Побольше бы таких одноглазых! Пустое! Никакой роли ноздри не играют.

Но Садов считает, что не пустое и что ноздри роль играют. Да уродства и не сво-

дятся только к ненормальностям в строении ноздрей. Встречаются ещё искривления позвоночника, сутулость, укороченное рыльце, несимметричное строение тела. Случаются изъяны в строении внутренних органов. Можно предполагать, что уродцы не обладают достаточной жизнеспособностью.

Зачатки будущих ненормальностей в строении тела намечаются ещё в процессе инкубации икры. Они выявляются в неправильном дроблении икринок.

Вскоре после оплодотворения икринка начинает дробиться на части и под микроскопом становится похожей на футбольный мяч, исполосованный швами. Сначала икринка делится бороздой на две части, потом на четыре, восемь и так далее. Число частей неизменно бывает чётным, а доли — одинаковыми. Но некоторые икринки дробятся иначе. Они делятся на пять, на девять частей; части неодинаковы. В такой икринке лежит какое-то порочное начало. Из неё всегда выходит уродец.

Уже много лет Садов пытается разгадать и устранить причины неправильного дробления икры и ненормальностей в строении тела осетрят, ликвидировать брак в осетроводстве. Перебрал много причин — не подходят; остановился наконец на одной и пришёл к предположению, что причина заключается в несовершенствах метода искусственной инкубации осетровой икры.

У себя в лаборатории Садов показывает сосуд, наполненный свежей икрой. На верхушке каждой икринки виднеется белёсое пятнышко, и от этих светлых пятнышек вся икра кажется серой. Учёный перемешивает икру лопаткой. Светлые точки исчезают, икра становится чёрной. Но через некоторое время на каждой икринке снова появляется светлая точка и вся икра снова сереет.

— Видите? Икринка вращается внутри своей оболочки, — говорит учёный. — Светлая точка — жизненный полюс; из него и развивается тело будущей рыбки. Вся остальная часть икринки — только кладовая с продовольствием. И, вы видите, самой природой предназначено жизненному полюсу находиться сверху. При естественном нересте икринка, приклеившаяся к подводным камням, лежит неподвижно, и её жизненный полюс всегда находится наверху. А в существующих инкубационных аппаратах икра всё время переворачивается. Да, кроме того, икринки могут ударяться о стенки аппарата, ушибаться.

Несколько лет Садов придумывал сеялку. Она должна высевать неотмытую икру по дну бассейна. Икринки будут приклеиваться и лежать неподвижно. Светлые пятнышки у них всегда станут смотреть вверх. Всё будет точь-в-точь, как на тех камушках, которые вытаскивала с речного дна Лидия Алявдина.

Так иногда случается: теоретически словно бы верно, а на практике не получается, и никак нельзя отыскать причину неудачи. Годы напряжённейшей работы не давали успеха. Сначала капризничала электрическая сеялка. Она вываливала икру комками, комки склеивались, икра задыхалась.

Потом беспорядки в сеялке удалось устранить, икра ложилась ровным слоем, но всё же она погибала. И никак не удавалось открыть причину.

Было это очень обидно. работали целое лето без отдыха, и чего-чего только ни делали, а результата нет. Но Садов упрямо говорил своим помощникам:

— Будет результат!

И снова работали, снова не спали ночей. Садов придумал новую сеялку, на этот раз не электрическую, а ручную. Отказался от бассейнов, построил особой формы лотки с текучей водой. В 1950 году удалось наконец впервые вывести из посеянной в лотке икры живых личинок.

Началась проверка предположений о недостатках и достоинствах различных методов инкубации. Начались споры. Проверкой занялись и другие исследователи. Было много споров между многими людьми. Каков процент уродцев при том и при другом способе инкубации? У Садова одни цифры, у его противников — другие. Что за странность такая? Подчас совмывают они цифры, что ли? Нет, на самом деле так получается. Но почему же? Да потому, что процент уродцев, как впоследствии оказалось, зависит не от одной причины, не только от метода инкубации, а от многих причин.

Исследования сотрудницы Саратовского отделения ВНИРО Е. Б. Заряновой показали, что при равных прочих условиях количество уродцев бывает одинаковым как

при инкубировании отмытой, так и приклеенной икры. Следовательно, причины возникновения уродств осетровой молоди следует искать не в методе инкубации, а в чём-то другом.

Доцент Ленинградского университета Мария Филипповна Вернидуб, опираясь на ряд предыдущих работ учеников Гербильского, установила в 1952 году, что неправильное дробление икринок с последующим возникновением уродств происходит не столько от условий инкубации, сколько от качества икры, закладываемой в инкубационные аппараты.

Получается это вот отчего. Рыбовод разрезает у созревшего после гипофизации осетра живот, берёт разом все килограммы икры до последнего зёрнышка и обливает молотками. При этом оказывается, что часть икры уже перезрела в осетровом теле, часть созрела нормально, а часть ещё не дозрела. Недозревшая икра вовсе не оплодотворяется и даёт отход при инкубации, нормально зрелая оплодотворяется и даёт хороших, здоровых осетрат, а перезрелая тоже оплодотворяется, но при инкубации начинает дробиться неправильно и даёт уродцев.

Никогда не бывает, чтобы вся икра созрела ровно. Всегда наряду с незрелой ещё икрой есть уже перезревшая. Если рыбовод разрежет осетра и возьмёт икру слишком рано — перезревшей икры бывает ещё мало, но много незрелой. Если же он запоздает вскрыть осетра — перезревшей икры оказывается уже много; в конце концов может перезреть вся икра и дать уродцев. Отсюда и происходят колебания процента уродцев. Задача рыбовода заключается в том, чтобы взять икру в наиболее выгодный момент.

Возможны два объяснения. В природе при естественном нересте постепенно созревающая икра вымётывается по мере созревания, и нерест продолжается, по видимому, около суток. Икра никак не может перезреть, потому что не задерживается в теле рыбы.

Возможно и другое — неблагоприятное действие гипофизарной инъекции. Инъекция как сильно действующее средство весьма ускоряет созревание икры. Но не может же раз начавшийся процесс внезапно остановиться без всякой причины на желательной для рыбоводов точке. Это просто противоречило бы логике вещей. Нет, он продолжается так же быстро и даёт столь же молниеносное перезревание, каким было созревание. Возможно, что в естественных условиях процессы текут в ином темпе.

Чтобы точно установить истинную причину, надо было изучить процессы созревания и перезревания икры у осетра в естественных условиях. Но в течение долгого периода учёные работали только с гипофизированными осетрами. Сравнить было не с чем.

В 1952 году Садов, прихватив с собой всю аппаратуру, какую удалось погрузить на трёхтонку, выехал в Мингечаур для работы с естественно созревшими осетрами на нерестилищах. Но в Мингечауре полным ходом шла стройка, и Садову не удалось достать там производителей.

В 1953 году вступает в действие новый Куринский производственно-экспериментальный осетроводный завод вместо прежней станции, часть территории которой уже смыта буйной куринской водой. Вводятся в действие специальные водоёмы для выдерживания производителей. Осетров можно теперь выдерживать до полного созревания, и можно будет произвести сравнение и решить проблему. Тайна осетровых ноздрей будет раскрыта.

13. Трудности роста.

На взморье ловили молодых сомят, их много попадалось в волокушу. Когда одному сомёнку вспороти желудок — туго набитый мешок, несоразмерно огромный для величины самого сома, — оттуда посыпались маленькие рыбки.

У куринских лягушек животы тоже набиты мельчайшими молоденькими рыбками. И какого хищника ни взрезать, всегда это похоже на откупоривание банки с кильками.

Из осетровой икры выходят в инкубатории маленькие, слабенькие личинки. Не рыбки, а червячки, без рта и без плавников. Один сантиметр — вот величина новорожденного осетрёнка. Любая встречающаяся тварь его заглотит. Не только лягушки или ерши, а даже водяные жуки и личинки обыкновенной попрыгуньи-стрекозы питаются мелкими рыбками.

Осетроводные пункты выпускают ежегодно многие миллионы выведенных из икры осетровых и севрюжых личинок, но результаты это даёт весьма малые. Не может похвастаться результатами и Волховский завод, выпускающий миллионы сиговых личинок: стадо сигов поддерживается на уровне всего лишь пятисот штук.

Профессор Мосрыбвтуза Борис Исифович Черфас производил эксперименты. Он сажал карпиков разного возраста в пруд, населённый всякими рыбами и прочими живыми существами вплоть до лягушек, и пришел к неоспоримому выводу, что самым опасным периодом для молоди являются первые десять дней жизни. А потом опасность уменьшается с каждым днём. Если в пруд посадить оплодотворённую икру или однодневных личинок, то до взрослой стадии выживает одна из двадцати пяти тысяч. Если посадить десятидневных карпиков, то выживает один из семи тысяч. А если посадить в тот же пруд месячных, то выживает одна рыбка из двухсот тридцати.

В реке и в море условия примерно те же.

— Когда я выпускал в Куру первый миллион выведенных личинок, — рассказывает Державин, — казалось мне тогда, что я ось земную перевернул и весь Каспий густо заселил осетрами. Ну, а на самом-то деле пустил я их на гибель. Надо выращивать! Если вырастить осетрёнка до десяти сантиметров длины и тогда только пустить в реку, он станет неуязвим для многих прежних врагов. Можно рассчитывать, что из сотни выращенных осетрят погибнет в течение десятка лет девяносто семь штук, а три вернутся в Куру взрослыми рыбами. Каждый миллион выращенной молоди может дать тридцать тысяч взрослых осетров.

Эти расчёты пока сугубо ориентировочны, но они имеют под собой почву.

На Дальнем Востоке вырастили молодь кеты, подрезали у каждой рыбки жаберную крышку и выпустили этих приметных рыбок в реку. Впоследствии кета, став взрослой, вернулась с моря в ту же реку, и не менее одного процента выпущенной кеты с подрезанной жаберной крышкой попало в сети рыбаков. Опыт повторили, и опять поймали не менее одного процента. Но не все же были пойманы, да и не все пойманные учтены. Поэтому расчёт Державина на возврат трёх процентов не так уж далёк от истины.

Но пусть даже не три, пусть один процент, это тоже неплохо. Даже один процент делает вполне реальным план будущего увеличения каспийского осетрового стада вдвое-втрое.

Потому и построены на берегу Куры ряды бассейнов с журчащими трубками. Их построил профессор Державин, и они предназначены для экспериментов по выращиванию осетровой молоди. Нигде, кроме Курь, таких бассейнов пока нет. Потому и приезжают в конце марта на Куру учёные из Москвы, Ленинграда, Саратова, Баку.

А вот другие бассейны, без журчащих трубок и без осетрят, но тоже наполненные жизнью. В освещённой солнцем стоячей воде кружатся рои движущихся светлых точек. Такое их великое множество, что вода загустела.

Ирина Богатова вычерпывает эти точки марлевым сачком в стеклянную банку, и они оказываются дафниями — мельчайшими рачками, живущими в толще воды.

Подходит Державин:

— Ирина Борисовна, вы не можете сегодня дать мне грамм на триста больше обычной порции?

Дафнии — великолепный корм для молодых осетрят на первых порах, пока они питаются мелкими организмами, плавающими в толще воды. Подросшим осетрятам, собирающим пищу со дна бассейна, нужны ползающие по дну червячки.

Осетрят надо кормить. Проблема кормов имеет в осетроводстве такое же важное значение, как и во всяком животноводстве. Надо было найти самые выгодные пищевые вещества, сытные, полезные для здоровья, недорогие.

Более всего полезен осетрятам живой корм, аналогичный тому, каким питается рыба молодь в естественном состоянии. Надо было подыскать наиболее подходящих мельчайших живых букашек и найти удобные и недорогие способы массового их разведения. Над этим делом работали сотрудники Саратовского отделения ВНИРО.

Придумали для осетрят замечательную пищу: мелких белых червячков — олигохет. Производство очень дешево, потому что пищей для червячков могут служить испорченные овощи и картофель, а процесс производства рационализирован. Кажется, например, невероятно трудным и дорогим делом отобрать червячков из земли. А никаких трудностей нет. Достаточно поставить плоский ящик под лампочку с отражателем. Червячки не переносят нагревания и моментально уползают на дно. После этого ящик опрокидывают, встряхивают землю, а червячки остаются на дне комками белой массы, похожей на тёртый хрен. Они крошечные, что и делает их доступными для молоденьких осетрят.

Олигохет бросают в бассейны с осетрятами. Осетрёнок подплывает к кучке червячков, и движения его становятся суетливыми. Сначала он приостанавливается, потом делает молниеносный бросок вперёд и быстро отскакивает в сторону, а изо рта у него торчит беленькой ниточкой червячок: поохотился и улизнул, как бы не нарваться на опасность.

К сожалению, олигохеты содержат маловато минеральных веществ, и, если осетрят кормить одними только олигохетами, у них будет недостаточное количество гемоглобина в крови. Поэтому осетрятам, выкармливаемым олигохетами, надо давать добавочный корм.

Саратовец А. С. Константинов освоил в промышленных масштабах искусственное разведение личинок комара хиरोномуса. Это не тот злой комар, от которого на Куру нет человеку житья. Совсем другой. Маленький, с тоненьким туловищем, с пушистыми усиками. Безобидный, никогда не лезет к человеку и не кусается. Его личинки — красненькие червячки, известные под именем мотыля. Они являются всесторонне полноценным кормом для рыб и продаются в зоологических магазинах. Но в магазинах продаётся естественный мотыль, вычерпанный из озёр; его очень мало, и он очень дорог. Искусственно его до Константинова никто не разводил, хотя попытки были.

А Константинову удалось. У него круглый год жужжит под потолком «маточное стадо», кладёт яички. И не куда попало, а на кинематографическую плёнку в отведённых для этой цели местах. Яички склеены вместе и образуют маленькую пружинку. Комаровод (вот какая появилась странная специальность!) ловко снимает пружинки с киноплёнки и перекладывает их в противни с серым речным илом. Пищей мотылю служат кормовые дрожжи. Производство их тоже рационализировано, даёт большой выпуск продукции и тоже дешево стоит.

Разводить комаров, казалось бы, смешно. Но это очень важная составная часть решения вопроса о дальнейшем существовании осетров.

За развитием осетрят внимательно наблюдают. Вылавливают из бассейнов определённое число их и начинают измерять и взвешивать. Кладут пинцетом на чашечку весов, а потом начинают накладывать крохотные гирьки. Радуются каждой лишней положенной гирьке: растут, тяжелеют! Ощупывают гранёное, отороченное белыми костяшками серенькое тельце и приходят в восторг:

— Какие шершавые стали да колючие! Теперь их и хищники станут в рот брать неохотно.

Закончив счёт, измерение и взвешивание всей партии, начинают гистологические исследования тканей. Морфологи изучают формирование и развитие органов, физиологи исследуют их жизнедеятельность, состав крови, обмен веществ. Вот здесь и выясняется влияние тех или иных условий жизни, качество различных кормов.

В задачи Журинской станции вовсе не входило выпустить в Куру наибольшее количество подросшей молодежи; задача стояла пока иная — найти наилучшие методы разведения рыбы. Эти методы должны лечь в основу работы новых мощных производственных заводов, которые станут выпускать миллионы подросшей и окрепшей

молоди севрюги, белуги и осетра. Куринская станция была не заводом, а лабораторией, разрабатывавшей проект будущих заводов.

Осетрята быстро растут, и к концу второго месяца жизни их можно выпускать на волю. Теперь их жизнеспособность возросла. Они сейчас крупнее ростом многих былых своих врагов.

Отход осетрят во время выращивания в бассейнах составляет в среднем около десяти процентов. Погибают наиболее слабые и в первую очередь уродцы, послужившие толчком для работ Садова. Жалеть о их гибели не приходится, наоборот — всё равно надо было выбраковывать.

Когда осетрята проведут через ранние, опасные стадии развития, дальше им уже ничто не страшно.

С профессором Державиным мы сидим на бетонном борту обычного бассейна для молоди. На Куре такой обычай: присаживаться для беседы на край бассейнов и даже пить там чай. Бассейны стоят под навесами, и тут прохладно, а другой тени на Куре не сыщешь. Бассейн до краёв наполнен белёсой куринской водой. Есть ли что внутри живое? В мути не рассмотришь. Мы беседуем о судьбах осетрового племени. И вдруг сзади раздался громкий всплеск, вода в бассейне взбурлила, и я неожиданно попал под незрядный душ.

— Мои взрослые питомцы играют, — сказал учёный. — Несколько штук из первого выпуска оставил. Им теперь уже по пятнадцати лет. Конечно, они похожи на львят, родившихся в зоопарке и ничего не видавших, кроме своей клетки, — жизненные навыки уже не те. Но на их примере видна жизнеспособность искусственно разводимых осетров. Другие, выпущенные в реку, плавают сейчас где-то в Каспии и приходят к куринским рыбацким тоням метать икру.

Родных братьев этих осетров Москва видала в 1939—1940 годах. Они тогда были годовальными и двухгодовалыми. Их показывали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в павильоне Азербайджана.

14. Новые проблемы, новые решения.

Старый сторож Али-ага Чафаров, коротая над прудами иссиня-чёрную с крупными звёздами ночь, рассуждает:

— Вот тут у нас занимаются профессора академии и кандидаты разных докторских наук. Ой, мудрят!

— Чем же мудрят, Али?

— Придумывают всякое, каждый год по-разному. Червей теперь начали разводить.

Услышанное впервые от старого сторожа мнение, что учёные «мудрят», мне потом пришлось многократно слышать от рыбоводов-производственников в разных уголках Советского Союза и от видных работников Главрыбвода:

— Мудрят учёные, а надо всё делать проще, легче, удобнее для производства. В чём сила методов Гербильского? В том, что они удобны для производства. Гербильский рассуждает как производственник. Все остальные — кабинетные люди. То, что они придумывают, нам не годится.

Учёные отвечают:

— Привыкли они выполнять план выпуска личинок в миллионах без какой бы то ни было возможности проверить окончательные результаты работы. Им бы только полегче.

Всё это далеко не случайно.

Нарождается и вот-вот должен произойти грандиозный переворот в рыбном хозяйстве. В новых условиях существующее до сих пор прежнее, зачаточное рыбоводство, примитивное и кустарное, ограничивающее свои задачи выпуском личинок, не может выполнить своих задач и должно уступить место крупному индустриализированному рыборазведению.

Переворот в методах рыбоводства требует и перелома в сознании людей, занятых этой отраслью хозяйства. Они должны перестать мыслить прежними мерками и перейти к новым масштабам. А привычки ведь сильны.

Никогда ещё новое не побеждало без борьбы со старым. Чудес не бывает. Борьба неизбежна.

Создателям нового рыбоводства, отыскивающим пути управления жизненными процессами в икринке и в маленьком тельце осетрѐнка, приходится преодолевать не только сопротивление биологического материала, но и сопротивление косного, консервативного мышления.

В молодом, нарождающемся рыбоводстве в последние годы, пожалуй, велось больше споров, чем в какой-либо другой отрасли научной деятельности. Споры ведутся главным образом в плоскости экономической: какой метод обойдётся дороже и какой дешевле? Что выгоднее, что надёжнее?

Несколько групп учёных, в том числе группа ВНИРО под руководством профессора Николая Ивановича Кожина, вели разработку методов выращивания осетрят и севрюжат в бассейнах. Достигнуты хорошие результаты. Но рыбоводы-производственники не в восторге от бассейнов. Перспектива постройки больших заводов с огромным количеством бассейнов и с новой техникой их пугала:

— Сколько бассейнов надо построить, сколько рыбоводов к ним приставить, сколько будет трубок, сколько слесарей надо держать для ремонта! Во что это обойдётся?

— Нам ли в наш индустриальный век бояться бетона, трубок, всяких механизмов и электричества? — настаивал Державин.

Но производственники оставались глухи и желали устроить всё легче и проще:

— Почему бы, например, не выращивать осетрят в прудах, подобно карпу и другим рыбам? Не надо никакого оборудования и не надо заботиться о корме: корм в прудах готовый, естественный, а для увеличения его запасов пруды можно удобрять. Пруды можно разогнать на сотни гектаров. Содержание их стоит дёшево.

Державин упрямо стоял на своём:

— Что дешевле: пахать землю деревянной сохой или металлическим трактором? На первый взгляд соха дешевле — ничего для неё не требуется, кроме куска дерева да сивки, а для трактора нужен металл, горючее, машиностроительные заводы, механики. Но, если учесть конечный результат, тракторная обработка земли куда выгоднее. Волховский сиговый завод тоже дешёв, а сигов даёт пятьсот штук. При дешёвом заводе дороговато обходятся сижки.

Производственники махнули на учёных рукой:

— Мудрят! Станем придумывать сами.

Ещё в 1938 году рыбовод Астраханского союза рыбацких колхозов Николай Моисеевич Токарев посадил в пруд двести тысяч осетровых личинок. И выросли. В 1939 году токаревских осетрят тоже показывали в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в павильоне рыбного хозяйства. Хорошие были осетрята — прыткие и юркие.

В тот год все радовались успеху Токарева. А сейчас трудно даже сказать, был ли то успех или неуспех. Дело в том, что у Токарева из двухсот тысяч пущенных в пруд личинок уцелело и выросло всего тысяча семьсот пятьдесят, меньше одного процента, а сто девяносто восемь тысяч исчезли без всякого следа. В бассейнах получилось бы иначе.

В 1949 году, убедившись в том, что однодневную личинку опасно пускать в пруд, Токарев стал сажать осетрят сначала в бочки, а свежую воду за неимением механической подачи воды приходилось подливать ковшиком. Личинки девять суток не нуждаются в пище: у них есть запас пищи в виде желточного мешка, он служит источником питания. На девятые сутки запас провианта иссякает, личинка превращается в малька и нуждается уже во внешней пище. И тогда приходилось выпускать мальков в пруд.

Но оказалось, что пускать в пруд на девятые сутки тоже рано. Процесс перехода на внешнее питание является одним из самых трудных периодов в жизни осетрѐнка. Именно в этот критический период осетрята особо нуждаются в помощи и уходе. Надо облегчить им отыскивание пищи и надо держать в защищённом безопасном месте хотя бы ещё одну недельку. А это невозможно без бассейнов, без заготовки кормов. **Словом, необходим завод с бассейнами, с кормокухней, с разведением комаров.**

С 1949 года Токарев работу прекратил. Но его опыт имеет важное значение. Начав с отрицания индустриализированного рыбоводства, колхозный рыбовод через двенадцать лет пришёл к признанию необходимости того, что вначале отрицал.

Но рыбоводам старого закала был попрежнему люб прудовой метод. Уж слишком заманчива перспектива получить результат без сложного оборудования, без больших капиталовложений, без заготовки кормов! На такой точке зрения стоял и Главрыбвод. Профессор Гербильский взялся в 1948 году за разработку прудового метода. На Куринской станции выкопали пруды, пустили в них молодь.

Коллективу лаборатории Гербильского пришлось преодолеть множество трудностей. Иногда в прудовой воде критически падало содержание кислорода, и осетрятам становилось трудно дышать. Кислородный режим исправить можно, начинали сильнее качать трактором свежую воду из Куры, и содержание кислорода повышалось. Но куринская вода вымывала из пруда корм, и осетрятам становилось голодно.

Когда вода под жарким азербайджанским солнцем нагревалась до тридцати градусов, осетрятам тоже становилось не по себе. И тут им помочь трудно. Единственный выход — начинать выращивание как можно раньше и заканчивать его до наступления большой жары.

— Ну, вот видите, — говорил Державин, — насколько лучше работать с бассейнами! Они накрыты навесами, и вода в них не нагревается от солнца. Пруды же навесом не накроешь. В бассейн можно положить любое количество кормов, легко поддерживать кислородный режим. Не страшны никакие каверзы погоды. Можно работать не только целое лето, но при необходимости и круглый год, построив вокруг бассейна тепляк. Только в бассейнах можно управлять жизнью наших питомцев. А ведь идеалом всякого животноводства является максимум разумного вмешательства человека.

Но Гербильский располагал очень веским аргументом:

— Надо сделать так, чтобы осетрёнок обходился не в рубль, а в несколько копеек.

Работникам лаборатории Гербильского удалось в первый же год достигнуть большого успеха. Выжило двадцать два процента посаженных в пруд осетряток и семнадцать процентов севрюжат. С такой выживаемостью уже можно работать. Прудовой метод встал рядом с бассейновым.

В следующем году на Куру выкопали новые пруды и расширили масштаб работы. Успех, казалось, был обеспечен. Но почти вся посаженная в пруды молодь погибла, выжили какие-то тысячные доли процента.

Отнесли гибель осетряток к случайным причинам, продолжали работу с ещё большим рвением и достигли блестящего успеха: выжило сорок восемь процентов, и осетрята получились сытенькие, хорошего роста и веса. По своему физическому состоянию они стояли выше бассейновых. И они, повидимому, более приспособлены к дальнейшей жизненной борьбе, чем бассейновые питомцы с их привычкой получать готовые «завтраки» и «обеда».

Довели выживаемость до пятидесяти семи процентов.

А в следующем году молодь опять погибла.

Вот какие были радости и какие печали. С одной стороны — успех, с другой стороны — провал. В одни годы осетрёнок обходится в несколько копеек, в другие — в несколько сот рублей. И тут уж не только в расходах дело — страшна гибель целого поколения: через двенадцать-четырнадцать лет некому будет прийти в реку.

Противоречивые факты дали почву для острейших споров. От исхода споров зависело проектирование осетроводческих заводов. Как их строить? С прудами или с бассейнами? А заводы уже нужны дозарезу.

Путь к ликвидации спора ещё раньше указывал профессор Б. И. Черфас, и на этот путь встал профессор Н. И. Кожин. Он заявил:

— Надо из каждого метода взять его выгоды и отбросить недостатки. Если подойти к проблеме с точки зрения теории стадийного развития организма, глупо пускаться в пруды слабую личинку. Надо держать её в бассейне, беречь, кормить, защищать. А когда личинка вырастет и превратится в малька, держать его в бас-

сейне — лишнее. Пусть окрепший малёк идёт в просторный пруд и сам отыскивает себе пищу. Получится и безопасно и недорого: достигается большая экономия в производстве корма и мало надо строить бассейнов.

Сторонним наблюдателям пусть не кажется, что тут была объявлена ничья в споре двух методов. Нет, это синтез. При ничьей велось бы параллельное выращивание обоими методами, а здесь они заняли каждый своё место в одном и том же процессе, получив новое качество.

В 1952 году Кожин практически осуществил этот комбинированный метод. Сотрудницы его лаборатории Ирина Вельтишева и Ольга Гордиенко сначала выращивали осетрят в бассейнах двадцать три дня, а когда осетрята научились брать пищу, окрепли и подросли, выпустили их в пруды. Выжило девяносто процентов.

Комбинированный метод ляжет в основу работы будущих заводов. Они запроектированы и с бассейнами и с прудами.

Вообще теперь вынесены решения по всем спорным вопросам. Важное значение имели всесоюзная конференция 1951 года и образование в составе бывшего Министерства рыбной промышленности специального технического совета по рыбоводству. За учёными сохранено право самого широкого экспериментирования, но ни один метод не может применяться в промышленном производстве без одобрения технического совета. Участие авторитетнейших специалистов в работе совета обеспечивает правильные решения.

Теперь уже ясно, какими должны быть будущие заводы, их проекты разработаны, надо только поскорее строить.

А научные искания не прекратятся, наука не может остановиться в своём развитии. Всё время возникают и будут возникать новые проблемы.

На Куре в этом году закончен строительством и пущен в действие новый производственно-экспериментальный завод. Основная его задача — продолжать научную работу, но он в то же время имеет производственный план и должен ежегодно выпускать в Куре полмиллиона молоденьких осетров.

На Волге начинается строительство крупного производственно-экспериментального завода недалеко от Астрахани. Он станет работать не с одними осетрами, а со всеми волго-каспийскими рыбами.

15. Лосось, сельдь, белорыбца.

Надо рассказать коротко и о том, как станут разводить рыб других пород. Ведь каждая рыба размножается по-своему.

На тоне «Первый маяк» подходит к берегу невод. В сжимающемся кольце сети бьются, разбрызгивая воду, метровые серебряные лососи.

Выловленных рыб опускают в наполненную водой баржу — прорезь. Впрягается буксир, начинает стучать мотором и буксирует прорезь вверх по Куре. На этот раз он проходит мимо осетрового завода, мимо комбината имени Кирова и направляется в дальний рейс Проходит Сальяны, Зардоб. Стучит мотором сутки, вторые, приближается к Евлаху.

На пристани лососей перегружают из прорези в наполненные водой кузова автомашин. Машины идут в горы, поднимаются всё выше и выше.

На высоте в полторы тысячи метров природа уже другая: темнеют леса, осколком стекла вкраплено в горы светлое озеро Гек-Гель, из него бежит речка. Тут построен Чайкендский лососевый завод.

Лососей пускают в садки с чистой холодной водой горной речки. А потом у них берут созревшую икру, оплодотворяют и на всю зиму кладут в инкубационные аппараты. Весной выклевываются рыбки.

Драгоценный куринский лосось привык нереститься на горах, и к тому у него есть причины.

Всякий знает, конечно, крупную оранжевую кетовую икру. Такая же примерно икра и у куринского лососа. У этой крупной икринки на один миллиметр объёма приходится один миллиметр поверхности, ей вдвое труднее дышать, чем осетровой икре.

Для её развития нужна холодная и чистая, как кристалл, вода истоков горных рек. Поэтому лосося нельзя искусственно разводить в низовьях Куры. Тёплая и мутная курунская вода не подходит ни для инкубации лососевой икры, ни для выращивания молоди, ни для выдерживания взрослых производителей.

Осетры, отсаженные в водоёмы, созревают в низовьях Куры, потому что находятся в воде, пригодной для их нереста. Лососи не созревают — вода не годится для нереста, и тут не может помочь никакая гипофизарная инъекция.

Лососевые заводы можно строить только на горных речках. Прежде лососи ходили туда сами, теперь приходится их возить. Вовсе не обязательно везти в те самые реки, где они нерестились прежде, — можно выбрать речки и поближе, но того же характера. Так и поступили, избрав Чайкенд местом для постройки лососевого завода. Он находится в районе Кировабада.

Никаких трудностей при инкубации лососевой икры и при выращивании молоди не ощущается. Дело идёт хорошо, нет почвы для споров.

Но одного Чайкендского завода, конечно, мало; нужны и другие заводы.

Так же, повидимому, будет решена проблема ценнейшей волжской белорыбницы. В Уфе издавна работает завод для искусственного разведения белорыбницы. Без затруднений производится инкубация икры, хорошо выращивается молодь. Зрелую икру до сих пор брали от текущих производителей на реке Уфе, потому что завод находится в районе нерестилищ. Но теперь белорыбнице дорога до Уфы будет закрыта.

Сотрудник ВНИРО А. А. Протасов в этом году посадил в Башмаковке, под Астраханью, в водоём десять белорыбиц. Созреют или не созреют они к поздней осени — пока неизвестно. Белорыбница нуждается для нереста в чистой холодной воде. Если не созреют, придётся белорыбицу возить из Астрахани так же, как возят на Куре лосося. Не обязательно возить в Уфу, можно и ближе, если удастся найти подходящую речку с чистой холодной водой на Средней Волге или пруды с холодными ключами.

Во всяком случае, судьба белорыбницы не внушает опасений. Речь идёт только о наиболее выгодном варианте. Выгоднее, если она станет созревать в Астрахани; дороже и труднее, если придётся возить.

До самого последнего времени оставался неясным вопрос о будущем проходной сельди. Между тем астраханская сельдь по размерам улова, пищевым достоинствам, по удобству для транспорта играет в народном хозяйстве важную роль. В отличие от многих других рыб, теряющих пищевую ценность при засоле, она хороша именно в солёном виде.

Наиболее ценна сельдь-черноспинка. Эта та питанная жиром громадная сельдька в полтора кило весом, которую продают под именем «залом».

Черноспинка формой тела напоминает серебряный острый клинок, приспособленный к тому, чтобы легко резать воду и нестись через весь Каспий и Волгу куда-нибудь к Казани или Горькому. Отдельные экземпляры вылавливались в наши дни даже у Рязани.

Как быстро и дружно несутся её косяки, видно из хода сельдяного промысла на Северном Каспии и в дельте Волги. «Сельдь бежит» — радируют из Дагестана, и начинают готовиться ловцы на подступах к реке. «Сельдь бежит» — радируют с Тюленьего острова и с Чистой банки, и начинают готовиться ловцы на речных тонях. И вот она прибежала; безостановочно тархтят тракторы; невода без усталости вычерпывают сельдь из воды. А дня через три-четыре нет уже в воде ни одной сельдьки — вся пронеслась вверх по Волге.

Икра черноспинки созревает и вымётывается не вся сразу, а двумя-тремя порциями. Созревание икры и нерест продолжают с перерывами около месяца. Икра вымётывается прямо в воду и свободно в ней плавает, пока не выйдут дня через два личинки. Нерест идёт на большом пространстве — начинается от Камышина и продолжается до Камы и Оки. Плотины существенным образом нарушают привычки сельди. Поэтому ещё в тридцатых годах была поставлена задача разработать методы искусственного разведения проходной сельди. Но черноспинка оказалась очень

трудной рыбой. Она пугается всякого пустяка, начинает биться. А строение тела у неё нежное, кожа тонкая, чешуя держится некрепко; возьмёшь в руки — она забьётся, и вся чешуя долой. Пустишь обратно в прорезь, но уже поздно: сельдь впадает в шок и переходит в коматозное состояние и переворачивается вверх брюшком.

Ничего рыбоводы в тридцатых годах не добились и бросили работу. А потом ею никто не занимался, и, когда приступили к сооружению волжских плотин, судьба сельди стала внушать большое беспокойство.

В 1952 году над сельдью одновременно начали работать несколько отрядов гистологов и рыбоводов. В рыбхозе «Батрачок» под Астраханью доцент Ленинградского университета М. Ф. Иванов пытался методом гипофизарной инъекции добыть у черноспинки зрелую икру для инкубации в аппаратах. Но для сельди такая операция, как укол в спинку, оказалась непереносимой без подготовки; все инъекцированные рыбы погибли. После Иванов применил благотворное выдерживание; просидев неделю в водоёме, черноспинки привыкли к неволе и к человеку, не так бурно реагировали на постороннее вмешательство в их жизнь, переносили инъекцию и частично созревали.

Более значительного успеха достиг аспирант ВНИРО комсомолец Чертов, которого в институте частенько зовут не Алексеем Фёдоровичем, а просто Лёшей.

Он работал тоже под Астраханью, в другом, но точно таком же рыбхозе, как Иванов; даже название схоже — «Бирючок». Но работал он другими методами, основанными на изучении свойств сельди, её привычек, её требований к условиям среды. Впрочем, разработка метода принадлежит больше его руководителю — профессору Кожину. Зато практическое осуществление составляет заслугу самого Чертова.

Была поставлена задача — добиться нереста сельди в искусственном водоёме. Задача, казалось бы, невыполнимая, потому что сельдь, как привыкли думать, — рыба капризная, не переносящая неволи, пугливая, вообще трудная. Но Кожин и Чертов пришли к заключению, что черноспинка приспосабливается к изменившимся условиям: значительно быстрее и легче, чем многие другие рыбы.

— Она только нервная, — уверяет Чертов. — Если перевернулась вверх брюшком, это ещё не смерть, а просто обморок. Дайте ей покой — придёт в себя. К ней подход надо иметь!

Подходу к явлениям живой природы Алексей Чертов учился с малых лет, когда занимался ещё в кружке юннатов при Московском зоопарке. И действительно, он умеет обращаться с черноспинкой. У него за всё время работы со стадом сельди не было ни одного случая гибели хотя бы одной селёдки.

В «Бирючке» для заполнения ильменя весенней полой водой прорыт магистральный канал длиной с полкилометра. Весной в дельте Волги вода идёт на подъём месяца полтора, а то и дольше, и всё это время по каналу струится течение из реки в ильмень.

Чертов загородил выходы из канала сетками и посадил в эту искусственную реку полтора десятка самок и двести пятьдесят самцов черноспинки. В первое время сельдь нервничала, ей бы бежать сейчас, бежать вверх по Волге, а тут — вынужденная остановка. Но вскоре рыбы привыкли к новым условиям, обжились, успокоились. Условия в проточном канале ничем существенным не отличались от тех, в каких обычно происходит нерест сельди: та же волжская вода, с той же температурой и тоже течёт в одну сторону.

Начала в селёдках созревать икра. Наступил день, когда сельди сбились в косячки и принялись носиться по каналу с бурлением и всплёсками. В разгаре игры начался нерест.

Так продолжалось около месяца. Течение постепенно втягивало оплодотворённую икру в ильмень. А через два дня из неё выходили личинки.

Когда наступила высшая точка подъёма воды на реке, канал закрыли. Вода на Волге пошла на убыль, а в запертом ильмене оставалась на прежнем уровне.

Во второй половине лета воду из ильменя спустили в реку. Вместе с водой начали скатываться из ильменя молодые рыбки, и среди них оказалось много сельди. Там ещё разводились лещи и сазаны, но сельдь легко можно было отобрать, потому что сазанчик выходит из ильменя последним, а сельдь хотя идёт в одно время с лещом, но лещ скатывается больше днём, а сельдь — вечером и ночью.

Существует аппарат для подсчёта выходящей из рыбхоза молоди. Он насчитал триста тысяч молоденьких селёдок. Они были крепенькие, прыткие и рослые, величиной с хорошую кильку. Чертов, как водится, зафиксировал формалином образцы и привёз в Москву для лабораторного изучения несколько больших стеклянных банок, набитых молодыми селёдками.

Про него шутили:

— Какая у этого Лёши Чертова чертовская удача: единым махом решил все три проблемы — и получение зрелой икры, и её инкубацию, и выращивание молоди.

В нынешнем году Чертов проводит такую же работу в Алтуфьевском рыбхозе и в Танатарке. Оба рыбхоза вместе имеют водную площадь в семьсот гектаров, и там можно вырастить миллион селёдок. Но дело, конечно, не в площади и не в миллионе, а в принципе. Если результат прошлого года не был случайной случайностью, если он повторится и в нынешнем году, проблему размножения сельди-черноспинки можно считать решённой настолько же блестяще, насколько неожиданно пришло её решение. Трудная рыба превратилась в лёгкую. Можно размножить её на десятках тысяч гектаров ильменей, можно выводить многие миллионы штук.

Да кроме того, есть все основания думать, что быстрая на всё селёдка сама сумеет приспособиться к новым условиям после сооружения плотины и найдёт себе место для нереста ниже Сталинграда.

В последние годы иногда поругивают ихтиологов: и медлительны они и спорят до бесконечности. А если оглянуться да вдуматься — какой гигантский сдвиг произошёл! В том возрасте, когда Мефодий Тихий изучал недоеденную древними греками хамсу, Алексей Чертов, вступая в науку, первым своим шагом решает такую важную народнохозяйственную проблему, как спасение каспийской проходной сельди.

Как уже было сказано, в размножении сазана, леща, судака и воблы нет теперь никаких трудностей. Частиковые рыбхозы, чья работа основывалась до сих пор на весеннем разливе и летнем спаде воды, переводятся на механизированное водоснабжение. Воду в ильмени рыбхозов станут накачивать насосами.

16. Ошибки и промахи прежних лет.

Нормальный улов рыбы освобождает нашу страну от ежегодного дополнительного убоя десяти миллионов голов крупного рогатого скота. А для того чтобы иметь возможность убивать десять миллионов голов, надо постоянно содержать и кормить сорок миллионов голов скота: десять миллионов, предназначенных к убою в текущем году, десять миллионов молодняка, идущего на смену, потому что надо обеспечить убой и в будущем году десять миллионов телят для отдалённой смены, да ещё десять миллионов коров для ежегодного рождения телят, иначе ведь весь конвейер остановится. Для содержания же сорока миллионов скота нужно много корма и много земли.

В наших руках есть теперь верные средства спасти рыбу. Но мало знать эти средства — надо не опаздывать с их применением. И тут приходится сказать несколько горьких слов в адрес бывшего Министерства рыбной промышленности.

Выступая на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза, товарищ А. И. Микоян говорил: «Гидростроительство существенно изменяет естественные условия размножения рыб в Каспийском и Азовском морях, выдвигает требование развернуть всю промышленное разведение ценных пород рыб. Поэтому требуется строительство в широких масштабах заводов по рыборазведению и нагульно-выростных хозяйств».

Министерство рыбной промышленности запаздывает, однако, с проведением указанных мероприятий».

Строительство заводов пока ещё не ведётся в достаточно широких масштабах. Значительное опоздание было допущено на Дону. Вот уже две весны донская вода, задержанная Цимлянской плотиной, накапливается в водохранилище. Мало течёт воды по речному руслу, и в низовьях Дона нет весенних разливов. Нарушено размножение всех азовско-донских рыб — и проходных и полупроходных. Оно не потерпело

бы ущерба, если бы к моменту закрытия плотины начали действовать на полную мощность заводы и хозяйства искусственного рыборазведения. Но заводы ещё не построены. Рогожкинский осетровый завод и Рогожкинский частичковый рыбхоз начнут работать только в нерестовый сезон 1954 года. Аксайско-Донской завод только начинает строиться, и постройка займёт года два. Существующий прежнего типа Рогожкинский пункт по старинке гонит в море однодневную личинку и не может поддержать стадо, как не мог в своё время спасти сегов Волховский завод.

А это значит, что народное хозяйство уже понесло ущерб. В азовско-донском стаде будет очень мало рыб рождения 1952 и 1953 годов. Вина за это лежит на бывшем Министерстве рыбной промышленности. Проектировали заводы его проектные организации, строил Главрыбстрой, организационно руководил Главрыбвод. Во власти министерства было во-время разрешить споры учёных. Ведь и сейчас, когда решения приняты, действует, в основном, та же аргументация, которая могла лечь в основу решений два-три года назад.

Строители Волго-Дона выполнили гигантскую работу и закончили её точно в срок, а Министерство рыбной промышленности не успело во-время справиться с постройкой рыборазводных заводов.

Более благополучно обстоит дело на Куре. Новый экспериментальный завод, вступающий в действие в нынешнем году, будет играть некоторую производственную роль выпуском своих пятисот тысяч. но на очереди. быстрее окончание и пуск в действие Усть-Куринского и Аджикабульского заводов — крупных производственных предприятий, рассчитанных на выпуск миллионов осетров.

Большой объём работ предстоит на Волге. Там надо построить много осетровых и белорыбных заводов и десятки тысяч гектаров рыбхозов для разведения частичковых рыб. Техническое проектирование заводов и рыбхозов, в котором прежде наблюдался разнородность, упорядочено с образованием в 1952 году Гидрорыбпроекта — централизованной организации, объединившей всё проектирование всех рыбохозяйственных сооружений. Главным инженером Гидрорыбпроекта назначен А. Н. Балув. Он вместе с Державиным строил в своё время первую Куринскую станцию, потом проектировал все куринские заводы, накопил большой опыт и хорошо разбирается в биологических вопросах.

Объём работ на Волге велик, но там есть ещё время и там можно всё подготовить к сроку. Можно надеяться, что реорганизованное министерство проявит больше заботы о наших рыбных богатствах, чем прежнее министерство, которое, надо прямо сказать, заботилось мало.

Главрыбвод в системе министерских главков раньше занимал униженное положение. Характерно, что с 1947 до 1950 года, когда уже возникли огромные задачи по закладке фундамента предстоящей реконструкции рыбного хозяйства, должность начальника Главрыбвода три года оставалась вакантной, настолько в этот важный период министерство считало работу Главрыбвода неважной. Больше того, министерство даже стояло к Главрыбводу в некотором антагонизме: мол, мешает выполнять план.

Дело в том, что Главрыбвод несёт функции рыбоохраны и выработывает правила, ограничивающие лов, запрещающие истребление рыбы.

В организации охраны рыбы есть существенная разница по сравнению, например, с охраной лесов. В лесном деле функции охраны отделены от эксплуатации. За рубкой лесов Министерством лесной промышленности следит другое ведомство.

В рыбной промышленности и охрана и промыслы находятся в ведении одного министерства; в его власти отменять любые главрыбводские охраняющие правила.

Правила рыбоохраны преследуют две цели: во-первых, пропуск на нерестилища достаточного числа производителей — для этого во время нерестового хода устанавливается на некоторый срок запрет лова, и, во-вторых, сохранность молоди — для этого запрещаются орудия, захватывающие вместе со взрослой рыбой молодь. И вот эти правила нарушались.

Если бы рыбная промышленность выполняла план, тогда положение дел было бы, вероятно, иным. Но она в течение ряда лет не выполняет плана.

В разгар путины управляющие рыбопромышленными трестами начинали «молниро-

вать» в Москву: «Холодной погоды ход рыбы замедляется тчк план угрозой срыва тчк отсрочьте запрет».

В другие годы наоборот: «Жаркой погоды рыба быстро прошла взять не успели план срывается отмените запрет».

Ссылка на метеорологические условия действовала — ведь и на самом деле ход рыбы связан с погодой. Запрет отменялся. Десятки таких разрешений подписаны бывшим первым заместителем министра А. А. Сбродовым.

А на Каспии от многих умных рыбаков приходилось слышать:

— Что значит нынешний запрет! Совсем он не в то время бывает, когда рыба на нерест идёт.

Осенью на Каспии каждую неделю давались новые и новые разрешения на дополнительный пуск в действие десятков и сотен распоров — очень добычливых орудий, сгребавших рыбу без разбора, какая она: взрослая или недоросток.

В стремлении выполнить план и компенсировать собственные организационные упущения работники министерства стали привыкать делать крупные займы у будущих запасов рыбы.

Отсюда понятно положение Главрыбвода в системе прежнего министерства: все главки — полезные, а этот вроде как бы вредный: хоть и робко, а всё же норовит ставить препоны выполнению плана добычи рыбы. И ютился этот маломощный главк на задворках, вёл тихое существование со своими заводиками, фабрикующими однодневную личинку, и оказался неподготовленным к выполнению огромных новых задач.

С реорганизацией министерства Главрыбвод укреплен и возглавляется авторитетным начальником. Можно надеяться, что в системе нового министерства он займёт иное положение. И думается, что отныне на все просьбы отсрочить запрет руководители рыбной промышленности станут неизменно отвечать: «За невыполнение плана взыщется и в жаркую и в холодную погоду, а правила рыбоохраны остаются неизблемыми».

Реконструкция рыбного хозяйства требует бережной заботы о рыбе. Прежний охотничий взгляд на рыбу, как на продукт даровой и самородный, должен смениться хозяйской заботой. Не для того же заводы станут выпускать молодь, чтобы её тут же истребляли. Молодых рыбок надо беречь так же, как берегут цыплят, телят, ягнят. А взрослым рыбам надо создать условия для нереста, возможности которого при гидростроительстве суживаются. Чем уже возможности, тем с большей строгостью они должны охраняться.

17. Увеличить рыбные запасы!

Гидростроительство создаёт для рыбного хозяйства не одни только неудобства, оно даёт и выгоды. По одну сторону плотин — трудности, по другую — выигрыши.

Образуются новые водоёмы значительной величины. И какие водоёмы! Заливаются водой плодороднейшие земли речных пойм, и плодородие земли передаётся водам. Создаваемые водохранилища переполнены кормом для рыб.

В 1952 году, когда воды Дона слились с водами Волги, одним из первых судов, прошедших по новому каналу, был рыболовный тральщик «Палтус». Он пришёл из Ленинграда для изучения Цимлянского водохранилища. На нём находилась экспедиция Всесоюзного научно-исследовательского института озёрного и речного рыбного хозяйства. В её составе были гидрохимики, гидробиологи, ихтиологи. Возглавлял экспедицию профессор Павел Амфилохевич Дрягин. Экспедиция работала до ледостава и всесторонне изучила буквально каждую точку нового водохранилища.

Его вода оказалась богато насыщенной азотом, фосфором и другими питательными солями, дающими основу жизни. Эти соли растворились в воде из богатейших почв. Остатки земной растительности тоже пополнили химические богатства воды. Содержащиеся в растениях белки, углеводы, жиры начали распадаться на элементарные соединения и включились в оборот веществ.

Рыбная продуктивность водоёма определяется в первую очередь химическим составом воды, содержанием в ней питательных солей. На базе содержащихся в воде солей развивается жизнь мелких водных организмов — растений и животных, а те в свою очередь служат пищей для рыб.

В Цимлянском водохранилище развитию жизни, кроме огромного запаса питательных веществ, помогает южное солнце и тепло. Вода прогрелась до двадцати семи градусов, и в ней буйно зацвела жизнь.

Каждый, кто жилак на берегу моря, у реки или около пруда, знает, как сваи и вообще все погружённые в воду предметы обрастают зелёным пушком и тоненькими зелёными ниточками. Это нитчатые водоросли — спирогира и кладофора.

А на Цимлянском водохранилище выросли не ниточки — многометровые канаты. Тихие заводи сплошь покрылись толстой зелёной корой. К осени, когда уровень воды понизился, водорослевая корка села на обнажившееся дно и высохла; получился очень плотный и прочный войлок. Верхняя его сторона выгорела на солнце и сделалась по цвету песочной, а нижняя осталась зелёной. Эти диковинные водоросли привезли в Ленинград. Когда профессора Дрягина вызывают для доклада, он режет ножницами и захватывает с собой куски водорослевого каната и войлока, чтобы наглядно продемонстрировать буйное цимлянское плодородие.

И очень много развелось в воде дафний и всяких других мелких рачков, мотыля и червячков, которыми питаются рыбы. На базе исключительного пищевого благополучия рыбы расгут со сказочной быстротой. Мальки сазана выросли за одно лето до полукилограмма. Поймали одного сазанчика даже в 640 граммов. У нас, в карповых рыбхозах Московской области, карп достигает такого веса только к концу второго года жизни. А в Цимлянском водохранилище — в одно лето.

Цимлянское и будущее волжские водохранилища все вместе по площади равны одному Ладожскому озеру, но рыбы они дадут миллион центнеров в год, то есть в двадцать раз больше, чем даёт скупая Ладога.

Но вся эта огромная жизненная сила может пропасть без пользы, если человек не возьмёт управление жизнью водоёма в свои руки. На обильном корме может расплодиться такое колоссальное количество ершей, окуней, синца, красноперки и всякой другой сорной рыбы, что её потом ничем не выведёшь, и не даст эта рыбёшка житья ценным промысловым породам рыбы. Задача заключается в том, чтобы с первых же дней существования нового водохранилища создать в нём обилие промысловой рыбы и не дать места сорнякам. Поэтому на Цимлянское водохранилище завезли и продолжают завозить много рыбы.

Уже сейчас идёт работа по организации рыбного хозяйства будущих волжских водохранилищ.

У ленинградских ихтиологов во ВНИОРХ'е лежат на столах не труды по ихтиологии и гидробиологии, а совсем другие книги: «Почвы Саратовской области», «Растительность Волжской поймы», «Ковыльные и полынные степи», «Чернозём». Они нужны для того, чтобы предугадать химический состав воды будущих водохранилищ и запасы питательных веществ.

— На месте будущих водоёмов ещё грибы в лесу растут, — говорит профессор Тихий, — а нам необходимо заранее подсчитать, сколько какой рыбы там сможет в будущем прокормиться. Надо наметить наиболее выгодный для хозяйства состав стада: столько-то сазанов, столько-то судаков, столько-то всякой другой рыбы. И надо подготовить эту рыбу к вселению в водохранилище с первого дня, чтобы подавить сорняков. Поэтому надо сейчас же создавать рыбоводные заводы и рыбхозы.

Намечается состав рыб, наиболее выгодно использующих кормовые ресурсы каждого водоёма. В европейской части СССР нет рыб, питающихся растительностью, и водоросли водоёмов остаются без использования. А дальневосточные толстолобик и белый амур питаются водорослями. Выгодно вселить их в Цимлянское и Сталинградское водохранилища. Они будут там жить без конкуренции с остальными рыбами. Мысль о переселении толстолобика и белого амура принадлежит профессору Московского университета Г. В. Никольскому.

Хорошую рыбу для северных волжских водохранилищ с более холодной водой (Куйбышевское, Камское, Горьковское) отыскал сотрудник ВНИОРХ'а И. С. Титенков.

В прежние времена часть стада северодвинской нельмы ходила на нерест по реке Сухоне через Кубенское озеро в реку Кубину. В 1834 году на Сухоне была построена плотина для водоснабжения бумажной фабрики «Сокол». Часть стада нельмы оста-

лазь в Кубенском озере, великолепно там прижилась и перестала куда-либо ходить: нерестилища рядом, а пищи в Кубенском озере достаточно. Образовалась новая форма нельмы, приспособленная к жизни в сравнительно мелком озере. От других форм нельмы она отличается быстрым ростом и скороспелостью; к шести годам достигает длины в 80 сантиметров и веса до полупуда. Вот эту приспособившуюся к озёрной жизни родственницу каспийской белорыбицы легко можно развести в северных волжских водохранилищах.

Разведут ещё сырка и весеннерестующую форму ряпушки, отысканную на бурят-монгольских озёрах.

Новую осетровую рыбу готовит в Саратове профессор Н. И. Николюкин.

Сейчас в Волге много стерляди. Она мечет икру в быстро текущей воде. После постройки плотин течения затихнут. Что станет делать тогда стерлядь? Повидимому, не сможет размножаться. Надо создать такую форму стерляди, которая смогла бы приспособиться к новым условиям.

Наследственность — великая сила. В ней сконцентрировался коллективный опыт многих поколений предков, и этот опыт, закрепившийся в системе рефлексов, помогает организму поступать правильно в привычных для него условиях. А если условия изменились, наследственность превращается в зло. Она мешает встать в правильные отношения к изменившейся действительности, мешает приспособиться к новой обстановке. Чтобы сделать организм способным приспособляться к новым условиям, надо расшатать консервативную наследственность. Средством для расшатывания служит скрещивание.

Путём разнообразных скрещиваний стерляди с осетром Николюкин получил замечательное гибридное потомство, обладающее ценными свойствами, создал селекционное стадо в несколько тысяч голов.

Аналогичную работу начал в прошлом году в устье Камы Г. М. Персов, сотрудник лаборатории Гербильского.

И ещё много ведётся всяких работ, много есть достижений — обо всём рассказать здесь невозможно.

Много работает учёных. Разной величины вносят они вклады. Но все вклады нужны для общей суммы, и рыбоход Тихого, и гипофизарная инъекция Гербильского, и переселяемые дальневосточные рыбы Никольского, и кубенская нельма Титенкова, и осетровая икра на гальке у Алявдиной, и комариные личинки Константинова, и селёдка-черноспинка Чертова, и николюкинский гибрид. Каждый вклад мал сам по себе, но вместе они создают огромную сумму. Важна именно сумма.

Руками многих людей строится будущее, безмерно умножаются богатства природы. Наука, конечно, не в силах изменить законы природы, но она отыскивает иные сочетания факторов и ставит явления природы под действие этих новых сочетаний.

Маркс в одном из писем к Энгельсу замечает: «...культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню...» Так бывает в капиталистических странах. А у нас, в Советской стране, давно поняли, что ради умножения одних богатств вовсе не следует истощать другие богатства, и у нас любая проблема народного хозяйства решается комплексно, с выигрышем для всех его отраслей.

В решениях XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза записано: «Осуществить проведение больших работ по рыбоводству с целью увеличения рыбных запасов, особенно во внутренних водоёмах».

Именно так ставит партия задачу — не только сохранить, но и увеличить рыбные запасы!

Советские учёные нашли спасительное решение конфликта между плотинами и рыбами. В этом — большая победа нашей науки и нашей социалистической системы хозяйства.

ПУБЛИЦИСТИКА

Академик Н. ГУДЦОВ

★

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

1

Нет такой отрасли народного хозяйства, которая не нуждалась бы в металле и могла обойтись без него. Чугун, сталь, железо и его сплавы имеют исключительно важное значение. Можно без преувеличения сказать, что чёрная металлургия является основой развития промышленности.

Металл — это станки и комбайны, экскаваторы и морские суда, паровозы и самолёты, мощные турбины и фермы мостов, железнодорожные рельсы и трубы нефтепроводов, оборудование заводов и металлические остовы высотных домов. Это предметы широкого потребления и, наконец, — важнейший фактор обороноспособности страны.

Металл — показатель экономической мощи страны. Чем больше производится металла, тем выше уровень жизни народа, тем богаче страна.

Металлургия в дореволюционной России была развита чрезвычайно слабо. В 1913 году у нас выплавлялось немногим больше четырёх миллионов тонн чугуна, столько же тонн стали и производилось три с половиной миллиона тонн проката. По потреблению металла на душу населения дореволюционная Россия стояла на одном из последних мест среди европейских стран.

В. И. Ленин писал в 1913 году: «Относительно железа — одного из главных продуктов современной промышленности, одного из фундаментов, можно сказать, цивилизации — отсталость и дикость России особенно велики»¹.

Техническое оснащение металлургических заводов в России было далеко не достаточным. Иностранные фирмы, владевшие большинством металлургических предприятий, не стремились к механизации трудоёмких процессов: это требовало увеличения основного капитала и признавалось невыгодным, а дешёвая рабочая сила, которые поставляла в изобилии голодающая деревня, вполне устраивала капиталистов.

В результате на заводских дворах можно было наблюдать такие картины. С железнодорожной станции подаётся на эстакаду состав с железной рудой. Сотни грузчиков, вооружённых лопатами, начинают разгружать вагоны. Подходит другой состав с известняком, углем, коксом. Работа продолжается круглые сутки.

На расстоянии 300—500 метров от рудного двора, где разгружаются поступающие на завод сырьё и топливо, расположены доменные печи. Дорога к ним выложена чугунными плитами, по которым тянется бесконечная вереница ручных тележек; в них впряжены рабочие-катали. Днём и ночью, в зимнюю стужу и в летний зной, под дождём и ветром ни на минуту не прекращается их каторжный труд. Свыше тысячи таких каталей и грузчиков обслуживали, например, завод Русско-Французского Общества — один из крупнейших заводов Юга России.

В ещё более худших условиях работали на колошнике (верхняя часть доменной печи, куда засыпалась руда, кокс и другие материалы) «завальщики» или «верховые».

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 276.

Подвезённую к печи тележку с грузом в 50—60 пудров каталь подавал на площадку подъёмной машины, которая поднимала её на верх печи. Там «верховой» выкатывал её из подъёмника, подвозил к колошнику и опрокидывал на воронку засыпного аппарата. И всё это на высоте 25—30 метров, в атмосфере непрерывно вырывающихся из печи душливых доменных газов.

Возле доменной печи, нагнувшись, копошились в земле несколько десятков людей — это были канавщики и чугушники; они вручную готовили литейный двор, куда разливался выданный из печи чугун. Прокладывались в песке каналы с отводами, старательно формировались из песка и горелой земли ямки — формы для чугунных чушек.

Слышится сигнал — частые удары железом по подвешенной тарелке вагонного буфера. Предстоит выпуск чугуна. С разных сторон сбегается к доменной печи горновые, их подручные. Восемь — десять человек берут длинный, тяжёлый лом и, раскачиваясь, ударяют по лётке — заделанному огнеупорной глиной отверстию в печи. Появляется сноп пламени, и вырывается ослепительная струя металла. Но горновые, осыпаясь искрами, продолжают «разделявать» лётку — расширять отверстие для скорейшей выдачи очередной партии чугуна. Редкий день обходился без несчастных случаев у домы.

Не лучше было и у прокатных станков, где рабочим приходилось буквально жонглировать раскалёнными слитками металла, перебрасывая их с помощью подвесных клещей, подъёмных крючков и иных примитивных приспособлений для передачи прокатываемой заготовки с одного «ручья» валка в другой. Не более получаса мог работать вальцовщик. Часто в обморочном состоянии его оттаскивали в сторону, выводили на воздух и отливали холодной водой. Придя в себя, он опять становился на своё место к горячему металлу. Правка металла, подача под ножницы для резки, уборка готовой продукции и обрезков производились вручную. Об элементарных правилах техники безопасности, об охране труда, об улучшении его условий не было и помину.

Такова была картина на лучших, наиболее передовых в то время предприятиях. Что же говорить о работе на старых металлургических заводах Урала, где ещё полностью сохранялись «демитовские» порядки.

В годы первой мировой войны развитие русской чёрной металлургии совсем приостановилось, несмотря на значительно возросшую потребность в металле. Оборудование, в большинстве своём импортное, не ремонтировалось, изношенные части не сменялись, и механизмы, хищнически используемые, доходили до состояния полной непригодности. Постепенно, один за другим, выходили из строя важнейшие агрегаты — силовые станции, воздуходувные машины, подъёмники доменных печей, батареи коксовых печей, приводы прокатных станков. Тяжёлое положение русской металлургии усугублялось ещё плохой работой транспорта и перебоями в снабжении сырьём и топливом.

С тяжёлым наследством, оставшимся от хозяйничанья отечественных и иностранных капиталистов, начинал рабочий класс великое дело социалистического преобразования своей страны, осуществление технической реконструкции.

2

После Великой Октябрьской социалистической революции перед советской промышленностью открылись широчайшие перспективы развития. Партия выдвигает проблему металла как одну из важнейших, первоочередных.

В восстановительный период наряду с подготовкой к пуску старых агрегатов производится и коренная их реконструкция. Она проводилась, в основном, в двух направлениях: на старых заводах вводились в эксплуатацию новые металлургические агрегаты с повышенной мощностью, с наиболее передовой для того времени механизацией; одновременно шло строительство новых предприятий, спроектированных с учётом новейших достижений современной техники.

В то время когда капиталистические страны, потрясённые до основания всеобщим кризисом, были вынуждены сокращать производство чёрных и цветных металлов, выплавка чугуна и стали в СССР возрастала из года в год.

Существенно изменился характер самой продукции. Резко увеличилось производство специальных марок стали. До революции они не производились в массовом масштабе ни на одном заводе России, и потребность страны удовлетворялась главным образом ввозом из-за границы. Созданные в первой пятилетке новые отрасли машиностроения предъявили колоссальный спрос на специальные сорта стали: жаростойкой, кислото- и щёлочноупорной, магнитной и других; инструментальщики потребовали обеспечить их быстрорежущей сталью. В связи с этим начала быстро развиваться так называемая качественная металлургия.

Сталинградский завод «Красный Октябрь», который до первой пятилетки давал только рядовой углеродистый металл «торгового качества», был целиком переведён на производство автотракторной стали. Верх-Исетский завод на Урале стал давать высококачественную динамную и трансформаторную сталь. На заводе «Электросталь» было сосредоточено изготовление различных марок легированной стали: быстрорежущей, шарикоподшипниковой, нержавеющей. Созданная в годы пятилеток качественная металлургия освоила производство стали, обладающей различными свойствами.

Работая над этой проблемой, советские учёные и инженеры стремились к минимальному использованию дорогих легирующих элементов (вольфрама, ванадия, кобальта, молибдена, никеля), добавление которых придавало металлу те или иные физико-химические свойства. В результате многолетних исследований были, например, предложены новые марки нержавеющей стали с ограниченным содержанием никеля, быстрорежущей — с минимальным количеством вольфрама и других.

Была создана новая отрасль производства — электрометаллургия. Выплавка специальной стали происходила в электропечах, причём на некоторых заводах с целью экономии дорогой электроэнергии ввели так называемый дуплекс-процесс: сталь предварительно выплавлялась в мартеновской печи, а затем жидкий металл переливался в электропечь, в которой производили рафинировку металла.

Значительных успехов удалось достичь в области научного изучения, а затем изготовления сверхтвёрдых сплавов, которые полностью заменили импортные.

Таким образом, советские металлурги в годы первых пятилеток не только добились значительного количественного роста выплавки чугуна и стали, но и создали новые отрасли металлургии, качественно изменившие её структуру. Всё это оказало решающее влияние на смежные отрасли промышленности. На созданной металлургической базе стало возможно производство автомобилей и тракторов, самолётов, химической аппаратуры, энергетических агрегатов, точных приборов, инструментов.

Это в свою очередь вызвало к жизни новые мощные заводы тяжёлого машиностроения, призванные обеспечить оборудованием новые и реконструируемые гиганты металлургии. Началось изготовление таких сложных механизмов, как доменные подъёмники, сталеразливочные 250- и 300-тонные мостовые краны, завалочные и чугуноразливочные машины, высокопроизводительные прокатные станы.

Исключительную роль сыграло развитие чёрной металлургии в росте электрификации страны, в использовании водных ресурсов, в усовершенствовании железнодорожного транспорта (выпуск саморазгружающихся вагонов — хоперов, думп-каров, гондол, мощных локомотивов — паровозов «ФД» и «ИС», тепловозов, электровозов и других).

Только советское плановое хозяйство могло в столь короткий срок комплексно разрешить важнейшие народнохозяйственные проблемы, связанные с чёрной металлургией, и снабдить страну металлом в количестве и качестве, обеспечившими её индустриализацию.

3

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз прервало мирную созидательную работу нашего народа. Временно была потеряна вся южная металлургия. Часть оборудования была эвакуирована на Восток, где небывало быст-

рыми темпами развернулось производство металла, направляемого на самые неотложные нужды обороны страны. В годы Великой Отечественной войны на Востоке был построен ряд новых металлургических предприятий.

За это время советские металлурги разрешили много сложных научно-технических проблем: была теоретически обоснована и практически освоена выплавка легированных марок стали в больших мартеновских печах, получен феррохром в доменных печах (вместо дорогой плавки в электрических), начато производство ферромарганца из бедных уральских марганцевых руд, освоена прокатка броневых плит на обычных листовых станах и т. д.

Победоносно завершив войну, советский народ приступил к восстановлению и дальнейшему развитию хозяйства страны.

На первый план выдвигается необходимость быстрого наращивания темпов производства металла. В четвёртой (первой послевоенной) пятилетке был намечен рост производства чёрных металлов в 1950 году по сравнению с 1946 годом на 35 процентов. Фактически этот план оказался перевыполненным, и в 1950 году было произведено чёрных металлов на 45 процентов больше, чем в предвоенном 1940 году. При этом производство чугуна увеличилось на 29 процентов, выплавка стали на 49 и производство проката на 59 процентов в сравнении с довоенным уровнем.

За годы четвёртой пятилетки было освоено изготовление свыше ста новых марок стали и сплавов, около ста шестидесяти новых сложных профилей проката, расширился ассортимент труб.

За 1949—1951 годы выплавка чугуна возросла на 8 миллионов тонн, производство стали — на 13 миллионов тонн, то есть один только прирост за три года почти втрое превысил уровень производства металла в дореволюционном 1913 году.

В послевоенные годы произошли серьёзные сдвиги в размещении чёрной металлургии. Намного увеличилось мощностное восстановление заводов Юга. Выросло значение восточных районов в производстве металлов. Чёрная металлургия, сосредоточенная до революции в двух-трёх районах, теперь распространяется по всей необъятной территории Советского Союза. Свой металл имеют сейчас Средняя Азия, Кавказ, Западная Сибирь, Дальний Восток. Резко сократились дальние перевозки металла.

Наши металлурги продолжали совершенствовать технологию производства. В доменном производстве улучшилась подготовка сырья и топлива (кокса), в сталеплазильном начали применение кислорода. В широких размерах осуществлена дальнейшая механизация трудоёмких и тяжёлых работ и автоматизация производственных процессов.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану предусматривают чрезвычайно высокие темпы роста чёрной металлургии. В 1955 году выплавка чугуна должна превысить уровень 1950 года на 76 процентов, выплавка стали — на 62 и производство проката — на 64 процента. Соответственно предусматривается значительный рост добычи руды, флюсов, производства кокса, огнеупорных изделий, ферросплавов.

Государственные капитальные вложения в промышленность увеличиваются примерно в два раза по сравнению с 1946—1950 годами.

Ввод в действие производственных мощностей в пятой пятилетке возрастет по сравнению с четвёртой пятилеткой по чугуну примерно на 32 процента, по стали — на 42 процента, по прокату — не менее чем в два раза.

Наряду с постройкой новых и расширением действующих крупных металлургических предприятий директивы XIX съезда партии предусматривают развитие производства чёрных металлов в системе местной промышленности за счёт строительства небольших передельных заводов.

В докладе на XIX съезде партии товарищ Маленков привёл некоторые цифры, сказывающие рост металлургии: «В 1952 году будет произведено 25 миллионов тонн чугуна, или примерно на 70 процентов больше, чем в 1940 году; 35 миллионов

тонн стали, или примерно на 90 процентов больше, чем в 1940 году; 27 миллионов тонн проката, или в 2 с лишним раза больше, чем в 1940 году...»¹.

По количеству производимого металла Советский Союз занимает первое место в Европе. В СССР выплавляют стали в 2,3 раза больше, чем в Западной Германии, в 3,5 раза больше, чем во Франции, и в 2,2 раза больше, чем в Англии.

Важнейшей задачей в чёрной металлургии является комплексная и всесторонняя подготовка к плавке сырых материалов и топлива. В связи с этим увеличивается количество обогатительных фабрик в угольной промышленности, развёртывается строительство новых агломерационных фабрик (для спекания в куски мелкой пылевидной руды). На металлургических заводах создаются механизированные склады для смешения руды разного состава, расширяется дробление и сортировка известняка и кокса. Реализация этого комплекса мероприятий повысит производительность доменных печей, уменьшит расход кокса, железной руды и флюсов (известняка).

Повышение производительности металлургических агрегатов потребовало усиления воздуходувных средств. Большинство заводов оснащено совершенными мощными турбовоздуходувками, почти полностью вытеснившими старые поршневые, паровые и газовые воздуходувные машины.

4

Советская металлургия широко использует на практике достижения связанных с ней теоретических дисциплин — химии, физики, теплотехники. Эта неразрывная связь науки с производством стала традицией в нашей стране.

Наиболее действенной формой такого содружества являются комплексные бригады в составе учёных, заводских инженеров и рабочих. В качестве одного из примеров можно привести бригаду, созданную в мартеновском цехе Кировского завода. В неё вошли доктор технических наук профессор Н. А. Кузнецов, начальник цеха А. Г. Ганеев, его заместитель А. Л. Брицын, старший технолог К. М. Никитин, плавильный мастер В. Д. Васильев, сталевары-скоростники Е. М. Теняев и Н. А. Морозов, начальник лаборатории стали В. М. Заморюев. Бригада поставила своей задачей добиться повышения производительности труда увеличением числа скоростных плавов, снизить расход ферросплавов, топлива и других материалов, улучшить качество и уменьшить себестоимость стали, усовершенствовать конструкции печей и повысить их стойкость.

Члены бригады изменили конструкцию головок печей с тем, чтобы приблизить факел пламени к поверхности ванны, в результате чего ускорился процесс плавки.

По инициативе бригады была частично изменена технология процесса сталеварения. Так, при варке твёрдой и среднеуглеродистой стали было отменено добавление ферромарганца по ходу плавки.

Частой причиной брака стали служат так называемые газовые включения. Наличие в стали ничтожных долей водорода отрицательно сказывается на её качестве. Определить количество водорода в стали весьма сложно, и для этого требуется много времени. Сталеплавильщики Кировского завода обратились за помощью к члену-корреспонденту Академии наук СССР М. М. Карнаухову. Под его руководством была изготовлена простая и удобная в обращении установка для определения содержания водорода в стали по ходу плавки.

Всё шире развивается связь научных учреждений с производствами. Так, Московский институт стали шефствует над заводами «Серп и молот» и «Электросталь», Днепропетровский металлургический институт заключил ряд договоров творческого содружества с металлургическими заводами Приднепровья; учёные Сталинского металлургического института работают в тесном контакте с коллективами ряда заводов Донбасса.

В этом содружестве — неисчерпаемый резерв дальнейшего технического прогресса советской металлургии.

¹ Г. Маленков. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б). Издательство «Правда», 1952, стр. 31.

Широко применяя достижения науки, наши металлурги добились за годы советской власти значительных успехов. Первой ступенью технологического процесса изготовления чёрных металлов является выплавка чугуна. В начале второй пятилетки (1933 год) одна тонна чугуна получалась с 1,69 кубического метра объёма доменной печи (в дореволюционной России этот коэффициент использования полезного объёма доменной печи был близок к 2). Ныне эти показатели работы доменных печей значительно улучшились. В 1952 году мастера Магнитогорского металлургического комбината Шатилин, Переверзев и Ткаченко добились коэффициента использования полезного объёма доменной печи 0,73.

Сейчас этот рекорд стал средним показателем для всех доменных печей Магнитогорского комбината. Так, коллектив третьей доменной печи снимает тонну чугуна с каждых 0,647 кубического метра полезного объёма доменной печи.

Коллектив шестой печи Магнитогорского комбината расходует на выплавку тонны чугуна в среднем на 40 килограммов кокса меньше, чем предусмотрено нормой.

Ещё лучше работают на Серовском заводе Урала мастера Мелешенко, Трифонов, Докучаев. Они добились получения тонны чугуна с каждых 0,645 кубометра объёма доменной печи.

В 1952 году средний по СССР коэффициент использования полезного объёма доменных печей составил 0,88 против 1,19 в 1940 году, то есть улучшился на 35 процентов против довоенного уровня и почти вдвое против уровня 1933 года. Среднемесячная выплавка чугуна на одного рабочего возросла в 1952 году по сравнению с 1940 годом на 61 процент.

Таких показателей не знает металлургия капиталистических стран. В США, например, по данным журнала «Айрн эйдж» за 1952 год, коэффициент использования полезного объёма лучших доменных печей находится на уровне 1,03—1,10, что на 25 процентов ниже средней производительности советских печей.

Столь высокий уровень производительности советских доменных печей вызван в первую очередь применением первоклассных механизмов, коренным усовершенствованием технологии, созданием кадров высококвалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала.

Доменное производство в нашей стране полностью механизировано и в значительной мере автоматизировано. Улучшен состав шихтовых материалов, установлен рациональный режим дутья, правильный нагрев воздуха и регламентирована его влажность.

На ряде доменных печей повышено давление газа под колошником. Это одно из важных нововведений, на котором следует остановиться подробнее. Для ускорения процесса горения кокса в доменной печи и получения внутри неё газа (окиси углерода), восстанавливающего окислы железа руды в металлическое железо, в печь вдувают предварительно нагретый воздух. На каждую тонну выплавленного чугуна требуется примерно 4 500 кубических метров воздуха. Как известно, воздух имеет определённый вес. Если взвесить вдуваемый в доменную печь воздух, то окажется, что на каждую тонну чугуна расходуется четыре-пять тонн воздуха. А ведь современная доменная печь выдаёт ежедневно 1 700—1 800 тонн чугуна. Нетрудно подсчитать, сколько для этого нужно воздуха. Огромная его масса — несколько тысяч тонн в сутки — должна пронизать слой шихты толщиной в 20—25 метров. Для этого надо воздух вдувать под определённым давлением.

Практика передовых стахановцев-доменщиков показала, что доменная печь работает намного производительнее, если это давление будет достаточно высоким под колошником, то есть непосредственно перед выходом из домы образовавшегося в печи газа. Осуществление этого мероприятия позволило, в частности, сократить вынос колошниковой пыли, улучшить ход работы печей, уменьшить расход сырья и топлива, применить менее качественный кокс и порошковатые руды.

В 1952 году почти половина всего чугуна была выплавлена в доменных печах с повышенным давлением газа под колошником.

Регулирование доменного процесса газовым потоком способствовало более ров-

ному ходу печей и дало возможность получить больше чугуна, затрачивая на это меньшее количество кокса.

В 1952 году 96 процентов чугуна было выплавлено в доменных печах, на которых установлены приборы, автоматически регулирующие температуру дутья. Происходящие внутри доменной печи процессы — восстановление железа из руды и получение чугуна и шлака в жидком виде — протекают при высоких температурах, получающихся благодаря сгоранию топлива (кокса или древесного угля) и частью за счёт химических реакций. Для экономии дорогого кокса и ускорения процесса выплавки чугуна поступающее в доменную печь дутьё — воздух — предварительно подогревается до температуры 800—850, а иногда до 1 000 градусов.

Для этого строятся возле каждой доменной печи по три-четыре воздухонагревательных аппарата. Каждый из них представляет собой высокую (до 30 метров) цилиндрическую башню, обитую снаружи листовым железом. Внутри она причудливо выложена огнеупорным кирпичом так, что остаётся много узких каналов, по которым может проходить воздух. Кирпич сильно накаляют, сжигая в аппарате часть отходящих от доменной печи колошниковых газов, представляющих собой отличное топливо. Дымовые газы проходят по каналам внутри аппарата и отдают своё тепло стенкам каналов — кирпичу. Когда достигается нужная температура, прекращают сжигание газа и направляют внутрь воздухонагревательного аппарата холодный (атмосферный) воздух, вдуваемый мощной воздухоподувкой. Пройдя через все каналы аппарата, он нагревается до нужной температуры и через отводный трубопровод поступает в доменную печь.

Через некоторое время кирпич, отдав значительную часть накопленного ранее тепла, охлаждается. Тогда аппарат отключают от доменной печи и вновь ставят на нагрев. В это время работают два-три остальных аппарата, которые поочерёдно переключаются. За этим переключением пристально следят газовщики. Малейшее упущение — и в доменную печь хлынет масса недогоретого, а иногда и холодного воздуха. Это грозит серьёзными неполадками: охлаждением печи, замедлением её хода, перерасходом кокса, снижением производительности и сокращением выплавки чугуна.

В последнее время начали ставить автоматы, которые во-время переключают воздухонагревательные аппараты и обеспечивают равномерную температуру дутья.

Доменная печь должна работать непрерывно, без остановок на капитальный ремонт, десять, двенадцать, а то и пятнадцать лет. В связи с тем, что за последние годы стали форсировать процессы, протекающие в доменной печи, и вести их при более высоких температурах, возникла необходимость производить кладку печей из более высокоогнеупорных материалов. Это удлиняет сроки эксплуатации печей, несмотря на напряжённый режим их работы.

В современную большую доменную печь вдувают ежедневно свыше 8 миллионов кубометров воздуха. Для протекающих в печи процессов горения кокса и восстановления железа нужен только кислород, то есть одна пятая этого огромного количества. Поэтому понятны попытки учёных и металлургов-практиков увеличить содержание кислорода в дутье.

Опыты, проводимые на одном из экспериментальных заводов, дали вполне обнадеживающие результаты. Доказана техническая и экономическая целесообразность выплавки в доменной печи ферросплавов на дутье, обогащённом кислородом, получаемым с кислородной установки.

В пятой пятилетке советские доменщики разрешают ещё одну важную проблему — десульфурацию (обессеривание) чугуна вне доменной печи.

Кокс из донецких углей содержит значительное количество серы. Для того чтобы эта сера не попала в чугун (где она является весьма вредной примесью, осложняющей дальнейшую переплавку чугуна в сталь), её стремятся перевести в шлак. С этой целью приходится добавлять много известняка, держать более высокой температуру горна доменной печи и затрачивать лишний кокс. Всё это ухудшает коэффициент использования полезного объёма домны.

Некоторые доменщики предложили отказаться от максимально возможного связывания серы известняком (в шлаках) и вводить известняк в минимальных коли-

чествах. В этом случае уменьшается объём загружаемых в печь материалов, шлаки получают кислые и легкоплавкие, ход печей интенсифицируется и улучшаются показатели их работы. Но при такой плавке получается чугун с высоким содержанием серы. Задача сводится к тому, чтобы удалить лишнюю серу из чугуна уже после того, как он выдан из печи.

Над дальнейшим усовершенствованием способов внедоменной десульфурации чугуна работают несколько коллективов учёных-исследователей и инженеров-практиков.

Таковы некоторые из проблем доменного производства, подлежащие решению в пятой пятилетке.

5

В нашей стране всё более улучшаются технико-экономические показатели работы сталеплавильных агрегатов и, в частности, мартеновских печей, в которых выплавляют почти 90 процентов всей производимой в СССР стали. В годы первой пятилетки с одного квадратного метра пода печи снимали в среднем около трёх тонн стали в сутки, а ныне среднесуточный съём стали на ряде предприятий превышает 8 тонн. Другими словами, с одного и того же агрегата получают теперь в два с половиной раза больше металла, чем 20—25 лет тому назад. Сталевар-скоростник второго мартеновского цеха московского завода «Серп и молот» Дроздов достиг рекордного съёма стали с квадратного метра пода печи — 18,4 тонны. Этот рекорд перекрыл сталевар того же цеха Журавлёв, добившийся съёма стали в 19,27 тонны, что представляет собой мировой рекорд. Если взять средние цифры по всем мартеновским печам металлургических заводов, то среднесуточный съём стали с квадратного метра пода составил в 1952 году 6,18 тонны против 4,37 тонны в 1949 году, то есть увеличился на 41 процент по сравнению с довоенным уровнем.

По данным американского журнала «Айрн эйдж», среднесуточный съём стали с одного квадратного метра пода мартеновских печей одного из наиболее передовых заводов США составляет 5,3 тонны. Таким образом, лучшие американские печи работают на 16 процентов менее производительно, чем средние советские печи.

Главное, что обеспечило успех советских сталеплавильщиков, — скоростные плавки стахановцев-сталеваров. При скоростном методе огромное значение имеет поддержание в печи определённого теплового режима. Совершенно недопустимы резкие перепады температуры. На всех стадиях плавки и между плавками следует держать температуру в печи на предельно высоком уровне. Это поставило на очередь вопрос о повышении стойкости печей, с тем чтобы повышенная температура не влекла за собой преждевременного выхода печей из строя. Задача эта частично решается применением высокостойкого хромомagneзитового кирпича для кладки сводов мартеновских печей.

Свод — наиболее уязвимое место печи. Малейшее отступление от теплового режима приводит к оплавлению свода, а затем к быстрому его разрушению. Выкладка свода из высокоогнеупорного кирпича позволяет вести печь на более напряжённом тепловом режиме, сократить продолжительность плавки на два-три часа и обеспечить большую длительность работы печи.

Так, на Запорожстали бригада знатного сталевара-скоростника С. Якименко добились того, что обслуживаемая ею мартеновская печь при скоростных тяжёловесных плавках выдержала без ремонта 418 плавков (при норме для неё 250 плавков). Бригада взяла социалистическое обязательство — довести в 1953 году количество плавков до 450.

В первом мартеновском цехе Златоустовского металлургического завода имени Сталина сталевары Стругов, Калмыков и Козлов довели длительность кампании мартеновской печи до 672 плавков. Такая высокая стойкость печи достигнута впервые в практике мартеновского производства.

Однако при высоком нагреве печей требуются исключительное внимание и особое мастерство сталевара, поскольку малейшее упущение грозит порчей металла, а иногда и аварией. И тут на помощь пришли учёные, создавшие ряд приборов, автоматически регулирующих тепловой режим печи. В настоящее время почти 90 процентов всей мартеновской стали дают печи с автоматическим регулированием тепло-

вого режима. В последующие годы пятой пятилетки будет производиться дальнейшая автоматизация мартеновского производства.

Значительным резервом для повышения производительности мартеновских печей является сокращение их простоев на плановых ремонтах. На Магнитогорском металлургическом комбинате ремонтными рабочими совместно со сталеварами разработан новый метод ремонта. Пока подлежащая остановке на ремонт мартеновская печь ещё находится в эксплуатации, рядом с нею, в разливочном пролёте, ремонтники сооружают новый каркас, собирают все части агрегата вплоть до укладки труб, через которые будет подаваться вода для охлаждения.

Как только печь становится на ремонт, её быстро полностью разбирают и на её фундаменте сразу же устанавливается готовый металлический каркас, который начинают заполнять огнеупорным кирпичом. Новый метод позволил сократить продолжительность капитального ремонта мартеновской печи на трое суток и больше и получить с неё дополнительно около 2 тысяч тонн стали.

Интенсификация процессов выплавки стали требует применения дутья, обогащённого кислородом. В текущей пятилетке расширяется использование кислорода в мартеновском, бессемеровском и электросталеплавильном производствах.

Большие перспективы имеет разработанный два-три года назад новый оригинальный способ охлаждения мартеновских печей. Как известно, процесс выплавки стали протекает при температуре, достигающей 1600—1700 градусов. Для облегчения условий труда сталеваров, а также для повышения стойкости печи отдельные её узлы требуют интенсивного охлаждения. Во всём мире мартеновские печи охлаждают водой, используя физические законы теплопередачи, на что расходуется огромное количество охлаждающей воды.

Изобретённый в СССР новый способ охлаждения, успешно применённый на некоторых заводах, сократил расход воды в 50—60 раз; значительно возросла стойкость охладительных устройств, сократились расходы на их ремонт.

Важное значение в деле увеличения производства стали имеет борьба за улучшение качества стальных слитков. В ряде случаев хорошо сваренный металл портится при разливке его в изложницы и при остывании. Советские учёные разработали теорию кристаллизации стали и практические способы регулирования скорости её ссыпания. Их применение на заводах способствовало увеличению выхода годного металла.

Интенсивно развивается новая молодая отрасль металлургической науки — реология, изучающая внутренние напряжения, которые возникают в металле при его застывании и обработке.

Сложную комплексную проблему решили советские металлурги, энергетики и машиностроители, создав уникальную паровую турбину мощностью в 150 тысяч киловатт, работающую паром сверхвысокого давления в 170 атмосфер.

Металлургами и конструкторами разрешена и такая задача, как создание специальных сплавов, идущих на изготовление двигателей, в камерах которых находятся сильно нагретые газы, разъедающие металл.

Токарям-скоростникам понадобились сверхтвёрдые сплавы для режущих частей инструментов, и эта потребность полностью удовлетворяется советскими металлургами.

Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану обязывают машиностроителей снизить вес машин. Это может быть достигнуто главным образом заменой в различных деталях рядового (простого) металла более высококачественным. Для этой цели наиболее пригодны различные марки низколегированной стали повышенной прочности.

Применение низколегированной стали в строительстве мостов, зданий, транспортных сооружений даёт огромный народнохозяйственный эффект, намного сокращая расход металла и в полтора-два раза увеличивая срок службы конструкций и механизмов, благодаря повышенной износоустойчивости и более высокому сопротивлению атмосферной коррозии.

Ещё большее значение имеет применение этих сортов стали в судо- и вагоностроении, где, помимо уменьшения мёртвого веса судов и вагонов, значительно повышается их полезная грузоподъёмность, в связи с чем снижаются эксплуатационные расходы.

6

Большие изменения происходят в прокатном производстве. Здесь проводится дальнейшее совершенствование способов нагрева металла перед прокаткой, увеличивается пропускная способность нагревательных печей, уменьшаются потери металла. Это можно видеть на таком примере. При нагреве металла поверхность его окисляется, образуется окалина, в результате чего теряется свыше одного процента металла. В 1952 году потери на окалину могли составить около 300 тысяч тонн стали, то есть годовое производство металлургического завода средней величины. Советские учёные разработали весьма эффективные методы быстрого нагрева металла, не допуская его окисления, что позволяет свести к минимуму потери на угар.

Раньше, нагревая металл для прокатки, сварщик многие наблюдения вёл на глазок. Теперь все эти процессы автоматически регистрируются приборами. Они смонтированы на большом щите у нагревательных печей прокатного цеха и показывают давление газа, температуру металла, процесс горения и т. д. Пользуясь их показаниями, рабочий управляет мощным агрегатом, не выходя из кабины, и добивается качественного нагрева при меньших потерях металла и значительной экономии топлива.

Усовершенствована и технология самой прокатки. Так, на ряде заводов пересмотрена калибровка, увеличен обжим металла на каждом проходе через валки. Это позволило уменьшить количество проходов, благодаря чему повысилась производительность станов. На самих прокатных станах поставлены более мощные и быстроходные двигатели, что значительно повысило скорость прокатки.

Прокатчики рельсо-балочного цеха завода имени Петровского (в Днепропетровске) мастер Цымбал, старший сварщик Клименко, старший оператор блуминга Куканов и вальцовщик Трнкозенко выступили инициаторами социалистического соревнования за скоростную прокатку металла с наименьшими потерями. В 1952 году коллектив этого цеха более чем вдвое перекрыл довоенную производительность труда и в одном лишь этом году дал стране сверх плана 15 тысяч тонн проката и снизил себестоимость продукции почти на 6 миллионов рублей.

Что же обеспечило столь значительный успех новаторов? Как известно, процесс прокатки представляет связанную между собой цепь технологических операций, в каждой из которых принимает участие несколько человек. Важным условием её является слаженность в работе каждого звена и между звеньями.

В первую очередь коллектив обратил внимание на нагрев слитков перед прокаткой. Температуру нагрева повысили, а длительность нагрева каждого слитка снизили на 30 минут. Благодаря применению ускоренной посадки слитков в нагревательные колодцы и увеличению тепловой нагрузки не только сократилась продолжительность их нагрева, но одновременно прекратились пережоги металла. Прокатка слитков, имеющих более высокую температуру способствовала улучшению качества заготовок.

Сокращением пауз между подачами очередных слитков и пропусками каждого из них через валки добились снижения продолжительности работы обжима на блуминге — первой операции прокатки.

Были сведены к минимуму излишние обороты валков, все промежуточные вспомогательные операции, вследствие чего возросло машинное время и соответственно повысился выпуск прокатных заготовок. Однако темпы работы на блуминге ограничивал рельсо-балочный стан, не успевавший пропускать всего потока металла, идущего с блуминга. Вскоре и здесь был найден выход: на рельсо-балочном стане стали одновременно прокатывать две и даже три полосы.

Затем рационализаторы повели борьбу за сокращение простоев на перевалке валков, на что обычно уходило полтора-два часа, а иногда и полсмены. Ныне эта операция строго регламентирована и занимает всего 50 минут. Сэкономленное время

позволило прокатывать в смену 15—20 слитков сверх плана. Благодаря точной настройке стана из первого же слитка сейчас получается годная продукция, тогда как раньше после перевалки валков теряли несколько слитков, пока работа не входила в нормальную колею.

В результате всех этих мероприятий более чем вдвое был снижен брак продукции и обеспечен выход первых сортов проката до 92 процентов вместо прежних 86. Вальцовщики сортопрокатного цеха начали прокатывать одновременно по пять и более полос. На толстолистовом и среднесортном станах выдаётся сейчас за смену столько металла, сколько перед войной прокатывалось за целые сутки.

Большую помощь в организации скоростной прокатки оказали новаторам учёные Днепропетровского металлургического института имени Сталина — действительный член Академии наук Украинской ССР Чекмарёв, доцент Галемин и другие. С их участием были осуществлены мероприятия по ускорению движения рольгангов в листопрокатном и сортопрокатном цехах, по внедрению более сильных обжатий на каждом проходе заготовки через валки.

За последние годы и здесь производственные процессы почти полностью механизированы и частично автоматизированы. На ряде агрегатов осуществлена комплексная механизация и автоматизация.

В пятой пятилетке получает дальнейшее развитие принцип непрерывности в прокатном производстве. Созданы новые типы станов непрерывной прокатки с огромной производительностью, оснащённые специальным электрооборудованием, автоматическими приборами регулирования и контроля хода процесса.

В качестве примера можно привести установленный на одном из заводов новый мощный рельсо-балочный стан. Он представляет собой сложный комплекс механизмов, обеспечивающих непрерывный выпуск железнодорожных рельсов и балок. Стан смонтирован на площади в 80 тысяч квадратных метров. По своей производительности, новизне и оригинальности конструктивных решений, по механизации и автоматизации управления отдельными узлами, машинами и целыми группами их он превосходит все подобные станы, установленные в Советском Союзе и за его рубежами.

Большой интерес представляет введённый недавно в эксплуатацию стан для производства спиральной автоматической сваркой стальных тонкостенных труб диаметром до 650 миллиметров и длиной до 18 метров. Сварной шов этих труб располагается по винтовой линии. Трубы изготавливаются из стальных полос шириной до 1500 миллиметров и толщиной от 4 до 7 миллиметров, свёрнутых в рулоны. На специальной автоматической линии машин полосы разматываются, правятся, свариваются в стык и затем свёртываются по спирали в трубу.

Долгое время существовала точка зрения, что прокаткой можно получать только голуфабрикаты: полосы, листы, сортовое железо, прутки, трубы, имеющие постоянное сечение по длине. Ныне с помощью прокатки можно получать готовые изделия и детали различной формы.

Директивы XIX съезда партии требуют в новой пятилетке расширения ассортимента прокатываемых изделий. На Енакиевском металлургическом заводе уже освоен выпуск оконных и дверных переплётов высотных зданий Москвы; на этом же заводе изготавливают направляющие рейки для скоростных лифтов. Прокатчики Макеевского завода имени Кирова организовали производство накладок для трамвайных путей и линий Московского метрополитена. На отдельных заводах освоено изготовление новых типов шпунтов для гидротехнических сооружений.

В пятой пятилетке металлурги должны значительно увеличить производство дефицитных видов проката, в частности толстолистовой стали, мелкосортной стали, проволоки-катанки, нержавеющей листовой стали. Это имеет огромное значение для машиностроения.

Увеличение выпуска листовой углеродистой, легированной и нержавеющей стали позволит широко применять наиболее прогрессивный технологический процесс дальнейшей переработки этого металла. На Запорожстали установлен самый произво-

дительный в Европе прокатный стан, изготовляющий тонкие стальные листы. Прокатка производится со скоростью 20 метров в секунду, или 72 километра в час, что превышает скорость курьерского поезда. При такой скорости процесса надо обеспечить высокое качество листа, из которого получают штамповкой детали различных машин и механизмов.

Для этого применяют автоматические приборы. Они контролируют точное соответствие стального листа техническим требованиям и не допускают выпуска брака.

Дальнейшее развитие получает в пятой пятилетке холодная прокатка тонкого листа, что гарантирует чистоту поверхности и точность размеров. Осваиваются новые методы производства жести, в частности: электролитическое покрытие листового металла оловом, получение лакированной жести, заменяющей в ряде случаев лужёную.

Значительно возрастает выпуск стальных труб, которые получили весьма широкое применение не только для транспортировки жидкостей, газов и сыпучих тел, но также и в качестве элементов конструкций для различных сооружений, деталей машин, полых осей и т. д.

В послевоенные годы существенно изменилась технология изготовления труб: увеличивается производство сварных труб на непрерывных сварочных станах; наряду с электросваркой внедрена атомно-водородная пламенная сварка, а также аргонно-дуговая. В пятой пятилетке возрастает выпуск биметаллических труб (сталь и медь, углеродистая сталь и нержавеющая сталь), труб с защитными покрытиями (алитированных, хромированных).

Видное место в работе советских металлургов занимают заказы для гидротехнических сооружений. Речь идёт о сотнях тысяч тонн металлических шпунтов арматурного железа и металла для стальных конструкций.

К каждому из этих видов металла предъявляются специфические требования, вытекающие из способов его применения и условий эксплуатации.

Так, например, из арматурного железа изготавливают в настоящее время скелет железобетонного сооружения. Раньше арматуру получали, склёпывая прокатанные изделия: балки, коробчатое железо, крупное угловое железо. Применение прокатанных по определённом, весьма ограниченному стандарту профилей заставляло часто перерасходовать металл, искусственно утяжелять арматуру.

Огромные успехи в деле освоения сварки, изобретённой и усовершенствованной в нашей стране, изменили технологический процесс изготовления арматуры. Клёпка полностью заменена более производительной сваркой, которая к тому же экономит до 30 процентов металла, так как сталь для сварной арматуры может быть взята с меньшей толщиной стенки; отпадает потребность в подкладках и накладках, в болтах, гайках и заклёпках.

Применение сварной арматуры обуславливает иные технические требования к металлу: сталь должна легко и прочно свариваться; для уменьшения количества швов увеличивается в три-четыре раза длина свариваемых стержней или полос.

Иначе решается вопрос о свойствах металла для стальных конструкций. При сохранении требования хорошей свариваемости на первый план выдвигается повышенная прочность, большая выносливость при вибрациях и периодических колебаниях, большая устойчивость металла против атмосферной и подземной коррозии и против воздействия речной воды.

Этим требованиям удовлетворяет низколегированная сталь с небольшими добавками хрома, никеля, титана и некоторых других элементов. Помимо существующих марок низколегированной строительной стали, в прошлом году в Институте металлургии Академии наук СССР была закончена разработка сравнительно дешёвой строительной стали повышенной прочности. Лабораторные и полупромышленные её испытания дали вполне обнадеживающие результаты. В годы пятой пятилетки эта сталь, повидимому, найдёт себе применение в строительстве, в машиностроении и других отраслях промышленности.

По самым осторожным подсчётам, применение низколегированной стали повышенной прочности, вместо используемой в настоящее время углеродистой стали марки «СТ-3», значительно снизит потребность в металле.

Окончание строительства мощных гидроэлектростанций значительно увеличит ресурсы электроэнергии, что открывает перспективы для дальнейшей электрификации технологических процессов металлургического производства и снабжения народного хозяйства высококачественным металлом.

Наряду с огромными успехами советских металлургов в области технологии производства имеются также достижения и в экономии расходов. В 1952 году себестоимость металла значительно снизилась по сравнению с 1940 годом. Это было достигнуто в результате сокращения расхода сырья, топлива, всех видов энергии, уменьшения брака и повышения производительности труда. Но в то же время имеются ещё не использованные ресурсы дальнейшего снижения себестоимости. Так, на Магнитогорском комбинате одну доменную печь обслуживают в два раза меньше рабочих, чем на Запорожстали. На Макеевском металлургическом заводе имени Кирова одну мартеновскую печь (185-тонную) обслуживает 131 рабочий, а на Магнитке — всего 65 человек.

Существуют колебания в расходе сырья на тонну готовой продукции, в расходе топлива и электроэнергии.

Ликвидация этих колебаний при равнении на показатели лучших агрегатов, более рациональное использование сырьевых ресурсов, загрузка оборудования на полную мощность, дальнейшая механизация трудовых процессов и переход к комплексной механизации обеспечат дальнейшее снижение стоимости металла.

На советскую металлургию возложена задача снизить за пятилетку себестоимость промышленной продукции примерно на 25 процентов при повышении производительности труда примерно на 50 процентов. Для этого созданы все условия, и директива партии будет безусловно выполнена.

7

В пятой пятилетке намечаются направления дальнейшего технического прогресса в чёрной металлургии.

В первую очередь — это механизация всех производственных и вспомогательных процессов, переход к комплексной механизации и полной автоматизации управления и контроля над качеством продукции. Это означает переход к непрерывному поточному производству.

В настоящее время по этому прогрессивному принципу работают первое и третье звено металлургического цикла — доменное производство и прокатка; среднее же звено — выплавка стали и, главное, её разливка производятся периодически. Отсюда и вытекает основная задача: разработать и внедрить новую технологию сталеплавильного производства, организовав процесс непрерывной разливки стали. В этом случае жидкий металл поступит не в изложницу для получения слитка, а в специальный станок, который, принимая жидкий металл, будет выпускать затвердевшую непрерывную стальную полосу. В дальнейшем эта полоса сможет поступить в прокатный стан, который будет давать уже готовую продукцию — профильную сталь или лист.

При этом способе производства потери металла уменьшатся в несколько раз, значительно облегчится труд рабочих, сократится дорогостоящее оборудование и совсем устранился сложный обжимный стан — мощный блуминг. Далее, на очередь станет создание такого сталеплавильного агрегата, который обеспечивал бы выдачу стали не периодически (через 8—10 часов, как это происходит в современном мартеновском производстве), а непрерывной струёй жидкого металла. Принципы такой технологии совершенно ясны; остаётся их реализовать сначала в лабораторном экспериментальном порядке, а затем уже в промышленном.

Научная и технологическая мысль советских учёных и инженеров практически разрабатывает идею замечательного русского металлурга Д. К. Чернова — получения

железа методом прямого восстановления из руд. При этом способе не нужны уже будут доменные печи с их сложнейшим оборудованием, отпадёт потребность в дефицитном коксе, в агломерировании (спекании) руды.

Всё производство металла, начиная от сырья и кончая выдачей готового прокатанного металла, будет увязываться в единый непрерывный поток.

Конечно, реализация этого потребует ещё многих, очень многих усилий огромных коллективов людей разной квалификации и разных специальностей. Но проблема перевода металлургического производства на поток вполне разрешима, и можно не сомневаться, что она будет разрешена именно в нашей стране, где нет никаких ограничений творческим дерзаниям советских людей.

Впредь до перехода на новейшую технологию надо всячески интенсифицировать существующие процессы. Директивы XIX съезда партии обязывают металлургов шире применять для этого кислород. Увеличение содержания кислорода в воздухе, вдуваемом в доменную печь, позволит отказаться от сложных и громоздких воздухоподогревательных аппаратов. Увеличится выплавка чугуна и уменьшится расход кокса на тонну чугуна.

Такие же примерно результаты даст использование кислорода в сталеплавильном производстве. Это подтверждается опытом внедрения кислородного дутья на ряде печей. При этом отпадает потребность в самой сложной и дорогой части современной мартеновской печи — в регенераторе.

Мы уже отмечали рост потребности в различных сплавах железа, обладающих специфическими свойствами. Создание каждой новой марки стали требует значительного времени и многочисленных опытов, так как теоретические предположения и разработки ещё не всегда могут служить надёжным подспорьем. Наши учёные должны углубить теорию легирования стали, установить ряд её закономерностей, и тогда металлургия сможет выполнить любой заказ нашей промышленности и дать металлы требуемого качества.

Увлекательные работы проводят советские металловеды, развивая дальнейшее изучение физических свойств металлов: тепловых, магнитных, электрических, оптических, в частности, изменения цвета металлов. При помощи особой обработки можно, например, получить сталь с золотистым оттенком. Она может быть успешно использована для отделки зданий и изготовления различных скульптур. Она имеет более приятный цвет, чем обычная нержавеющая сталь, и не чернеет, как бронза и латунь.

Огромное народнохозяйственное значение имеют разработанные советскими учёными мероприятия, способствующие повышению качества металла: рациональная термическая обработка, различные химические и механические способы упрочения изделий. Речь идёт о таких процессах, как цементация, азотирование, фосфатирование, кадмирование, поверхностная закалка токами высокой частоты, дробеструйная обработка, холодная прокатка, обкатка роликами и другие.

Технический прогресс в металлургии сопровождается ростом политического, научно-технического и общекультурного уровня рабочих, техников, инженеров и научных работников.

Рабочие вносят много рационализаторских предложений, охотно делятся своим опытом. В свою очередь учёные в тесном непосредственном контакте с производством, зная его нужды, изучив все узкие места, направляют свою творческую энергию к преодолению этих препятствий.

Содружество учёных металлургов с производственниками непрерывно обогащает науку опытом, новыми открытиями и теоретическими выводами. В результате успешно решаются задачи создания новых марок специальной стали, внедряются более совершенные технологические процессы, интенсифицирующие производство и повышающие качество металла.

Учёные шефствуют над заводами, разрешая совместно с ними сложные научно-технические проблемы и внедряя их в производство. В то же время достижения прак-

тиков толкают учёных на новые исследования. Ярким примером могут служить скоростные плавки стали в мартеновских печах, проведённые сталеварами — передовиками производства. Массовое распространение скоростных методов, превращение отдельных рекордов в обычные прогрессивные нормы потребовало теоретических обоснований учёных разных специальностей — в области теории металлургических процессов, энергетики, физической химии, силикатов (огнеупорные изделия), контрольно-измерительной техники, автоматики и телемеханики.

Комплексная научная разработка всей проблемы в целом на основе обобщения опыта передовых сталеваров позволила успешно и быстро добиться резкого увеличения выплавки стали.

Только в Советском Союзе возможно такое творческое сочетание науки и производства, так как интересы рабочего и учёного у нас полностью совпадают. Всеми трудящимися Советского Союза движет благородная идея патриотического служения своей социалистической Родине, стремление неуклонно совершенствовать производство, давать стране больше продукции.

Нет никаких сомнений в том, что многочисленная армия советских металлургов, воодушевляемая великими идеями строительства коммунизма, приложит все усилия, все свои знания и опыт к тому, чтобы успешно и досрочно выполнить задания пятого пятилетнего плана по всем технико-экономическим показателям.

В. АСМУС

★

ОБРАЗ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА ТИПИЧЕСКОГО

1

Реалистическое искусство, как и наука, есть вид отражения действительности. В этом смысле — в смысле способности отражения — всякое искусство «образно», «изобразительно». Изобразительны не только живопись и скульптура, за которыми издавна и по праву утвердилось название «искусств изобразительных», не только кино и театр. Изобразительны также поэзия и художественная проза и даже музыка. Всякое искусство изобразительно в той мере, в какой оно отражает жизнь в своих образах.

Могло бы показаться, что исключение здесь составляет музыка. Повидимому, в музыке невозможно, чтобы все слушатели одинаково представляли себе предметы и явления реальности, о которых говорит своими звуками это искусство. Но и музыка изображает. Она изображает не в том смысле, будто в ходе исполнения и восприятия, например, музыкального вступления к «Садко» Римского-Корсакова все слушатели «видят» море, изображённое композитором в этой музыкальной картине, как зрители видят море, изображённое в картине Айвазовского. Музыка изображает в ином смысле — гораздо более важном для искусства и объединяющем музыку со всеми другими искусствами. Она изображает в том смысле, что всё музыкальное произведение или его часть имеет источником своего происхождения явление или предмет, породивший в композиторе некоторый образ, впечатление, чувство, мысль. Эти мысль, образ, впечатление, чувство возникли не в отрешённой от жизни об-

ласти звуковых построений, но из воздействий предметного мира и непременно выражают отношение к наблюдаемой, чувствующей и изображаемой действительности.

В этом смысле музыка будет «изобразительной» не только в случае заявленной самим композитором и им раскрытой «программности». Музыка будет изобразительной и в случае, когда программность не была сознательной целью автора, и даже в случае, когда автор субъективно начисто отрицал программность как сознательную цель своей творческой работы. В этом смысле «беспрограммные» симфонии Глазунова или Брамса лишь кажутся неизобразительными. В действительности и они изобразительны, хотя в ином роде, чем программные симфонии Скрябина или Чайковского.

Однако, отражая в себе действительность, образ искусства, так же как и понятие, отражает её в каждом отдельном случае неполностью. Он представляет, говоря словами Ленина, не «зеркально-мертвый акт» или концепт, но такой образ, который по отношению к породившей его действительности есть одновременно и отражение этой действительности, «снятие слепка (= понятия) с нее»¹, и отражение не безусловно полное, не исчерпывающее всех сторон, всех черт, всех свойств и всех отношений предмета.

Даже предельно реалистический образ может захватить из ткани предмета только то, что представляет результат выбора и ограничения.

¹ В. И. Ленин. *Философские тетради*. Госполитиздат, 1947, стр. 308.

Образ реалистического искусства есть род отвлечения. Мысль эта может показаться парадоксальной только при условии, если под отвлечением понимают единственный вид отвлечения — тот, какой представляют научные абстракции. Но художественное отвлечение — не то же самое, что научная абстракция.

Научное отвлечение, выраженное в научном понятии, так и осознаётся всеми, кто пользуется этим понятием: в качестве отвлечения. Никому, кто пользуется, например, понятием об объёме куба, не придёт в голову, будто, мысля это понятие, он мыслит индивидуальный, конкретный куб, например куб кристалла поваренной соли.

Напротив, отвлечение, запечатлённое в произведении искусства, будучи тем, что оно есть — то есть отвлечением от ряда сторон и черт индивидуального конкретного явления, — вызывает в зрителе, читателе, слушателе не абстрактное понятие, но индивидуальный и конкретный образ явления.

Портрет, сделанный пером или карандашом, непосредственно передаёт только часть черт лица и фигуры. Но изображает портрет не эту, фиксированную в портрете, ограниченную отбором часть черт. Он изображает личность, а не её «элементы», не «черты лица», а в сё это лицо, и отобранные художником черты — только средство, для того чтобы создать полное впечатление целостного лица.

Сказанное справедливо прежде всего относительно изобразительного искусства. Мир, нас окружающий, — мир многоцветный, многокрасочный. При этом многоцветность вовсе не такое качество мира, которым можно пренебречь. Цвет, колорит — источник весьма важных для нас впечатлений и чувств, отнюдь не только зрительных. Недаром Гёте всю жизнь изучал то, что он называл «нравственным действием цвета».

Но, как ни велико значение цвета в природе, в душевной жизни, одноцветная скульптура лишает нас восприятия этой стороны реальности. Конечно, изваянная скульптором фигура не может быть вовсе бесцветной, однако в монохроматической скульптуре она дана в одном цвете. По отношению к действительности образ такой скульптуры — только частичное отражение реальности.

При этом частичный характер отображения обусловлен вовсе не тем, что отражение множества цветов в скульптуре вообще невозможно. Архаическая скульптура была многоцветна. Существует многоцветная скульптура и в современном искусстве. Одноцветность классической скульптуры намеренна. Это не ограниченность искусства, а его самоограничение. Мастер одноцветной скульптуры отказывается от многоцветности, так как статуя и в одном цвете может быть правдивым отражением реальности. Чтобы образ был отражением жизни, безусловная полнота отражения всех черт и всех сторон предмета не требуется.

Казалось бы, что в этом отношении образы живописи полнее, чем образы одноцветной скульптуры, отражают реальность. Живопись не только возвращает нам отнятую одноцветной скульптурой способность видеть мир в цвете, но и значительно расширяет пределы самого этого видения, обостряет его силу. Однако и здесь художник отказывается, не может не отказаться от многого. Изображённый им мир может быть полон красок, форм, пронизан движением, исполнен драматической силы. Однако мир этот лишён рельефа, пространственной глубины. Он дан на плоскости, на листе или картоне. Изображённая живописцем фигура видна не со всех сторон, как видна в круглой скульптуре фигура, изваянная скульптором.

И здесь отражение избирательное: из всех принадлежащих предмету сторон и черт отражены лишь некоторые. И здесь этот характер отражения обусловлен не только ограниченностью изобразительных средств данного искусства; в гораздо большей степени характер этот вытекает из сознательной воли художника к самоограничению. Живопись не всегда пользуется своим преимуществом — способностью изображать мир как многокрасочный. В «Стригунках» Серова лошади даны в цвете. Но тот же Серов отказывается от воспроизведения цвета, рисуя животных из басен Крылова. Отказ этот ничуть не уменьшает реалистической правды и выразительности этих замечательных рисунков. Будучи частичным, неполным, образ может отражать полноту, силу и правду самой жизни.

Об этой черте искусства — о его способности неполными, частичными в каждом

отдельном случае чертами и образами рисовать всю полноту, все богатство явлений жизни — не раз говорили великие материалисты: Н. Г. Чернышевский в домарксистской и В. И. Ленин в марксистской философии.

Из того, что картина не может быть безусловно полным отражением предмета, никак не следует, будто вся полнота жизненного явления недоступна искусству в его целостном развитии. Наоборот, неполными чертами, выделенными из всего содержания предмета, реалистическое искусство изображает всё содержание явлений жизни.

Сказанное о живописи и скульптуре в равной степени относится к музыке. Мы справедливо восхищаемся изобразительной силой музыки Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского. Музыка эта подлинно изображает. Мы следим, как качается, плывёт по волнам моря, просмоленная бочка с царевичем Гвидоном и его матерью. Мы слышим звон мечей в сече при Кеуженце. Мы слышим мерный скрип пера, которым Пинен в «Борисе Годунове» выводит своё «последнее сказанье».

Всё это бесспорно и не удивительно. Удивительно другое. Удивительно, какими неполными, по отношению ко всему содержанию изображаемого, средствами достигается этот реалистический результат. Как мало приходится захватить композитору из действительного содержания явления, чтобы средствами музыки заставить нас ощутить реальность, породившую музыкальное изображение!

Как мало, в сущности, из непосредственного содержания явления грозы отражается в «Пасторальной симфонии» Бетховена и как все же реалистично, каким знанием и чувством природы дышит это изображение!

Казалось бы, в ряду искусств есть одно, свободное от этой ограниченности, способное изображать все стороны предметов и явлений жизни. Искусство это — кино. Однако и здесь соединение всех изобразительных средств — движения, формы, цвета, объёма, речи, звука — не делает образ киноискусства изображением всей полноты сторон и явлений отображаемой жизни. И это искусство отвлекается от некоторой и притом очень важной черты действительности. Действительная жизнь характеризуется непрерывностью событий и явлений. Ни в каком месте и ни в какое время не

прекращается жизнь, не обрывается бесконечная нить её событий. На место этой непрерывности кино ставит прерывистость особо отобранных, выделенных из целого, соединённых по замыслу сценариста и режиссёра сцен.

Эту общую всем искусствам черту — выделение некоторой части из изображаемого явления или предмета и исключение других частей — делит с ними, разумеется, и художественная литература. Ни одно произведение литературы, отдельно взятое, тем более ни один образ этого произведения, отдельно взятый, не воспроизводят и не могут воспроизвести всё богатство содержания своего предмета. От простейшего эпитета былинного эпоса или народной песни вплоть до величайшей эпопеи, вроде «Человеческой комедии» Бальзака, «Войны и мира» Толстого, «Клима Самгина» Горького, — отражение жизни в образах литературы всегда есть результат выбора и ограничения. Для полного изображения жизни или хотя бы отрывка из жизни литературного героя писателю схватило бы и долголетия Агасфера.

По разъяснению Чернышевского, «образ в поэтическом произведении точно так же относится к действительному живому образу, как слово относится к действительному предмету, им обозначенному».

Поэзия «всеми силами стремится к живой индивидуальности своих образов.. а успевает только несколько приблизиться к ней».

По сюжету, по полноте обрисовки лиц, поясняет далее Чернышевский, «поэтические произведения далеко уступают действительности». И в полном согласии с этими мыслями Чернышевский добавляет, что целью поэтического произведения является «верное воспроизведение известной стороны жизни, а не какою-нибудь отдельного случая..» (Подчёркнуто мной — В. А.).

Сказанное, на первый взгляд, может показаться странным. Разве материалистическая диалектика не противопоставляет конкретность живого познания мертвенности и бесплодности абстрактного мышления? Разве она не напоминает нам ежедневно о том, что всякая истина конкретна? И разве это противопоставление конкретного познания абстрактному не является вдвойне истинным по отношению к искусству? Где же ещё, как не в образах реалистического

искусства, искать наибольшей возможной для мышления и познания конкретности?

Ленинская теория отражения внесла полную ясность в вопрос о научной и художественной абстракции.

Ленин показал, что во всяком познании — как научном, так и художественном — следует строго различать два вида абстракции, или отвлечения.

Существуют абстракции бесплодные для познания, пустые, ложные, мёртвые. Это те абстракции, в которых мысль отвлекается от существенных свойств предмета, то есть отвлекается от тех его сторон, от которых невозможно отвлечься без того, чтобы понятие о предмете не перестало быть истинным отражением предмета.

Такие бесплодные, неистинные, пустые абстракции возможны не только в понятиях науки. Они возможны также и в образах искусства. Что такое образ кубистической живописи, рассматриваемый с точки зрения его отношения к реальности? Результат абстракции в дурном смысле этого слова. Мертвенность и бесплодность такого образа не в том, что он воспроизводит геометрические формы и объёмы, лежащие в основе телесных предметов и явлений. Формы и объёмы эти существуют. Бессмысленность и лживость кубистического изображения формы и объёма не в том, что это изображение отвлекается от многих сторон предмета и воспроизводит только некоторые. Так поступает всякое искусство, в том числе и реалистическое. Дело здесь не в самом факте выбора. Дело в том, как им должен быть этот (неизбежный для каждого искусства и для каждого образа) выбор, от изображения каких сторон предмета художник вправе отказаться и какие стороны он должен воспроизвести. Кубистическое отвлечение лживо и бессмысленно потому, что оно отвлекается от тех сторон, от тех черт и от тех связей черт предмета, которые для образа существенны, отвлечение от которых делает невозможным самое отражение предмета в образе. Так, вода состоит из молекул, молекулы — из атомов водорода и кислорода. Можно разложить молекулы воды. Но то, что получится, будет уже не вода, а химические элементы воды. Они существуют, их можно обнаружить, у них есть свои свойства. Но в них уже нет свойств воды. Можно пить воду, но нельзя пить атомы водорода и кислорода. И точно

так же можно усмотреть в лице человека, портрет которого пишут, игру или сопоставление граней, поверхностей, геометрических форм. Можно, делая портрет, видеть и изображать только эти формы. Но то, что будет нарисовано или написано таким способом, не явится образом — так же как атомы водорода и кислорода не являются водой.

Разница здесь, однако, в том, что разложение воды на атомы водорода и кислорода, уничтожая воду как воду, полезно для науки и техники, в то время как сведение на портрете образа лица к одним лишь геометрическим формам и элементам, уничтожая портрет как изображение лица, абсолютно бесполезно и бессмысленно с любой точки зрения.

Таковы абстракции бесплодные, неистинные, пустые. Но существует совершенно другой вид отвлечения — отбор черт, отражаемых в реалистическом изображении предмета. Не только в научном, но и в художественном познании существуют способы отбора, которые, воспроизводя только часть сторон, только часть черт предмета или явления, воспроизводят существенные черты и стороны явления и отвлекаются от несущественных.

Образы этого рода — уже не пустые, не бесплодные, не мёртвые абстракции. Отражая или выбирая из предмета или из явления его существенные черты, они помогают нам познать предмет по тем его сторонам, какие имеют величайшее значение для знания.

Ленин показал — и это одна из важнейших идей его теории отражения, — что движение познания к истине осуществляется только посредством абстракций второго рода. Конкретная истина получается в результате отражения предмета такими понятиями, каждое из которых, отдельно взятое, есть абстракция, но, будучи отражением существенных свойств, даёт все же истинное познание предмета.

«Познание, — разъяснял Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это, — подчёркивает Ленин, — не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов... каковые понятия, законы... и охватывают условно, приблизительно универсальную закономер-

ность вечно движущейся и развивающейся природы»¹.

«Всякое общее, — разъяснял Ленин в фрагменте о диалектике, — лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д... говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы о б р а с ы в а е м ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому»².

При этом Ленин подчеркнул, что такие абстракции не просто дают нам истинное познание некоторых черт предмета. Так как в таких абстракциях отражаются существенные черты предметов и явлений, то познание, доставляемое подобными абстракциями, оказывается более глубоким, более верным, в конечном счёте даже более полным, чем непосредственное восприятие предмета при помощи внешних чувств или наглядного представления.

Казалось бы, что может быть более полным, более живым, более конкретным, чем непосредственное восприятие предмета? В действительности дело обстоит иначе. Существенные черты предмета или явления часто ускользают от непосредственного созерцания и улавливаются только при помощи абстрактного понятия. «Мышление. — говорит об этом Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно правильное... — от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее»³.

Итак, существуют абстракции, которые в отличие от «пустых абстракций» лженауки или схоластики дают не только истинное знание предмета, но и такое знание о нём, которое полнее и вернее конкретного живого созерцания или восприятия.

Подобные способы отвлечения существуют не только в научном, но и в художественном мышлении. Таким изображением, отвлекающимся от несущественных черт предмета, является образ реалистического

искусства. Так как отражённые в этом образе черты, отвлечённые от всех прочих черт, суть черты типические, существенные, то образ этот верен, правдив, истинен. Он не уходит от жизни, но, напротив, отражает её, ведёт к ней. Будучи неполным — в отношении тех черт предмета или явлений жизни, которые остались неотображёнными в нём, — образ реалистического искусства полнее любого непосредственного представления, восприятия, созерцания в отношении тех существенных сторон жизненных фактов и явлений, которые в нём отразились и которые часто недоступны непосредственному представлению.

Такой образ, не сравнимый с понятием науки в тех чертах познания, которые доступны только науке и которыми наука превосходит даже реалистическое искусство, может при известных исторических условиях развития реалистического искусства не уступать научным понятиям по полноте познания жизненных явлений. В этом смысле Энгельс писал о «Человеческой комедии» Бальзака как о самой замечательной реалистической истории французского общества, из которой он «даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, о перераспределении реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»¹.

Итак, не существует неразрешимого противоречия между утверждением, что образ реалистического искусства есть отражение всей полноты жизни, и утверждением, что это отражение в каждом отдельном случае отказывается от воспроизведения всех черт явления.

Поэтому ошибочны все те эстетические теории, которые отличие образа искусства от понятия науки видят в том, что понятие отражает предмет посредством отвлечения, то есть абстрактно, а образ реалистического искусства отражает будто бы свой предмет во всей полноте его черт, то есть конкретно. Теории эти так или иначе ведут к натуралистическому, а не к реалистическому пониманию образов искусства.

Как всякое заблуждение, натуралистическое заблуждение имеет свой гносеологи-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 156.

² Там же, стр. 329.

³ Там же, стр. 146.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, стр. 405—406.

ческий корень. Таким корнем в рассматриваемом случае является ошибочное понимание конкретности художественного образа. Да, образ в реалистическом искусстве конкретен. Но конкретность художественного образа в реалистическом искусстве есть такой способ отбора черт предмета и такой способ их связи, при которых образ, будучи неизбежно неполным отражением предмета, представляет всё же отражение не отдельных только черт или сторон, «выхваченных» из предмета, изолированных, но отражение именно предмета как такового, в некоторой целостной связи, в единстве его отражённых образом черт. Конкретен не тот образ, который отражает всё. Такого образа не существует и не может быть в искусстве. Конкретен тот образ, который, отражая только часть, изображает не эту часть, а изображает целое.

Такая конкретность не только не исключает отвлечения, но, наоборот, предполагает отвлечение в качестве необходимого условия самой реалистичности образа. Такой образ в частном показывает общее, подчиняющее себе все частности,— закономерное.

2

Было бы, однако, большой ошибкой сделать из сказанного вывод, будто отражение жизни в художественном мышлении ничем не отличается от отражения в мышлении научном. И понятие науки и образ реалистического искусства отвлекаются от многих черт действительности, выбирают из непосредственно видимого. Однако способ отвлечения в науке и способ выбора в искусстве — не один и тот же. Другим будет также и результат действия понятия и образа.

В чём же состоит здесь различие?

В домарксистской эстетике не раз делались попытки определить специфический принцип отбора, отличающий художественное отвлечение от научного. Существуют теории, авторы которых хорошо понимали, что образы искусства тоже представляют вид отвлечения, и пытались объяснить, чем отличается художественное отвлечение от научного. Однако в домарксистской и в современной немарксистской и антимарксистской эстетике теории эти не дали и не могли дать истинного решения вопроса.

Первую группу теорий этого рода состав-

ляют теории, в которых необходимость отвлечения в образе от некоторых черт изображаемого предмета объясняется особыми свойствами каждого отдельного вида искусства, свойства же эти — так утверждают эти теории — обусловлены специфическим материалом и особыми условиями изображения, характерными для каждого отдельного искусства. Согласно этим теориям, для каждого искусства будто бы существуют твёрдо очерченные границы доступной этому искусству предметной изобразительности. Так, живопись может-де изображать различно окрашенные предметы, расположенные в пространстве, но не может непосредственно изображать их движения, протекающего во времени. Поэзия может-де изображать действия, следующие друг за другом во времени, но не может непосредственно изображать видимые в пространстве тела с их различными формами и красками и т. д. Одну из таких теорий развил на основе превратно понятого им Лессинга немецкий эстетик Эрнст Мейман.

Теории этого типа несостоятельны. Необходимость отбора изображаемых в образе черт и сторон предмета они пытаются вывести из отвлечённо-гносеологической характеристики групп искусств и отдельных искусств.

Спору нет, не все предметы и явления объективного мира в одинаковой мере могут быть изображаемы всеми искусствами, если при этом иметь в виду непосредственное изображение. Живопись непосредственно изображает тела как неподвижные, а не как движущиеся. Поэзия непосредственно не изображает ни лица, ни фигуры героя поэтического произведения. Музыка непосредственно не изображает синего цвета моря, а живопись не изображает звука труб и тромбонов. Эмпирические границы между искусствами в отношении предметной изобразительности бесспорно существуют. Границы эти обусловлены многосторонностью предметного мира, породившей соответствующую ей многосторонность отражения мира в сознании человека. Именно потому, что предметный мир существует и как мир многозвучный и как мир многокрасочный, а предметы его и как движущиеся и как относительно неподвижные, для человека существует возможность осознания и отражения мира по какой-либо одной из всех

этих его сторон, выявляющих каждая по-своему его предметное единство. В искусстве эта возможность реализуется в факте существования не только единого искусства, но и отдельных искусств: поэзии, кино, музыки, живописи, театра, скульптуры, балета и т. д.

Не следует недооценивать значение границ предметной изобразительности, определяемых многогранностью самой действительности и многогранностью её отражений в образах искусства. В известном смысле границы эти непреложны, не могут быть устранены никаким изощрением изобразительных средств каждого отдельного искусства. Мы видим на картине сноп искр раскалённой стали, но не слышим при этом — и никогда не услышим — ни её шипения, ни грохота куящего молота.

Поэтому безусловно ошибочными и даже вредными должны быть признаны попытки некоторых теоретиков искусства и самих художников «преодолеть» определённую предметную область, составляющую удел каждого отдельного искусства и ограничивающей его изобразительные возможности. Строго говоря, «ограниченность» эта не столько ограниченность, сколько, напротив, условие отражения искусством всего много-стороннего содержания действительности. То, что «теряет» каждое искусство, отдельно взятое, — живопись, так как она не поёт, скульптура, так как скульптурная фигура не пляшет, поэзия, так как она не даёт видимого образа предмета, — не «пропадает» для искусства в его целостности. Искусству в целом подвластны все стороны, все притяжения и обнаружения действительной жизни.

Однако наличие границ предметной изобразительности, отличающих отдельные искусства друг от друга и ограничивающих число доступных каждому из них сторон реальности, вовсе не единственная причина частичного характера отражения в образах искусства.

Прежде всего границы эти не так узки, как это могло бы представиться с первого взгляда. Есть стороны предметов и явлений жизни, доступные изображению не в каком-либо одном, но в ряде искусств — в поэзии, живописи, музыке. В этом случае границы изобразительности проходят не между отдельными искусствами, а между группами искусств. Во-вторых, область предметной изобразительности, до-

ступная каждому отдельному виду искусства, часто таит в себе возможности изображения и таких сторон и явлений действительности, которые лишь на известном этапе развития данного вида искусства казались ему недоступными.

Но главная причина частичного характера отражения действительности образами отдельных искусств — не в границах доступной им предметной области. Поскольку границы эти существуют, художник вынужден с ними считаться. Они даны ему, не он их выбирает, не он властен их отменить или перекроить по своему произволу. В той мере, в какой частичность художественного отражения определяется неизбежными для каждого искусства границами его предметной области, частичность эта ещё не выражает активности художника.

Есть другая, для искусства гораздо более существенная, причина частичности художественного отражения. Причина эта определяется уже не тем, что от художника не зависит и что сложилось в результате многогранности самой действительности. Причина эта определяется важнейшим свойством искусства. Состоит это свойство в том, что, будучи отражением действительности, искусство есть не пассивное состояние, но деятельность. Всё, что отражается в образе, определяется прежде всего содержанием реальности: невозможно «отразить» то, чего нет и не может быть в самой действительности. Но искусство — не бессознательный процесс, а активная сознательная деятельность художника, и деятельность эта не может не сказаться при решении вопроса о том, какие черты реальности войдут в содержание образа и какие останутся не отражёнными.

Здесь частичность отражения — результат не ограниченности искусства, а самоограничения художника.

Теория твёрдых эстетических границ, будучи бы точно и неподвижно определяющих для каждого искусства доступную ему область изобразительности, чрезмерно рационалистична. Она видит в искусстве только деятельность мышления. Она не учитывает того, что свою познавательную задачу произведение искусства решает не только при помощи интеллектуальных функций, но также посредством действия на чувства.

Особенность искусства в том, что образ искусства, действуя на воспринимающего, вызывает работу мысли (именно мысли).

не иначе, как в связи с тем действием, какое этот образ производит на чувства. Но эмоциональное действие, обусловленное чувственным впечатлением, обладает удивительным свойством. Состоит оно в том, что внушённое образом чувство способно вызывать не только восприятия и представления, которые непосредственно связаны с данным впечатлением, но также может вызывать восприятия и представления, прямо и непосредственно с ним не связанные. Так, образ живописи способен при известных условиях внушить впечатление не только контура, фигуры, объёма, цвета, но также впечатления тепла и холода, бархатистости и шероховатости и т. д. Музыкальный поток звуков может вызвать в слушателе не только чувства, непосредственно порождаемые звуковыми впечатлениями, но также — в силу связи между чувством и представлением, фантазией и мышлением — ряд образов предметного мира. Чувственное впечатление становится изображением, притом изображением более полной и целостной части действительности, чем та, о которой говорит чувственное впечатление как таковое.

Таким образом, уже связь образа с чувственной сферой, через которую осуществляется действие образа, восполняет частичный характер образного отражения действительности, преодолевает неизбежную для каждого образа неполноту отражения. Без этой связи образа с чувственной сферой образ не мог бы осуществить своё назначение — быть хотя и частичным отражением целостности отражаемого. Именно в этом существенная черта, отличающая образ искусства от понятия науки.

В случае научного понятия результатом отвлечения может быть расчленение предмета на элементы, которое не сопровождается непременно — тут же, в пределах данного исследования, — их синтезом. Хотя научное мышление, как показали классики марксизма-ленинизма, всегда предполагает не только анализ, но также и синтез, для научного применения понятие пригодно и тогда, когда оно представляет результат (или отражение) аналитического расчленения предмета. Химик не только разлагает молекулу воды на химические элементы. Он может также получить воду синтетическим путём. Однако возможность химического синтеза воды вовсе не означает, будто в химическом понятии воды, в каждом от-

дельном случае применения этого понятия, непременно должны мыслиться условия этого синтеза. Химическое понятие о воде может быть аналитически добытым понятием об элементах воды, отвлечённых от всех прочих её качеств и действий — физических, физиологических и т. д. Это отвлечение не мешает понятию о воде быть тем, что оно есть, то есть понятием.

Напротив, образ реалистического искусства никогда не отвлекается от связи выделенных сторон с целым. Образ не может даже временно, даже условно остановиться, как это постоянно делает понятие, на аналитически вычурной из предмета части его содержания. В реалистическом искусстве образ всегда соотносит эту часть с тем целым, от которого она отвлечена и из состава которой она выделена. Рисунок может отвлекаться от цвета; однако, даже отвлекаясь от цвета, например от цвета лица, рисунок изображает именно лицо — выразительное, живое, человеческое лицо, а вовсе не те «элементы» лица, какими являются контур и растушёвка. Статуя отвлекается от реального движения, каким является реальное перемещение тела и его частей в пространстве. Но изображает статуя не неподвижность, а именно те усилия и приготовления, ту постановку фигуры, то напряжение мускулатуры, которые предшествуют движению, сулят движение, сопровождают и обуславливают движение.

Таким образом, границы предметной изобразительности, отпущенные каждому искусству его особенной природой, не безусловны. Поэтому так несостоятельны все попытки априорно определить эти границы. Нельзя предвидеть и предусмотреть все те средства изображения, которые могут быть найдены художниками и благодаря которым то, что вчера ещё казалось недоступным изображению средствами данного искусства, завтра, может быть, окажется ему доступным. Живописцы не всегда умели, например, передавать впечатление тепла от изображаемой ткани или изображаемого цвета, однако со временем они этому научились. «Жаворонок» Глинки называется так не только потому, что поэтический текст романа говорит о жаворонке. То, о чём говорит эта музыка, выходит за пределы только слышимого, овладевает — пусть с помощью текста — способностью представления предметного. Это не натурали-

стический образ, но музыкальный эквивалент видимого.

Итак, необходимость отвлечения образа от некоторых сторон изображаемого предмета менее всего обусловлена границами предметной изобразительности. Теории о существовании таких твёрдых границ представляют род эстетического агностицизма. Они опровергаются так же, как опровергаются все теории агностицизма, — практикой художественного творчества. Сколько раз эстетики, развивавшие эти теории, пытались ограничить область предметного, доступную отдельным искусствам или группам искусств. И сколько раз живая практика реалистического искусства изменяла эти границы.

Метафизику теорий, налагающих неподвижные границы на искусства и утверждающих принципиальную недоступность каждому отдельному искусству некоторых сторон реальности, убедительно опроверг Мусоргский. «Меня всё-таки пытается мысль, — писал Мусоргский, — отчего «Иваны» (IV и III) и особенно «Ярослав» Антокольского, отчего «Бурлаки» Репина и.. золотушный мальчишка в «птицелове» Перова и «первая пара» его же в «Охотниках», а также не показанный, но виденный мною «Крестный ход в деревне» живут, так живут, что познакомишься и покажется «крас-то мне и хотелось видеть». Отчего же всё, что сделано в новейшей музыке, при превосходных качествах сделанного, не живёт так, и когда услышишь, покажется: «ах, да, я думал, что вы...» и проч. — Вот это объясните мне, только границы искусства в сторону — я им верю только очень относительно, п. ч. границы искусства в религии художника равняются застой. Что из того, что чьи-то великолепные мозги не додумались; ну, а другие чьи-то мозги думали и додумались — где же тут границы? А относительно — да! Звуки не могут быть резцом, кистью — ну, конечно, как у всякого лучшего есть своё слабое и наоборот — это и дети знают».

Другая группа теорий пыталась доказать необходимость отвлечения для образов искусства, исходя из более верных, но всё же недостаточных оснований. Таким основанием в этих теориях объявлялись свойства художественного обобщения или типизации.

Познавательное значение реалистическо-

го искусства состоит в том, что образ такого искусства есть не образ-фотография, но образ-тип. Типический образ — это образ, отражающий не все принадлежащие предмету черты. Типический образ отражает только существенные черты предмета и явления. Типический образ — носитель общего.

Однако, если мы спросим далее, каким же способом достигается в образе его обобщающее, типизирующее значение, то на этот вопрос все домарксистские и современные немарксистские теории давали и дают ошибочный ответ. Ответ этот заключается в утверждении, будто образ становится типом в результате особого процесса «осреднения» наблюдаемого. Состоит этот процесс в том, что, наблюдая людей изображаемого в произведении общества, художник-реалист замечает в этом обществе некоторую совокупность повторяющихся, распространённых «типических» черт. «Тип» познаётся художественно, когда художнику удаётся выделить во многих отдельных лицах, представляющих известный определённый тип, то, что для всех них является общим, и опустить те особые черты, которыми представители этого типа отличаются между собой.

По этой теории типическим является ядро черт, общих для целого множества лиц, представляющих данный тип в обществе. Типическое понимается здесь как общий осадок, выделившийся из смешивания массовидных отдельных экземпляров, результат некоей «осредняющей» абстракции.

Здравый смысл этой теории «осредняющей» типизации состоит в том, что она не только видит в образе отражение реальности, но, кроме того, понимает, что это отражение достигается путём отвлечения от всех тех черт изображаемых явлений или лиц, которые в них несущественны. Однако положение это, само по себе верное, не даёт окончательного ответа на вопрос о сущности типического. Для эстетики недостаточно признать, что несущественные черты явления должны быть опущены в образе. Весь вопрос в том, каким способом отображается в реалистическом искусстве существенное, что представляет это существенное.

Теория, отождествляющая типическое с осреднённым результатом обобщения, несмотря на свой материалистический харак-

тер, не может быть марксистской теорией реалистического искусства и реалистической эстетики. Теория эта — теория материализма созерцательного, а не действительного.

Эта теория предполагает, будто художественное отражение реальности есть отражение непосредственное, пассивное. Она игнорирует действительность художника, партийную, политическую направленность его художественного обобщения.

Теория, сводящая типическое к среднеарифметическому, не могла и не может объяснить чрезвычайно важную особенность типических образов. Особенность эта в том, что типический образ при сравнении его с действительностью очень часто представляет явное преувеличение действительности.

В русском классическом реализме типическое часто раскрывалось в сатирических произведениях. Но сатирический образ менее всего похож на коллективную фотографию, которая получается в результате последовательного накладывания или наслаивания на пластинку изображений многочисленных членов семейства. В такой фотографии действительно можно выделить ядро сходных фамильных черт, получающихся как средний итог или результат фотографирования. Но сатирическое раскрытие типического достигает своей цели посредством сгущения, преувеличения, подчёркивания.

Сатирическое искусство Грибоедова, Гоголя, Щедрина, Сухово-Кобылина дали нашему искусству великолепную галерею подлинно типических образов. Образы эти были созданы не по методу осредняющего статистического сложения. Выявляя типическое, они подчёркивают, сгущают одни черты и оставляют в тени или просто опускают другие. Для этих образов нельзя указать в действительности их непосредственную модель. И в то же время образы эти не только порождение, но и отражение действительности. Они реалистичны, но в них нет ничего натуралистического.

Теория, сводящая типическое к осредняющему осадку обыденного, массовного, не может быть теорией реалистического искусства. Тем более она не есть теория реализма социалистического. С точки зрения теории, уподобляющей тип «среднеарифметическому», искусство

Гоголя, Щедрина, Маяковского не может быть характеризовано как реалистическое. И всё же оно реалистично! Никакой Чичиков, колесивший в своём экипаже по дорогам и по бездорожью николаевской России, не мог ни в какой деревне, ни в какой усадьбе найти таких Плюшкиных, Собакевичей, Коробочку, как те, которые изображены в поэме Гоголя. Но эти Плюшкин, Собакевич, Коробочка — не продукт чистой фантазии писателя. Это гениальные реалистические типы. Реальность в них отразилась не посредством исключения всего особенного, индивидуального, несхожего. Она отразилась в сгущении типического образа, в преувеличении явления. Это преувеличение и сгущение — не произвол писателя. Преувеличение это — следствие того, что на действительность художник глядел пристрастными глазами гражданина, патриота, борца, обличителя. Он искал реалистической правды, а не натуралистического правдоподобия.

Типическое открывается во всей своей объективной правде тому и только тому, кто смотрит на жизнь с точки зрения сил, представляющих прогрессивную часть общества. Поэтому типическое открывается не эстетическому созерцателю жизни и не натуралистическому копировальщику. Оно открывается тенденциозному художнику.

Тенденциозность, партийность художника социалистического реализма обостряют силу его зрения, обращённого к росту нового в старом, к побегам будущего в настоящем.

Передовой художник социалистического реализма изображает явления современной жизни не только такими, какими они существуют в настоящее время. Отражая и изображая их, он подчёркивает, выдвигает, выделяет в них черты того, что ещё лишь нарождается, чему лишь предстоит быть, хотя в настоящий момент оно, быть может, ещё слабо и даже не слишком заметно.

Именно эта «неприметность», недостаточная выявленность в жизни нарождающегося нового делает невозможным для художника социалистического реализма простое натуралистическое копирование или фотографирование жизни. Изображая не только то, что есть в своём полном развитии, но и то, что, уже существуя, только ещё нарождается и развивается, искусство социалистического реализма требует от худож-

ника не только глубокого и точного знания реальной жизни, но и творчества в её изображении.

Оно требует, во-первых, знания. Даже нереалистическое искусство не может не основываться на каком-либо знании жизни. Тем более не может существовать не основанное на знании жизни искусство реалистическое. Не уяснив, в каком направлении идёт развитие действительности, каким силам и каким действиям предстоит стать рычагом, поворачивающим жизнь от настоящего к лучшему будущему, искусство не может стать участником изменения жизни.

Во-вторых, как всякое знание (в том числе, конечно, и научное), искусство социалистического реализма требует творчества в изображении жизни. Чтобы разглядеть в сложном и противоречивом потоке существующих фактов и явлений главное и второстепенное, узнать силы, обновляющие жизнь, и противопоставить их силам застоя, необходимы не только точность глаза и верность рисунка. Необходимо, кроме того, сила воображения, сочувствующего новому. Сила эта способна невидимое или слабо видимое увеличивать до размеров хорошо заметного, открывать в слабом зреющую силу, обнаруживать сущность, часто глубоко запрятанную под видимой оболочкой явлений жизни.

Поэтому различие между натурализмом и реализмом — и особенно реализмом социалистическим — касается не только стремления к большей или меньшей полноте и точности изображения. Оно состоит не только в том, что натурализм будто бы изображает всё, а реализм — только отобранное. Отбор неизбежен — в той или другой мере — и для натуралиста. Различие между реализмом и натурализмом состоит прежде всего в том, что при неизбежности выбора как для того, так и для другого принципы выбора у них глубоко различны. Натуралист «выбирает», чтобы выявить и даже подчеркнуть серое, обыденное, плоское, пошлое — то, что, как ему кажется, и составляет сущность явлений жизни. Реалист выбирает, чтобы ценной отказа от многого выявить и подчеркнуть подлинно существенное, типическое.

Но именно поэтому различие между натурализмом и реализмом сказывается и в другом. Оно обнаруживается в вопросе о том, в какой мере изображение

оставляет нетронутым, неизменённым самый предмет изображения.

Можно было бы теоретически допустить, что, выбирая, опуская многое, реалист изображает — по крайней мере то, что им оставлено для изображения, — совершенно таким, как оно существует в действительности. Но нет ничего ошибочнее этого взгляда. Даже то, что им оставлено для изображения, реалист не оставляет в неприкосновенности.

В самом способе изображения отобранного сказывается с новой силой глубокая противоположность между реализмом и натурализмом. Для натуралиста изображаемый факт, рисуемая черта или деталь неприкосновенны. Это фетиш, который можно срисовать, но в образ которого художник не властен ввести какое бы то ни было изменение. Натуралист может ещё согласиться с тем, что он видит предмет не во всём составе его черт и не со всех сторон. Однако, рисуя открывшиеся зрению стороны предмета, натуралист стремится копировать их, то есть рисовать их, не внося ни оценки, ни изменения в своё изображение.

Напротив, художник реалистического искусства свободен от этой фетишизации изображаемого предмета или явления. Изображая рождение нового, рост сил, ведущих общество вперёд, реалистический художник должен, рисуя образ, не только выбирать (это делает всякое искусство) и не только располагать отобранные им черты в определённой перспективе, но также и подчёркивать в отобранных им чертах настоящего то, что в них есть залог и предвестие будущего, то, что ещё только пробивает себе путь и потому может быть замечено, узвано и понято не всеми, но лишь передовыми, особенно зоркими, проницательными, дальновидными и в своей дальновидности смелыми людьми. Даже изображая черты того, что существует в жизни, реалистическое искусство социалистического реализма вносит в эти черты изменения: усиливает одни и отодвигает в тень, ступёвывает другие. Искусство это не отказывается ни от каких средств срисовки, слепка, портретной характеристики, описания, повествования, очерка. Оно не пренебрегает никакими приёмами, передающими точно и правдиво черты изображаемых явлений. Оно ценит верность природе,

жизни и ценит все те методы, которыми эта верность достигается. Но, не отказываясь ни от одного из средств реалистического рисунка, искусство это пользуется также и средствами метафоры, гиперболы, гротеска, карикатуры, сюжетной выдумки, вымысла.

Искусство социалистического реализма несовместимо с безидейным и безразборчивым копированием всего, что есть, или первого, что попадает на глаза. Выдвигая на первый план типические черты изображаемого, оно может изменить натуральные пропорции. В карикатуре и сатире оно не боится сгущать краски, изображая врагов общественного прогресса. Оно не отступает перед показом в крупном плане тех явлений, которые ещё не достигли своего полного развития и среди явлений жизни видны ещё в «мелком» плане.

Реалистический художник даже может изображать предмет — как это бывает в метафоре, — внося в образ черты, заведомо не принадлежащие самому предмету или явлению, взятые из другого предмета или явления.

Возможность подобных приёмов изображения означает не отступление от реализма, но, напротив, возведение реализма на высшую ступень развития. Преувеличение, которым законно пользуется искусство социалистического реализма, не есть искажение действительности. Это не кривое зеркало, а микроскоп или телескоп, посредством которого невидимое становится видимым, мало заметное — ясно различимым. Объектив микроскопа и телескопа не искажает рассматриваемого объекта. Он только собирает в одной точке все лучи, идущие от объекта, и тем самым даёт более отчётливое, более богатое чертами, более глубоко проникающее в действительность изображение.

Сходную роль играет изменение, вносимое образом реалистического искусства в предмет изображения. Оно не искажает, не деформирует, но проясняет, выявляет изображаемый предмет.

Эта особенность реалистического образа оправдывает применение в социалистическом реализме таких принципиально ненатуралистических средств изображения, какими являются названные выше гипербола, гротеск, карикатура, шарж.

Крупнейшие художники советского реалистического искусства пользовались и

пользуются этими ненатуралистическими средствами, не переставая быть реалистами. Графика советской политической печати поражает зарубежных недругов Советского государства и стран народной демократии, врагов всего передового человечества оружием шаржа, насквозь реалистического, но отнюдь не покорно списывающего с действительности. Кукрыниксы, Ефимов — талантливое доказательство ненатуралистической изобразительной силы советского, социалистического реализма.

Но именно поэтому типическое не есть механически находимый средний итог множества однотипных наблюдений. Чтобы выявить типическое, совершенно недостаточно выбрать из ряда наблюденных явлений то, в чём все они сходны или совпадают, и опустить всё, чем они друг от друга отличаются.

Натурализм опровергается не только соображениями о познавательной роли образов искусства. Ценность произведения искусства измеряется не только точностью, с какой образ искусства отражает то, что существует в жизни. Ценность произведения искусства измеряется также действием его на мысли, на чувства и на поведение современников. Различие между реализмом и натурализмом, важное уже в разрезе теории познания, становится ещё более важным, особенно важным в разрезе вопроса о воспитательном значении искусства. Доказательство невозможности, невыполнимости натуралистического копирования дополняется доказательством его недопустимости с точки зрения воспитательных задач передового искусства современности.

Искусство социалистического общества не может быть натуралистическим, так как искусство это действенно. Натурализм — зеркателен, ретроспективен. Натурализм — практическое (художественное, эстетическое) воплощение объективизма.

Учение Ленина об отражении опровергает натурализм со всех точек зрения — с точки зрения теории познания, то есть марксистской диалектики, и с точки зрения социалистической теории воспитания.

Знаменитое ленинское опровержение объективизма в политической экономии и в истории есть одновременно и опровержение объективизма художественного, эстетического.

«Объективист, — так писал Ленин, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

Переведённая в плоскость эстетики (с теми, разумеется, изменениями, которые необходимы в силу особенностей искусства как специфического вида духовной деятельности), противоположность материализма и объективизма оказывается — в плане искусства — противоположностью реализма и натурализма. Реалист не просто изображает существующее, не просто вносит в

изображаемое те или иные изменения, но, изображая существующее, становится прямо и открыто на точку зрения передовой части общества, народа. Натурализм, изображая только существующее, всегда в той или иной мере защитник, апологет прошлого, уходящего. Это — бескрылое, безидейное искусство и такая же бескрылая, безидейная теория эстетики.

Напротив, реализм действен, его изображение настоящего действует и на настоящее и на будущее. Зоркость его — не только зоркость глаза, но также и сила идейной направленности.

Идейность реалистического произведения есть идейность изображения, автор которого отдаёт себе ясный отчёт в своих целях и задачах, но в то же время не отделяет своих задач от задач передовой части общества и народа. Изображая реальную жизнь, искусство это воспитывает передовых людей — строителей, организаторов, защитников общества. Художники этого искусства — не натуралистические срисовщики, но, по крылатому слову Сталина, «инженеры человеческих душ».

И действительно, если значение искусства определяется прежде всего характером и интенсивностью его участия в преобразовании жизни общества, то отсюда следует, что далеко не всякое изображение действительности будет отвечать этой задаче. Не может быть орудием изменения реальности искусство, которое только повторяет жизнь в своих образах.

Акт отражения жизни в искусстве не есть, по глубокому слову Ленина, «зеркально-мертвый акт». Искусство — зеркало жизни, но зеркало не плоское. Оно собирает лучи в фокус, способный зажечь, воспламенить, увлечь к действию, к борьбе.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 380—381.

НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВ

★

ВОЛХВОВАНИЕ И ШАМАНСТВО

*О, время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?..*

Некрасов.

Маленькая заметка в газете «Сталинская правда» озаглавлена: «Сказы бабушки Двинской». В заметке сообщается, что Московский областной дом народного творчества провёл конкурс и среди лучших произведений литературной самодеятельности жюри отметило сказ А. Двинской — «сказительницы из нашего города». «Недавно бабушка Двинская, — пишет газета, — была приглашена на занятия литературного объединения. Тепло встреченная присутствующими, она прочитала несколько народных сказов».

А. Двинская была известна ещё до войны. Лет пятнадцать тому назад — и, что особенно интересно, неподалёку от Москвы — фольклористами была обнаружена сказительница, о которой говорили, что она может написать «сказ-новину» на любую тему: начало посевной или уборочной, районный слёт врачей, успехи промкооперации, спортивные соревнования, уличное происшествие. Любогй случай жизни, любое событие современности она могла воспеть в былинном стиле. Всесоюзный дом народного творчества пригласил «сказительницу» в Москву. Пред нами предстала пожилая, но ещё не старая женщина. Родом она северянка, в своё время окончила гимназию, немало лет учительствовала и вот, с переходом на пенсию, решила положить все силы на сказотворчество.

У Анны Ивановны Двинской, бесспорно, есть известные способности: используя знанне былин, известных ей ещё со времён обучения в гимназии, она сочиняла новины, ничем не уступающие новинам М. С. Крю-

ковой (и, добавим, ничем их не превосходящие).

И вот перед нами снова свежейспечённая новина той же самой учительницы. Уточняющая пометка на рукописи. «Сказ сло же н в октябре 1951 года» — позволяет нам заключить, что А. Двинская как бы забыла грамоту, которой обучала ребят на протяжении половины своей жизни. Теперь её сложенные в устной форме произведения необходимо записывать уже кому-то другому.

В первых строках сказа Двинской, отмеченного на конкурсе, мы читаем, как «от правды превеликой» —

*Ускакала тут кривда подлая
С капиталистами в края заморские
И сидит там до поры до времени,
Пока совсем её не уничтожат...
Прошло много-мало времени,
Поднялась страна неузнаваемо...*

Снова мы слышим, давно знакомое сладенькое сюсюканье о том, как «на пустырь-развалинах» дома «возвышаются распрекрасные, преудобные» и т. п.

*Стройки ставятся уму непостижимые...
И везде-то красота неопиcуемая,
Что ни в сказке сказать,
Ни в книгах описать.*

Неспособная пережить, как поэт, живую действительность с её многообразной борьбой, сказительница вынуждена ограничиваться косноязычными перечислениями:

*Всё устроено краше прежнего:
Институты, школы, клубы,
Детски садики, больницы, дома отдыха...
Тут и радио и электричество...*

Лучше прежнего наделама коровники.
Все сараи, все свинарники да птичники...

Государству поставляют сырьё всякое
И питательны продукты сверх высоких
норм,—

Так рабочие, колхозники работают...

Получает год от года государство
Много мяса, много масла, молока, яиц...

Нет давно у нас кабалы былой
С подлой кривдою безобразною...

Всё это с фактической стороны совершенно правильно. Но какое отношение имеют эти строки к поэзии? Дать ответ на этот вопрос, очевидно, может лишь человек, производивший запись. Под «сказом» А. И. Двинской имеется подпись: «Записал фольклорист А. Прусаков».

Любой школьник, окончивший семилетнюю школу, без особого труда может переложить статью или книгу любого содержания в одномерные строки облюбованного бабушкой Двинской размера. Может, но не станет: такое ненужное занятие отнимает время, а главное, превращает простое и ясное описание событий современности во что-то похожее на издёвку над ними.

И, тем не менее, в силу установившейся традиции считается нужным продвигать подобные произведения на самостоятельную сцену, в газеты и радиопередачи, а авторам устраивать «тёплые встречи» в литературных объединениях и отмечать их всякого рода вниманием, поощрениями, премиями.

В своё время нам уже приходилось представлять на всеобщее обозрение современные былины, сказы и плачи отдельных сказителей: насквозь фальшивые сказы Журавлёвой из Карелии, созвучные творчеству А. Двинской былины вычегодской сказительницы Губиной (кстати, тоже учительницы, окончившей когда-то гимназию), трогательные в своей очевидной бесполезности плачи юной печорской вопленицы Поздеевой и т. п.¹

Массовое появление фольклорообразных уродцев в то время было вызвано сознательным стремлением отдельных фольклористов примирить непримиримое противоречие между устарелой формой и новым содержанием. Автор этой статьи тоже был повинен в этом. Поддавшись влиянию господствовавших в те годы формалистических теорий, он суеверно следовал им в своей работе по сбору произведений так

называемой «современной народной поэзии». В моём сборнике «Печорский фольклор», вышедшем в свет в 1939 году в Архангельске, имеется даже специальный раздел «Новины» М. Р. Голубковой. Некоторые из них впоследствии были мною переизданы в сборнике сказов М. Р. Голубковой «Слово — силушка большая» (1950), тем самым способствуя порче художественных вкусов читателей.

Немало людей было введено в заблуждение фольклористами, пропагандирующими свои пагубные рецепты. Про жизнь и работу знаменитого изобретателя советского оружия Героя Социалистического Труда Дегтярёва его ровесник и товарищ из города Коврова считал единственно возможным говорить лишь в такой форме:

Непосредственные же начальнички
Его часто компенсируют.
Компенсируют и премируют.
Живёт сокол в своём домичке,
В комфортабельной обстановочке...

Искренне желая растрогать читателя до слёз, автор до слёз его насмешил.

Но, может быть, всё это дела давно минувших дней? Может быть, сказы Двинской представляют теперь собой редчайшее неисключённое исключение? Увы, А. Двинская и сегодня не одинока.

Ежедневная почта московских учреждений, имеющих отношение к самостоятельному искусству, приносит им наряду с нормальными стихами, поэмами, рассказами, частушками немало былин, сказов и прочей «фольклорной гастрономии». Эти учреждения переадресуют полученное во Всесоюзный дом народного творчества: у вас, мол, имеется отдел народной поэзии — вам и карты в руки. И чем более старомодна и нелепа форма того или иного произведения, тем скорее оно будет сопричислено к произведениям «народной поэзии».

Привлекает внимание то обстоятельство, что подавляющее большинство стилизаций под фольклор присылают не рабочие и не крестьяне, а интеллигенты, преимущественно старшего поколения. С этой точки зрения характерна песня, озаглавленная автором «Ой ты гой еси!». Такой строчкой песня начинается и заканчивается четверостишием:

Ой ты гой еси,
Русь великая,
На весь мир теперь
Именитая.

¹ См. «Новый мир» № 9 за 1948 год, статья «Затылком к будущему».

Это произведение новейшей устной поэзии помещено на именном бланке автора, изготовленном типографским способом: мы читаем имя уважаемого артиста, отдавшего сцене сорок четыре года своей жизни. Очень нелегко ответить на вопрос: где искать объяснение его отсталости в вопросах советского народного искусства?

Землячка этого артиста, врач по профессии, пишет в том же духе и стиле:

Не пора ли мне
Начинать свой сказ...

«Если моё творчество будет удовлетворять вас, — пишет она во Всесоюзный дом народного творчества, — я могу выслать и другие сказы...»

Пожилая женщина из Пензы, по профессии бухгалтер, вот уже тридцать лет пишет стихи. Отдельные из них — кстати сказать, очень не плохие — охотно помещали в учрежденческих стенгазетах. Но теперь лавры сказителей не дают ей покоя. И вот она направляет в Москву сказ «Белый голубь и чёрный ворон», повидимому принадлежащий к разряду тех произведений, которые, по собственному объяснению автора, «написаны буквально в 30 минут». После отповеди, полученной в ответ на этот изготовленный скоростным методом «сказ», автор признал справедливым, что «прадедовский язык не соответствует взятой мной теме». И всё же у автора остался повод для недовольства: «Есть такие произведения, как, например, Д. Абудкова, они мало чем отличаются от моих, но положенные им же на музыку, тоже слабую и бесцветную, и тем не менее они стали достоянием масс...»

Но далеко не все сказослагательницы имеют основания для обид и сетований. Возьмём, к примеру, «сказительницу» из Ленинграда — Любовь Петровну Перщетскую. Ленинградский городской дом народного творчества дважды присудил ей дипломы первой и второй степени. Газеты популяризируют её сказы. Как высшее своё творческое достижение, она прислала нам сказ «Наша Армия», опубликованный в местной газете.

Появится ли элемент художественности, если отрывок из статьи раздёрнуть на строчки с примерно одинаковым числом слогов, наподобие стихотворных строк? Таких мест в сказе немало. Всё остальное обильно уснащено фольклорными выражениями и оборо-

тами речи: «со седых времён», «не видал бел-свет», «забирал в полон», «превеликою благодарностью», «на Поволжии», «свершился». «снесла ему со плеч голову» и т. п. Эти выражения рядом с вполне современными, хотя и не художественными, выглядят нарочитым анахронизмом. Создаётся впечатление, что человек говорит всё это не всерьёз, не от души, а становясь в позу крайне неестественную. В конечном счёте, такой способ письма с роковой неизбежностью погребает тему под горами пустых слов.

Тем не менее, Любовь Петровна Перщетская уверена, что она «проявила оригинальное творчество», что (цитируем по её письму) «сказы оказались хорошими», а сама она «на моё счастье и на счастье моих военных внуков, оказалась хорошей сказительницей». Да и как ей не быть уверенной в этом! Военно-шефская комиссия исполкома Ленинградского Совета организует ей уже тринадцатую тысячу выступлений перед советскими воинами. Ей вручают почётные грамоты и тысячи благодарственных отзывов. Как тут не поверить в плодотворность своих творческих принципов и в непреходящую художественную ценность новых «былин» и «сказов»?

Л. П. Перщетская — потомственная интеллигентка: её дед более полувека работал библиотекарем, отец был работником Академии наук, сама она вполне интеллигентный человек. И вот, владея русским, французским и немецким языками, хорошо знакомая с образцами классической и советской литературы, она, приступая к самостоятельной работе, отстраняется от всего этого богатства и сознательно ограничивает себя в выборе поэтических форм рамками устной поэзии прошлого.

Подражать устнопоэтическим образцам, плодить имитации старинного фольклора, копировать его — дело несложное, но ненужное и даже вредное. Нельзя забывать, что каждое из двенадцати тысяч выступлений Л. П. Перщетской означало в какой-то мере порчу художественного вкуса слушателей, извращало их понятия о поэзии.

Что же было причиной недавно поднявшейся новой волны псевдосказительства?

Это не стихийное явление. Оно заботливо поддерживается фольклористами определённого толка. Некоторые факты проливают свет на этот вопрос.

4 октября 1952 года любознательные читатели могли прочесть в отрывном календаре, изданном многомиллионным тиражом, популярную статью на тему «Народное творчество». Малая площадь, предоставленная для статьи, обязывала автора к предельной краткости, ясности и точности выражения мысли. Действительно, автор статьи без лишних отступлений изложил всё, что, по его мнению, составляет основы основ современного народного творчества:

«Каждый народ на протяжении веков создаёт свои песни, сказки, былины, пословицы, загадки. В них воплощены народная мудрость, мечты трудящихся, отражена история народа... У нас созданы все условия для расцвета народных талантов. Певцов и сказителей приглашают на лекции учёных филологов, на смотры самодеятельного искусства. Их произведения собирают и издают. Записывайте новые произведения устного народного творчества и присылайте их в Москву, во Всесоюзный дом народного творчества (М. Бронная, 4).

Доктор филологических наук
В. Сидельников».

Неужели только устное творчество может называться народным? Неужели многообразное и богатое творчество народов СССР создаётся лишь акынами, ашугами, певцами и сказителями? Действительно ли жанры современной народной поэзии ограничиваются сказками, сказками, загадками, былинами и так называемыми народными песнями? По каким признакам можно отличить обычную советскую песню от народной песни? Кем же стану я, рядовой советский человек, если я в меру своих способностей сочиню песню? Акыном? Ашугом? Сказителем? И куда прикажет отнести доктор В. Сидельников все современные художественные произведения, созданные не устно, а при посредстве бумаги и пера?

Мы не находим даже и намёка на ответ по поводу последних трёх вопросов. Зато на первые три вопроса ответ заложен в самом тоне и содержании статьи. Да, да, да! Под современным народным творчеством В. Сидельников понимает только устное творчество, состоящее исключительно из перечисленных им жанров и создаваемое лишь мастерами устной поэзии.

В лекции, прочитанной В. Сидельниковым в лектории Всесоюзного общества по рас-

пространению политических и научных знаний, и в отдельной брошюре, изданной этим же обществом (тираж 164 тысячи экземпляров), автор пытается уверить читателей, что, мол, «устная поэзия... основывалась на богатейшей и всегда развивающейся поэтической традиции... постоянно обогащается всё новыми и новыми произведениями». По глубокому убеждению В. Сидельникова, от имени советского народа могут говорить лишь «сказители, ашуги, акыны, бахши, кобзари и лирники», бегло, но многократно перечисляемые в ходе лекции. Всё, имеющее отношение к письменности, В. Сидельников старательно обошёл.

Желая подтвердить своё мнение примером, он восторгается сказом Марфы Крюковой на смерть В. И. Ленина и в то же время цитирует отсюда наиболее неудачные слова, а свои хромающие на обе ноги доводы спешит подкрепить костылями затвержённых формул:

«В этом сказе М. С. Крюкова широко использовала традиционную поэтику фольклора, умело сочетав её с современным содержанием своего поэтического произведения».

«Все эти художественные образы, сравнения, взятые из традиционного фольклора, насыщены новым содержанием, соответствующим новым революционным преобразованиям».

И ещё раз, через страницу:

«Все эти художественные образы, сравнения, связанные с традиционной народной поэзией, насыщены новым содержанием, соответствующим нашей социалистической действительности».

Учёные фольклористы типа В. Сидельникова с гипнотической настойчивостью твердят: «Творческие успехи Марфы Крюковой кроются в широком использовании традиционной поэтики фольклора». И без слов добавляют: подражайте ей. Они, правда, повторяют слова А. М. Горького: «Человек — художник», но эти слова приобретают у них неожиданный и странный смысл. В трактовке фольклористов, продолжающих некритически переносить на современные проблемы положения Ю. М. Соколова, восходящие от старых образцов народного творчества, получается, что наш современник может стать народным художником слова лишь в том случае, если он знает старые предания, сказки, былины, причитания и может их варьировать, вплетая

в них злободневные мотивы. Про идеологов этого «фольклорного ложноклассицизма» можно сказать словами Беллинского, адресованными романтикам его времени:

«Их любовь и доверенность к теориям (разумеется, преимущественно, к своим собственным) так велика, что они скорее решатся не признать существования целого народа, который не подходит под их теорию, нежели отказаться от неё».

Вдохновители «современного былинного эпоса» ещё в конце 30-х годов требовали открытия новых журналов, для того чтобы печатать и бесконечные, записанные со стенографической точностью сказываемые, современные былины и сказки, и научно-образные комментарии к ним, и теоретические мудрствования, обосновывающие успешно возрождаемую «на высшей основе» поэзию воплениц, сказочников и былинщиков. К счастью, идея эта не встретила отклика: видимо, во-время было замечено сходство этого направления с той осмеянной Беллинским мыслью, «что будто бы литература русская должна набираться идей и вдохновения у постелей умирающих мужиков, сидя подле них в качестве стенографа и записывая их последние слова». Сами же фольклористы оказались в положении кудесников, которые не в силах справиться с вызванными ими духами. Теоретические заклятия не могли избавить даже их от сознания, что произведения, составленные в строгом соответствии с рецептурой приверженцев фольклорной старины, все без исключения носили в себе черты органической фальши. Так называемая «школа Соколова» (в её грехах сам Ю. М. Соколов повинен лишь отчасти), питаясь лишь случайными крохами жизни, выродилась в убогую, в полном смысле слова крохоборческую «дисциплину». Вдохновляемые этой школой «сказители» были заведены в творческий тупик и смолкли. Так называемое творчество их, ещё недавно вызывавшее благоговейное удивление людей, падали на литературные предрассудки, иссякло.

Это была уже сама смерть поддельной фольклористики. Не стоило бы, конечно, тревожить её прах. Но в последние два-три года вновь появились признаки, указывающие на попытку возобновить бесплодные игры в «современную устную поэзию». Вновь началось волхвование и шаманство

вокруг ясных и очевидных явлений жизни. Особенно важно, что и Институт литературы Академии наук выпустил в 1952 году сборник, пытаясь силой своего авторитета возродить то, что убито самой жизнью. Стало быть, ещё есть надежда в том, чтобы выяснить этот вопрос до возможности полно.

Мы уже упоминали, что нельзя возлагать всю ответственность за теоретические пороки и практические ошибки «школы Соколова» на её основателя, тем более, что профессор Азадовский (тоже имевший свою «школу») был, пожалуй, не менее влиятельным деятелем в области изучения народного творчества. Однако нельзя не вспомнить, сколько вреда причинил Ю. М. Соколов своим ответом на вопрос, что такое советский фольклор, определяя его как устнопоэтическое творчество широких народных масс.

Обманчивая новизна этой формулировки, ни на йоту не меняя вековых критериев фольклорности, позволила, с одной стороны, распространить старые критерии на все новые проявления литературного творчества писателей-непрофессионалов, с другой же стороны,—приобрести из фольклорного наследия к советскому фольклору всё, что только пожелаю фольклористы, включая «оптимистические» плачи, усовершенствованные заклятия и даже духовные стихи, модернизированные применительно к нашему материалистическому веку.

После того как передовые деятели русской литературы более столетия боролись за сближение между литературой и народным творчеством, вдруг сделан большой шаг назад: признак устной распространяемости объявляется главным принципом народного словесного искусства, а «принцип» этот глухой стеной отгораживает литературу от народного творчества. Вместо того чтобы определить исторические границы народной устной «литературы», фольклористы начали измерять степень народности современной литературы, отбрасывая многое, не отвечающее критерию устности.

Прямым следствием этого «принципа» была попытка превратить результаты современных творческих устремлений народа в придаток фольклора старых времён.

Советское народное творчество стали

трактовать как простое продолжение привычных сказительских троп, а народность — как фольклорность. Мистическое уважение к творчеству людей, не знающих грамоты, с лёгкой руки Ю. М. Соколова разбухло до гипертрофических размеров. Это избыточное уважение выразилось в устройстве им «творческих командировок», в строительстве для них славянских теремов¹, в беззастенчивой печатной публикации и передаче по радио всех и всяческих устнопоэтических окаменелостей. Всё это прямым путём вело к порче вкуса в массовых масштабах, а главное, к тому, что всем желающим в поэтической форме поделиться своими думами как бы рекомендовалось начинать с подражания древним устнопоэтическим образцам.

В смежных областях искусства люди до таких нелепостей не доходили. К примеру, в изобразительном искусстве ценность произведений художников-самоучек на современные сюжеты не измеряется степенью их сходства с рисунками наших пещерных предков или хотя бы с древними иконами и старинными лубками. Заводские и колхозные самодеятельные театры не ставят старинную народную драму «Царь Максимилиан», а берут тот же драматургический материал, что идёт и в профессиональных театрах, или создают его на местном материале в духе, отвечающем потребностям нашей жизни; кроме того, они пытаются, и не без успеха, освоить лучшие традиции лучших театров страны. Хорошие самодеятельные коллективы успешно овладевают музыкальной грамотой и певческой культурой.

В фольклористике, занимающейся литературой, было всё иначе. Здесь получил широкое распространение взгляд на народное творчество как на совершенно обособленный вид искусства, развивающийся по своим особенным, одному ему присущим

¹ Считаю нужным заверить читателя, что здесь нет ни малейшего преувеличения. В 1939 году в деревне Зимняя Золотица, на берегу Белого моря, был выстроен для М. С. Крюковой терем, будто перенесённый прямо из былины: с печками-муравленками в гридницах, с верёвочками на резном крыльце, с коньками и петушками. И никому не было дела до того, что Крюкова избегает жить в этом славянском тереме новейшей конструкции. Она живёт в почерневшей от времени избе старого, но обжитого дома, а в тереме лишь принимает приезжих.

законам. Долгое время пытались воспитывать вкусы широчайших слоёв народа в духе народной поэзии XVII века. Не вслушиваясь в живую речь советских людей, фольклористы давали полный простор своим книжным представлениям о народном языке. Так как язык былин уже не живой национальный язык современников, то ученики Азадовского и Соколова с их культом эклектически осовремененного языка былин и причитаний остались позади языковой культуры советского народа.

И вот в результате коллективных усилий целого поколения фольклористов целое поколение ими же соблазнённых «сказителей» было уведено от жизни в область былинной фантастики, условного языка фольклорных аллегорий, устнопоэтических символов и старинных сравнений:

Наехал проклятый чудище Сладков-генерал,
Сам чудище да престрашное:
Голова большущая, как пивной котёл,
Ножища будто дубины стоялые,
Ручища будто больша хоботы,
А глазища будто у тигра лютого..

Фольклористы поставили перед подрапечными сказителями задачу создания нового героического эпоса на манер эпоса древних. Ведь в наше время теории, не подкреплённые фактами, не могут рассчитывать на длительное существование: значит надо к искусственной теории искусственно подобрать «факты». Главными из них служили и до сих пор служат новины Марфы Семёновны Крюковой из Беломорья. В журналах и газетах, в бесчисленных предисловиях к фольклорным сборникам, наконец, в вузовских учебных пособиях её называют «колоссом русского народного творчества советской эпохи». В связи с этим необходимо остановиться на её творчестве.

«Времена богатырских сказок давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаем применять их мирозерцание к настоящему времени», — так писал Н. А. Добролюбов почти столетие назад. И вот уже на исходе столетия взгляды великого русского критика оспариваются. Проводят эту ревизию ревизоры особого назначения — фольклористы.

Добролюбов допускал возможность, что и у людей новой эпохи может возникнуть как курьёз древнее «сказочное» миро-

зерцание. По его словам, вслед за тем, когда «явления вдруг предстанут нам в своём настоящем свете», ошибающимся «приходится... краснеть и стыдиться». Энтузиасты, хлопочущие о современном былинном эпосе, придерживаются противоположного мнения: изображение событий современности в фантастическом освещении богатырского эпоса они считают верным признаком таланта автора, поэтической силы его произведений. Послушаем хотя бы мнение лучшего знатока новин М. С. Крюковой — В. А. Попова.

«Её рассказ о самом обыденном поразит нас своеобразием и оригинальностью... Вот на этом её качестве — рассказывать былинным складом, освещая даже современные нам события героико-фантастическим светом, — и основаны её новины, произведения на новую тематику». «Новое её творчество органически вышло из старого... Элементы былины, песни и сказки не мешают восприятию реального содержания её новых произведений. Величавый склад стиха как бы усиливает и подчёркивает героинку новых времён, старая же символика придаёт новым стихам волнуемую поэтическую силу».

О степени ценности любого метода обычно красноречивее всего говорят результаты его практического применения. В творчестве Крюковой порочность метода ясно обозначилась с самого начала её сказослагательства.

Вторгаясь в это заповедное урочище современной поэзии, мы оказываемся «словно в одной из тех тёмных дубрав, — как говорил Белинский, — где воздвигались деревянные храмы Перуну и обитали мелкие славянские божества — кикиморы и лешие». Рядом с полновластными хозяевами — славными русскими богатырями Микулой Селяниновичем, Ильёй Муромцем сыном Ивановичем, Добрыней Никитичем, Иваном Гоненовичем и третьестепенными богатырьками, как, например, Васильем Богуславьевичем, Костей Новоторженином, Мариной Кондаловной и каким-то Пересмякин-племянником, — рядом со всеми ими на правах младших братьев ходят по этому урочищу наши современники, одетые в латы богатырские, вооружённые палицами и дубинами и лишь изредка, для вящего торжества прогресса, — «трубами-астрогонами» неизвестного назначения.

В то время как богатыри мыслятся автором, а вслед за ним и читателем в совершенно натуральных богатырских размерах, современникам отведена незавидная роль лилипутов. Представьте себе, что мы очутились в некоем карликовом царстве, где всё — от людей и предметов окружающей их обстановки до категорий пространства и времени, от глубоких и тонких переживаний человеческой души до стихий природы и социальных явлений, — всё обминатиюрено, доведено до микроскопических размеров. Обитатели этого фантастического царства говорят и думают на каком-то странном наречии. Когда мы слушаем их речи, нам почему-то вспоминаются одновременно и былины, и сказки, и песни, похожие на причитания, и причитания, напоминающие песни. Из богатого и выразительного словаря наших предков эти «современники» почему-то усвоили лишь архаические элементы, окамсневшие выражения, ископаемые обороты речи, окислившиеся от времени лексические сладости и вообще всё, что не умещается в нашу живую речь. К тому же эти странные люди переплели своё давно устарелое наречие со словами нашего современного обихода. И эту смесь, этот языковый конгломерат они ещё осложнили назойливым употреблением некоторых особо любившихся словечек, словообразований, оборотов речи, всех этих земелюшек, морюшек, лесиночек, домичков, палатушек, хором-строевнич, работничков, прикашичков, начальничков наукодемии, которым и ученье открывалось и писанье давалось. Автор не менее других грешил в своё время, направляя сказительницу М. Р. Голубкову на использование в её сказах элементов языковой архаики, провинциализмов, уменьшительных словообразований и т. д.

2

Крюкова малограмотна. Но как понять увлечение людей, познавших и ученице, и премудрое образованье, людей нередко добросовестных, иногда даже талантливых, и тем не менее помогавших множить под видом современного героического эпоса все эти рукописания? Считаю нужным напомнить, что и я когда-то был в этом повинен ничуть не менее других. Именно это обстоятельство и позволило мне вникнуть в суть и подробности всего этого направления.

Это же обстоятельство заставляет меня, с тех пор как ложность самого направления стала мне понятна, выступить против него со всей решительностью.

Нет, Маркс не ошибался: устная эпическая поэзия, основанная на мифологии, отжила свой век. Прав был и Добролюбов: времена богатырских сказов давно прошли. Лучшим доказательством этого служат те самые «современные эпические произведения», что до сих пор плодят с благословения, а ещё чаще по настоянию фольклористов так называемые «мастера современного народного искусства». И вот сидят фольклористы в долгом ожидании, сидят в премудром рассуждении. И хотя положеньице у них «само погибшее», но они до сих пор «не унывали и во крушеньице своих наук не побросали».

Свидетельством такого усердия и постоянства может служить уже упоминавшийся нами ленинградский сборник Института литературы Академии наук СССР. Со страниц этого академического труда, посвящённого «народнопоэтическому творчеству советской эпохи», на нас снова пахнуло густым, застойным воздухом страны Фольклории.

Полтора десятилетия назад вышел в свет учебник академика Ю. М. Соколова «Русский фольклор», в котором наряду с разобранной выше краткой формулировкой было дано и более подробное разъяснение предмета изучения: фольклором автор называет художественные словесные произведения, имеющие устное бытование и в большинстве случаев массовое распространение.

Недостаточность и неправильность такого определения для современного народного творчества бросались в глаза ещё в довоенные годы. В своей рецензии на этот учебник проф. Н. П. Андреев справедливо отмечал, что «новое качество советского фольклора, изменение самого понятия «фольклор» властно требует пересмотра целого ряда привычных, традиционных взглядов».

Прошло пятнадцать лет, но коренной пересмотр старых взглядов на новые явления так и не был произведён. Всё это время говорили о «качественных отличиях советского фольклора от дореволюционного», о его «принципиально новых качествах», но эти словесные развертывания перед современностью до сих пор были лишь вежливой

позой. А так как конкретные различия и новые качества никто устанавливать не торопился, то подлинные воззрения многих фольклористов оставались прежними и имели самое пагубное влияние на их практику. Упрямое недоверие к голосам жизни, к её уже намечившемуся ходу, «недалновидная любовь к патриархальности», по выражению Чернышевского, заводят их в область парадоксов, заставляют цепляться за понятия, которые уже давно стали предрассудками. Немудрено, что в насаждаемом ими саду «современной народной поэзии», на любовно взращиваемых ими плодовых деревьях упорно произрастает редька, да и то они не знают, с какого конца эту редьку есть.

Жизнь настоятельно требовала обобщений в современной науке о народном творчестве: накопление фактического материала плодотворно лишь в том случае, когда обобщения и выводы не запаздывают.

Во всех известных нам немногочисленных откликах на сборник Института литературы отмечались его серьёзные недостатки: спорная периодизация (и в самом деле: можно ли объединять восстановительный период с годами первой сталинской пятилетки, 1921—1934 годы, как это сделано во второй главе?), отсутствие конкретного художественного анализа и преобладание тематического подхода к материалу, уравнение художественно ценных произведений с произведениями, не имеющими никаких достоинств. Но самый большой недостаток сборника в целом — это полнейшая неопределённость предмета исследования. Что такое «советский фольклор»? Не потерял ли смысл этот термин в связи с распространением грамотности и образования? Чем отличается новый фольклор от всей советской литературы?

Уже в «Введении» мы наталкиваемся на удивительную неотчётливость, смутность понятий. Авторы заявляют:

«Народ широким потоком входит в литературу».

Что это значит? То ли, что литература обратилась к народу, к его жизни, что творческая активность народа, строящего социализм, обогатила литературу? Или это значит, что из различных социальных трудовых групп выдвинулись сотни писателей? Никакого разъяснения этой весьма обязы-

вающей, ответственной формулы в сборнике нет.

Дальше не легче: «Исчезают прежние грани между народной поэзией и письменной литературой» (там же). Стало быть, в понимании авторов народная поэзия ещё теперь устная поэзия?

Нет, опять не то. На страницах 36—37 читаем: «Сама «устность» уже не является тем обязательным признаком народного творчества... Народные произведения теперь уже далеко не всегда складываются устно: нередко они записываются авторами в самый момент создания такого произведения... Процесс создания новых произведений... тоже в известной мере (?) приблизился к обычному литературному процессу». «...Мы в прошлом легко отличали народные произведения от произведений, созданных поэтами и писателями-профессионалами... сейчас такое различие во многих случаях бывает весьма затруднительным, а иногда невозможным» (подчёркнуто мной.— *Н. Л.*).

Предыдущие рассуждения подвели авторов сборника вплотную к отрицанию фольклора (в прежнем понимании термина), порождаемого нашей современностью. Но самая возможность такой мысли пугает авторов, и они пускаются в новые ухищрения: «...при всём сближении народного творчества и литературы, обусловленном мощным подъёмом культуры масс в нашу эпоху, об эти различные проявления творческих сил народа продолжают сохранять свои отличия, одно — как профессиональное литературное искусство, как творчество индивидуальных авторов, другое — как самодеятельное творчество широких народных масс, совершенствуемое коллективом» (подчёркнуто мной.— *Н. Л.*).

Скажем так. Сидит за столом с пером в руках рабочий или счетовод, в Москве или в Пензе, и пишет стихи или рассказ. Это будет народное творчество. Ведь так был описан «литературный процесс создания новых народных произведений» всего несколькими строками выше. Но если те же действия производит М. Исаковский, это уже будет «творчество индивидуального автора». Но почему же работа одного токаря на бумаге должна считаться «творчеством широких масс» да ещё «совершен-

ствуемым коллективом»? И что за коллектив такой? Редакционная коллегия стенной газеты? Редакционный совет издательства? Такие коллективы, вероятно, «совершенствуют» в случае надобности и индивидуальное творчество любого поэта, члена Союза советских писателей.

Признак устности как критерий народности оказывается совершенно неудовлетворительным.

Однако, отказываясь от признака «устности» для процесса создания народных произведений, авторы сборника всеми силами стараются сохранить этот признак для распространения произведений.

К чему это приводит? Достаточно сопоставить две мысли:

«...Всеобщая грамотность, огромная роль в повседневном быту радио, книги...» составляют отличительную черту всей советской культуры. Так сказано на странице 36.

«Постоянное совершенствование художественных произведений в процессе их живого бытования в народной среде является одним из основных отличительных признаков народного творчества... литературные произведения, которые воспринимаются многомиллионными народными массами, принимаются ими как свои и, получая широкое устное обращение в народе, подвергаются коллективной обработке, шлифовке, могут быть отнесены к области народного творчества...» (подчёркнуто мной.— *Н. Л.*).

Так и нельзя понять, почему необходимо устное «обращение» и «бытование» при наличии мощной полиграфии и возможно ли «устное обращение» «Тихого Дона». И, главное, неясно, в каком смысле способ распространения может определить характер произведения.

Авторы сборника поступают непозволительно, пытаются подкрепить свои шаткие рассуждения вполне конкретной и ясной мыслью, которую Гаджибеков слышал от товарища Сталина: «Народ свои песни шлифует в продолжение столетий и доводит до высшей ступени искусства» (цитировано в сборнике на стр. 38). У И. В. Сталина речь идёт о том, что народ шлифовал свои песни, а не усвоенные из книг и опер, и делал он это в продолжение столетий. А в сборнике Академии наук говорится о варьировании «Катюши» Исаков-

ского (при этом забывают, что ни один из этих вариантов не заменил авторского текста!) или о том, что слова «Землянки» Суркова вызвали ряд вариантов, «в которых эгегическим нотам авторского текста противопоставляются мотивы уверенности в общей победе и в счастливом исходе войны для самого героя». Другими словами, поверхностно оптимистическая переработка «Землянки», одного из наиболее популярных в армии патриотических произведений, выдаётся за улучшение этого произведения.

Понимают ли авторы сборника, насколько они исказили мысль, сообщённую Гаджибековым, относя её к произведениям, создающимся в наше время? По-видимому, не понимают. В противном случае они подумали бы о том, что с неизбежностью следует из их постановки вопроса. Ведь не хотели же они сказать, что произведения, возникшие сейчас, приобретут подлинную ценность лишь через несколько веков, в результате «коллективного совершенствования»? Не говоря о прочем, такой вывод лишил бы самих авторов сборника права выставлять как образец художественности хвалымые ими новины М. С. Крюковой

Но авторы не делают никаких логических выводов из своей «теории». Их цель совсем иная. Слова «совершенствование коллективом» служат им спасительным якорем, который позволяет не отплывать из безбурной гавани «устности» в открытое море жизни.

«Хотя «устность», как сказано выше, отнюдь не является сейчас «постоянной и обязательной» отличительной чертой народного творчества, тем не менее для некоторых его жанров она всё же сохраняется. Это обусловлено не пережитком, не одной лишь «силой традиции», как некоторые ошибочно склонны думать (примечание в сборнике: см., например, высказывания Н. П. Леонтьева об «устности» в фольклоре как о наследии веков безграмотности народа, журн. «Новый мир», 1948, № 9, стр. 255), а является результатом потребности советских людей в таком именно, устном, способе создания и распространения поэтических произведений. Играть роль также специфические особенности народнопоэтических жанров, требующих устного исполнения (сказка, народный

рассказ, былина, частушка, песня, пословица)». (Подчёркнуто мной.— Н. Л.).

Таким образом, авторы полностью или почти полностью раскрыли свои намерения. Несколько раньше они выявляли различия советского и старого народного творчества путём сопоставления «старых и новых произведений народного творчества в пределах одних и тех же или близких жанров». Жанры эти (старая и новая народная песня, древний и советский эпос — былины, сказки фантастические и бытовые, сатирические частушки, пословицы и поговорки) оказались идентичными. Теперь, когда, презирая всякие доказательства, устанавливается наличие у советских людей неодолимого влечения к устному творчеству, устному распространению устной продукции и когда на сцене появились такие термины, как «живое бытование», не остаётся уже никакого сомнения, к чему авторы сборника клонят. Совсем недавно они объявили «глубочайшей ошибкой» любую попытку механического перенесения всех старых определений фольклорности на советский фольклор. Вслед за этим они в эту глубочайшую ошибку впали сами и возвратились к отвлечённому школьно-догматическим правилам, принятым некогда педантской фольклористикой.

Как не вспомнить слова Добролюбова: «Очевидно, что критика, делающаяся союзницей школяров и принимающая на себя ревизовку литературных произведений по параграфам учебников, должна очень часто ставить себя в такое жалкое положение... чем сильнее новое литературное движение, тем более она против него ожесточается и тем яснее выказывает своё беззубое бессилие... выставляя нам отжившие, индифферентные для нас идеалы, швыряя в нас обломками, оторванными от прекрасного целого, адепты подобной критики постоянно остаются в стороне от живого движения, закрывают глаза от новой, живой красоты, не хотят понять новой истины, результата нового хода жизни».

Авторы сборника всё ещё продолжают предсказывать близкую фольклорную весну на основании бумажных подснежников, поставляемых А. Двинской и Л. Першетской.

Множество страниц сборника посвящено вопросу о правомерности «оформления создаваемых произведений в привычных для художественного сознания сказителей рит-

мико-синтаксических формах». «Постоянное обращение их к средствам выражения былинного эпоса» А. М. Астахова считает «совершенно естественным». Былины нового типа, по её словам, подобно поэмам, «не только слагаются... в ритмическом строе былин, но используют и другие элементы былинной поэтики — иногда даже всю композицию в целом, композицию отдельных эпизодов, а также образы и изобразительные и эмоциональные средства былины». А. Астахова «такое обращение к старому эпическому наследию» называет «закономерным» и «органичным». (Оговорка «на известном этапе» — это не более, как маскирующая неясность, так как самый «этап» не определён.)

Правда, уже на следующей странице, в той же главе, упомянуто о том, что «упорное использование элементов старого эпоса в новом неизбежно приводило в ряде случаев к разрыву между содержанием и формой, к формализму». В примечании, напечатанном петитом, вещи называются собственными именами: там мы встречаем и «механическое перенесение традиционных формул и общих мест былины... в новое произведение», и жёсткие слова о «ложной стилизации» (как будто стилизация этого сорта может быть не ложной!), и об «искусственной реставрации старой былинной формы». Но все эти стрелы направлены в сторону лишь некоторых «малоодарённых» сказителей — например, М. Рябинина. Подзащитные профессора Астаховой «былинники речистые», якобы оправдывающие своим «творчеством» её теорию былинного ренессанса — И. Т. Фофанов, А. М. Пашкова, Е. С. Журавлёва, А. И. Гладкобородова, С. В. Якушева и многие другие, — занесены в литературный актив эпохи, переходной от социализма к коммунизму. Как и М. С. Крюковой, им будто бы не угрожают и не вредят никакие конфликты между формой и содержанием: всё у них «органично» и «закономерно».

Уж не про писателей ли, подобных авторам сборника, писал Добролюбов: «Примирительные и благоразумные мнения, по видимому, уступающие несколько новому направлению, но не увлекающиеся им совершенно, — всегда казались нам самыми вредными для истинного прогресса просвещения».

Очень затруднительно удерживать от

эпигонства одной рукой, в то время как другая рука благословляет именно на эпигонство и теоретически обосновывает его!

А. М. Астахову обуревают противоречивое стремление ответить на требования жизни и в то же время сохранить свои старые теории, вопреки требованиям жизни.

«Глубоким историзмом отличается... и современная сказка». Это повествует уже соавтор А. М. Астаховой — С. И. Минц. «Живая действительность, дающая материал для нового творчества советских сказочников, сама определяет выбор ими того или иного сказочного жанра (сказка волшебная, волшебнo-героническая, бытовая, сатирическая), определяет использование в сказках о современности художественных приёмов и образов классической народной сказки».

Один из крупнейших тематических сказочных циклов современности — это сказки о Чапаеве. Одной из лучших сказок на эту тему С. И. Минц считает сказку М. М. Коргуева «Смерть Чапаева»¹. В основу её положена ложная, вымученная фольклористами (кажется, А. Н. Нечаевым) идея: Чапаев всюду побеждает лишь потому, что тётка дала ему «кольцо волшебное». «Это кольцо моим мужем привезено с турецкой войны, — говорит тётка. — Это очень кольцо заповедное и волшебное». Гибнет Чапаев лишь потому, что его «очень волшебное» кольцо на воде силы не имеет. Уже сказанного достаточно для того, чтобы судить об идейно-художественной ценности сказки М. М. Коргуева. С. И. Минц ставит её в один ряд с новинкой Марфы Крюковой «Чапай». С таким сопоставлением, после всего сказанного о творчестве северной сказительницы, мы вполне согласны: одно другого стоит.

Такова лучшая из сказок, в которых, если верить С. И. Минц, «образ Чапаева

¹ Когда-то, по почину фольклорной комиссии Института этнографии Академии наук СССР, эту сказку М. М. Коргуева прослушали во Дворце пионеров. Характерно одно из примечаний фольклористки В. Кравчинской, записывавшей её (наши цитаты взяты из её записи):

«В это время один из слушателей с иронической улыбкой заметил: «Всё это исторически неверно». Тогда Матвей Михайлович Коргуев возразил: «Его на счёт грамотности. Но, товарищи, не знаю — что было бы хуже или лучше, если бы я грамотный был: вот где всё надо мне держать! (при этом М. М. Коргуев показал себе на лоб)».

художественно воплощён в сказочной форме».

В другой из них сказочник Ф. Б. Бузаев наделяет Чапаева «чудесным конём и волшебным оружием» и этим окончательно восхищает фольклористку. Ей уже кажется, что автору удалось создать глубоко символический образ: «Это символ бессмертия героя в народной памяти, символ народного мужества».

В таких случаях авторы сборника не скупятся на похвалы. Достаточно, например, обнаружить в новой сказке «мотив помощи природы человеку», и сказочник объявляется чуть не гением, сказки его «замечательными», а «вмешательство сил природы в жизнь людей» рисуется как нечто предпочтительное вмешательству человека в жизнь природы.

На протяжении всего сборника мы обнаруживаем непреодолимое тягстение к отысканию в новых произведениях образов старого устного эпического творчества, возможных и уместных только в патриархальных условиях дореволюционной России и несвойственных новым общественным условиям, к отысканию заумных символов и словечек, вызванных «шаманским отношением к слову», как выразился А. Н. Толстой.

А. М. Астахова, перечисляя «специфические образы былинного творчества», использованные сказителями в их новых произведениях, считает, что для современных представлений советского человека о самодержавии самым характерным будет образ «страшного и отвратительного Идолица» и что для изображения борьбы с ним наиболее эффективно послужит былинный «образ «поворотного» столба с кольцом, при помощи которого былинный богатырь, наделённый чрезмерной силой, может перевернуть землю».

Она восторгается сказительницей, в чьей новине мощь советского народа «воплощена» в образе Микулы Селяниновича, а «в образе Ильи Муромца персонафицируется... сила Советской Армии». С таким эстетическим кодексом нетрудно дойти до ещё более ярких антикварных курьёзов: дерзновенные трудовые подвиги советских людей сравнить с удалством и дерзновением Васьки Буслаева, советское искусство персонафицировать в образе Садко, набрякивающего на своих гусельках звончатых нозины бабушки Двинской в такт дири-

жёрским мановениям профессора устной словесности А. М. Астаховой. Забудьте грамоту, граждане, проникайтесь образами дедовской символики и слагайте, слагайте без конца модернизированные былины и омоложенные сказки во славу героев современности!

Как бы иллюстрируя правомерность и естественность такого негласного приглашения, С. И. Минц перечисляет наиболее ценные приобретения, находки и заимствования советских сказочников из старого фольклора. Мы узнаём, что «волшебное кольцо — символ научного служения народу», а также «символ особого дара, которым наделён герой», что, «как правильно указывает А. Н. Нечаев, исследователь творчества М. М. Коргуева, сказочник использовал в новом произведении два традиционных сказочных мотива — змеборство и кольцо-талисман. По своему звучанию сказка вполне современна, она отражает народное восприятие героических событий». Что символизирует это «кольцо-талисман» в трактовке С. И. Минц, мы так и не можем узнать, как не узнаём ничего и про «алмаз двенадцати глаз», который играет в сказке Сороковикова «Богатырь и орёл» решающую роль при освобождении богатыря, символизирующего русский народ, от орла. Зато твёрдо установлено, что «сказочная живая и мёртвая вода... в советской сказке является символом бессмертия и неизбежности народа».

После этого становится понятной озабоченность А. М. Астаховой и С. И. Минц такими ненормальными явлениями, как резко выраженное в творчестве сказителей тяготение к архаике. Мы вполне разделяем эту озабоченность. Но мы отказываемся понять, на каком основании авторы-фольклористы причисляют такого рода произведения к передовым явлениям в советском народном творчестве, к произведениям, целиком и полностью отвечающим принципам социалистического реализма.

Попробуйте понять хотя бы автора главы четвёртой того же сборника «Народное творчество в годы Великой Отечественной войны» — А. Л. Дымшица. Про новые былины М. К. Рябинина, С. В. Якушевой и П. И. Рябинина-Андреева, «прославляющие» героев, он говорит, что они стоят «точно и близко к фактическому материалу... и при этом используют элементы словаря, образ-

ных и повествовательных принципов былины... Хотя в этих произведениях всё ещё наблюдаются некоторые черты эпигонства, несоответствие между содержанием и формой, они отмечены и чертами новаторства». Затем следуют две страницы дифирамбов М. С. Крюковой за её новину «О богатырях старопрежних и нынешних» (записи А. Морозова и Э. Бородинной-Морозовой). Отметив «тонкое чувство истории» у сказительницы и заверив, что она «настоящий художник», А. Л. Дымшиц пишет: «В годы Великой Отечественной войны стремление к созданию новаторских произведений с использованием богатств былинной традиции ещё ярче проявилось в творчестве М. С. Крюковой».

Мы не хотели бы затруднять читателя перечислением всех логических ходов, которые приводят А. Л. Дымшица к возможности поставить произведения М. Крюковой «в ряды эпических произведений поэзии социалистического реализма». Упомянем лишь описание «поездочки богатырской» былинных богатырей: «самого старшего Ильи Муромца, Добрынюшки догадливого, Алёшеньки напуском смелого да ещё тех ли брателков Петровичей-Сбродовичей». Описана вся эта кавалькада лишь потому, что, по разумению сказительницы, без именно этой «поездочки» именно этих «помошничков» Красной Армии пришлось бы туго. По разумению же фольклориста А. Дымшица, «кроме связи с былинной традицией, здесь обнаруживаются связи с исторической песней, использование мотивов солдатской лирики и патриотических песен Отечественной войны 1812 года». Всё это, конечно, весьма существенные признаки социалистического реализма!

Перефразируя самого автора, можно сказать, что при разработке всех этих тем А. Дымшиц «шире и тоньше», чем вышеупомянутые фольклористы, прикрывает излюбленными выражениями: «органическая связь», «черты новаторства», «своеобразное использование», «творческое освоение», «талантливая переработка» — непреложные и неприятные факты механического заимствования старых фольклорных форм и перенесения их в современную поэтическую практику. Больше того, вместе со своими соавторами он теоретически обосновывает эту порочную практику сказителей и тем самым рекомендует им продолжать в этом же духе

Не случайно авторы введения к сборнику, А. М. Астахова и И. П. Дмитраков, порадовали читателей сообщением о том, что «творчество сказителей в настоящее время приобретает всё более и более массовый характер». Это положение широко иллюстрируется в заключительной, пятой, главе сборника, посвящённой послевоенному творчеству (авторы М. Я. Парижская, А. Д. Соёмов и Г. Г. Шаповалова). Утверждают попрежнему, что «наиболее полно и глубоко отражена жизнь советских людей в эпической поэзии». Уверяют, что «в новом эпосе уже почти нет «мехайического перенесения» элементов классической быльны (с её поэтикой, устоявшимися сюжетными схемами, композицией и проч.) в произведения, создаваемые на темы сегодняшнего дня, что имело место ранее». Открывается, что своеобразным верстовым столбом, отмечающим послевоенный период на столбовой дороге народного творчества, служит сказ Е. И. Чичаевой «Благодарность всенародная», появившийся в 1946 году.

В сборнике о нём дана целая страница комментариев, но мы предпочли познакомиться с самим сказом. Как и следовало ожидать, в нём пестрят «думушки», «работушка», «силушка», «пожеланьице», «планы мудрые», «слова ласковые», «дума крепкая», «знаем-ведаем», «труды-работушка», «честь-славушка», «расти-разрастаться» и т. п. Уже одно это обстоятельство не позволяет верить, что сказ Е. И. Чичаевой — образец народной поэзии наших дней. Один лишь факт опубликования этого сказа в центральной печати ещё не означает, что редакция видела в нём художественные достоинства. Сказительнице просто-напросто была предоставлена возможность выразить свои чувства в доступной ей, пусть и устарелой, форме.

Лишены художественной ценности и другие известные нам послевоенные сказы Чичаевой. В них немало строк, которые текстуально совпадают со множеством старых русских песен, а там, где начинается своё, — кончается поэзия. Не считать же, в самом деле, поэзией такие строки, как

Наливаются колосья
Зерном тучным,
Голубо-аржаное зерно,
Изумрудно-пшеничное.

Творчество такой активной и способной женщины, как Е. И. Чичаева, в последнее время идёт по затухающей кривой. Это

очень прискорбно. Прискорбно должно быть это и «шефствующему» над сказительницей фольклористу А. Гуревичу, ведущему её по ложному пути. И столь же прискорбно видеть, как составители сборника Академии наук устраивают праздник по поводу её творческих неудач.

В той же главе сборника объявлено, что «в послевоенный период значительное развитие получил лиро-эпический сказ», что уже в послевоенные годы эпические произведения этого рода перекинулись с Севера в центральные области Союза и что самая «форма эпического ритмизованного сказа открывает широкие возможности для импровизации, обогащения и дальнейшего развития сказовой традиции».

«Развитие этого жанра в известной мере объясняется тем, — поучают М. Я. Парижская, А. Д. Соймонов и Г. Г. Шаповалова, — что к созданию эпических произведений обратились сказители — знатоки не только былинного эпоса, но и сказок, плачей и песен». Но продемонстрировать расцвет жанра и торжество принципов социалистического реализма в народном творчестве на конкретных произведениях хотя бы и этого вида, составители не могут: следует лишь жиденький список уже знакомых имён — тех сказителей, творчество которых представляет собой резкое отклонение от принципов социалистического реализма.

Появление в сказках и былинах волшебников, оборотней, неестественных размеров богатырей, разумных коней Добролюбов объяснял детским характером творчества наших предков, отрывом мечты от действительности, неизбежным в тот период, когда народ «не видел никакого средства управляться со своими поработителями». А. М. Астахова привела эту мысль во введении к сборнику словно для того, чтобы в дальнейшем доказывать своё непонимание сказанного Добролюбовым. Вместе с С. Минц она наивно думает, что эта «детскость», являющаяся своеобразным отражением общественных противоречий на низшей ступени их развития, сохранится и в эпоху исчезновения этих противоречий.

И так думают не одни лишь авторы сборника «Русское народнопоэтическое творчество». Кстати сказать, они не однажды ссылаются на материалы другого сборника — «Фольклор Чкаловской области». Составитель его, руководитель кафед-

ры литературы Чкаловского педагогического института Бардин, вменял в обязанность каждому студенту «записать советскую сказку, одну поэму в былинном стиле про Великую Отечественную войну или войну с японцами» и т. д. Ввиду отсутствия желающих добровольно воспеть всё окружающее именно в былинном стиле, этому занятию предавались сами студенты. Так возник сборник, на материалы которого сейчас делаются ссылки. Имена отдельных чкаловских «студенток-сказительниц» простосердечно упомянуты в сборнике самим Бардиным. Сейчас эти юные былинослагательницы уже, повидимому, окончили институт и могут пригодиться Астаховой и Минц как молодые кадры «создателей», «мастеров», «творцов» новых былин и новых сказок. «Творческие» опыты профессора Бардина ещё пять лет назад получили весьма суровую оценку в партийной печати как образец фальсификации. Но это как-то, видимо, позабылось.

Если бы фольклористы не понуждали нас разрешать неразрешимое противоречие между старой формой и новым содержанием, если бы произведения любуго автора мерили обычными мерками литературной критики, без улыбки небесного созерцания, без всяких скидок, — в этом случае вопрос о фальсификации отпал бы сам собой, так как были бы уничтожены самые причины, его порождающие. Но коллектив ленинградских авторов, на свой лад толкуя ценнейшие мысли, оставленные нам в наследство основоположниками марксизма, революционными демократами, А. М. Горьким, ограничив область народного творчества устнопоэтическими произведениями, выставляя сказительские жанры как ведущие, следуя букве, а не духу классической народной поэзии, волею или неволею культивирует как простосердечную фальшь, так и злостную фальсификацию.

В заключительных строках ленинградского сборника приводится указание товарища Сталина на необходимость изучения языкового родства славянских наций. Авторы сборника делают правильное заключение: «Это указание ставит перед исследователями вопросы о влиянии поэтического творчества русского народа на поэтическое творчество славян и о взаимообогащении национальных культур славянства».

Фольклористы уже не раз обращали внимание на эти вопросы. Так, с интересным

сообщением о влиянии русского народного творчества на народное творчество наших славянских братьев в годы их битв с фашизмом выступал в своё время профессор Богатырёв. Не обходит своим вниманием этот вопрос и А. М. Астахова. Доказывая закономерность перехода М. С. Крюковой «на речитативный эпический стих», фольклористка в примечании делает ссылку на южных славян: мол, обратите внимание. — и у них в основу нового эпического творчества положен их старейший национальный эпос. Это уже настораживает нас и заставляет обратить внимание на вторую сноску, по смыслу родственную первой. В ней сказано:

«См. статью С. Никольского «Русский фольклор в современной Чехословакии» (журн. «Советская этнография», 1949, № 4, стр. 213—219), которая знакомит читателя с широким бытованием фольклора народов СССР в Чехословакии. Кроме того, автором затронута проблема влияния русского народного творчества на чешскую литературу».

Уже не доверяя оценкам авторов сборника, мы обращаемся к содержанию рекомендуемой ими статьи и сразу же видим, что между ними и С. Никольским — полное единодушие в выводах и даже почти полное текстуальное совпадение формулировок.

Автор статьи, в частности, рецензирует вышедшую после войны книжку чешского поэта Петра Кржичка «Песня меча». «Цикл «Песня меча», — пишет С. Никольский, — ...полностью создан на материале народной поэзии, русской и южных славян. Основную часть цикла составляют стихотворения былинного характера о героическом советском народе и его славной армии».

С. Никольский пишет про «стихотворение «Орда́тай-богатырь», также стилизованное под былинку»: «Поэт очень удачно избрал героем, символизирующим миролюбивый советский народ, Микулу-труженика... Несмотря на традиционную условность ряда образных деталей... в стихотворении верно дана аллегория Отечественной войны».

В качестве образцов С. Никольский цитирует явно неудачные строки. Вот, например, как действует Микула Селянинович современной нам формации:

Скоком очутился посреди врагов;
Как на стаю дерзких воронов
Налетает сокол, птица ясная,

Так бросается на захватчиков Орда́тай-
богатырь,
Начал добрый молодец дубинушкой
размахивать,
Начал вязовой врага рубить, колоть,
Размахалась его правая рученья,
Закачалась мать-сыра земля...
Заступился русский пахарь за свою землю-
матушку.
Раздавил голову змею, чудовищу поганому,
И чиста от врагов лютых наша святая Русь...

Итак, с помощью С. Никольского читатель узнаёт, что «наша святая Русь» пребывает в некоей священной закоснелости со времён Микулы Селяниновича. Благополучно здравствующий и поныне древнерусский богатырь и нынче пашет колхозное поле своей любимой «кленовой сошкой», а набег иноплеменников отражает милой сердцу фольклористов «дубинушкой вязовой»...

«Следующее стихотворение «Пир», — продолжает С. Никольский, — пированье русских рек у морского царя, чествование Волги-матушки, которая у Сталинграда

Грудью в грудь встретила дракона лютого,
Задушила его двенадцать голов,
Накормила, напоила храбрых
(русских.—С. Н.) воинов,
Вдохновила героизмом и отвагою,
Благословение им дала великое,
Чтоб, поднявши родную дубину-дубинушку,
Гнали эти орды свирепые,
Гнали, били дубьём оровавленным...»

Трудно выдумать более неуместный образ для воспевания героических защитников Сталинграда, противопоставивших вооружённому до зубов врагу всю силу и мощь передовой военной техники Советской Армии!

«Прошло время, — говорил товарищ Молотов, — когда работали под «Дубинушку». Конечно, «Дубинушка» — песня хорошая. Хорошая песня и «Эй, ухнем». Но каждому овощу своё время»¹.

Это замечание В. М. Молотова имеет прямое отношение и ко всем нынешним ревнителям возрождения былинной поэзии на современные темы. Но многие фольклористы направления А. Астаховой, С. Минц и С. Никольского отстаивают свои устаревшие взгляды с упорством фанатиков. В частности, рядом со статьёй С. Никольского в статье доктора исторических наук В. И. Чичерова «Материалы

¹ В. М. Молотов. Речь на собрании избирателей Молотовского избирательного округа гор. Москвы 6 февраля 1946 г. Госполитиздат, 1946, стр. 11.

к истории советского фольклора» мы наталкиваемся на теоретическое обоснование фольклорных суеверий этого рода: «В фольклоре Великой Отечественной войны оформилась устойчивая символика при изображении фашистов-змей (вариант: чудовище с змеинными головами), волк со змеиным сердцем, чёрный ворон (или: стая воронья) и другие, подобные указанным».

Мы убеждены, что подобные статьи, наполненные наукообразными мудрствованиями, не только бесполезны, но и вредны.

Надо отдать себе отчёт в том, что кратковременный взлёт творчества мастеров старой устной поэзии в конце 20-х—начале 30-х годов был одной из заявок нашего народа на право непосредственного и активного участия в создании художественных ценностей. Эта заявка была принята. Наши общественные организации и государственные учреждения приняли меры, ускоряющие и улучшающие массовое художественное воспитание и облегчающие доступ тысячам художественно одарённых людей к творческой деятельности.

Отдельные удачи сказителей, отражавших стремление народа к работе в области художественного слова, были высоко оценены правительством, наградившим группу сказителей орденами. Но, признавая эти удачи как проявления глубокого культурного прогресса, никто, кроме фольклористов, не преувеличивал истинного значения сказителей в искусстве советского народа. Изобилующее сусальными красотоми (усердно рекомендовавшимися теми самыми «специалистами-фольклористами», про которых в сборнике говорится, что будто бы они и по сей час «способствуют дальнейшему творческому росту народных сказителей»), всё последующее «творчество» подавляющего большинства сказителей было настолько лишено каких-либо достоинств, что помогло прозреть и образумиться даже многим из фольклористов — в их числе и мне, литератору, захваченному псевдофольклорным направлением. Другие же вместе с опекаемыми ими «творцами народного искусства» безнадежно отстали от развивающейся действительности. Среди отставших оказались и авторы рецензируемого сборника. Правда, некоторые из них — люди талантливые и хорошо знающие дореволюционный фольклор; и всё же нельзя тех, кто тянет назад, назвать ведущими.

Сборник Академии наук доказывает, что дремучие заросли псевдофольклорного чертополоха, взращиваемые их усилиями, заслоняют от авторов современную народную поэзию. Подозревая о её существовании, они норовят и её подвести как-нибудь под действие своего обветшалого эстетического кодекса, выдаваемого за абсолютную, не зависящую от времени истину.

Авторы уснастили книгу ссылками на авторитетные литературные источники (точным счётом 999 сносок и примечаний!). Но весь этот сложный аппарат пущен в движение лишь для одной цели: ограничить круг явлений, попадающих под понятие «советское народное творчество».

К примеру, ссылаются на передовую статью «Правды» от 5 апреля 1950 года «Расцвет народных талантов». В статье разоблачена лживость утверждений буржуазной науки о «замирании народного искусства». Вот тут-то, казалось бы, авторам представился блестящий случай проиллюстрировать на фактах, добытых наукой, расцвет нашего народного творчества в области художественного слова. Но авторы сборника вместо этого смогли лишь беглой скороговоркой ещё раз повторить уже приводившиеся в книге сведения о знаках внимания к сказителям, об их награждениях и юбилеях. Авторы либо забыли о том, что сами же утверждали: «В поэтическом творчестве принимают теперь участие самые широкие, многомиллионные народные массы», либо они считают, что народным творчеством называть можно только творчество сказителей, а всё остальное считают художественным продуктом третьего сорта, годным лишь на духовную подкормку аристократам от фольклора — сказителям. А. М. Астахова и И. П. Дмитраков в своём введении так и говорят: «...сказители, слагая свои произведения, постоянно обращаются к творчеству массовому как к своему художественному источнику».

Нет, нельзя, цитируя «Правду», в то же самое время помогать тем, с кем она борется! Ведь, судя по картине, нарисованной авторами сборника, в них самих можно было бы заподозрить сторонников теории «замирания народного искусства».

3

Всё меньше и меньше в нашей стране людей, слагающих в устной форме новые былины, сказы-поэмы и лирс-эпические причитания. Устные рассказы, о которых много и неубедительно толкуется в сборнике, или «народные песни», устность которых настолько сомнительна, что сам термин этот нельзя употреблять без кавычек, наконец, даже подвижная и гибкая частушка, — ведь всё это большое хозяйство на глазах перестаёт быть устным и становится хозяйством литературным.

Уральские сказы Бажова — это произведения писателя, стоящего на высоте современной образованности, глубоко размышлявшего над проблемами современного литературного мастерства. То обстоятельство, что в основе этих сказов лежат записанные и переработанные автором устные рассказы, не даёт права считать «Малахитовую шкатулку» фольклорной записью: иначе нам пришлось бы отнести к произведениям музыкального фольклора почти всё сочинённое Римским-Корсаковым и Чайковским.

В сказах Бажова нет ни малейшего стремления возродить старину. Форма здесь условна не в том смысле, как условна форма новин, чуждая содержанию, затемняющая его и уподобляющая современность старине. Часть произведений Бажова представляет собой литературные произведения, в которых использованы сохранившиеся (а не вновь творимые!) воспоминания о старине. Это не варианты давно известных былин; это ранее неизвестный, упущенный собирателями фольклор уральских рабочих. Условность же тех сказов Бажова, где речь идёт о событиях советской жизни, — это условность, подобная басенному иносказанию, своеобразное обобщение и новое освещение морали советских людей.

Устные произведения, имеющие художественную ценность, возникали у нас в последние десятилетия лишь в особых, исключительных условиях — например, в годы войны, в партизанских районах, на временно оккупированной врагом территории, где невозможна была литература. Но с исчезновением этих кратковременных особых условий устность и в этих районах уступила место нормальной советской литературной жизни.

Что же останется ещё через несколько лет в так называемом «советском фольклоре», переводимом до сих пор как советское народное творчество? Пословицы и поговорки, шутки и прибаутки, крылатые выражения? Всё это хорошо, но явно недостаточно для того, чтобы знаменовать расцвет фольклора. На что же ещё надеяться? Неужели на то, что подмеченное А. М. Астаховой и И. П. Дмитраковым непреодолимое влечение советских людей к устной форме художественного воздействия на общество заставит их забыть письменность, отказаться от могущественного воздействия на жизнь силой печатного слова, забыть, что издавна существует и развивается «страсть «печататься» — благородная страсть»¹, подмеченная В. И. Лениным в гуще рабочего класса ещё задолго до революции?

Из фактического материала, приведённого в сборнике Института литературы (включая и ссылки на материал такого же рода), можно составить лишь крайне искажённую картину современного народного творчества, так как составителями утрачено самое представление об изучаемом предмете.

Дело в том, что никакого советского фольклора — за исключением, может быть, части пословиц и частушек — как самостоятельной области советского искусства не существует. Самый термин «советский фольклор» совершенно не подходит для обозначения современного массового художественного творчества в области слова и потому должен быть выброшен из научного обихода. Взоры фольклористов направлены в сторону от цели и потому не видят основного. А это основное заключается в следующем.

У нас уже нет былого противоречия между непосредственной народностью фольклора и той литературой, которую создавали образованные писатели, стремившиеся постигнуть истинные народные интересы, служить народу, но в силу исторических условий отделённые от него.

Формы, в которых проявляется литературная деятельность советского народа, основанная на непрерывном росте общей и художественной культуры, многообразны. Они охватывают и невиданное никогда широчайшее распространение и понимание

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 369.

лучших литературных произведений во всех социальных группах нашего общества, и создание литературных произведений в различных жанрах авторами, большинство которых трудится в других областях и лишь эпизодически (а иногда и однократно) выступает в литературе.

Этим не профессиональным литераторам, если у них есть выдающиеся художественные способности и желание сделать литературу своей главной работой, не приходится бороться с почти неодолимыми препятствиями, какие раньше стояли перед людьми из трудовых слоёв. Как бы ни были ещё велики недостатки в практической работе наших литературных организаций и издательств, их деятельность направлена на то, чтобы помочь максимальному развитию каждого талантливого представителя любой из наших общественных групп.

Большинство действующих в советской литературе писателей, в том числе лучших наших писателей,— это люди, которые стали профессиональными литераторами после

того, как приобрели жизненный опыт, практически работая в какой-либо отрасли труда (если даже они стали писателями в молодые годы). Это люди с биографиями тысяч и тысяч людей из нашего народа. Это художественно одарённые люди, которые сочетают непосредственное знание повседневной народной жизни с современной образованностью, коммунистической идейностью, с глубоким пониманием исторических процессов, совершающихся в современном мире. Без этих качеств нельзя теперь получить в литературе всенародного признания, невозможно привлечь к своему творчеству миллионы читателей. А чтение— это реальная форма «бытования» произведений словесного искусства в наше время.

Вот чего не заметили и не поняли авторы сборника статей о проблемах советского народного творчества, изданного Институтом литературы Академии наук. Они не заметили и не поняли главного: у нас, в Советском Союзе, на наших глазах создаётся единое, великое, коммунистическое искусство, предсказанное Лениным.

КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Л. Баша. На верный курс.— О. Грудцова. Правдивое и надуманное.— К. Поздняев. Солдатские стихи.— Проф. И. С. Исаков. Книга об адмирале Ушакове.— Евг. Босняцкий. Как в калейдоскопе.— Я. Фрид. Джимми выходит на верный путь.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Е. Завадский. Пафос созидательного труда.— В. Леонтьев. Экономические основы англо-американских разногласий.— Кандидат исторических наук М. Вослемский. Атлантический пакт концернов.— Кандидат биологических наук И. Халифман. Проблема видообразования.— Кандидат сельскохозяйственных наук А. Касихин. Итог многолетних исследований.— Кандидат химических наук Б. Розен. Ученник Ломоносова.— И. Ватушкова. Учёный-самоучка.

Литература и искусство

На верный курс

Третий год издаётся во Львове литературно-художественный и общественно-политический журнал «Жовтень» («Октябрь»). На долю этого журнала выпала задача отражать на своих страницах жизнь западных областей Украинской советской республики, в которых за немногие советские годы произошли гигантские экономические и культурные преобразования, а также знакомить своих читателей с достижениями всей нашей страны. Печатаемая идейные, художественно правдивые произведения, политические и литературно-критические статьи, журнал должен способствовать росту социалистической культуры, воспитанию читателей в духе коммунизма, советского патриотизма и дружбы народов, вести борьбу с проявлениями буржуазного национализма и других чуждых идеологических влияний.

Становление журнала было трудным. Ещё совсем недавно партийная критика отмечала серьёзные недостатки «Жовтня».

В двенадцати номерах 1952 года крупные художественные произведения были представлены романом О. Мальцева «Югославская трагедия», опубликованном до этого в московском журнале «Знамя», по-

«Жовтень». Литературно-художний та громадсько-політичний журнал. Орган спілки радянських письменників України. Книжно-журнальне видавництво. Львів.

вестью Е. Успенской «Наше лето», напечатанной ранее в альманахе «Год XXXV» (при этом редакция не сочла даже нужным указать, что эти вещи переведены с русского языка, и не сообщила имён переводчиков — впрочем, довольно плохо справившихся со своей работой), и пьесой «Из искры...» грузинского писателя Ш. Даллиани. Только две крупные вещи, напечатанные в журнале «Жовтень» за 1952 год, публиковались впервые. Это документальная повесть Д. Медведева «На берегах Южного Буга» (ещё один перевод!) и единственное написанное на украинском языке произведение — роман полтавского писателя Дм. Бедзика «Квітки» («Цветы»). И в обоих этих случаях выбор, сделанный журналом, оказался малоудачным.

Повесть Д. Медведева «На берегах Южного Буга» — произведение слабое, литературно беспомощное.

Слабо и единственное произведение украинской прозы — роман Дм. Бедзика «Цветы»¹. Поставив перед собой задачу показать в романе новых людей колхозной деревни — сельских механизаторов, — автор оставил в стороне сложные вопросы, возникающие в жизни. Серьёзные недостатки в руководстве, мешающие многим колхозам развиваться в меру их действительных воз-

¹ Окончание напечатано в № 1 за 1953 год.

можностей, писатель свёл, выбрав для этого трафаретный сюжет, к условно-литературному, ничего не объясняющему «конфликту». Две бригады МТС обслуживают два соседних колхоза. Бригадир Андрей Щербина — передовой человек, новатор — обслуживает передовой колхоз; бригадир Максютя — равнодушный, косный человек — обслуживает отстающий колхоз. Соревнование между бригадами МТС в районе учитывается лишь формально и поэтому не улучшает работу. Щербина первым выступает с критикой руководства своей МТС. Директор Бондарь обижен и рассержен критикой снизу, но секретарь райкома партии поддерживает Щербину. Трактористов переводят на почасовой график. Вновь выбранный председатель (бывший председатель передового колхоза) быстро выводит отстающий колхоз из прорыва. Бригадир Максютя, который работает в этом колхозе, убеждается в правоте Щербины, учится у него и вскоре становится его достойным соперником в соревновании. МТС получает переходящее знамя, печать отмечает её успехи.

Таким образом, все недостатки в работе объясняются одними лишь личными недостатками нескольких людей — их неповоротливостью и ленью, а все трудности устраняются почти без борьбы, доброй волей двух-трёх человек. Ни одной реальной проблемы нашей колхозной жизни этот роман не отразил; единственный конкретный вопрос — о почасовом графике — мог быть почти без изменений перенесён, скажем, в изображение работы автотранспорта или бригады каменщиков на постройке здания и т. д. Поэтому, несмотря на всё желание автора, читатель не может воспринять как реальные и те успехи, о которых в романе говорится. Читатель не найдёт в этом романе живых человеческих образов, которые познакомили бы его с характерами современных людей украинского села, с их интересами, психологией, речью. В немудрый, гладенький «производственный» сюжет вплетается несколько любовно-семейных «конфликтов», которые автор тоже спешит свести к идиллии. Люди, названные в романе, почти не запоминаются. Главный герой — бригадир Щербина, звеньевая Оксана Хмель, тракторист Иван Сироух, бригадир Максютя и другие исполняют свои заранее predetermined роли; подлинный характер персонажей подмён авторскими рекомендациями. При этих условиях в романе

неоткуда появиться живым, драматическим столкновениям. Чтобы возместить этот художественный недостаток, автор сталкивает своих героев, создавая для них искусственные ситуации. Но и такие «конфликты» он разрешает сразу же, не обременяя читателя переживаниями. Например, сельский электрик неизвестно почему грубо оскорбляет профессиональную честь трактористов — самых уважаемых на селе людей, и один из трактористов избивает его за это; тогда бригадир Щербина решает отчислить тракториста из своей бригады. Для чего понадобился такой эпизод писателю? Только для того, чтобы бригадир Щербина, задуманный как безусловно положительный герой, сразу же вял голосу своей бригады и немедленно отменил своё слишком суровое решение. В результате вся бригада счастлива и кричит «ура». Так же примерно решаются некоторые другие «конфликты» и ситуации в романе.

Рассказов в журнале за 1952 год было опубликовано вообще немного, а на западноукраинскую тему всего один — «Поёт сердце» Василия Анохина; он интересен по замыслу, но испорчен мнимой художественностью. Автор уснастил рассказ большим количеством словесных украшений, не забываясь о жизненно-художественной достоверности. Запись устного рассказа председателя колхоза Ю. Лычука, сделанная Я. Стецюком, содержит немало интересных фактов о хозяйственных достижениях колхоза и о трудовой доблести колхозников; но в ней нет конкретных характеристик людей, нет живых образов — запись выдержана в духе внешнего описания, напоминающего отчёт.

Не может не возникнуть вопрос: почему не появлялись на страницах журнала произведения западноукраинских прозаиков? Почему, например, мимо журнала прошла работа М. Тевелева, писателя, живущего в Закарпатье (чей роман «Свет ты наш, Верховина...» недавно напечатан в московском журнале «Знамя»)?

Хорошо, конечно, что «Жовтень» знакомил своих читателей с некоторыми произведениями, принадлежащими перу московских, тбилисских, киевских писателей. Но разве на нём не лежит обязанность первым знакомить читателей всей нашей страны с творчеством писателей, работающих в тех областях Украины, ближайшим культурным центром которых является Львов?

Очерки, публиковавшиеся в журнале, достаточно разнообразные по выбору описываемых объектов, были так однообразны по писательской манере, что казались близнецами: в них занесены беглые впечатления и скучные мимолётные беседы с людьми об их прошлой и нынешней жизни.

Стихи в журнале занимали значительное место, но в них мало было поэзии, мысли, мало подлинного чувства и свежих образов, много было рассудочности, подражательности и литературного неумения. На общем фоне выделяются лишь удачные стихотворения — «Улица Первомайская» А. Шмигельского, «Ключевое» и «Первые улицы» Е. Бандуренко, «На Казачьем острове» А. Ющенко, «Парторг» Н. Шановала. Отметим также удачный выбор переводных стихов из произведений поэтов братских республик в №№ 11 и 12.

В разделе публицистики журнал редко ставил важные, выдвигаемые жизнью проблемы. Не было в нём ни одной статьи об огромных социалистических преобразованиях, происшедших в западных областях. Борьбе с буржуазным национализмом были посвящены интересные статьи — Галины Сидоренко «Иван Франко в борьбе против украинских буржуазных националистов» и Н. Климпотюка «Американская экспансия в Закарпатье в 1918—1938 г.г.» Но обе они ограничиваются историческим прошлым, мало освещают значение исторических фактов для нашей современности.

В разделе литературоведения помещались, в основном, статьи, знакомящие с творчеством и личностью писателей в связи с какой-либо памятной датой. Лучшие статьи в этом разделе были посвящены нашему современнику Я. Галану («Гневное слово писателя» Я. Цегельника, «Борец против католической и американской реакции» ленинградского литературоведа А. Елкина).

Что касается собственно литературной критики, то она почти отсутствовала в журнале, хотя статей и рецензий под рубрикой «Критика и библиография» напечатано было немало — более шестидесяти. Пример «некритической критики» — статья поэта Валентина Лагоды «В борьбе за мир. Заметки о современной советской украинской поэзии». Автор довольно подробно характеризует политическую обстановку, пересказывает идеи отдельных поэтических произведений, но совершенно не анализирует художественного качества стихотворений и

не обращает внимания на то, что многие приведённые им образцы грешат абстрактностью, декларативностью, избытком штампами.

Большая часть напечатанных в «Жовтне» рецензий является, по существу, «раздутыми» аннотациями, излагающими содержание и лишь бегло отмечающими идейно-художественные особенности рецензируемых книг. В очень редких случаях рецензенты высказывают какую-либо значительную мысль; обычно они удовлетворяются тем, что сообщают краткую оценку, которая не даёт читателю материала для собственного размышления, не развивает понимания художественной литературы, не воспитывает вкуса. Можно, правда, указать на статью Н. Матвейчук «О песенниках и переводах песен», в которой автор, убедительно разобрав переводы русских песен на украинский язык, показал их серьёзные недостатки и предъявил к переводчикам вполне обоснованные и принципиально важные требования (ту же проблему перевода с русского на украинский язык и с украинского на русский затрагивают рецензии В. Глотова «Содружество двух поэтов» и Б. Лесина «Произведения М. Черемшины на русском языке»). Но такие рецензии представляют в журнале «Жовтень» за 1952 год исключение.

Отклики на произведения, уже одобренные общественным мнением, носили преимущественно парадный характер, в них не было внимательного и конкретного анализа. О произведениях же западноукраинских писателей, ещё не получивших общественного признания, в журнале писали почти всегда равнодушно, а порой и просто бестактно. Так, в общем правильная статья И. Цюха о творчестве львовского поэта Петра Карманского начинается такими яростными нападками, которые могли быть уместными лишь в том случае, если бы речь шла о человеке чуждом, а не о писателе, который после долгих блужданий вышел на ясную дорогу и стал честно служить своему народу. Я. Цегельник, изложив содержание книги очерков В. Конвисара «Между Збручем и Тиссой» и расхвалив автора за то, что тот сумел показать «красоту и величие советского человека, раскрыть сложный внутренний мир, новую социалистическую сознательность героев» и т. д. и т. п., отметив сочный и яркий язык автора, вдруг обрушивает на голову писателя целый поток таких

серьёзнейших (но далеко не всегда убедительных) упреков, которые сводят на нет все только что высказанные неумеренные комплименты. Среди этой раздачи поощрений и взысканий (нередко соединяющихся в противоречивой смеси) особняком стоит рецензия Е. Круковец на книгу стихов молодого поэта Георгия Кныша «Верность»; автор рецензии дал вдумчивый и тщательный разбор книги, его советы и критические указания разумны, а потому и полезны.

Не было в «Жовтне» за 1952 год литературных обзоров, знакомящих с новинками русской, украинской, белорусской и других братских литератур, с лучшими произведениями зарубежных писателей. Между тем важная роль таких обзоров очевидна. Их не могут заменить рецензии на отдельные, случайно выбранные книги.

Так, вкратце, обстояло дело с журналом «Жовтень» в минувшем году. Очевидно, что такое состояние надо признать совершенно неудовлетворительным.

Что изменилось в журнале в нынешнем году?

Если бы мы положили в основу нашего суждения единственное крупное прозаическое произведение, которое есть в изданных покамест пяти номерах (о повести Петра Никулина «У нас в Донбассе» говорить ещё нельзя, так как в № 5 напечатано лишь её начало), пришлось бы предположить, что изменений к лучшему в журнале нет. Это единственное крупное прозаическое произведение—повесть киевского писателя Ивана Ле «Право молодости» (№№ 2, 3).

Иван Ле — один из известных украинских советских писателей, чьи произведения не раз возбуждали острые споры. Он всегда стремится к постановке больших проблем, к широкому обобщению, к изображению сложных человеческих судеб и сложной психологии. Однако даже его лучшие сочинения имели серьёзные недостатки, которые не раз отмечала критика.

К сожалению, прежние недостатки творчества Ивана Ле выразились весьма рельефно в его новой повести. Автор поставил перед собой двойную задачу: создать образ молодого человека наших дней и одновременно раскрыть тему борьбы советских людей за переделку природы. Но соединил он эти задачи на символический лад, построив для этой цели надуманный сюжет, ставящий героев в неестественные положения, лишаящий их поступки реальных мотивов.

В судьбах и поступках главных действующих лиц Захара, Людмила и Сергийка (двух первых особенно) — огромное, почти фатальное значение имеет случайно увиденное ими растение — леспедеца. Леспедеца разъединяет и снова соединяет влюблённую пару — Людмилу и Захара; она же коренным образом меняет их жизненные пути — оба пренебрегают своими артистическими талантами и становятся лесоводами. Благодаря той же чудодейственной леспедеце встречаются после долгой разлуки давние приятели Захар и Сергийка.

Любовная линия, занимающая основное место в повести, написана скорее в духе мещанской «молчаливо страдающей любви», чем в духе новых, честных и прямых отношений советской молодёжи. Молодые, любящие друг друга люди, страдающие в разлуке в течение десяти лет — чуть не до тридцатилетнего возраста — ничего не предпринимает для того, чтобы встретиться и объясниться. Странно видеть, к каким сюжетным ухищрениям прибегает автор, чтобы удерживать их так долго вдали друг от друга, не решая при этом какой-либо жизненной и моральной проблемы, отыскивая лишь повод для мелодраматической декламации.

Ненужным отступлением от правды представляется и весь жизненный путь главного героя — Захара Бьлина. Семнадцатилетний сельский парнишка за два года работы на заводе легко приобретает высокую рабочую квалификацию, легко становится одновременно лучшим стахановцем ХТЗ, солистом хора (и вообще многообещающим певцом), видным рационализатором, активистом-общественником, отлично заканчивает среднюю школу и получает аттестат зрелости. Так же легко он меняет своё намерение стать инженером на желание стать певцом и, в конце концов, сдаёт экзамен... в лесотехническую академию; так же легко он добивается на войне успехов в ратном деле, а затем становится крупным специалистом-лесоводом, новатором науки, лауреатом Сталинской премии. Читатель узнаёт обо всём этом из мимоходом оброненных автором одной-двух фраз. А между тем Захар (как и другие герои повести) почти не действует, а главным образом резонирует произносит скучные речи. Людмила, главная героиня повести, как характер и человеческая личность представляет собой загадку. Из авторского описания мы

узнаём только, что она чудесно пела, блистательно играла на рояле, что у неё была прелестная внешность, а девичья скромность сочеталась в ней с «бунтом игривой женственности». Узнаём ещё, что она великолепно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Леспедеча», — вот и всё.

Вызывает возражения манера повествования. Вот как, например, описан момент встречи Захара с Людмилой в актовом зале института, где только что происходила защита диссертации, — сцена объяснения между героями: «Он уже не мог отвечать, схватив девушку за плечи, поднял её, нежно обнял, как будто солнечным теплом обогрел цветок. И расцвёл налитый жизнью бутон, губы её сами потянулись к первому в жизни поцелую любви».

Можно лишь пожалеть о неудаче талантливого писателя, от которого, несмотря на многие литературные недостатки в его прежних произведениях, можно ждать полноценной книги. И жаль, что редакция «Жовтня» не отнеслась к этой повести с той требовательностью, к которой обязывает настоящее уважение к автору и читателям.

Однако, несмотря на неудачу с повестью Ивана Ле и на то, что в журнале «Жовтень» попрежнему ещё появляются бледные, поверхностные очерки «обо всём понемногу» (очерк Н. Далекого «На голубых магистралях», П. Дорошко «Путешествие в Каракумы»), мы находим в нынешнем году признаки улучшения. О росте журнала свидетельствуют некоторые произведения, помещённые в последних (3,4,5) номерах, — в частности, интересный очерк Василия Лозового «На высоких полонинах».

Просто и скупно рассказывает писатель о совсем недавней трудной доле закарпатского чабана, о его одинокой, полной опасностей полуголодной жизни на горных пастбищах, о бескультуре и суевериях. Такие люди, как чабан Михайло Бацюк — человек пытливый, наблюдательный, не верящий дедовским предрассудкам, — лишь навлекли на себя неприязнь других пастухов, когда говорили о выгоде содержания в чистоте овечьих загонов, о пользе улучшения пастбищ и т. д.

Но вот пришла в Закарпатье советская власть. Многие встретили её с радостью, кое-кто с недоверием, а кое-кто и с неприязнью. Михайло Бацюк и его семья были в числе тех, кто активно помогал уста-

навливать новые порядки. Он видел, что за короткий срок неузнаваемо изменилась жизнь в карпатских сёлах, и не мог примириться с тем, что в горах, «на высоких полонинах», всё оставалось попрежнему: овцы голодали и гибли в большие снегопады, а пастухи бедствовали. Горько переживал это старый Бацюк. На окружном съезде передовиков сельского хозяйства он рассказал обо всём и просил учёных помочь. Вскоре началась совместная работа учёного Моравского и чабана Михайлы Бацюка. Они увлекли самых мужественных, инициативных людей, создали на горных пастбищах опытные кормовые поля, построили хорошие загоны для овец и удобные жилища для пастухов. Своими делами они убедили даже самых косных чабанов из всех окрестных сёл в том, что и на высокогорных пастбищах можно избавиться от старых бед. Писатель показывает все эти перемены в Закарпатье живо и убедительно. Через восприятие людей, умело пользуясь ярким и сочным диалектом лемков. Литературный уровень этого очерка несомненно выше уровня очерков, напечатанных в прошлом году.

Обращает на себя внимание четвёртый номер журнала, большая часть которого посвящена бориславским нефтяникам. В нём опубликована пьеса Ю. Дольд-Михайлика «Бориславская трагедия», написанная по мотивам «Бориславских рассказов» Ивана Франка. Перед читателем предстают трагические судьбы галицийского крестьянства, разоряемого капиталистическими хищниками, встают картины жестокой эксплуатации галичан-нефтяников. В пьесе силен драматический элемент, она написана хорошим языком.

В той же книге журнала опубликован литературный репортаж «Будни советского Борислава», написанный группой львовских писателей. Несмотря на неровность и недостаточную художественную яркость, этот репортаж читается с интересом благодаря фактам, которые мы из него узнаём.

Есть несомненные сдвиги и в разделе поэзии. Весьма отраднo, что в нём появились стихи львовских и закарпатских поэтов — Д. Павличко, П. Горещкого, Т. Оудько, В. Ладыжца и других.

Искренне и страстно звучат короткие стихотворения «галановского цикла» поэта Дмитра Павличко «Мы не забудем», «Плюю на папу», «У Шептицкого» (№ 3).

Ненависть поэта к Ватикану — вдохновителю и организатору многих кровавых предательств и убийств на украинской земле и во всём мире — отлилась в этих стихах в сильные, ошутимые образы.

Нї один не впився кров'ю їдол
Так, як впився ватїканський бог.

В двадцати строчках стихотворения «Чёрный шнурок» рассказано, как в студенческое общежитие пришёл новенький; на шее у него на чёрном шнурке висит крест, и он украдкой молится в углу. Товарищи, не сговариваясь, каждый по-своему и незаметно, пытаются «снять с него святую петлю». Один ведёт его в театр на представление «Овода», другой читает ему стихи Франка, третий дарит на память памфлеты Галана. Юноша не говорит никому ни слова, но все видят, что у него на шее уже нет чёрного шнурка.

Жаль, что наряду с этими содержательными и энергичными стихами журнал продолжает печатать стихи абстрактные, декларативные — такие, например, как стихотворение «Зашумят, зашумят ещё неведомые моря» П. Усенко (№ 5). К слову сказать, в помещённой в этом же номере первой половине содержательной статьи М. Левченко «В. Маяковский и становление украинской советской поэзии» разбираются старые ошибки П. Усенко, о котором критик пишет, что ему необходимо было преодолеть «импрессионистическую растрёпанность формы, искусственность и приблизительность выражений». Стихотворе-

ние «Зашумят, зашумят...» свидетельствует, что поэт ещё не избавился окончательно от своих прежних недостатков.

Значительно усилился в «Жовтне» отдел публицистики. Тема борьбы с буржуазным национализмом находит всё более глубокое освещение (хотя всё ещё не на современном, а на историческом материале). Хочется особо отметить остро написанную статью Павла Тычины «Иван Франко — непримиримый борец против украинского буржуазного национализма» (№ 2). Статья П. Тычины — достойная оповедь нынешним врагам украинского народа.

Впервые редакция полным голосом заговорила (в статье Д. Цмокаленко, № 4) о долге украинских писателей-прозаиков отразить в художественных полотнах гигантские преобразования, которые принесла в западные области советская власть. Статья разбирает уже вышедшие книги с точки зрения того, как их авторам удалось показать руководящую роль коммунистической партии в становлении и расцвете новой жизни молодых советских областей.

Введены в журнале новые отделы: трибуна писателя и обзор искусств, которые могут оживить критический материал и дать более многостороннее освещение жизни.

Хочется пожелать журналу «Жовтень», чтобы он, решительно преодолевая свои недостатки, стал подлинно творческим центром западноукраинской литературно-общественной жизни.

Л. БАША.

★

Правдивое и надуманное

С большим интересом встретил читатель новый роман о рабочем классе — «Широкое течение» Александра Андреева. А. Андреев — молодой писатель; не так давно появилась его первая повесть «Ясные дали», в которой автор живо и просто рассказал о юных воспитанниках фабзавуча. И вот перед нами его второе произведение, герои которого тоже молодые рабочие, хотя уже не ученики. Сразу заметно, что А. Андреев пришёл в литературу со своей темой; образ молодого советского рабочего, очевидно, близок ему по духу, кровные

Александр Андреев. «Широкое течение». Роман. Журнал «Октябрь» №№ 1, 2 за 1953 год.

узы связывают писателя с рабочим классом, художник посвящает ему все свои думы.

По замыслу «Широкое течение» богаче и сложнее, чем первая повесть А. Андреева. Изображая путь молодого кузнеца Антона Карнилина от простого нагревальщика до передового рабочего, лауреата Сталинской премии, писатель в то же время стремился раскрыть многогранную жизнь заводского коллектива.

Главный герой произведения — это талантливый, целеустремлённый, темпераментный молодой человек, однако с недостаточно широким кругозором. Постепенно, с помощью партии, комсомола, коллектива,

он выходит на верную дорогу, проникается чувством большой ответственности за своё дело, остро ощущает неразрывную связь своего труда со всеми делами страны. У автора было прекрасное намерение — показать читателю, как труден путь к высокой цели, какие огорчения и поражения неизбежно приходится преодолевать каждому человеку, который борется за новое, передовое, но как благородна и радостна в то же время эта борьба. «Хорошее-то всегда даётся трудно... с мукой даётся. Но ведь ты — рабочий, ты должен быть потвёрже других дулом-то: у огня стоишь...» — поучает молодого кузнеца старый мастер Фома Прохорович Полутенин.

Для того чтобы раскрыть разные стороны жизни Карнилина, автор рисует его и в цехе, и среди друзей, и в школе рабочей молодёжи, и, наконец, большое место уделяет его любовным переживаниям.

Сразу же вырисовываются резко определённый характер героя романа, прямота и страстность его натуры, непосредственность чувств. Мы продолжаем читать книгу, и эти черты характера ощущаем всё явственнее. Вот Антона Карнилина ставят к молоту. Первая самостоятельнаяковка не ладится — с какой яростью, испытывая порой отчаяние, продолжает он штамповать до тех пор, пока не удаётся ему уловить нужные приёмы. Вот Антон уже бригадир только что созданной по его инициативе комсомольско-молодёжной бригады. Невыносимо трудно ему заниматься в вечерней школе после напряжённого рабочего дня, но с поразительным упорством учится молодой рабочий.

Пытливый, всегда ищущий новое, прямой и цельный по натуре, Антон Карнилин не умеет лавировать, отступать, менять свои убеждения — он идёт к цели напрямик, завоёвывая при этом уважение одних людей и вызывая раздражение других. Ласку и дружеское участие он находит в доме карторга цеха Алексея Кузьмича Фирсонова, его поддерживают секретарь комсомольской организации Володя Безводов, старый кузнец Фома Прохорович Полутенин. В то же время Антон воюет с бывшим товарищем по ремесленному училищу, карьеристом Олегом Дарьиным, со своими нерадивыми сменщиками, с равнодушным технологом Антиповым.

Но, странное дело, перелистывая страницу за страницей, мы постепенно начинаем

чувствовать, как меркнет наш интерес к героям книги. Образы их, чётко очерченные вначале, понемногу тускнеют в нашем представлении; проступает схема произведения, которая не облеклась в плоть и кровь; правильно задуманные характеры теряют свою живость. И самое обидное, что читатель становится всё равнодушнее к судьбе главного героя.

Книга теряет свою увлекательность во многом оттого, что, начав ту или иную линию взаимоотношений между героями, писатель не всегда показывает её в развитии, нередко ограничивается лишь сообщением о разрешении конфликта. Не наблюдая постепенного изменения, не имея возможности проследить процесс перелома в отношениях между персонажами, читатель не в состоянии правильно понять и оценить их мысли и чувства; он превращается в стороннего наблюдателя.

С каждой новой главой писатель всё поверхностнее рассказывает о жизни, всё реже проникает в глубь явлений. Трудности, препятствия, преграды исчезают из жизни героев книги. Одна за другой следуют сцены, изображающие достижения Антона: успех борьбы комсомольцев за экономию металла, которую возглавил Карнилин; приём у заместителя министра, одобрившего инициативу Антона; блестящее выступление кузнеца-стахановца на Третьей конференции сторонников мира; присуждение ему Сталинской премии; его отъезд с делегацией в Китай.

Но можно ли гордиться победами героя, если не знаешь, как он боролся, какие препятствия преодолевал, какие радости и мучения, падения и взлёты духа претерпевал в процессе этой борьбы? Удивительно ли, что роман становится скучным? Исчезла борьба и вместе с ней ушла из книги жизнь...

Впрочем, некоторую толику затруднений писатель оставляет на долю своего героя, однако лишь в сфере любовных переживаний. Разумеется, в этом нет ничего дурного. Но дело в том, что любовные злоключения героя кажутся читателю надуманными, носят несерьёзный, случайный характер. Люся Костромкина отвергла любовь Карнилина. Читатель ещё не успел пережить вместе с ним его страдания, как он, глядя на конструктора Таню Оленину, уже думает: «...вот с ней, с этим человеком, придёт к нему счастье, с ней все его невзго-

ды и горести исчезнут, как исчезает туман с появлением солнца».

Так разрушается вера в глубину чувства героя. Вторая любовь Карнилина не обогащает образа. Влюблённый в Таню, Антон так же нетерпеливо сметает все преграды на своём пути, как он делал это в период любви к Люсе. Так же, как некогда вооружался он в чужой дом и увёз девушку с вечеринки, он срывается теперь с работы и летит в Крым, узнав, что туда уехала Оленина с ненавистным ему конструктором, мелким обывателем Иваном Матвеевичем Семиёновым. Так же остро переживает Антон размолвки с Олениной, как раньше он переживал разрыв с Люсей Костроминой.

Рассказывая о любви своего героя к Тани Олениной, писатель зачастую заставляет его действовать несообразно с его натурой. Например, оказывается, что Антон Карнилин, человек пылкого темперамента, который так настойчиво добивался любви Олениной и заставил её отказаться от мысли выйти замуж за Семиёнова, «не смеет» говорить с ней о женитьбе.

Решимость Олениной к Люсе, сложные взаимоотношения Тани с Семиёновым, в которых весьма неблагоприятную роль играет жена парторга, Елизавета Дмитриевна, выглядят надуманными, ибо не в истинно драматические ситуации попадают герои, а в мнимые, и все терзания их основаны не на действительном конфликте, а на недоразумении. Писатель заставляет Оленину уехать с нелюбимым человеком в Крым, чтобы «присмотреться» к нему, «привыкнуть». Она даже представляет Семиёнова окружающим как своего мужа, не будучи на самом деле его женой. Живые впечатления и наблюдения автора, заметные в

первых главах романа, сменяются искусственными перипетиями, которые вызывают чувство разочарования.

Роман «Широкое течение» написан с большим темпераментом, смелее, чем первое произведение А. Андреева. Молодой писатель ищет ярких средств изображения. Нередко ему удаётся увлечь читателя непосредственностью и страстностью. Но зачастую он вступает на ложный путь, прибегает к выспренности, которая чужда всему материалу произведения и только мешает читателю проникнуть во внутренний мир героя, радоваться и печалиться вместе с ним. Трудно понять душу Антона Карнилина, когда автор так описывает его внутреннее состояние: «...на него повеяло чем-то необъяснимым, сказочным, будто раздвинулись горизонты и он увидел новый могучий свет, озаряющий жизнь людей, жизнь всего человечества», «Могучая волна чувств окатила его жаром».

Молодой писатель любит пейзаж, уделяет ему большое место в романе. У А. Андреева пейзаж служит не только украшением. Но, к сожалению, в своём стремлении во что бы то ни стало найти оригинальный, нестёртый образ в описаниях природы, А. Андреев не замечает, как претенциозно и напыщенно иной раз звучат его фразы: «В небесной вышине холодно пылали звёзды», «...кинжальным блеском сверкнул над лесом лунный свет» и другие.

Многие страницы «Широкого течения» говорят о том, что у молодого автора есть литературное дарование. Пожелаем ему умения глубже проникать в жизнь и проще, точнее о ней писать.

О. ГРУДЦОВА.

★

Солдатские стихи

В послевоенные годы в Советской Армии выросло немало интересных поэтов. Не будучи писателями-профессионалами, занимаясь творчеством в свободные от армейской службы часы, они упорно оттачивают своё поэтическое мастерство.

Некоторые из них уже заявили о себе отдельными книгами. Иван Рядченко

«Возвысь друзья». Сборник солдатских стихов. Редактор М. Алексеев. Военное издательство Военного министерства Союза ССР, М. 1953.

(Одесса) выпустил, например, в конце прошлого года сборник «Наперекор войне». Изданы первые книги Николая Криванчикова (Крым) и Анатолия Рыбочкина (Хабаровск).

Наряду с авторами-армейцами военные стихи пишут молодые поэты Константин Ваншенкин, Евгений Винокуров, Иван Варавва, Иван Ганабин, Александр Тайчуков — воспитанники Литературного института Союза советских писателей. Почти все

они служили в армии, хорошо знают жизнь и быт солдат.

Военное издательство выпустило недавно сборник стихов «Боевые друзья», где представлено творчество поэтов, пишущих об армии.

Первое и главное, что замечаешь, читая стихи сборника,— это стремление поэтов осмыслить труд воина как почётную обязанность гражданина СССР, как дело, нужное всему народу, являющееся неотъемлемой составной частью нашего мирного труда.

Кровное единство Советской Армии и советского народа — вот мысль, которая лейтмотивом проходит через весь сборник. Пожалуй, особенно удачно она выражена в стихотворении Ивана Ганабина «Солдату часто снится дом». Автор говорит о воинском долге, о том, что «служить Отчизне — долг и честь».

Солдату часто снится дом,
Берёзы над прудом..
Истосковался человек
О городе родном.
Ни упрекнуть,
Ни укорить —
Я сам, друзья, служил.
И тоже —
Что тут говорить —
По родине тужил.

Поначалу даже кажется, что автор ничего существенного и не собирается сказать: просто увидел грустившего солдата и решил показать, сколь велика его тоска. Но это не так. Иван Ганабин находит нужные и точные слова, и тоска солдата под его пером приобретает уже совсем другую смысловую окраску: человек тоскует потому, что любит родные места, а где любовь — там подвиг, и, стало быть, «в бою отдаст солдат по капле кровь за Родину свою».

А что солдат взгрустнул —
Пускай! —
Грех не ахти большой.
Ведь отчий дом
И отчий край
Он любит всей душой.

И отсюда понятен переход автора к лирической публицистике, где взгляд его на армейскую службу выражен как осмысленный воинский долг.

Тоска — тоской,
А служба — долг:
Настал черёд — служи.
Не он один —

Хранит весь полк
Родные рубежи.
Да что там полк —
Мы все в строю,
Мы все на том стоим..

Переход узко-личного в план общенародный, сочетание лирики с публицистикой придаёт стихотворению Ганабина силу воздействия на читателя.

По-своему, но тоже удачно решает тему единения народа и армии Иван Рядченко. В его стихах говорится о людях армии и о делах «сугубо армейских», но образы и сравнения в них навеяны событиями, происходящими во всей стране. Воспевая, например, сапёрную лопату, которая в дни войны всегда «вынималась из чехла, чтоб стать творцом окопного уюта», поэт утверждает, что сапёрная лопата приходится экскаватору «прямой роднёй», что экскаватор — это её «великий правнук», ибо не смог бы он рыть сейчас землю на стройках,

когда бы я
лопатою сапёрной
не перерыл в походах
полземли.

Стихам Ивана Рядченко свойствен мягкий юмор. Зима у него «ещё недавно с холодком встречала... все начинания весны»; весна приходит в подразделение, «не доложив дежурному по части»; лесок одет в зелёное «согласно воинским уставам», а молодым дубком, который похож на солдата-призывника, откровенно восхищены «две гражданские берёзы». Влюблённый в природу, в жизнь и в труд, Рядченко не жалеет «весенних» красок. От стихов его веет молодым задором. Они лиричны. Однако автор порой бывает не в меру восторженным. В этом таится для него опасность облегчённого показа действительности.

Жизнь Советской Армии богата большими событиями. Она насыщена упорным трудом. Картины учёбы, быта воинов запечатлены в целом ряде стихов. Среди них следует отметить как удачные стихи Николая Криванчикова («Учёба командира»), Константина Ваншенкина («Мы вышли на ранней зорьке...» и «Ступая очень осторожно...»), Михаила Горбунова («На ученьях»), Юния Гольдмана («Вы к победе вели»), Александра Меркулова («На Красной площади» и «На вечерних привалах..»), Анатолия Рыбочкина («Начало подвига»), Ивана Шамоза («Дежурное звено»). Однако

среди стихов, посвящённых описаниям будней Советской Армии, много также незрелых и слабых.

Основной недостаток большей части произведений, представленных в сборнике, — риторичность, декларативность. Мысль многих авторов вращается в кругу привычных, шаблонных сюжетов, образов и даже выражений.

«Я... шёл сквозь шум и грохот дня» — пишет Евгений Винокуров. «Мы... сквозь грозы пронесом в века военную славу» — вторит ему Иван Варавва. «Солдат сквозь любую даль по приказу итти готов» — говорит Виктор Виноградов. «Отделение идёт сквозь пьяный дождь, сквозь ветравист» — не отстаёт от своих собратьев по перу Михаил Горбунов. «Вы к победе вели, командиры, сквозь огонь, сквозь лихую пургу» — находим мы у Юния Гольдмана. «Сквозь непогоды и невзгоды пройду...» — пишет Иван Ганабин. Таков далеко не полный перечень употребления поэтами слова «сквозь». Там, где авторы характеризуют действия своих героев, они обязательно пускают в ход слова: «точно» и «в срок». Подобные повторы создают у читателей однообразное, унылое впечатление.

Композиционно ряд стихов построен по одной схеме, хотя и написан разными авторами. Так, например, обстоит дело со стихами о песнях и плясках. Известно, что песни и пляски широко распространены в армии. Верно, что наши воины любят песню, считают её своей спутницей в походе, в часы отдыха. Однако нельзя же все стихи на эту тему строить по одному шаблону: дескать, было трудно в походе, но запели песню, сплясали, и стало легко, так легко, что после этого любые преграды нипочём. А ведь именно по такому стандарту написаны все стихи сборника, посвящённые песням и пляскам (И. Бойков «На перевале», М. Горбунов «Через перевал», В. Догадаев «В походе», Ф. Халтурин «В походе», Л. Шкавро «Поход», И. Лашков «Под дождём» и «Весна идёт»).

Полюбился некоторым авторам и ещё один схематический сюжет. Солдаты вышли на учение. Комбат ставит задачу. Ротный взмахнул рукой. Над полем гремит «ура». Занятия окончены. Комбат хвалит: «молодцы».

Вместо правдивого показа действительно-

сти получается обеднение её. Очень тягостно читать одинаково написанные стихи, стихи без мысли, бездумные, фактографичные.

В стихах встречаются явные небрежности. Далеко не все авторы требовательны к себе. Некоторые из них недостаточно работают над языком произведений, не учатся ценить слово, не умеют находить для выражения своей мысли слова, единственно нужные, единственно правильные.

Михаил Макаев, например, пишет: «Знамя над полком пылает и звенит!..» У Виктора Виноградова находим такие строчки: «Оно (поле.— К. П.) бежало вширь и вдаль неограниченным разбегом». Или: «В нём (в нагрудном знаке.— К. П.) солдатский и труд и пот». Иван Варавва пишет: «Там, где на улице где-то бродит гармонь...». Михаил Горбунов рисует дорогу через перевал в таких строчках: «В горах, меж небом и землёй, солдатский строй повис: правее нас — скала стеной, левее — бездна вниз». У Юния Гольдмана находим строфу: «В пути и на досуге, в любом оне и вьюге с хорошей книгой легче Отечеству служить» (подчёркнуто мною.— К. П.). Как же так можно служить Отечеству на досуге?

Нередко авторы ставят в словах произвольные, совершенно непримятые в русском языке ударения. И. Бойков пишет «пожурит», А. Тайнчуков заставляет читателя произносить «волка́», у Ф. Халтурина встречаем «разми́нуться» и т. д. Как могли поэты допускать такие небрежности? Как мог помириться со всем этим редактор?

При строгом отборе стихов, при более тщательном их редактировании сборник «Боевые друзья» мог бы получиться лучше. Но в книге и сейчас, как мы это видели, много хорошего. Воениздату следует продолжить начатое дело. Надо чаще выпускать коллективные сборники стихов молодых авторов. Надо подумать и об издании отдельных книг поэтов, пишущих об армии. За последние годы Воениздат выпустил отдельными книгами только поэму Семёна Гудзенко «Дальний гарнизон», сборники Владимира Фёдорова «Плечом к плечу» и Ивана Шамова «Дежурное звено». Этого мало.

К. ПОЗДНЯЕВ.

Книга об адмирале Ушакове

Леонтий Раковский сумел так ярко и убедительно написать о прославленном русском адмирале Ушакове, что невольно располагает читателя к своему замечательному герою, патриоту и моряку.

Читается роман легко, несмотря на то, что он насыщен историческими фактами, описанием сражений и даже немного перегружен специальной морской терминологией.

Совершенно закономерно то, что неблагодарно забытый на многие годы Фёдор Ушаков в наше время нашёл наконец заслуженное признание. Советские люди, являющиеся подлинными наследниками культурного исторического прошлого, по сути дела воскресили память об Ушакове, как и о многих других русских национальных героях, и впервые в истории начали глубокое и всестороннее изучение жизни и деятельности доблестного адмирала.

Друг и почитатель Суворова, многократный победитель турок и французов, создатель новой тактики флота, Фёдор Фёдорович Ушаков явился непосредственным продолжателем традиций Петра I и Спиридова в развитии русского национального военноморского искусства. В эпоху крепостнических отношений он воспитывал мужественных черноморских матросов не палочными приёмами, а внушением любви к Родине и сознания своего долга.

Ушаков оставил после себя плеяду славных моряков — Пустогинна, Голенкина и многих других, из которых герой Афонского сражения, Дмитрий Сенявин, был его лучшим учеником и прямым наследником. В свою очередь Сенявин передал ушаковское искусство, обогащённое им самим, непосредственно М. П. Лазареву, имя которого связано с знаменитой Наваринской победой. Под командованием Лазарева дрались молодые Нахимов, Корнилов и Истомин.

С первых страниц книги Л. Раковского читатель знакомится с Фёдором Ушаковым, гардемаринном Морского кадетского корпуса — старейшего высшего учебного заведения России, учреждённого ещё Петром I в Москве и позже (в 1715 году) переведённого в новую столицу. Уже здесь будущий

герой Калиакрии и Корфу выделяется из среды своих сверстников изумительным упорством и целеустремлённостью, прямой характеристикой, горячий любовью к флоту и морскому делу.

В хронологической последовательности главы романа, связанные единым творческим замыслом писателя, освещают важнейшие события из жизни флотоводца, показывают его энергичную деятельность, раскрывают его недюжинные командирские качества, одинаково ярко проявившиеся как в Ушакове-офицере, так и в Ушакове-адмирале.

Мастерство Л. Раковского заключается в том, что в сравнительно небольшом романе он сумел охватить богатую событиями жизнь Ушакова, правдиво показать его трудный и сложный путь к намеченной цели, непрерывный рост его флотоводческого мастерства, его борьбу с врагами русского государства, с казнокрадами, подхалимами, поклонниками западного морского искусства.

Имя Ушакова обязывает любого автора, независимо от принятого жанра, к серьёзному историческому подходу к теме. Л. Раковский привлёк для своей книги большое количество документальных и литературных материалов, поэтому основные события и главные исторические фигуры обрисованы в романе хотя и бегло, но относительно точно. Правда, в период работы над романом писатель не мог ещё располагать вышедшими недавно I и II томами сборников документов об Ушакове¹, которые представляют собою кладёз сокровищ не только для историка, но и для литератора. Архивные материалы, связанные с именем Ушакова, к этому времени ещё не были систематизированы.

Теперь, когда мы располагаем научно-систематизированной публикацией архивных и библиографических материалов, особенно заметно, что автор работал над книгой тщательно и добросовестно. Но серьёзность темы обязывает нас указать на ошибки и небрежности, допущенные им.

Прежде всего надо сказать о слишком

Леонтий Раковский. «Адмирал Ушаков». Роман. Редактор Н. Ходза. «Молодая гвардия», Л. 1952.

¹ Серия «Русские флотоводцы». «Адмирал Ушаков». Институт истории Академии наук СССР и Главное архивное управление МВД СССР. Военмориздат, М. 1951 (т. I), 1952 (т. II).

скупом, лаконичном показе общеполитического и особенно социального фона, на котором развивается главная сюжетная линия. Если международные отношения важнейших европейских государств описаны с достаточной подробностью, то обстановка внутри России, то есть общественные отношения и расстановка классовых сил, дана схематично и вскользь, и это не может удовлетворить читателя. При более глубоком показе крепостнических отношений в екатерининские времена, а затем — своеобразия периода царствования Павла I образ Ушакова ещё более выиграл бы, так как Ушаков во многом был впереди своего века. Ещё больше оттенились бы его гуманность, передовое мышление и подлинный патриотизм.

Слабо разработаны писателем образы рядовых моряков. И это обидно; известно, как высоко ценил Ушаков своих верных помощников — черноморских матросов, как верил им и заботился о них. В книге даже наиболее заметные фигуры моряков: боцмана Макарыча, новобранца Васьки Легостаева, Прошки — камердинера адмирала, — выглядят слабо вырисованными статистами.

Что же касается деятельности самого Ушакова, то, надо сказать, тут автор скупился на описание такого важного момента в жизни флотоводца, как боевое обучение экипажей. Боевой подготовке Ушаков уделял самое серьёзное внимание; ведь для того, чтобы победить численно превосходящего противника, располагавшего быстроходными кораблями, необходимо было противопоставить ему более искусный манёвр и более эффективный огонь. А это возможно только с командой, отлично обученной управлению парусами и ведению прицельного артиллерийского огня. Именно последнее не хватало у турок.

На странице 190 сказано: «— адмирал не даёт покоя ни днём, ни ночью, замучил артиллерийскими и парусными учениями...» И это всё о системе боевой подготовки такого превосходного методиста, каким был Ушаков! Конечно, с Ушаковым служить было трудно. Очевидно, что он тренировал людей и днём и ночью. Но надо было, хотя бы кратко, написать о том, что Фёдор Фёдорович был последователем Суворова и его метода: «тяжело в учении — легко в бою», что сознательное обучение мастерскому использованию парусного и артиллерийского вооружения кораблей и фрега-

тов было непременно условием побед, и это вполне понимали экипажи ушаковской эскадры. А раз так, то самая упорная учёба и тренировка не могли квалифицироваться как «мучение» даже самими матросами.

Напрасно автор в поисках конфликта Ушакова с Мордвиновым взял случай постройки двух кораблей по новым чертежам главного корабельного мастера Катасанова. Очевидно, Л. Раковский не проследил этого происшествия до конца. Как раз именно в этом случае Ушаков оказался неправ, утверждая, что корабли непригодны. Катасановские «Св. Пётр» (под командованием знаменитого Дмитрия Сенявина) и «Захарий и Елизавета» отлично плавали в составе ушаковской эскадры, проделали с ним всю Ионическую кампанию и участвовали в историческом штурме Корфу. В дальнейшем все корабли создавались по аналогичным чертежам, и Ушаков больше не поднимал вопроса об их непригодности.

Для показа того, как «берег», то есть Адмиралтейств-коллегия в лице графа Мордвинова и Войновича, вредил Ушакову, можно было использовать другие материалы. Задержка со снабжением, с ремонтом, с заменой «худых» кораблей, даже с выплатой содержания личному составу, не говоря уже об отказе в возмещении личных средств, затраченных адмиралом на учреждённые им госпитали, и т. д. — вот краткий перечень подлостей, чинимых Ушакову. Завистливые и бездарные начальники не гнушались писать на него клеветнические доносы, а Мордвинов допускал даже оскорбительные выпады против адмирала на совещаниях, в присутствии его подчинённых.

Большую ошибку допустил Л. Раковский в утрированном описании и оценке турецкого флота. Очевидно, желая подчеркнуть, какого слабого союзника имел Ушаков в лице Кадыр-бея, он так описывает походное движение турецкой эскадры: «Некоторые корабли несли одни нижние паруса, другие шли под стакселями, третьи под брамселями и бом-брамселями. Такой разницей очень смешил всю русскую эскадру». Прежде всего соединённое движение кораблей с такой различной парусностью практически невозможно. Через два часа такая эскадра рассеялась бы по всему горизонту или растянулась на много миль. Превращая турок в анекдотических мореплавателей, автор тем самым умаляет победы Уша-

кова и незаметно для себя скатывается на позиции тех русских и иностранных «авторитетов», которые так и не признали Ушакова выдающимся флотоводцем именно потому, что в открытом море он бил только турок.

Конечно, турецкий флот был обучен хуже русского и, в частности, хуже черноморского, то есть ушаковского. Но достаточно напомнить тот факт, что после боя у Фидониси и после Керченского сражения Ушакову не удалось отрезать ни одного турецкого корабля, и все они, хотя и сильно побитые, ушли в свои базы. Длительность боёв, характер и количество повреждений на русских кораблях свидетельствуют о том, что турки дрались упорно, но не так искусно, как русские. Во второй половине XVIII века турецкий флот, возрождённый после Чесмы усилениями иностранцев, представлял из себя серьёзную морскую силу.

Жанр романа имеет свои каноны, и поэтому к роману «Адмирал Ушаков» нельзя подходить с меркой, пригодной для научно-исторического исследования. Но если автор берёт основных действующих лиц из аренала истории, а главным героем избирает выдающегося деятеля прошлого своей родины, то естественно, чем точнее будут переданы в художественной форме главные исторические события и факты, тем больше ценности приобретёт такой роман. В данном случае налицо имеется очевидная попытка быть точным и в воспроизведении ушаковских баталей. Л. Раковский мог бы не углубляться в специальные вопросы морской тактики и показать картину боёв в таком обобщённом виде, который позволил бы избежать специфических деталей. Форма романа вполне это допускала. Он предпочёл пойти по более трудному и более интересному пути, но при этом, очевидно, не полностью разобрался в существе дела. Приведём некоторые примеры.

Бой у Фидониси. Невероятно, чтобы Ушаков, командовавший авангардом, ещё в Севастополе добился согласия своего начальника Войновича следовать всем его движениям в предстоящем бою. Только при соприкосновении с противником, оценив силы сторон, ветер, боевой порядок турецкого флота и вырвавшись вперёд по своей инициативе, уже выполняя смелый манёвр охвата головы турецкой колонны, Ушаков поднял сигнал с просьбой следовать за ним.

Далее автор утверждает, что «Ушаков придерживался такого мнения: прежде всего надо разгадать план врага, а потом своим манёвром разбить его замыслы». В таком обобщённом виде это положение противоречит методу и стилю инициативно и смелого флагмана. Ушаков, оценив обстановку, навязывал свою волю противнику, не ожидая, когда окончательно выявятся намерения последнего.

Л. Раковский приписывает Ушакову такую команду: «Бить по турецким пушкам!» Если учесть, что дело происходило в эпоху, когда пушки ещё не имели не только прицелов, но даже мушек, то станет ясным — Ушаков такой наивной команды дать не мог. В те времена до сближения на картечный выстрел существовало только две команды, относившиеся к целеуказанию: «бить по корпусу» или «бить по рангоуту», то есть по мачтам. Чтобы не оставить сомнений, можно обратиться к свидетельству самого Ушакова. Донося о бое у Фидониси и выделяя стрельбу лучшего артиллериста, он пишет: «...весьма малое число ядер проходило мимо корпуса неприятельских кораблей»¹. Где уж тут попасть в пушку!

Опуская для краткости аналогичные недоразумения с другими морскими батальями, напомним взятие Корфу.

Л. Раковский посвятил этой теме много страниц, с упором на тактическую сторону дела, но недостаточно ясно обрисовал общий план боя и его этапы. Оригинальность замысла Ушакова заключалась в том, что главный удар наносился с моря по острову Видо. Только после взятия Видо корабли перешли к флангам крепости Корфу, для того чтобы поддержать общий штурм в решающий момент.

Посадив на эскадру в Севастополе 1700 гренадер, автор затем забыл о них, поэтому штурм Видо у него выполняют только матросы, в то время как в действительности основную часть десанта составляли гренадеры подполковника Скипора.

Остаётся сказать несколько слов о неумеренном использовании морской терминологии.

Конечно, обойтись без специальных терминов при изложении специальных вопросов трудно, и в известных пропорциях эта терминология придаёт рассказам, повестям или романам конкретность, повышает познавательную ценность работы художника.

¹ «Адмирал Ушаков», т. I, стр. 62.

В этом отношении хотелось, пользуясь случаем, напомнить некоторым нашим «маринистам» чеховскую «Свадьбу» как пример не только исключительно умелого художественного приёма, но и как высокий образец литературной добросовестности.

Когда капитан 2-го ранга в отставке Резунов-Караулов задал присутствующим вопрос, что надо командовать при постановке брамселей и бом-брамселей, то сам же ответил «салинговые к вантам, на брамсели и бом-брамсели.. и в это время, как на реях отдают паруса, внизу становятся на бран и бом-брам шкоты, фалы и брасы...» Здесь Чехов в нужной последовательности излагает описываемые действия, употребляя точные термины. Всё возрастающее нагромождение специфических слов достигает своего эффекта независимо от смысла и значения этих диковинных терминов. Но самое замечательное заключается именно в том, что они ни разу не употреблены без смысла. Вся «Свадьба» умещается на двенадцати страницах. Следовательно, только ради одной небольшой «сцены в 1-м действии» Антон Павлович счёл необходимым изучить значительную часть очень специального предмета.

Но автор «Адмирала Ушакова», к сожалению, не всегда использует морские термины в их точном значении

Было бы нецелесообразно приводить большое количество примеров неверного или ненужного упоминания бом-брам-реев и бом-брам-стенег. Достаточно сказать, что один из моряков, желая подчеркнуть высокий рост Кадыр-бея, говорит о нем. «ровно бом-брам-рея!». Однако рея — это поперечное рангоутное дерево, лежащее горизонтально (очевидно, автор хотел сказать «бом-брам-стеняга»), но ошибка усугубляется тем, что бом-брам-рея короче брам-реи и тем более короче рзи.

«Шлюпка на носу!» — вместо «по носу»; «бунты каната» — вместо «бухты каната»; «лодка, подбежавшая к борту», «брандс-кугсли» — отождествлённые с калеными ядрами и т. д. и т. п.

Не хочется продолжать этот перечень.

Ясно, что сокращение числа терминов, непонятных не только читателю, но и писателю, сделало бы роман более строгим.

В итоге хочется сказать, что Л Раковский тепло и, в общем, верно раскрыл образ знаменитого флотоводца и новатора военно-морского искусства, но, к сожалению, увлёкся чисто внешними, специфическими украшениями романа, не дав себе труда лучше изучить морское дело.

Проф. И. С. ИСАКОВ.

★

Как в калейдоскопе

Началась война Гитлеровские полчища напали на нашу Родину. И в тот же день семнадцатилетняя москвичка Ирина приняла твердое решение идти на фронт. Она ещё не советовалась с мамой и бабушкой, только ехала к ним, когда её «бросилась в глаза блестящая вывеска с надписью: «Райком Красного Креста Ленинградского района». Вот куда должна я пойти немедленно. Вот она, моя военная специальность!»

На следующее утро, так и не сказав ничего родным, Ирина поехала в райком Красного Креста. А там уже стояла очередь. «Из двери вышли две опечаленные девушки: им отказали в приёме из-за возраста. Все заволновались. Одна из девушек сбегала в магазин и принесла целый пакет

шпилек. Бантики снимались и прятались, косы укладывались причудливыми коронами».

Этот простой, трогательный эпизод, описанный в самом начале «Повести о военных годах», говорит так много! В нём соединяются непосредственность и высокий патриотизм, ребяческая хитрость и упорство в достижении цели. Сразу становится интересно, хочется читать дальше, узнать, поможет ли Ирине её уловка и долго ли останется она милой девчонкой с причёской не по возрасту. Ведь она идёт на фронт!

Перед нами военная биография девушки. Ей не исполнилось ещё восемнадцати лет, когда она вместе со своей дивизией вступила в бой. Скоро Ирина становится опытной медицинской сестрой танкового соединения. Десятки раненых солдат и офицеров вытащила она с поля боя, многим спасла жизнь. Но ей мало этого, она хочет сама

Ирина Левченко. «Повесть о военных годах». Журнал «Знамя» №№ 11, 12 за 1952 год.

стать танкистом. Однажды, когда со своей воинской частью Ирина плыла по Чёрному морю на пароходе и танкистам делать было нечего, они стали понемногу знакомить её с механизмами танка. «Изучу пулемёт, общее устройство танка, а там... пойду к командованию и попрошу помочь мне стать танкистом». Так мечтала Ирина. И хотя много опасностей пережила она и была уже ранена, хотя видела она ужасы войны, в мечтах её, да и во многих поступках, осталось много детского.

В повести на всём её протяжении, нет-нет и возникает это ощущение недавнего детства, непосредственности, доброй, открытой наивности. И эти наивность, непосредственность, простота, откровенность не только не мешали исполнению желаний Ирины, а всегда ей помогали, вызывали у других сочувствие и товарищеское участие в её судьбе.

Ирина тяжело ранена, врачебно-контрольная комиссия определила ей вторую группу инвалидности, она получила пенсию и «Свидетельство об освобождении от воинской обязанности».

...Ирина плачет. Мы знаем, что она переживала и голод, и холод, и страшную усталость. Мы знаем, что ей пришлось побывать на операционном столе. Мы догадываемся, что ей грозила безнадёжная инвалидность, и догадываемся, конечно, что восемнадцатилетняя девушка не могла относиться к этому спокойно. Возможно, что, думая о таком будущем и страшась его, Ирина плакала. Но автор не рассказал нам об этих минутах, не заставил нас жалеть Ирину. Боль, да и вообще физические страдания героини в повести ни разу не показаны так, чтобы вызвать жалость читателя. Печаль, грусть, досада возникают только в тех случаях, когда героиня по тем или иным причинам не может выполнить свой долг или преодолеть препятствие на пути к высокой цели. И ни разу не замечаешь в этом фальши. Ирина горько плачет в повести только один раз — в кабинете командующего бронетанковыми войсками, заместителя Народного комиссара обороны Советского Союза. Вот эта сцена:

«— Почему ты хочешь быть обязательно танкистом? — удивительно добрым голосом спросил он, переходя с официального тона на «ты».

— Я люблю танки.

— Очень?

Я прижала к груди здоровой рукой большую.

— О, очень! Танкисту повинуется огромная умная красавица-машина, с которой ничто не может сравниться. Направьте меня в училище, даю вам честное слово, я приложу все силы, чтобы быть достойной танка, который мне доверяют... и я буду самым настоящим танкистом!»

Генералу, который «сам до фанатизма был влюблён в танки», слегка напыщенная, но от всего сердца идущая речь Ирины пришлась по душе. Но, ещё раз взглянув на её раненую руку, он сказал:

«—...и не проси,—он замахал рукой,—рад бы, да не могу. Всё. Иди. Прощай!»

И вот тут-то Ирина не выдержала и громко всхлинула. Генерал подошёл к ней.

«— Что же ты? Что ты, а? Эх, а ещё танкистом собираешься быть! — Он погладил меня по голове, а я, уткнувшись носом в его китель, плакала уже навзрыд».

Генерал, увидев, как велика сила желания стать танкистом у этой девушки, сделал для неё исключение, разрешил ей поступить в танковое училище. Ирина вернулась на фронт лейтенантом-танкистом. Не раз ещё была она ранена, но, поправив здоровье, опять шла на фронт и до самого дня победы воевала в танковых частях. А после войны её приняли в танковую Академию имени Сталина.

Мечты Ирины сбылись. Успех сопутствовал ей во всех её начинаниях. Она добивалась и добилась. Она стала взрослым, опытным человеком, но полученный ею опыт не вызвал желания важничать, пускать пыль в глаза, хитрить, лукавить. Цинизм, холодность, равнодушие не коснулись её. Война и успех не испортили её характера и не лишили простоты, непосредственности и душевности.

Перед нами, повторяем, военная биография девушки, повесть о том, как московская школьница Ирина стала офицером-танкистом. В повести много, даже очень много других персонажей. Солдаты, офицеры, санитары, медсёстры, врачи, профессора, генералы. Названы их фамилии. В ином же случае к фамилии прибавлено имя и даже отчество. Но автор следит за развитием характера одной лишь Ирины. Действие происходит в Москве, под Москвой, в танковом училище под Сталинградом, в Румынии, Болгарии, наконец, под Берлином.

Почему автор рассказывает нам именно об этих, а не других боях, показывает этих, а не других людей? Да потому, что тут была Ирина. Именно так: бы ла, не всегда действовала, но присутствовала, видела, слышала.

И хотя некоторые эпизоды не имеют самостоятельной ценности даже для показа развития характера главной (мы бы сказали—единственной) героини, они включены в повесть. Почему? Да потому, видимо, что они запомнились Ирине, потому, что в отборе материала автор руководствовался исключительно памятью.

И получается странная вещь: рассказчица вспоминает не столько о военных годах, о своих товарищах по фронту, сколько о том, как она, будучи вначале очень неплохой девочкой, к концу повести стала хоршим офицером.

А ведь целые главы посвящены людям, которых отметила память Ирины. Вот, например, глава «Комиссар». Увы, в этой главе мы не увидим комиссара полка Хромченко, в ней тоже, по сути, говорится только об Ирине.

«...Когда комиссар протянул мне руку, а я ему свою, он тихо охнул. Ободранные, покрытые коростой из грязи и крови, руки мои были страшны. Видимо, я их поранила, когда открывала борт машины».

О ком это?

«Комиссар... расспросил меня о семье и долго рассказывал о своей жизни. Рассказывал, а я смотрела ему в рот, стараясь запомнить каждое слово».

Но комиссар ничего не рассказал, или Ирина ничего не запомнила из его рассказов. На протяжении всей главы он произносит пышные фразы, поступки же совершает только Ирина.

В конце главы Ирина восклицает: «На всю жизнь запомнила я этот день и комиссара Хромченко. Он укрепил мою уверенность в себе. Для всего, что я передумала, для всех моих мыслей и чувств он нашёл простые и самые нужные слова...» Может, Ирина и запомнила комиссара, но рассказала о нём так, что читатель забудет его, перелистав следующие две страницы.

А там, через две страницы, встречается уже генерал артиллерии, который «тепло и по-дружески» разговаривает с бойцами. Он «был удивительно симпатичным: среднего роста, кругленький, седой, но с молодым румянцем».

Конечно, и генерал, несмотря на свою симпатичность, будет забыт читателем мгновенно, хотя бойцы и командиры рассказывали, по уверениям автора, «почти легенды» о храбрости и твёрдости его духа.

Ирина встречается и расстаётся со множеством людей. «Грустно,— утверждает она,— было только расставаться с Аннушкой». Но читателю не грустно. Читатель не успел полюбить Аннушку, он её не узнал. Ирина «привязалась с первого дня» к своей начальнице — доктору Марии Борисовне Тереховой. Читатель же остаётся к ней совершенно равнодушным — он её не видит в книге.

В одной из последних глав, которые похожи на торопливо написанные корреспонденции, автор пишет:

«Как в калейдоскопе, замелькали картины прошедших событий: сорок первый год — горящие сёла, плачущие женщины, суровые лица солдат и командиров, роцные лица — доктор Покровский, Саша Буженко, Дьяков, Дуся... Керчь, танки, тяжело чавкающие по грязи, сырые, пронизывающие ветры и дни, мало чем отличающиеся от ночей, дни тяжёлых боёв, и снова знакомые дорогие лица — Двинский, Толок, капитан Иванов...» За сим следует дополнительное перечисление городов, предметов и фамилий, мелькающих в памяти автора и забытых читателем.

Вот уж верно: «как в калейдоскопе!» Молодой автор не заметил, очевидно, что, давая такие поверхностные зарисовки, перечисляя фамилии случайных, порой даже бездействующих персонажей, Ирина в воспоминаниях назойливо привлекает внимание к одной своей персоне.

Когда молодая танкистка Ирина Левченко писала свои воспоминания, она не ставила себе, разумеется, узкой цели создать автопортрет. Он возник помимо её воли. Возник потому, что портреты людей, которых она наблюдала, сделаны поспешно, торопливо, на один лад. И почти ни один из них не закончен. Автор не старался выписывать свой портрет особенно тщательно и не брал для этого лучшие краски. Он просто гораздо больше над ним работал, дольше над ним задумывался (кто же не раздумывает над своими поступками!), и получилось так, что читатель лучше всего узнал и выше всего оце-

бил московскую школьницу. Получилось, что нет «Повести о военных годах», а есть воспоминания о себе.

В повести есть глава «Танк Двинского». Это единственная глава, в которой не действует активно Ирина и которая тем самым не привязана вплотную к воспоминаниям. Эта писательская глава — как бы заявка автора на будущую литературную работу, единственное указание на то, что Ирина Левченко не ограничится записками и хочет писать не только о том, что видела собственными глазами.

«Танк Двинского» — это подлинно драматичный эпизод. «...Танк «КВ» № 14 с экипажем в три человека, с угрюмо опущенной к земле пушкой, с насыпанным снаружи земляным бруствером одиноко стоял на «ничей земле» как передовой редут советских войск, будто вызывая на поединок всю немецкую армию на Крымском фронте».

Поединок, за которым «две недели следил весь фронт», описан достаточно подробно, и в том, что касается военной и технической сторон, — точно. Однако оставшиеся в танке Двинский, Шварц и Кочетов отличаются только по фамилиям. Поступки их одинаково героичны, речь одинаково приподнята. Кончается глава-рассказ, и мы узнаём, что «бесконечно дороги стали друг другу эти три человека; за эти дни они узнали друг о друге всё, даже самые сокровенные мысли, которые в обычное время и себе не доверишь».

Ради этого вывода писался рассказ? Но ведь это же литературно условная, пустая фраза — не больше. Конечно, вполне возможно, что трёх танкистов связала крепкая дружба. Но не только сокровенных — обычных их мыслей не наблюдали мы в этом рассказе, ни разу не услышали живой человеческой речи.

Незадолго до того автор показал нам портрет Двинского:

«Сдержанный, скупой на слова и жесты, Двинский был душой всех занятий в батальоне, всегда умел нащупать самые сокровенные и отзывчивые струны в сердцах своих слушателей».

Несмотря на средний рост, Двинский благодаря складной, тренированной фигуре атлета казался богатырём. Правильные черты лица, волевой рот, темнокоричневые глаза,

которым изогнутые пушистые ресницы придавали немного обиженный, чуть-чуть грустный вид, — таков портрет Двинского».

Конечно, краски для «портрета» взяты первые попавшиеся, конечно, никто всерьёз не примет «отзывчивые струны в сердцах» и каждый поймёт, что назвать человека «душой всех занятий» не значит ещё показать его душу. Конечно, и редактору следовало помочь молодому автору избавиться от таких поверхностных определений. Но сейчас речь о другом.

Через много страниц после этого портрета автор ещё нужным показать нам Двинского в героическом эпизоде, посвятив ему специальную главу-рассказ. Следовательно, нужно было показать рост, движение героя, расширить его характеристику и вызвать к нему любовь и симпатию читателя.

Но как в первом, так и во втором случае Двинский всего лишь «душа всех занятий», хотя «занятие» на сей раз очень драматично и в нём мог бы проявиться характер героя.

Автор не осмыслил поступков людей в их жизни на войне, их характеров в развитии, в действии. Ирина, от имени которой ведутся записки, видит и описывает внешность людей, видит и описывает подвиги своих товарищей, и почти всегда это лишь её впечатления. Стоит ей выйти за пределы личных впечатлений — появляются напыщенность, риторичность, раздражающая восклицательность.

Записки, казалось бы, писать легче, нежели повесть. Но вот записки о военных годах потребовали от Ирины Левченко показа «калейдоскопа» событий и лиц. С этой задачей она не справилась. Поставь она себе задачу написать повесть о московской школьнице (пусть не об Ирине, а о Насте, Вере) — не появилось бы надобности в «калейдоскопе» и не было бы нужды показывать всё, что произошло от Москвы до Берлина, и можно было бы не стесняться, не бояться обвинений в недостатке скромности. Было бы, оказывается, и легче и художественнее и, тем самым, значит, правда жизни была бы показана полнее.

А просто переименовывать записки в «повесть», право, не стоило.

Евг. БОСНЯЦКИЙ.

Джимми выходит на верный путь

После пребывания в Соединённых Штатах Америки в качестве корреспондента «Юманите» прогрессивный французский публицист и романист Пьер Куртад написал роман «Джимми». Большинство персонажей романа — американцы; действие в нём происходит в 1949—1950 годах в США, Франции и Корее. Книга получила высокую оценку и на родине писателя и за её пределами. «Куртад особенно хорошо разглядел противоречия американской жизни, конфликт между борющимися в ней силами», — отметил прогрессивный американский журнал «Массез энд мейнстрим».

Не удивительно, что французский писатель, обладающий широким кругозором коммуниста, патриота, интернационалиста, создал реалистическое произведение о современной Америке, имеющее значительную познавательную и художественную ценность. Только прогрессивная литература, правдиво рассказывающая о жизни своего народа, способна реалистически изобразить и жизнь зарубежной страны. П. Куртад в романе «Джимми» с сарказмом вспоминает о тех американских литераторах, которые писали о Франции, ничего не понимая в ней и видя её глазами декадентской богемы. Французские буржуазные литераторы также не раз описывали Америку, глядя на её небоскрёбы глазами туристов-космополитов и совершенно не зная её людей. Коммунистическая партия, опыт Сопrotивления научили П. Куртада смотреть на жизнь с точки зрения интересов народных масс, показывать действительность в её историческом развитии. И на жизнь США П. Куртад глядит с точки зрения интересов американского народа, изображая современность в связи с неодолимым движением народов в защиту мира и демократических свобод.

Книга согрета глубокой симпатией её автора к американскому народу, верой писателя в добрую волю, здравый смысл, человечность прогрессивной Америки, в её растущие силы. Поэтому «Джимми» — как и лучшие произведения прогрессивной американской литературы — пронизан оптимизмом.

Пьер Куртад. «Джимми». Роман. Перевод с французского М. Богослвской. Предисловие Л. Андреева. Редактор Н. Жаркова. Издательство иностранной литературы, М. 1953.

В основе сюжета романа — жизненные пути и взаимоотношения двух американцев: служащего страхового общества Джимми Ридса и директора этого общества Джеймса Уайта. Такие сюжеты не однажды разрабатывали американские буржуазные писатели, кругозор которых чаще всего совпадал с ограниченным кругозором их героев — живущих «вне истории» обывателей. В центре пересечения главных сюжетных линий романа П. Куртада — фигура героя совсем иного идейного уровня: Поль Робсон вместе со своими друзьями указывает дорогу к лучшему будущему Джимми Ридсу, тому самому «среднему» американцу, что в буржуазных романах и пьесах изображается как человек, зашедший в тупик, человек без будущего. Обратясь к тем же драматическим событиям, о которых Говард Фаст с такой силой рассказал в своей документальной книге «Пикскилл, США», Пьер Куртад создал поэтический образ Поля Робсона, образ человека обаятельного и негибаемого. Голос Робсона звучит в романе как голос правды и миролюбия и тогда, когда выдающийся певец-гражданин исполняет на лесной поляне перед тысячами людей народные песни, и тогда, когда он говорит в ответ на улюлюканье фашистских хулиганов: «Песня свободы восторжествует!» Эту песню, как знамя борьбы за права народа, за мир и демократию, высоко поднимают организаторы концерта Робсона: и коммунисты — профсоюзный деятель Уорд, передовой учёный-биолог Стюарт, Былинский — и прогрессивно настроенные представители буржуазии. Эту песню впервые услышал здесь Джимми Ридс...

В первых же главах, в которых П. Куртад памфлетно-сатирически изобразил характерные черты среды, окружающей Джимми Ридса, мы видим этого «среднего» американца неуверенно защищающим свои права личности.

Словно подопытный кролик, Джимми обречён на то, чтобы стать жертвой огромной машины, вырабатывающей условные рефлексы. Радио и телевизор, кино и журналы непрерывно, автоматически навязывают ему «магические» формулы рекламы и пропаганды (даже любовная песенка звучит, как «реклама любви»), предлагают ему стандарт желаний и мыслей, суррогат

чувств. Эта «безостановочная чепуха» «настигает вас всюду». От неё, как от микробов, трудно уберечься, и Джимми привык о многом думать «приблизительно так же», как его босс Уайт, «стопроцентный» американец. Но Джимми понимает, что этот поток глупости обезличивает человека, и пытается сопротивляться ему; это простой акт самозащиты. Вот почему у Джимми возникают и не чужие, а его собственные мысли.

Любимый муж и отец, тридцатипятилетний человек с университетским образованием, которому мистер Уайт доверил процедуру «задушевной» рекламной беседы с клиентами страховой компании «Прюденс», недоволен своим уделом. Обидно сознавать, что твоя жизнь бессодержательна и бесцветна, посвящена погоне за лишней сотней долларов; обидно сознавать, что ты — подневольное существо, что ты не только должен изо дня в день произносить стандартные фальшивые фразы, сочинённые мистером Уайтом, и стоять навтыяжку перед ним («Да, мистер Уайт... Нет, мистер Уайт...»), но и вынужден строить свою жизнь по программе, вежливо и настойчиво предлагаемой тем же мистером Уайтом. Вот он, Джимми, уже вступил в профашистский Американский легион — только потому, что это желательно Уайту... Слово засасываемый болотом, Джимми в смятении барахтается. Сможет ли он, одинокий и слабый, противопоставить свою волю этому болоту — Уайту и уайтам, когда весь Нью-Йорк, «удивительный памятник человеческого упорства и труда», в сущности принадлежит владельцам концернов и банков! Джимми возмущён несправедливостью и нелепостью своей судьбы. Ему «вдруг отчётливо представилась вся бессмысленность его существования».

П. Куртад разоблачает ложь декадентской абстрактной «метафизики», противопоставляя ей конкретное социальное содержание. Реакционная «философия» и литература пытаются внушить таким людям, как Джимми Ридс, что в их невзгодах и страданиях якобы непозинны социальные условия и что эти страдания объясняются «метафизической», роковой, извечной «бессмысленностью бытия человечества». Личный опыт Джимми подсказывает ему, что бессмысленно не бытие, а обожествление денег и полное подчинение простых людей капиталистического мира власти уайтов.

«— Хватит с меня боссов!.. Нельзя же всю свою жизнь только и думать, угодил ли ты какому-то истукану. Надоел мне этот Уайт до смерти».

Уже эта первая стадия конфликта между Джимми Ридсом и Уайтом изображена П. Куртадом конкретно и обобщённо, как типичная для капиталистического мира.

Дальнейшее развитие конфликта между Джимми Ридсом и Уайтом ещё более типично для нашего времени. И прежде всего типичен и знаменателен просчёт босса Джеймса Уайта, который уверен был, что Джимми — материал, послушный, как глина, и что из него быстро получится молодчик, готовый беспрекословно выполнять все распоряжения своего «командира» — Джеймса Уайта.

Уайт — один из ярких реалистических сатирических образов современной прогрессивной зарубежной литературы. П. Куртад показал крупным планом мелкую душонку ловкого мошенника, который уже сделал служебную карьеру и теперь рвётся к «общественной» деятельности.

Давным-давно Уайт попал в автомобильную аварию; став с тех пор прихрамывать, он и сам почти поверил в то, что он — инвалид и герой первой мировой войны. В качестве такового он и преуспел в жизни, сумев сделаться не последним челоуеком в расистском и «кatomном» Американском легионе. Благообразный седовласый лицемер, чадолюбивый отец и автор ханжеских афоризмов, Уайт в прошлом был шкиком; теперь же он главарь хулиганов по душевной склонности и потому, что это выгодно.

Неспроста бряцает Уайт оружием и так шумно призывает травить «красных». Он решил, что выгоднее всего вложить весь свой «моральный» капитал в это предприятие. Уайт организует на концерте Робсона избивание американских граждан — «репетицию» решительного наступления, задуманного им. Если ему удастся запугать честных людей, если тысячи Томов и Джиммов пойдут за ним, он, Джеймс Уайт, сделает карьеру. Вкрадчивый и цепкий, он протягивает свои шупальцы к людям.

Страх перед этим ненавистным чудовищем гонит Джимми Ридса из Америки. Позив после побоища на концерте, как опасно повиноваться его бывшему боссу, Джимми уезжает во Францию. Но и здесь не уменьшается его страх перед Уайтом и другими

уайтами, строящими свои козни и в Париже. Они сильны, им ничего не стоит погубить «среднего» американца, осмеливающегося думать и поступать самостоятельно... Но Джимми знает: он не сможет уважать себя, если не преодолеет этот унижительный страх. Задача — очень нелёгкая для человека, политически отсталого и побуждаемого к действиям главным образом стремлением к самозащите.

Джимми Ридсу помогает встреча с французским рабочим Роже (образ этот — один из лучших в книге), участником Сопротивления. — умным и простодушным, горячим и смелым. Роже собирает подписи под Стокгольмским воззванием. Джимми и не подумал бы подписать его, если бы не мучительный стыд, с каким он вспоминает, что не пришёл на помощь женщине, которую во время антифашистской манифестации избивал парижский полицейский. «Полицейского он не боялся, нет... Уайт — вот кто сковывал его по рукам и ногам». Долго ли ещё будет он трусливо чиртаться от жизни, томясь, всё более превращаясь в жалкого неврастеника и стыдясь самого себя? Так жить нельзя. И Джимми подписывает воззвание: «американский гражданин Ридс». Это также акт самозащиты, но качественно он отличается от прежних; теперь Джимми чувствует себя более сильным. «И ему захотелось домой. Сейчас же. Быть там. И заявить громко, весь голос, о том, что он сделал. Именно для того, чтобы доказать, что он — американский гражданин».

Джимми не стал героем. Но если раньше он был одиноким мещанином, способным лишь на бессильную ненависть к Уайту, то теперь он решился поступить как гражданин, отстаивающий мир и демократические свободы вместе со всей прогрессивной Америкой. Теперь он лучше знает самого себя.

свои силы. Поэтому он уже не испытывает страха — ни в Париже, где его допрашивает американский чиновник, ни возвратясь на родину и представ перед одной из комиссий «по расследованию». Джимми вырвался из шупальцев Уайта... Таково оптимистическое разрешение конфликта между Уайтом и Джимми — средним американцем, отвергающим политику человеконенавистничества и сквозь мрак лжи с трудом пробивающимся к правде подлинного патриотизма.

Социально-характерные черты героев П. Куртада раскрываются в действии: каждый из персонажей, преодолевая препятствия, всем своим существом устремлён к цели, имеющей конкретное социальное содержание.

Джимми — «маленький человек», ему трудно подняться до мужества Робсона и его ужасает свирепая агрессивность Уайта. Цель Джимми на протяжении большей части романа — отстоять собственную безопасность, своё право на спокойную жизнь. Изображая неуверенного в своих силах Джимми, писатель частично использовал некоторые внешние приёмы современного буржуазного «психологического» романа (рассказывая, например, о ряде алогичных поступков Джимми). Поэтому в романе (особенно в главах, посвящённых пребыванию Джимми в Париже) есть страницы, где «гамлетовская» нерешительность Джимми выглядит так, что она смахивает на декадентский «распад личности». Переход Джимми от этого состояния к решительности и твёрдости показан не всегда достаточно конкретно и убедительно. В большинстве же глав писатель изобразил переживания и поступки Джимми реалистически, сохраняя целостность и пластичность этого в общем очень интересного образа.

Я. ФРИД.

★

Политика и наука

Пафос созидательного труда

Мирная экономика европейских стран народной демократии, подобно экономике Советского Союза, развивается в интересах обеспечения максимального удовлет-

ворения материальных и культурных потребностей общества.

Руководствуясь учением Ленина—Сталина, используя богатейший опыт Советского Союза, коммунистические и рабочие партии этих стран смело и уверенно ведут свои народы по пути социалистической индустриализации, по пути добровольного объеди-

В. П. Максиковский. «Стройки социализма в европейских странах народной демократии». Под редакцией доктора географических наук И. А. Витера. Географгиз, М. 1952.

нения мелких товаропроизводителей в коллективные хозяйства.

Книга В. П. Максаковского «Стройки социализма в европейских странах народной демократии» имеет своей целью ознакомить советского читателя с теми достижениями в области создания экономических основ социализма, которых добились за последние годы трудящиеся Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании.

Социалистическое строительство в каждой из этих стран показано на примере отдельных крупнейших строек. Подробно описывая их, автор приводит интересные данные реконструкции всего народного хозяйства, рассказывает, как изменяется карта размещения производительных сил страны.

Как известно, социалистическая индустриализация требует всемерного развития тяжёлой промышленности и в особенности машиностроения. Вот почему в планах развития народного хозяйства стран народной демократии (шестилетнего — в Польше и пятилетнего — во всех других) главное внимание обращено на быстрый рост машиностроения, металлургии, горнорудной промышленности, а также на электрификацию.

Надо отметить, что в обстановке экономического сотрудничества и взаимопомощи, сложившейся в лагере мира, демократии и социализма, свободные народы имеют полную возможность согласовывать свои хозяйственные планы и развивать прежде всего те отрасли промышленности, для которых имеются наиболее благоприятные условия в данной стране.

Получая максимально дешёвую и технически первоклассную помощь Советского Союза и опираясь на братскую поддержку других участников демократического лагеря, каждая из стран народной демократии сумела добиться больших хозяйственных успехов. Объём промышленного производства в 1952 году превысил довоенный уровень в Польше в 3,5 раза, в Чехословакии — в 2 раза, в Венгрии — более чем в 3 раза, в Румынии — в 2,3 раза, в Болгарии — в 4,3 раза и в Албании — в 7,5 раза.

Польша, ещё совсем недавно отсталая аграрная страна, к тому же жестоко пострадавшая в годы гитлеровской оккупации, теперь располагает высокоразвитой промышленностью и непрерывно растущим сельским хозяйством.

Руководимый Объединённой Рабочей пар-

тией, польский народ добивается всё новых и новых экономических побед. Только за один 1952 год в строй вступило 450 крупных и средних промышленных предприятий. Производство промышленных товаров на душу населения в Польше уже превысило производство промышленных товаров на душу населения в Италии и приближается к уровню Франции и Англии.

Гитлеровские преступники в течение многих месяцев методически разрушали старинный польский город, столицу страны, красавицу Варшаву. Из книги В. П. Максаковского читатель узнаёт, как польский народ восстанавливает исторический центр своего государства. В разделе «Возрождение Варшавы» рассказывается об огромном энтузиазме трудящихся, строящих на месте руин новый, прекрасный социалистический город, достойный стать столицей народной Польши.

В рабочих районах Варшавы, славных своими революционными традициями, возникают разнообразные промышленные предприятия, воздвигаются корпуса благоустроенных жилых домов, разбиваются парки, строятся учебные заведения, театры, клубы. В центре города сооружается величественное здание Дворца культуры и науки — замечательный дар нашего народа народу польскому. Этот Дворец, высотой более 200 метров, строится на средства Советского Союза, силами советских рабочих и инженеров. В столице уже полностью отстроены многие жилые кварталы, появились новые широкие магистрали и среди них — трасса «Восток—Запад» длиной почти в семь километров, восстановлены культурно-бытовые учреждения и административные здания, строится метрополитен.

На берегу воспетой в польских народных легендах и песнях реки Вислы, недалеко от города Кракова, сооружается мощный металлургический комбинат Новая Гута. Он будет иметь 4 доменных и 10 сталеплавильных печей, а также оборудованные по последнему слову техники прокатные цехи. Его проектируемая производительность — свыше миллиона тонн чугуна и полтора миллиона тонн стали в год, то есть больше, чем производительность всех заводов чёрной металлургии довоенной Польши. Для металлургического комбината советские заводы поставляют в кредит не-

вейшее комплектное оборудование, которое позволит автоматизировать все основные технологические процессы. Вместе с машинами прибывают и технические проекты, составленные советскими инженерами. В новом городе, раскинувшемся рядом с комбинатом, летом прошлого года было уже 25 тысяч жителей.

Два раздела книги — «Новая Острава» и «Новостройки Словакии» — посвящены Чехословакии.

Остравская область, которую часто называют чехословацким Донбассом, даёт от 80 до 90 процентов всего производства каменного угля, кокса и чугуна в республике. Она имеет значительные природные богатства и обладает выгодным географическим положением. Область находится на стыке чешских и словацких земель, на железнодорожных магистралях, связывающих Чехословакию с СССР, вблизи водных путей из Балтики к Чёрному мюрю.

Одной из главных задач чехословацкой пятилетки (1949—1953 годы) является перестройка промышленности на базе развития металлургии и машиностроения. В соответствии с этими задачами около старого Витковицкого завода, в Кунчицах под Оставой, строится новый крупный металлургический комбинат имени Готвальда. Его первая домна была задута 1 января 1952 года. Основную массу железной руды комбинат будет получать из СССР.

Другое крупнейшее предприятие чёрной металлургии с полным металлургическим циклом (чугун, сталь, прокат) сооружается в районе города Кошице в Словакии. Этот завод будет производить миллион тонн чугуна и свыше миллиона тонн стали в год.

Обладающая большими природными богатствами в виде железной руды, леса, «белого угля», полиметаллических руд и т. д., Словакия долгое время была неразвитой страной, отстававшей в своём развитии от Чехии на целое столетие. Лишь при народно-демократической власти начался бурный подъём производительных сил страны, и 3,5 миллиона словаков, плечом к плечу с братским чешским народом, стали активными строителями социализма.

Пятилетний план предусматривает быстрое развитие экономики Словакии: продукция тяжёлого машиностроения увеличивается в 11 раз, сооружаются многочисленные гидроэлектростанции на горных реках, строятся новые дороги.

Когда металлургический комбинат близ Кошице полностью вступит в строй, Словакия опередит Англию по производству металла на душу населения.

В Венгрии, в нескольких десятках километров к югу от Будапешта, на берегу Дуная, в том месте, где стояли убогие домишки старинного степного села Дунапентеле, ныне растёт новый город Сталинварош. Здесь, в лесах новостроек возвышаются корпуса крупнейшего в стране металлургического комбината имени Сталина. После вступления в эксплуатацию этого предприятия производство металла в Венгрии возрастёт в несколько раз по сравнению с довоенным уровнем. Большую помощь в строительстве комбината и города оказывает Советский Союз, откуда были получены строительные машины и необходимое оборудование.

Из аграрной в прошлом страны Венгрия быстро превращается в страну индустриальную. Пятилетний народнохозяйственный план Венгрии (1950—1954 годы) предусматривает дальнейший рост производственных мощностей страны, увеличение капиталовложений в сельское хозяйство. Выступая в июле на сессии Государственного собрания после избрания нового правительства с программной речью, председатель Совета министров Венгрии Имре Надь сказал, что по пути народной демократии, по пути социалистической индустриализации страна должна идти вперёд, к социализму таким образом, чтобы это сопровождалось непрерывным повышением жизненного уровня, лучшим удовлетворением социальнокультурных нужд трудового народа, в первую очередь главной силы социалистического строительства — рабочего класса.

Переходя к новостройкам Румынской Народной Республики, В. П. Максаковский начинает этот раздел с показа строительства водной магистрали Дунай — Чёрное море. Отмечая огромное экономическое значение канала, он пишет: «От населённого пункта Чернавода, расположенного в том месте, где Дунай поворачивает на север, до крупнейшего румынского морского порта Констанца по прямой всего 45—50 километров. Если же плыть от Чернавода вниз по Дунаю, то до его устья придётся проделать путь в 300, а до Констанцы — в 450 километров. Уже в простом сопоставлении этих цифр — ключ к пони-

манию идеи сооружения канала между Дунаем и Чёрным морем».

Первый известный проект такого канала был составлен более века назад. Однако осуществление столь грандиозного сооружения стало под силу лишь освобождённому народу, покончившему с ярмом «отечественных» бояр и иностранных капиталистов, хозяйничавших многие десятилетия в Румынии.

Автор подробно рассказывает о строительстве 70-километрового канала, призванного видоизменить облик Добруджи и всей Юго-Восточной Румынии. Около 90 процентов земляных работ выполняют машины, полученные из Советского Союза. Здесь работают также чехословацкие экскаваторы, паровозы из Польши, электромоторы, произведённые на венгерских заводах. На стройке социализма заняты тысячи рабочих, в большинстве своём — жители Добруджи. Вчерашние пастухи, хлеборобы, рыбаки овладели новыми профессиями и стали машинистами, экскаваторщиками, шофёрами, бетонщиками. На сооружении канала Дунай—Чёрное море широко используется опыт славных строителей Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, соединивших в предельно короткий срок воды двух великих русских рек.

Народно-демократическое правительство проводит ряд других важнейших мероприятий, направленных на превращение Северной Добруджи в одну из житниц страны, на индустриализацию этого в недавнем прошлом заброшенного края.

Уверенно идёт по пути к социализму Румынская Народная Республика. За годы пятилетки (1951—1955) предусматривается рост валовой продукции промышленности почти в 2,5 раза. Большое развитие получают такие важнейшие отрасли индустрии, как металлургия, электроэнергетика, машиностроение, химическая. Значительно увеличится добыча нефти.

С помощью Советского Союза на северо-востоке Румынии, в Молдове, на реке Бистрица сооружается крупная гидроэлектростанция, носящая имя В. И. Ленина. Её мощность должна составить 210 тысяч киловатт, что превысит в 14 раз мощность самой большой гидроэлектростанции старой Румынии. По десятилетнему плану электрификации страны (1951—1960 годы),

предусматривающему строительство большого количества тепловых и гидроэлектростанций, рабочая мощность румынских электростанций должна увеличиться в четыре раза.

Народная Республика Болгария. На всей её территории, от полноводного Дуная на севере до живописных Родопских гор на юге, от горного массива Пирин на западе до лазурных вод Чёрного моря на востоке, кипит неустанный творческий труд миллионов людей, идёт великая стройка.

На берегу Марицы, в центре страны, совсем недавно возник новый социалистический город Димитровград. Осенью 1951 года здесь был пущен в эксплуатацию крупнейший на Балканах химический комбинат имени Сталина, производящий ежегодно 70 тысяч тонн азотных удобрений. Вступила в строй теплоэлектроцентраль имени Вылко Червенкова, которая даёт стране 150 миллионов киловатт-часов электроэнергии в год — половину всего количества электроэнергии, производившейся в Болгарии в 1940 году. Над проектом химического комбината и ТЭЦ в Димитровграде работали советские специалисты. Оборудование, машины были поставлены из СССР досрочно. На стройке побывали наши стхановцы — каменщик Василий Королёв, электросварщица Лидия Кудрявцева, которые обучили своим методам работы болгарских рабочих.

Недалеко от Софии сооружается большой гидроузел: плотина на реке Искыр высотой в 76 метров, водохранилище ёмкостью свыше 670 миллионов кубометров, три гидростанции. Полностью будет разрешена проблема электро- и водоснабжения растущей столицы болгарского народа, орошения Софийской котловины. Вблизи города Димитрово строится первенец чёрной металлургии Болгарии — крупный завод, который даст первые плавки уже в 1953 году.

Ранее отсталая страна с крайне слабой промышленностью и задыхающимся от малоземелья и бедности крестьянством, Болгария превращается в передовую индустриально-аграрную страну. Первая пятилетка выполнена на год раньше срока — вместо 1953 года в 1952 году.

Создала собственную промышленность и Албания — ещё недавно полуфеодалская страна с большими пережитками родовых

отношений. За годы народной власти здесь введено в строй значительно больше промышленных предприятий, чем создал старый режим за последние 25 лет своего существования.

Используя полученное из СССР оборудование, с помощью советских специалистов трудящиеся народно-демократической Албании построили ГЭС имени Ленина, крупный сахарный комбинат, текстильный комбинат производственной мощностью в 20 миллионов метров ткани в год. Навсегда ушло в прошлое то время, когда Албания должна была переплачивать иностранным капиталистам, покупая у них бензин и керосин, полученный из албанской нефти. В пятилетнем плане республики (1951—1955 годы) предусмотрено строительство большого нефтеперерабатывающего завода, который будет перерабатывать нефть для нужд албанского народного хозяйства.

Из всех стран народной демократии «страна горных орлов», как называют Албанию, — самая небольшая по площади и по населению (1,2 миллиона человек). Со всех сторон она окружена капиталистическими государствами. Тем не менее Албания реально ощущает братскую поддержку со стороны стран демократического лагеря, поддерживает с ними тесные экономические связи и, опираясь на это экономическое сотрудничество, смело и уверенно закладывает фундамент социализма.

Книга В. П. Максаковского «Стройки социализма в европейских странах народной демократии» написана живо, выразительно. Автор часто и вполне оправданно делает экскурсы в область истории наро-

дов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, использует художественную литературу этих народов.

Достоинством книги являются и интересные фотоснимки, дающие наглядное представление о творческом труде в странах народной демократии; она содержит также большое число различных географических карт и картосхем, которые прекрасно дополняют текст.

К сожалению, в работе В. П. Максаковского встречаются некоторые неточности. Так, например, читая утверждение автора о том, что первый проект постройки канала Дунай—Чёрное море, относящийся к 1837 году, равно как и последующие проекты, не могли быть реализованы «в ту пору, когда в стране господствовал насквозь прогнивший буржуазно-помещичий режим», можно сделать вывод, что тогда Добруджа входила в состав Румынии. На самом деле, как известно, Северная Добруджа отошла от Турции к Румынии лишь в результате решений Берлинского конгресса 1878 года.

Хотелось бы прочитать в книге о таких стройках социализма, как Оравская ГЭС в Северной Словакии, как первый металлургический завод или Подбалканская железная дорога в Болгарии. Об этих стройках говорится буквально в нескольких словах, хотя они имеют большое народнохозяйственное значение и либо уже завершены, либо будут завершены в текущем году.

В целом книга, несомненно, заслуживает положительной оценки.

В. ЗАВАДСКИЙ.

★

Экономические основы англо-американских разногласий

В послевоенный период, в связи с дальнейшим углублением общего кризиса капитализма и образованием двух мировых рынков, всё более наглядно проявляется обострение противоречий внутри лагеря империализма и прежде всего между Соединёнными Штатами Америки и Англией.

Острейшие споры между этими странами возникают почти непрерывно. Они касают-

ся первостепенных внешнеполитических проблем Дальнего Востока и Европы, международной торговли, военно-стратегических вопросов. Частые визиты британских политических деятелей в США не способствуют сближению интересов двух ведущих держав капиталистического мира. Как правило, за этими визитами следуют успокоительные заверения о чуть ли не полном «единстве» взглядов Англии и США по всем вопросам политики. Однако правилом стало и появление вслед за тем сообщений об очевидных и всегда крупных разногласиях, ко-

А. Кочетков. «Англо-американское соперничество на рынках Западной Европы». Ответственный редактор Д. И. Валентей. Издательство Академии наук СССР, М. 1952.

торые требуют новых «визитов», новых переговоров.

Интересы ослабленной двумя мировыми войнами Британской империи всюду приходят в столкновение с экспансией на внешних рынках американских капиталистических монополий, с их безрассудным стремлением к мировому господству. Противоречия между двумя главными участниками Северо-атлантического союза относятся к разряду коренных, постоянно действующих факторов жизни капиталистического общества в эпоху общего кризиса капитализма.

Выпущенная издательством Академии наук СССР книга А. Кочеткова «Англо-американское соперничество на рынках Западной Европы» посвящена исследованию основы непрерывно возникающих и углубляющихся англо-американских разногласий — основы экономической.

На примере торговых отношений в Западной Европе в послевоенный период отчетливо выступают непримиримость, противоположность национальных и империалистических интересов Англии, с одной стороны, и экспансионистской политики США — с другой. Книга А. Кочеткова, несомненно, поможет советским читателям разобраться во многих событиях наших дней, понять, в частности, в чём суть различного подхода политических деятелей США и Англии к ряду важнейших проблем мировой политики.

В книге приводятся интересные данные о неравномерном экономическом развитии капиталистических стран в последние десятилетия. В 1950 году на долю США приходилось свыше 55 процентов мирового капиталистического производства, в то время как доля Англии упала с 15 процентов в 1913 году до 10 процентов в 1950 году, а удельный вес Франции и Западной Германии снизился в ещё большей степени. Соединённые Штаты заняли первое место в мировой торговле капиталистического лагеря. В 1947—1950 гг. в среднем на долю США приходилось 22,5 процента экспорта капиталистического мира, а доля Англии не превышала довоенного уровня. Иностранное капиталовложение Англии с 1938 года по 1948 год снизилось на 45 процентов, а капиталовложения США за это же время резко возросли и превзошли английские в 8 раз. В 1951 году доходы от международных вложений Англии составили 750 миллионов долларов, а доходы США за тот же год —

2,7 миллиарда долларов, то есть почти в четыре раза больше. К 1950 году численность торгового флота США превышала численность английского в полтора раза, тогда как до войны США в этом отношении значительно отставали от Англии. Военно-морской флот США вдвое превышает английский, хотя до войны Англия имела перевес над США.

Автор книги рядом примеров иллюстрирует, как американский конкурент Англии всё более вытесняет её с внешних рынков. Так, на японском рынке роль Англии теперь сведена почти на нет, в то время как Соединённые Штаты заняли там монопольное положение. Доля США в импорте Индонезии составляла в 1950 году 21 процент, а доля Англии — лишь 7 процентов. Английские капиталы и товары вытесняются американскими монополиями и в Греции, и в Турции, и в ряде арабских стран, и в Латинской Америке.

Утрата Англией её былой роли «владычицы морей» и ведущего места в мировой торговле отнюдь не означает, что английский империализм склонен без боя уступить свои позиции. В последние годы английские монополии перешли в контрнаступление против своего главного соперника, что привело к дальнейшему обострению англо-американских отношений. В книге А. Кочеткова приводится любопытное высказывание одного из видных деятелей консервативной партии Англии — Эмери. Он заявил на совещании имперских представителей в Лондоне: «В течение жизни многих из нас США сделали прыжок к господству над миром. Нет причин, почему Содружество (имеется в виду Британское содружество наций. — Б. Л.), обладая гораздо большими людскими и материальными ресурсами, не могло бы на протяжении жизни нового поколения снова догнать и даже перегнать Америку». Англия вновь форсирует экспорт товаров и капиталов и уже кое-чего добилась в этом направлении: физический объём английского экспорта увеличился в 1950 году по сравнению с 1937 годом на 56 процентов, возросли прибыли, получаемые английскими монополиями от эксплуатации колоний. Во всех районах, где сталкиваются американские и английские интересы, идёт ожесточённая борьба.

Западная Европа представляет собой важнейшую арену англо-американского соперничества. Сюда направлялось до войны

30,3 процента английского экспорта, в 1950 году — 28,5 процента. Но если в довоенный период британские экспортёры сталкивались главным образом с германской конкуренцией, то после войны их основным и грозным противником стали американские монополии. Достаточно сказать, что экспорт США в Западную Европу возрос сейчас в среднем в три с половиной раза по сравнению с довоенным уровнем. Во многих западноевропейских странах американские экспортёры не только потеснили английских конкурентов, но заняли господствующее положение. В послевоенные годы американский экспорт в Западную Европу в два с половиной раза превысил английский.

Однако и здесь, в Западной Европе, появившейся в кабальную зависимость от США, связанной по ногам и рукам «планом Маршалла» и ставшей неоплатным должником Америки, английский империализм упорно и ожесточённо борется за восстановление своего былого влияния. На стороне США — производственная и финансовая мощь, возможность кредитовать экспорт в маршаллизованные страны, все средства политического и экономического давления. Но Америка не покупает европейских товаров, она ведёт почти одностороннюю торговлю, и это создаёт благоприятные условия для Англии, выступающей и как покупатель и как продавец.

Автор книги показывает, что в 1950 году, по сравнению с 1947 годом, экспорт товаров из США в Западную Европу резко упал, в то время как экспорт из Англии значительно возрос. Так, в области снабжения маршаллизованных стран машинами и оборудованием соотношение сил двух соперников изменяется после 1948 года в пользу Англии. В Скандинавии Англия стала основным импортёром машин и оборудования. В то же время на мировом капиталистическом рынке и, в частности, в Западной Европе вновь появился германский конкурент. Субсидируемые и поощряемые американскими покровителями западногерманские монополии выступают весьма активными противниками британских экспортёров.

А. Кочетков отмечает, что с усилением милитаризации в соответствии с планами Северо-атлантического блока резко возрос экспорт военной продукции из США, обогащающий американские монополии; Англия в деле снабжения других стран Западной Европы военной продукцией занимает

второстепенное место. «Следовательно, — замечает автор, — политика гонки вооружений привела не к объединению интересов английских и американских монополий, а к дальнейшему обострению англо-американского соперничества за гегемонию, за первенство в Западной Европе».

К сожалению, в книге не показано с достаточной полнотой различное влияние гонки вооружений на конкурентоспособность Англии и США. Автор упомянул лишь о том, что американские монополии посадили английскую металлургическую промышленность на «скудный паёк», ограничив снабжение Англии промышленным сырьём. Между тем анализ этого влияния имеет первостепенное значение для понимания растущих англо-американских разногласий по коренным вопросам внешней политики. Английские консервативные министры не раз высказывались по этому поводу с достаточной откровенностью. Министр финансов Бэтлер во время своего пребывания в США в январе 1953 года подчеркивал, что «программа перевооружения» уже привела к утрате Англией многих рынков сбыта, которые захвачены США и Западной Германией. А министр иностранных дел Иден несколько позже уточнил, что английский экспорт был бы в целом на 20 процентов больше, если бы не программа вооружений. Перевод значительной части английской промышленности на выпуск вооружения привёл к сокращению производства на экспорт. В результате Англия оказалась бессильной воспрепятствовать вторжению американских, западногерманских и японских экспортёров на некоторые, в прошлом английские, рынки сбыта.

Несомненно, что это обстоятельство играет немаловажную роль в углублении разногласий внутри англо-американского блока, в среде участников Северо-атлантического военного союза. Американские монополии получают колоссальные прибыли на поставке вооружений. Разумеется, кое-что достаётся и их французским и английским союзникам: штаб Северо-атлантического союза передаёт некоторую часть военных заказов различным фирмам в Англии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии. Обычно это сопровождается широкой рекламой «равных усилий», «равного» участия США и их сателлитов. Однако экономиком более слабых капиталистических стран, в том числе и Англии, не выдерживает в соревновании с

более сильной экономикой США. Милитаризация ведёт к развалу гражданской и, в частности, экспортной промышленности Англии, Франции и других капиталистических стран, что способствует вытеснению их американскими монополиями на всех внешних рынках. Это одна из важных причин роста противоречий между Соединёнными Штатами Америки, с одной стороны, и всеми их союзниками — с другой.

В своей книге А. Кочетков обстоятельно проанализировал значение такого американского мероприятия в Европе, как «план Шумана», и его антианглийскую направленность. Вся тяжёлая промышленность Западной Европы попадает под контроль «верховного, сверхнационального органа», в котором главную роль будут играть немецкие и американские монополии. Одной из целей «плана Шумана» является вытеснение английской металлургической промышленности с западноевропейского рынка.

Соединённые Штаты теснят своих британских конкурентов не только в области торговли со странами Западной Европы, но и в области экспорта капитала. В этом отношении позиции Англии серьёзно ослаблены. Иностранные капиталовложения США возросли более чем втрое по сравнению с довоенным временем, капиталовложения Англии в Западной Европе снизились на 41 процент. «В итоге второй мировой войны и послевоенного развития, — резюмирует автор книги, — американский империализм по экспорту капитала занял господствующее положение в странах Западной Европы и в их колониальных владениях, оттеснив Англию на второстепенное место. Больше того, английские монополии сами превратились в должников монополий американских, причём задолженность Англии из года в год растёт».

После войны США и Англия проводят различную, прямо противоположную внешнюю экономическую политику. После потери своего положения мирового экспортёра и кредитора Англия вновь перешла на позиции протекционизма. «В то время, — говорится в книге А. Кочеткова, — как английские империалисты всеми средствами защищают имперскую преференциальную систему и стерлинговую зону двусторонних торговых соглашений для того, чтобы не только удержать своё влияние на рынках Западной Европы, но и расширить свои позиции, — американские империалисты, на-

оборот, опираясь на своё экономическое и военное превосходство, ведут бешеную борьбу за принцип «равных возможностей», быстро вытесняя Англию с западноевропейских рынков». Британская имперская преференциальная система, импортные и валютные ограничения в странах Британской империи — серьёзное препятствие на путях безудержной экспансии американского империализма.

Уделив много внимания эпизодам англо-американской борьбы вокруг проблемы двусторонних или многосторонних соглашений и вопросу об обратимости фунта стерлингов, А. Кочетков лишь бегло упоминает о проблеме ввозных пошлин в США. Требуя от маршаллизованных стран ликвидации таможенных пошлин на американские товары, Соединённые Штаты почти совершенно не снижают своих таможенных пошлин для этих стран, указывает автор книги. А ведь именно эта проблема в настоящее время ведёт к дальнейшему углублению противоречий между США и их сателлитами в Западной Европе.

Автор рассматривает такое явление только как показатель экономического диктата США, подчёркивая выгодность этой неравноправной системы для американских монополистов. Но то, что американские миллионеры и миллиардеры, а также американский конгресс сопротивляются всем требованиям о снижении ввозных пошлин, выступает сейчас не как сила, а как слабость американского империализма в его борьбе за мировое владычество в капиталистическом лагере. Возникает глубокое недовольство политикой Америки со стороны буржуазии Западной Европы, отмечается рост антиамериканских настроений даже в правящих кругах европейских стран. И это — одна из причин снижения американского экспорта за последние годы. В Западной Европе стал популярным лозунг «Торговля, а не помощь», выдвинутый английскими монополиями. Он означает, что капиталисты Западной Европы увидели невыгодность, невозможность продолжения такой экономической политики, которая исключает равновесие между импортом из США и экспортом европейских товаров на американские рынки.

Не случайно более дальновидные американские государственные деятели и значительная часть американской прессы призывают принять единодушное требование

западноевропейцев о снижении американских таможенных тарифов. Европа, говорят они, должна получать доллары за свои товары и покупать на эти доллары американскую продукцию. Но все эти здравые рассуждения наталкиваются на непреодолимое сопротивление конгрессменов, ставленников монополий, опасующихся за свой, американский рынок. По признаниям американских газет, весной 1953 года стало совершенно очевидно, что требования заменить пресловутую «помощь», приносящую огромные прибыли монополиям США, нормальной, равноправной торговлей Западной Европы с Америкой отвергнуты правящими кругами Соединённых Штатов. Очевидно, что это поведёт лишь к дальнейшему обострению противоречий между США и их союзниками.

Автору книги нужно было уделить этой проблеме гораздо больше внимания. В частности, следовало проанализировать, как отказ США снизить тарифы повлияет на конкурентоспособность британских экспортёров, имеющих возможность продавать свои товары странам, не располагающим запасами долларов.

Заключительная глава книги посвящена англо-американским противоречиям вокруг милитаризации Европы и, в частности, последствиям «плана Маршалла».

Общий вывод для Англии, указывает

автор, таков: «Экономика и внешняя торговля Англии планом Маршалла и программой перевооружения загнаны в тупик; страна переживает сырьевой, топливный и валютный кризис. Существует единственный путь выхода из перманентного долларОВОГО кризиса — это путь всемерного развития дружественных отношений и торговых связей Англии с Советским Союзом и странами народной демократии, путь разрыва кабальных торговых отношений Англии с США».

Следует отметить, что влиятельные круги английской буржуазии всё более тяготеют к зависимости от Америки. 14 мая 1953 года консервативная лондонская газета «Дэйли экспресс» писала: «Англии следовало бы теперь же заявить американцам, что она намерена ничего от них не брать и оставаться независимой, без всякой помощи». Всё большее число англичан начинает сознавать, что только на путях мирного развития экономики и восстановления мировой торговли Англия может вырваться из американской зависимости, отстоять свои национальные интересы, поднять жизненный уровень английского народа.

Книга А. Кочеткова представляет интерес как исследование одного из важнейших вопросов современного положения в капиталистическом мире.

Б. ЛЕОНТЬЕВ.

★

Атлантический пакт концернов

Книга Г. Бауманна под таким названием издана в Германской Демократической Республике Немецким институтом новейшей истории. Приведённые в ней факты вскрывают корни империалистической политики заокеанских и западноевропейских монополистов, стремящихся включить Западную Германию в агрессивный Атлантический блок, где ей уготована роль главной военной силы.

Известно, каким покровом тайны окутывают участники империалистического лагеря свои махинации. Книга «Атлантический пакт концернов» срывает этот покров и об-

нажает сложный механизм международных связей между монополиями.

Боннские монополисты имеют дела со многими зарубежными финансовыми магнатами. В своей работе Г. Бауманн отмечает, что 1014 западногерманских фирм находятся под контролем или влиянием иностранного капитала, из них свыше одной трети контролируются американскими монополиями. По приведённым в книге подсчётам, под иностранным контролем или влиянием находится почти 42 процента капитала всех акционерных обществ в Западной Германии.

Тесный контакт с концернами боннского государства имеют крупнейшие монополии США: группы Моргана, Рокфеллера, Дюпона. Так, моргановская «Дженерал электрик» связана общими интересами с немецкой электротехнической компанией АЕГ, а так-

Г. Бауманн. „Atlantikpakt der Konzerne. Die internationale Kapitalverflechtung in Westdeutschland“. Berlin. 1952. (Г. Бауманн. «Атлантический пакт концернов. Переплетение международного капитала в Западной Германии». Берлин. 1952.)

же с крупными концернами «Осрам» и «Сименс унд Гальске». Принадлежащий Моргану трест «Интернейшнл телефон энд телеграф корпорейшн» создал в Западной Германии свои филиалы, образовав третье по величине монополистическое объединение в западногерманской электротехнической промышленности. Рокфеллеровская нефтяная монополия «Стандарт ойл» полностью контролирует немецкую компанию нефтепродуктов «ЭССО» с акционерным капиталом в 117 миллионов марок. Химический концерн Дюпона кровно заинтересован в деятельности «И. Г. Фарбениндустри», а его же «Дженерал моторс» держит под своим влиянием крупную автомобильную фирму «Опель».

С западногерманским капиталом сплелись и менее значительные, но всё же достаточно сильные американские фирмы. Особо следует выделить концерн Стиннеса. Ныне он считается американской собственностью, хотя возник как немецкий концерн. Это объединение протянуло свои нити в самые различные отрасли западногерманской экономики.

Связи монополий США с германскими империалистами являются весьма давними. Автор книги иллюстрирует это, в частности, следующим примером. Ещё в 1923 году, как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», Форд финансировал нацистов. В то время «в штаб-квартире Адольфа Гитлера — маленьком, невзрачном помещении на Корнелиусштрассе в Мюнхене — на стене висел только один портрет: Генри Форда», — пишет Бауманн. Впоследствии Гитлер наградил Форда «орденом Орла».

В книге рассказывается также о взаимных интересах английского и западногерманского монополистического капитала. Здесь прежде всего можно назвать крупнейшую нефтяную монополию Ротшильда «Ройял Датч Шелл», которая контролирует гамбургскую компанию «Дейче Шелл АГ» с акционерным капиталом в 120 миллионов марок. Автор приводит интересные данные о компаниях и банках других стран — Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Швеции, Швейцарии, Люксембурга, имеющих собственность в Западной Германии.

Однако, отмечает Г. Бауманн, не только фирмы, но и многие видные политические деятели капиталистического мира в той или иной мере прочно связаны с немецкими монополиями.

Джон Фостер Даллес, например, принимал активное участие в создании плана Дауэса, расчистившего путь для внедрения американского капитала в германскую экономику. Работая в крупнейшей нью-йоркской юридической фирме «Салливан энд Кромвель», владельцем которой он ныне является, Даллес сыграл ведущую роль в операциях банка Шредера по финансированию германской военной промышленности в годы, предшествовавшие второй мировой войне. С ним сотрудничал его брат Аллен Даллес — член административного совета банка Шредера. Во время войны, будучи начальником американской разведки в Европе, Аллен Даллес поддерживал тайные связи с немецкими империалистическими кругами и вел секретные переговоры с гитлеровцами.

Бывший американский верховный комиссар в Западной Германии Макклой, имеющий прямое отношение к концерну Дюпона и банкам Гарримана и «Кун, Леб энд К°», состоит в родстве с Аденауэром. Дрейпер, бывший заместитель военного министра США, является одним из руководителей банка «Диллон, Рид энд К°», издавна финансирующего германских милитаристов.

Международные связи монополий, говорится в книге Г. Бауманна, по существу определяют политику капиталистических государств. На всех крупнейших международных встречах и конференциях буржуазных дипломатов, указывает автор, «везде и всегда сталкиваешься с той же камерильей высокопоставленных финансистов или состоящих у них в услужении юристов и политиков. Они образуют международный «совет богов», который спешит с одной конференции на другую в тщетных попытках разрешить противоречия... Результатом их стараний всегда оказывались новые войны и кризисы, вооружения и инфляции, фашизм и угнетение».

Содержащиеся в книге факты показывают усиление обострения противоречий, раздирающих «Атлантический пакт концернов». В нефтеобрабатывающей промышленности Западной Германии сталкиваются интересы американских компаний Рокфеллера «Стандарт ойл» и «Соконн вакуум ойл», с одной стороны, и английского концерна Ротшильда «Шелл» — с другой. Борьба захватывает не только западногерманские филиалы этих монополий, но и контролируемые ими немецкие компании.

Наряду с этим, отмечает Г. Бауманн, «возрождённый немецкий империализм стремится, как и после первой мировой войны, развернуть новую экспансию во всех частях света». Западногерманский капитал простирает свои щупальцы в другие страны. Рурские магнаты владеют акциями ряда иностранных фирм и зачастую занимают административные посты в крупных фирмах, контролируемых зарубежным капиталом. Автор приводит ряд примеров. Один из крупнейших банкиров Западной Германии, Бринкман, связан с американскими концернами «Стиннес» и «Файрстон» и является вице-президентом «Немецко-американского экономического союза»; Гуго Цинссер, родственник Аденауэра, председательствует в административном совете «Хемише фабрик фон Хейден АГ» и «Зюддейче Цукер АГ», в которых участвует американский капитал; Герхард Вестрик, занимавший видные посты при Гитлере, возглавляет юридическую фирму «Вестрик», представляющую в Германии фирму Даллеса «Салливан энд Кромвель».

Позиции западногерманского капитала за рубежом ярко характеризуются следующими цифрами, приведёнными в книге. по официальным данным, к июлю 1951 года боннские капиталы за границей составляли 8 миллиардов марок, в том числе в США — 425 миллионов долларов, в Швейцарии — 380 миллионов швейцарских франков, в Голландии — 124 миллиона голландских флоринов, в Англии — 15 миллионов фунтов стерлингов.

Всё более усиливающаяся экспансия западногерманских монополий на рынках Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и стран Тихого океана ведёт к дальнейшему углублению противоречий между империалистическими державами. Досадно, что Г. Бауманн в своей книге лишь вскользь касается этой экспансии: она заслуживает значительно большего внимания, так как в ней наглядно проявляется стремление западногерманских капиталистов выйти на путь самостоятельного капиталистического развития.

Книга «Атлантический пакт концернов» — первая научная работа, опубликованная Немецким институтом новейшей истории. Пользуясь неопровержимыми фактами, автор показывает, в какой омерзительный клубок сплелись сросшиеся и вместе с тем грызущиеся между собой хищные капиталистические монополии. Этот «Атлантический пакт концернов» служит базой, на которой создан агрессивный Северо-атлантический блок Теснейшие связи, существующие между западногерманскими монополиями и капиталистическими магнатами других стран, лежат в основе проводимой империалистическими кругами США и Англии политики открытого военного союза с боннскими реваншистами. Книга Г. Бауманна даёт богатый материал для разоблачения этой политики.

Кандидат исторических наук
М. ВОСЛЕНСКИЙ.

★

Проблема видообразования

Автор книги «В недрах живой природы», писатель Юрий Долгушин, поставил перед собой важную задачу: помочь широкому кругу читателей разобраться в существе проблемы видообразования. С этой целью он освещает в книге круг природных явлений и экспериментальных данных, на которые эта проблема опирается, даёт краткий исторический обзор её развития и знакомит с современным положением вопроса.

«Загадка видообразования, — пишет Ю. Долгушин, — разрешилась лишь недав-

но, на протяжении последних лет. Решили её советские биологи-мичуринцы — последователи того направления в биологии, которое руководствуется в своих исследованиях единственно правильными положениями диалектического материализма»

Книга состоит из двух очерков. Первому из них, названному «Загадка вида», автор предпослал известные слова Ф. Энгельса: «Материалистическое мировоззрение означает просто понимание природы такой, какова она есть, без всяких посторонних прибавлений...» С этих позиций написан и второй очерк — «Происхождение клетки», посвящённый открытию О. Б. Лепешинской.

В 1943 году академик Т. Д. Лысенко, выступая на сессии ВАСХНИЛ, отметил, что

Юрий Долгушин. «В недрах живой природы». Научный редактор кандидат сельскохозяйственных наук Н. И. Фейгинсон. Госкультпросветиздат, М. 1952.

настало время «пересмотреть вопрос видообразования под углом зрения резкого перехода количественного нарастания в качественные виды» (отличия). Он подчёркивал, что развитие состоит из накопления количественных изменений, приводящего к скачкообразному превращению одной видовой формы в другую, что следовательно «виды — не абстракция, а реально существующие узлы (звенья) в общей биологической цепи».

Ю. Долгушин рассказывает об опыте аспиранта Института генетики Академии наук СССР В. К. Карапетяна, установившего переход одного вида пшеницы (твердой) в другой вид (в мягкую пшеницу), переход, обусловленный определёнными внешними условиями. За этим первым фактом последовало множество других, дозволяя вполне описанным автором. В заранее названных (на основе показаний теории) районах в колосьях пшеницы стали находить зёрна порождаемой пшеницей ржи. В метёлках овса были обнаружены зёрна овсяга. Были найдены растения пшеницы, выросшие из зёрен ячменя, и растения костра ржаного, полученные из зёрен ржи. Обстоятельно рассказано в книге о превращении каучуконосного кок-сагыза в некаучуконосный одуванчик, садовой клубники — в дикую землянику и т. д.

Воздавая должное научному подвигу Дарвина, который «был первым, кто заставил людей науки увидеть движение, развитие в живой природе, казавшейся до того неподвижной, застывшей в своих формах, созданных некогда раз и навсегда», Ю. Долгушин справедливо напоминает, что хотя «движение это представлялось робким, медленным, практически незаметным даже для многих поколений людей, но и оно вызвало колоссальный сдвиг в представлениях о природе, в познании её».

Новые открытия мичуринской теории представляют следующий шаг в выяснении характера, качества, содержания этих, по словам Ю. Долгушина, «глубоко сокровенных движений живой природы». Автор убедительно показывает, что новый взгляд на видообразование позволяет впервые в истории поставить вопрос о ликвидации ряда сорняков. Мы можем теперь говорить о закрытии биологических первоисточников их появления на свет. В то же время Ю. Долгушин правильно отмечает, что, «изучая в каждом случае условия, приводящие к воз-

никновению нового вида, мы уже можем экспериментально воспроизводить некоторые из этих видов. А это — путь к управлению развитием и созданию новых нужных нам форм».

Таким образом не только философское, но и агрономическое содержание проблемы отражено в книге. Читатель найдёт здесь соображения, почерпнутые из области систематики и растительной географии, факты из истории культурной флоры и биологии насекомых, сведения, взятые из исследований по экологии, занимающейся вопросами взаимоотношения организма и среды, и данные цитологических анализов, проникающих в тонкое строение клетки.

Такие главы книги, как «Факты из мира насекомых», «О происхождении культурных растений и о разновидности», знакомят нас с некоторыми вопросами, ещё не решёнными окончательно наукой. Из раздела «Наконец, о почве» читатель узнает о том, как проблема видообразования органически связывается с учением о развитии почвы.

Книга Ю. Долгушина подкупает широтой привлечённого материала, свободной манерой изложения и особенно ценной в работах такого рода непредвзятостью автора в его обобщениях и выводах. Он как бы подслушивает мысли, смущающие читателя и рассеивает его сомнения.

Действительно, почему же среди миллионов людей, живших в прошлые времена, ни один никогда не видел, чтобы пшеница порождала рожь, или капуста — брюкву, или чечевица — вику? Ведь и двести-триста лет назад растения росли и виды изменялись. очевидно, так же, как теперь.

Отвечая на этот немой вопрос, Ю. Долгушин приводит доказательства того, что явление внезапного превращения видов наблюдалось спокон веков. «Для народа, для потомственных хлебопашцев — крестьян, веками творивших своё великое дело без помощи «книжной» науки, на основе собственных знаний и опыта многих поколений таких же тружеников, такие факты не были тайной. Народ издавна верил, знал, видел, что одни растения могут «перерождаться» в другие». Умело подобранные автором обстоятельные выдержки из писем и статей, опубликованных в «Отечественных записках» за 1843 год, в «Трудах императорского вольного экономического общества» за 1852 год, в «Журнале сельского хозяйства и овцеводства» за 1864 год, в «Вестнике»

естественных наук», многое разъясняют читателю, но порождают другой, вполне законный вопрос. Раз это явление не было секретом для внимательных наблюдателей, то почему не знал о нём такой великий натуралист, как Дарвин?

«Случилось так.—пишет Ю. Долгушин,— что факт превращения твёрдой пшеницы в мягкую, послуживший академику Т. Д. Лысенко в 1948 году непосредственным основанием для разработки новой теории видообразования, был у Дарвина в руках ещё в 1878 году». Из приводимого в книге текста письма Ч. Дарвина английскому ботанику А. Стивену Вильсону можно видеть, что Дарвин держал в своих руках ключ для разрешения тайны вида. «Всё было тут, чтоб заставить великого биолога по меньшей мере усомниться в правильности его идеи «плоской» эволюции, а в лучшем случае отказаться от ложной идеи об отсутствии скачков в природе и понять, почему палеонтологи не находили промежуточных цепочек между сохранившимися представителями видов».

Однако развиваемое в книге объяснение причин промаха Дарвина выглядит не очень убедительно. Если великое открытие случилось в двери к Дарвину и он этого не услышал, то виной тому была, разумеется, не болезнь, сделавшая Дарвина слабым стариком, как пишет Ю. Долгушин. Известно, например, что Томас Гексли, один из последователей Дарвина в Англии, почти за 20 лет до того писал своему учителю по поводу «Происхождения видов»: «У меня есть только следующие возражения. Во-первых, вы создали себе ненужную трудность, принимая так, без оговорки, *Natura pop facit saltum* (природа не делает скачков), и, во-вторых, для меня неясно, как могут вообще появляться вариации, если постоянные физические условия играют такую маленькую роль, какую вы им отводите...»

Всё это писалось Дарвину, когда возраст и здоровье не мешали ему заняться пересмотром ошибочных положений своего учения. Причины слабых сторон учения Дарвина, на которые давно указывали классики марксизма, следует искать глуб-

же — в ограниченности философских взглядов учёного.

С момента выхода в свет книги Ю. Долгушина были достигнуты новые успехи в исследованиях биологов. Автором не описаны, например, явления, связанные с превращением персика в нектарины и абрикоса в так называемые лючаки, не упомянут факт превращения «безродной» кукурузы в сорго, что открывает первого родича кукурузы и т. д.

В ходе дискуссии вокруг проблемы видообразования наметились вопросы, требующие подробного рассмотрения в популярной книге. Среди них мы встречаем такие: если овёс превращается в озюг, а овсюг в озёс, то в чём же тогда заключается развитие? Почему во всех описываемых фактах превращения видов порождаются виды уже существующие? Почему не возникают новые, не известные нам ещё виды? Почему невозможна взаимопомощь особей внутри вида?

Если бы Ю. Долгушин ознакомил читателей с тем, как отвечает на эти вопросы мичуринская биология, то познавательное значение его книги, несомненно, выросло бы.

Есть в книге и отдельные неточности, неудачные формулировки, которые легко могли быть устранены при редактировании. Тот факт, что люди, работающие в саду, называются садовниками, а работающие в огороде — огородниками, не даёт ещё права называть людей, выращивающих коксагыз, «кок-сагызниками». Почва может пропитываться водой, но не следует говорить на этом основании, что она «пропитывается воздухом». Автор пишет о «наступлении на тот самый «пробел», который обошёл в своей теории Дарвин». Но что означают такие выражения, как «наступить на пробел» и «обойти пробел»?

Очевидно, что при последующих изданиях книга Юрия Долгушина будет улучшаться и пополняться, вбирая в себя новые факты и аргументы, новые экспериментальные данные, почерпнутые из трудов советских учёных-новаторов, прямо или косвенно участвующих в разработке проблемы вида.

Кандидат биологических наук
И. ХАЛИФМАН.

Итог многолетних исследований

Проблема борьбы с саранчой издавна привлекала к себе серьёзное внимание народов Европы, Азии, Африки, Америки. Саранчовые стаи, совершающие огромные перелёты (зачастую свыше тысячи километров), пожирающие и уничтожающие на своём пути всякую растительность, с древнейших времён являлись злейшим врагом сельского населения южных стран.

К самым опасным вредителям сельского хозяйства из всех известных на земном шаре следует отнести так называемую шистоцерку, или пустынную саранчу. О ней говорится в древнейших записях, относящихся еще к вавилонскому периоду. Грозным стихийным бедствием эта саранча оставалась до конца прошлого столетия, когда с ней ещё не умели бороться.

О шистоцерке, о мероприятиях по защите южных территорий СССР от вторжения стай саранчи из мест постоянного её обитания рассказывает книга профессора Н. С. Щербиновского.

Более 23 лет посвятил автор изучению этой проблемы, начиная с 1929 года, когда произошёл массовый налёт саранчи на Туркмению и Узбекистан из Афганистана и Ирана. Дальнейшие свои наблюдения Н. С. Щербиновский продолжал в странах Ближнего Востока, в Индии и Америке, где он лично исследовал основные очаги зарождения пустынной саранчи. В результате упорной научно-исследовательской работы был собран богатейший фактический материал. Основываясь на изученных им закономерностях циклического развития саранчи, Н. С. Щербиновский в своё время предсказывал её очередные массовые налёты, и прогнозы его подтверждались.

В своей книге Н. С. Щербиновский приводит множество примеров появления шистоцерки, обстоятельно разбирает биологические явления, связанные с циклическостью её размножения и переходом из одиночных в стадные фазы.

Автор отмечает, что буржуазная наука и правительства капиталистических государств менее всего стремятся к развёртыванию ши-

рокой борьбы с саранчой. Только в Советском Союзе, где люди планомерно и настойчиво обуздывают стихийные силы природы, удалось полностью обезопасить сельскохозяйственные культуры от местных видов саранчи.

Рассказывая о нашествии стай шистоцерки, автор приводит запись учёного, очевидца налёта саранчи в Индии, относящуюся к прошлому столетию:

«Как во время затмения, ни один предмет не бросал тени. Высокие строения в двухстах шагах были совершенно невидимы в наступившем сумраке. Когда саранча опустилась на землю, толстый пласт насекомых простирался на пятьсот миль. Деревья ломались под тяжестью осевшей саранчи. От цветущей земли осталась голая пустыня».

Зоолог Кобельт, побывавший в ряде стран Азии и Африки в период огромного нашествия саранчи, писал в 1903 году: «Где появляются массы саранчи, там противодействие ей оказывается немыслимым. Напрасно встаёт поголовно всё население, гнетно истребляют миллионы насекомых огнём, давят их табунами лошадей, избивают их при помощи рук человека; место их заменяется новыми миллионами».

Буржуазный учёный пришел к единственному заключению: борьба с саранчой невозможна. Он призывал обитателей колониальных стран мириться с этим злом, что было на руку колонизаторам, объявлявшим налёты саранчи «божьей карой» за неповиновение.

Тридцать с лишним лет назад в странах Ближнего Востока и в Египте саранча появилась в таком количестве, какого не наблюдалось со времён фараонов. Опустошения, произведённые ею в сельском хозяйстве, оказались неисчислимо велики. Народы ряда стран были обречены на голодную смерть из-за полной гибели урожая.

В 1929 году пустынная саранча снова появилась в огромных количествах, причём от этого нашествия оказалась незастрахованной и наша страна. С 1928 по 1930 год пустынная саранча трижды залетала в Советский Союз, занимая огромные территории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, а в 1930 году она покрыла обширные пространства Азербайджанской республики. Налёт этот был совершенно неожиданным

Н. С. Щербиновский. «Пустынная саранча шистоцерка. Проблема защиты южных территорий СССР от вторжения стай шистоцерки». Редактор А. А. Россосанский. Сельхозгиз, М. 1952.

и причинил большой вред хлопчатнику и многим другим сельскохозяйственным культурам.

Новые налёты пустынной саранчи, отмечает Н. С. Щербиновский, начались в 1940 году и продолжались ряд лет. Вновь нависла угроза залёта шистоцерки в пределы СССР. Только благодаря большому опыту наших учёных и мерам, которые приняло государство, чтобы уничтожить саранчу на путях её перелёта, опасность нового нашествия была предупреждена. На юге Ирана по просьбе иранского правительства Советский Союз создал мощный противосаранчиковый заслон. В 1942—1943 годах здесь работали крупные отряды сельскохозяйственной истребительной авиации, при участии наших учёных, снабжённые современными химическими средствами.

С 1949-50 года, пишет автор, саранча снова дала массовую вспышку не только в основных её очагах, но и в сопредельных с нами странах, и, по данным иностранной и советской печати, уже заняла огромные территории Индии, Пакистана, Ирана, Аравии и Африки.

Таким образом, пустынная саранча и сейчас продолжает опустошать посевы и дикую растительность в десятках государств Востока, от Западной Африки до Центральной Индии.

Наша отечественная наука глубоко и всесторонне занимается изучением саранчовой проблемы. Опираясь на труды своих предшественников, советские учёные разработали оригинальные методы борьбы с саранчой. Большой научный труд в своё время был опубликован профессором С. А. Прелтченским. В 1951 году была удостоена Сталинской премии работа доктора сельскохозяйственных наук Г. Я. Бей-Биенко и Л. Л. Мищенко «Саранчовые фауны СССР и сопредельных стран».

Появление книги Н. С. Щербиновского является новым ценным вкладом в агробиологическую науку. Автор по-новому освещает ряд теоретических вопросов, объясняющих закономерности развития пустынной саранчи, что открывает новые возможности борьбы с ней, важные не только для СССР, но и для многих стран Ближнего и Среднего Востока.

Он подробно и глубоко осветил её географическое расселение в зависимости от внешних условий окружающей среды.

Говоря о законах размножения шистоцерки, Н. С. Щербиновский показывает причины появления её за последние 150 лет, причём, как он сообщает, за это время было 14 массовых вспышек саранчи.

Большой интерес представляет разработанная автором новая гипотеза, устанавливающая связь циклического развития пустынной саранчи с циклическостью и ритмами солнечной активности.

Основываясь на работах профессора Эйгенсона и других советских учёных, изучающих процессы, происходящие на солнце, Н. С. Щербиновский связывает наблюдающиеся колебания численности саранчовых вспышек со вспышками солнечной активности, которые вызывают погодноклиматические изменения в зоне постоянных очагов шистоцерки.

Такой постановки вопроса, как зависимость биологических явлений от явлений солнечной корпускулярной и ультрафиолетовой радиации, до сих пор в литературе не было. Надо полагать, что предположение Н. С. Щербиновского подвергнется обсуждению в широких кругах биологов. Несомненно одно, что нужны более глубокие и длительные исследования, чтобы окончательно решить этот вопрос.

Большое значение имеют те стороны работы Н. С. Щербиновского, которые заключаются в определении прямых связей режима осадков, движения циклонов и антициклонов, воздушных течений с изменением плодovitости и жизнеспособности саранчи. Научный и практический интерес представляет разработка учёным вопросов миграции, перехода саранчи из одиночных форм в стадные и других коренных проблем её биологического развития.

Изложение научных проблем перемежается в книге с живыми и яркими зарисовками природы малоизученных районов Индии, причём описание климата, фауны, растительности автор тесно связывает с вопросом влияния внешней среды на развитие саранчи.

Книга Н. С. Щербиновского является итогом больших работ, проведённых советскими экспедициями как на территории нашей страны, так и за рубежом. Её с интересом прочтут широкие круги специалистов, работники сельскохозяйственной науки, агрономы, энтомологи, студенты-биологи. Она написана простым, ясным и образным языком, до-

статочно полно иллюстрирована фотографиями, рисунками, картами

Серьёзным упущением автора является недостаточная обоснованность методики составления долгосрочных и особенно краткосрочных прогнозов массовых вспышек саранчи.

Работа Н. С. Шербиновского не лишена и некоторых других недостатков в рассмотрении более узких вопросов, однако это не умаляет достоинств книги в целом.

Кандидат сельскохозяйственных наук
А. КАСИХИН.

☆

Ученик Ломоносова

Жизнь и творчество М. В. Ломоносов продолжают привлекать к себе пристальное внимание советских исследователей разных специальностей. Химики и физики, историки и географы, экономисты и философы, языковеды и филологи открывают в богатейшем наследии великого учёного все новые сокровища, умножающие поистине неоценимый вклад, сделанный им в русскую и мировую науку

Книга Н. Раскина рассказывает об одном из учеников Ломоносова, представителе ломоносовской школы — самолюбивом русском исследователе Василии Ивановиче Клементьеве.

Всемерно заботясь о развитии химической науки в России, М. В. Ломоносов много трудов положил на то, чтобы создать хорошо оборудованную лабораторию, где можно было бы проводить глубокие научные исследования и приобщать к ним молодых одарённых химиков

В рапорте на имя правителя академической канцелярии Шумахера М. В. Ломоносов писал, что может «не только химические эксперименты для приращения натуральной науки в Российской империи в действо производить», но и обучать других физике, химии и натуральной истории и тем «отечеству пользу чинить»

Реакционная группировка в Академии наук всячески противилась осуществлению этого полезного начинания передового русского учёного.

Тяжёлая борьба, которую пришлось вести Ломоносову с «неприятелями наук российских», продолжалась семь долгих лет. Но патриотизм Ломоносова, его глубокая уве-

ренность в правоте своего дела победили. Поздней осенью 1748 года на Васильевском острове в Петербурге было закончено построение здания академической лаборатории — первой научно-исследовательской химической лаборатории в России.

Широкая программа задуманных Ломоносовым работ настоятельно требовала и хорошо подготовленных научных кадров. Но зачинателю русской науки пришлось столкнуться с большими трудностями при подборе помощников. Первоначально Ломоносов вынужден был обходиться лаборантами из числа аптечных работников. Однако при выполнении наиболее сложных физико-химических опытов он убедился в невозможности успешно продолжать исследования без специально подготовленных лаборантов

Уже через несколько месяцев после постройки лаборатории Ломоносов писал в Академию наук: «...должно быть при мне такому человеку, который бы знал несколько химической практики и по моему бы указанию мог иногда и без меня один при экспериментах быть и поступать бы с ними настоящим образом, как то при других физического класса профессорах, которых практика велика, имеются помощники; у ботаника — садовник, а у анатома — просектор».

В помощь Ломоносову был зачислен лаборантом И. Манеке. Его сменил Франц Беттигер. Но ни тот, ни другой не смогли удовлетворить большим требованиям, предъявляемым Ломоносовым к своим помощникам. Оба они были химиками-практиками и, не имея достаточной теоретической подготовки, не могли самостоятельно вести исследовательские работы. 10 мая 1756 года Ломоносов просил правителя канцелярии Академии наук уволить Беттигера и назначить на его место «студента Василия Клементьева, который сею должность отправ-

И. Раскин. «Василий Иванович Клементьев — ученик и лаборант М. В. Ломоносова». Ответственный редактор проф. В. П. Барзаковский. Издательство Академии наук, М.-Л. 1952.

ляет и себе большее искусство в этом снизить может».

В. И. Клементьев прошёл трудный жизненный путь, прежде чем попал в лабораторию Ломоносова. Воспитанник того же учебного заведения, что и Ломоносов,— Славяно-греко-латинской академии в Москве,— он вместе с несколькими другими учениками был отправлен для обучения в университет при Академии наук в Петербурге.

Клементьев успешно окончил первый курс обучения. Экзаменовавшая его при переходе на второй курс комиссия профессоров наша его знания по ряду предметов весьма удовлетворительными. «Василий Клементьев на вопросы физические г-ну профессору Рихману не худо отвечал, в математике оказал большое искусство, словесным наукам и философии не мало научился. Желает обучаться химии, что ему от собрания дозволяется, токмо чтоб ходить на физические лекции и упражняться в словесных науках».

В соответствии с желанием Клементьева академическая канцелярия разрешила ему слушать у Ломоносова «такие лекции, какие предпишет г-н советник» (Ломоносов имел чин коллежского советника).

В приложении к рецензируемой книге впервые публикуется составленный В. И. Клементьевым конспект ломоносовского курса физической химии (в переводе с латинского языка). Этот интереснейший документ свидетельствует о выдающихся способностях Клементьева.

Конспект замечателен во многих отношениях. Он не только кратко передаёт содержание курса, но и существо многих его разделов. Это указывает на глубокое понимание В. И. Клементьевым новых идей, высказанных Ломоносовым.

Клементьев слушал и другие курсы лекций, которые читались по программе, выработанной, очевидно, Ломоносовым. Главное внимание здесь было уделено физико-математическим дисциплинам, так как молодые русские химики, по мысли Ломоносова, должны были развивать созданную им новую дисциплину — физическую химию. Свидетельством успехов Клементьева служит сохранившаяся в архиве Академии наук СССР его небольшая математическая работа, посвящённая одному из весьма важных вопросов дифференциальной геометрии. В ней Клементьев остроумно решил задачу нахождения длины дуги — конхоиды — методом

неопределённых коэффициентов. Уже в этой небольшой студенческой работе Клементьев показал себя исследователем, идущим самобытным путём.

Ломоносов так отзывался о своём ученике: «Василий Клементьев всех прилежнее, и как по обстоятельствам примечаю изрядно понимает и помнит; однако на вопросы отвечать весьма застенчив, так что иногда сказать не может того, что ему конечно памятно быть должно».

Высокую оценку Академии наук получила диссертация Клементьева на тему: «Об увеличении веса, приобретаемого некоторыми металлами после осаждения», выполненная им после окончания курса лекций. Это была первая научная работа, построенная на количественных опытах. В её основе лежит открытый Ломоносовым закон сохранения веса вещества.

«Хотя, как я полагаю,— писал Клементьев в параграфе первом своей диссертации,— нет такого учёного, который не убедился бы в том, что число химических опытов почти неисчислимо, однако нельзя отрицать, что те, которые ставили почти все эти опыты, умалчивали о самых важных и наиболее необходимых обстоятельствах — именно о точной мере и весе. Однако же всякий, кто длительно занимался такого рода экспериментами, нагляднейшим образом убеждался из многочисленных опытов, что эти два обстоятельства делают химико-физические опыты значительно более правдивыми и наглядными, поэтому я, не колеблясь, потребовал бы у этих учёных, чтобы они назвали эти вещи своими именами. Действительно, ничего не может в такой мере соответствовать истине, чем то, что выводится из положений математики и физики. В самом деле, каким образом химия может достигнуть высшей степени усовершенствования, если она не будет теснейшим образом связана с этими науками? Что может быть более полезно и приятно для потомства, чем провести в числе весьма важных дел нашего времени также и химико-физические опыты, из которых установленным в науке путём выводятся различные удивительные явления, чрезвычайно полезные и удобные для удовлетворения жизненных нужд? И, наконец, пренебрегая мерой и весом, мы не сможем ожидать желаемого результата с уверенностью и без опасения сделать ошибку даже в тех случаях, когда этого результата уже достигли другие исследователи».

Работа эта представляет для нас большой интерес не только как свидетельство высокого химического мастерства учёного ломоносовской школы, но и потому, что знакомит нас с техникой тогдашнего химического эксперимента. Следует особо подчеркнуть, что постановка химических опытов в ломоносовской лаборатории была глубоко самобытной и отличалась от методики работы в лабораториях зарубежных химиков XVIII века. Клементьев производил чрезвычайно тщательные взвешивания — с точностью до нескольких сотых грамма. Он систематически пользовался цветными индикаторами (например, реакции на шёлочь и кислоту фиалковым сиропом) и широко применял методы органолептического анализа (изучение изменений вкуса, цвета и т. п.).

Н. Раскин в своей книге широко привлекает малоизвестные архивные материалы. Это помогло ему достаточно полно показать жизнь и деятельность забытого русского химика.

К недостаткам работы Н. Раскина следует отнести отсутствие широких комментариев к диссертации Клементьева, особую значимость которой автор сам неоднократно подчёркивает. В примечании к опыту II автор неправильно называет полученную Клементьевым соль нормальной; судя по приводимому описанию опыта, она является основной.

В целом книга Н. Раскина может служить хорошим пособием при изучении истории русской химии.

Кандидат химических наук Б. РОЗЕН.

★

Учёный-самоучка

В плеяде крупных русских учёных прошлого, сыгравших неоценимую роль в развитии отечественной науки, есть немало людей, о жизни и трудовых подвигах которых рассказано пока ещё очень мало.

К этим именам можно отнести И. Д. Черского (1845—1892), выдающегося знатока геологии и палеонтологии Сибири.

О трудах этого замечательного человека, учёного-самоучки, прошедшего большой и сложный путь от рядового царской армии до известного учёного, рассказывает книга Г. И. Ревзина «Подвиг жизни Ивана Черского».

В этой работе собран большой, интересный материал, характеризующий научную деятельность и личные качества Черского. Внимательное ознакомление с его оригинальными трудами, изучение малоизвестных документов и сведений об учёном помогли автору книги воссоздать образ талантливого исследователя, неутомимого путешественника, не останавливающегося ни перед какими препятствиями для достижения поставленной цели.

Автор начинает свой рассказ с описания национально-освободительного польского

восстания 1863 года. Среди участников этого восстания, сосланных в Сибирь царским правительством, был «штрафной рекрут» — студент Виленского института, восемнадцатилетний Иван Черский.

Существенным пробелом в работе Г. И. Ревзина является то, что он не раскрывает причин, побудивших Черского принять участие в восстании, не показывает его мировоззрения. Также неясными остаются политические убеждения поляка Александра Чекановского, с которым Черский познакомился по пути в Сибирь. Этот учёный оказал большое влияние на юношу и пробудил его интерес к науке. Не освещена революционная деятельность и других обрисованных в книге исторических персонажей.

Начальные шаги на пути к самообразованию и первые попытки научных исследований были сделаны Черским во время пребывания в Омском линейном батальоне, в тяжёлых условиях военной службы того времени. Тяга к знаниям, настойчивость и большая сила воли молодого человека определили его дальнейшую творческую деятельность и весь жизненный путь. В местной библиотеке Черский изучает «Естественную историю» С. Кутурги, «Курс геогнозии» Д. Соколова, «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Видную роль в формировании взглядов талантливого геолога

Г. И. Ревзин, «Подвиг жизни Ивана Черского». Предисловие и научная редакция академика В. А. Обручева. Издательство Главсевморпути, М.-Л. 1952.

сыграло знакомство с выдающимися русскими учёными — Г. И. Потаниным, А. Ф. Миндендорфом, а позднее, в Иркутске, с Н. М. Пржевальским.

Этот период жизни И. Д. Черского показан очень живо и интересно. Отступления, повествующие о быте и нравах тогдашнего Иркутска, усиливают познавательное значение книги. Автор рассказывает здесь о деятельности Восточно-Сибирского отдела Географического общества, членом которого вскоре стал Черский, о научных работах ссыльных декабристов, Петрашевского, известного русского географа, исследователя Сибири Кропоткина и других.

Находясь в Иркутске, молодой учёный работает над геологическим изучением Прибайкалья. Работы Черского стали известны в Петербурге. Академия наук предложила ему провести ряд дополнительных исследований. Важное место в научных трудах Черского занимает изучение сибирских пещер и геологии берегов озера Байкал, издавна обращавшего на себя внимание естествоиспытателей своей огромной глубиной, особенностями флоры и фауны, а также присутствием в его водах форм, свойственных только этому озеру. Отчёт Черского о работах на берегах Байкала был издан в 1886 году. Геологическая карта, приложенная к этой книжке, до сих пор остаётся единственной, изображающей геологию береговой полосы всего озера в целом.

Из книги читатель достаточно полно познакомится с представлениями Черского о геологическом строении Прибайкалья. Жаль, однако, что автор не раскрыл сущности геоморфологических идей учёного. Между тем Черский на много лет опередил в этих вопросах американского учёного Дэвиса, незаслуженно считавшегося основателем эволюционной геоморфологии, хотя он разработал эти проблемы уже позже Черского.

Во время путешествия из Иркутска в Петербург, куда Черский был вызван Академией наук, им были сделаны ценные геологические наблюдения, дополнившие его исследования в Прибайкалье. Надо отметить, что общая схема геологического строения Сибири, явившаяся результатом

многолетних трудов Черского, изложена в книге достаточно популярно и убедительно.

Исследования И. Д. Черского положили начало современным знаниям по геологии Сибири. Бывший политический ссыльный сделался крупным исследователем горных стран Восточного Саяна и Прибайкалья, создал многочисленные труды по геологии этих районов. Большое научное значение имел труд Черского, посвящённый описанию четвертичного периода Сибири и развитию его фауны. Этот труд, как указывает в своём предисловии к книге академик В. А. Обручев, содержал первую сводку наших сведений по истории этого периода в Сибири.

В последние годы своей жизни учёный интересовался проблемой изменения климата крайнего севера Сибири. Несмотря на подорванное ссылкой здоровье, он предложил свои услуги в качестве руководителя экспедиции для изучения этих районов.

Главы книги, посвящённые этой экспедиции, особенно удались автору. Перед читателем проходит история путешествий русских землепроходцев — Михайлы Стадухина, Гаврилы Сарычева и других исследователей Колымы. В этот далёкий и суровый край отправился и маленький отряд Черского. Вместе с ним находились его жена и двенадцатилетний сын. Хорошо даны автором книги картины своеобразной, неповторимой красоты северной природы. Привлекают внимание описания быта якутов в те далёкие времена.

«Начало трагедии» — так называется глава книги, где описывается внезапное тяжёлое заболевание руководителя экспедиции, когда совсем близка была конечная цель путешественников. Но ничто не могло сломить непреклонную волю Черского. В книге приведён полностью текст «открытого листа», данного учёным его жене. Мужественный, до конца своей жизни преданный науке, Черский в своём завещании предлагает во что бы то ни стало продолжать экспедицию, даже в случае его смерти. С волнением читается рассказ о последних минутах жизни этого талантливого исследователя, проявившего замечательные качества русского человека.

В послесловии даны некоторые биографические сведения о родных учёного, освещены работы советских геологов в тех областях крайнего севера Сибири, которые изучал И. Д. Черский.

Советское государство воздало должное памяти замечательного учёного. Имя Черского присвоено обширному горному массиву, пролегающему к востоку от Верхоянского хребта. В книге Г. И. Ревзина при-

водятся слова профессора С. В. Обручева из его труда «В неведомых горах Якутии», где он указывает, что лучший памятник Черского — это оставленные им научные исследования ранее неведомых земель: «1 000 километров длины, 300 ширины и до 3 000 метров вышины; по площади больше Кавказа и выше всех гор Северной Сибири».

И. БАТЮШКОВА.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Июнь — июль 1953 года)

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

А. Болтянский. Вопросы социалистической организации труда и заработной платы в поточном производстве. 160 стр. Цена 2 р. 45 к.

А. Гребнев. Организация работы редакции газеты. 80 стр. Цена 90 к.

К. М. Фролов. Возникновение марксизма—революционный переворот в философии. 128 стр. Цена 1 р. 55 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Александр Борщаговский. Русский флаг. Исторический роман. 662 стр. Цена 12 р. 85 к.

Константин Ваншенкин. Лирические стихи. 84 стр. Цена 1 р. 60 к.

Антонина Коптяева. Иван Иванович. Роман. 468 стр. Цена 7 р. 80 к.

Г. Линьков. Война в тылу врага. 654 стр. Цена 10 р. 65 к.

Ал. Малышкин. Люди из захолустья. Роман. 380 стр. Цена 6 р. 50 к.

М. Михайлов. Собрание стихотворений. (Библиотека поэта. Большая серия). Вступительная статья А. В. Кушакова. Подготовка текста и примечания Ю. Д. Левина. 748 стр. Цена 14 р. 85 к.

Лев Никулин. России верные сыны. Исторический роман. Издание расширенное и дополненное. 584 стр. Цена 9 р. 60 к.

Мамед Рагим. На апшеронской земле. Поэмы и стихи. Авторизованный перевод с азербайджанского. 120 стр. Цена 2 р. 55 к.

В. Уваров. Внимание, говорит город. 282 стр. Цена 5 р. 15 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Виктор Авдеев. Повести и рассказы. 160 стр. Цена 2 р.

Н. Н. Асеев. Избранные произведения в двух томах. Том 1. Стихотворения. 228 стр. Цена 6 р. 25 к. Том 2. Поэмы и переводы. 223 стр. Цена 7 р. 40 к.

Вл. Бахметьев. Избранное. 808 стр. Цена 14 р.

Г. Баширов. Чѣсть. Роман. Авторизованный перевод с татарского Р. Фаизовой. 348 стр. Цена 7 р.

М. Богданович. Избранные произведения. Перевод с белорусского. 296 стр. Цена 3 р. 45 к.

Змитрок Бядуля. Избранное. Перевод с белорусского Б. Яковлева. 640 стр. Цена 11 р.

Иван Вазов. Митрофан и Дормидольский. Перевод с болгарского Д. Горбова. 64 стр. Цена 75 к.

Степан Васильченко. «Мужицкая арифметика» и другие рассказы. Перевод с украинского М. Дорбы. 80 стр. Цена 75 к.

А. И. Герцен в русской критике. Сборник статей. 336 стр. Цена 5 р. 80 к

И. А. Гончаров. Собрание сочинений в восьми томах. Том 4. Обломов. Роман. 520 стр. Цена 9 р.

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия. 1929—1931. 520 стр. Цена 12 р.

Нурдаль Григ. Избранное. Перевод с норвежского. 192 стр. Цена 4 р. 90 к.

Янка Кугала. Избранные произведения в двух томах. Том 1. Стихотворения. 539 стр. Цена 11 р. 55 к. Том 2. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. 495 стр. Цена 10 р. 75 к.

Ганс Леберехт. Повести. 336 стр. Цена 6 р. 90 к.

Леонид Леонов. Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. Соть. Роман. Саранча. Повесть. 360 стр. Цена 9 р. 50 к.

Саломея Нерис. Стихотворения и поэмы. Перевод с литовского. 204 стр. Цена 5 р. 50 к.

Д. Петровский. Повесть о полках Богунском и Тарашанском. 387 стр. Цена 8 р. 20 к.

Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Поэма. Перевод с грузинского Георгия Цагарели. 247 стр. Цена 9 р. 45 к.

М. Светлов. Избранное. 176 стр. Цена 4 р. 85 к.

К. Ф. Седых. Даурия. Роман. Часть 1—3. (Библиотека советского романа). 444 стр. Цена 8 р. 40 к.

Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. (Юбилейное издание 1828—1928). Том 61. Письма. 1863—1872. 421 стр. Цена 18 р.

И. С. Тургенев. Вешние воды. 136 стр. Цена 1 р. 50 к.

Юлюс Янонис. Избранное. Перевод с литовского. 152 стр. Цена 3 р. 15 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

А. Баранова, В. Корчагина. Живой уголок в школе и лагере. 112 стр. Цена 4 р. 30 к.

Н. Грибков. Огни. Повесть. 181 стр. Цена 3 р. 20 к.

Виталий Губарев. Всегда готов! Повесть. 224 стр. Цена 5 р. 80 к.

М. Ильин и Е. Сегал. Александр Порфирьевич Бородин. («Жизнь замечательных людей»). 518 стр. Цена 8 р. 55 к.

И. Коротков и В. Таборко. Летние игры пионеров. 128 стр. Цена 2 р. 40 к.

А. Листовский. Солнце над Бабатагом. 405 стр. Цена 9 р. 60 к.

Молодёжная эстрада. Выпуск 2. Репертуарный сборник для художественной самодеятельности. 176 стр. Цена 4 р.

Николай Островский. Сочинения. Том 2. Рождённые бурей. Речи, статьи. Письма. 368 стр. Цена 9 р. 20 к.

ДЕТГИЗ

С. Т. Аксаков. Аленький цветочек. Сказка ключницы Пелагеи. 32 стр. Цена 2 р. 60 к.

И. Волк. Конец «летающей крепости». Рассказы. 48 стр. Цена 80 к.

С. Вургун. Восходит солнце. (Ханлар). Драматическая поэма. Перевод с азербайджанского П. Антокольского. 88 стр. Цена 1 р. 90 к.

А. Голубева. Рассказы о Серёже Кострикове. 60 стр. Цена 2 р.

Гомер. Поэмы. Сокращённое издание. Подготовка текста, пересказ мифов троянского цикла, примечания и словарь А. А. Тахо-Годи. Вступительная статья и научная редакция А. И. Белецкого. 520 стр. Цена 11 р. 50 к.

С. Даскалов. Гарчо. Сокращённый перевод с болгарского и примечания Я. Слонима. Обработка для детей Р. Облонской. 176 стр. Цена 3 р. 85 к.

И. Ефремов. Звёздные корабли. (Библиотека научной фантастики и приключений). 240 стр. Цена 6 р. 30 к.

Ю. Ефремов. Курильское ожерелье. 224 стр. Цена 4 р. 80 к.

Н. Калинина. Малыши. Рассказы. 72 стр. Цена 4 р. 30 к.

М. Карим. Радость нашего дома. Повесть. Авторизованный перевод с башкирского В. Осеевой. 104 стр. Цена 2 р. 50 к.

А. Маяковская. Детство и юность Владимира Маяковского. Из воспоминаний матери. 80 стр. Цена 2 р. 20 к.

В. Маяковский. Кем быть? 24 стр. Цена 1 р. 95 к.

В. Маяковский. Конь-огонь. 12 стр. Цена 2 р. 30 к.

М. Мионов. На восточной границе. Историческая повесть. 232 стр. Цена 5 р. 15 к.

К. Моисеев. В древнем царстве Урарту. Историческая повесть. Научная редакция доктора исторических наук Б. Б. Пиотровского. 152 стр. Цена 3 р. 20 к.

И. Овсянников. Комнатный лимон. 48 стр. Цена 70 к.

И. Соколов-Микитов. Весна в лесу. Рассказы. 24 стр. Цена 2 р.

Н. Тихонов. Рассказы о Пакистане. 48 стр. Цена 50 к.

Л. Н. Толстой. Избранные рассказы и повести. 576 стр. Цена 12 р. 5 к.

П. Тийяр. Моряк свободы. Перевод с французского Л. Лунгиной и И. Шкунаевой. 80 стр. Цена 2 р. 5 к.

Г. Фаст. Последняя граница. Перевод с английского Е. Валишевой. 240 стр. Цена 4 р. 85 к.

А. Ферсман. Занимательная минералогия. 272 стр. Цена 10 р. 70 к.

Н. Фрадкин. По земле Камчатской. 64 стр. Цена 1 р. 85 к.

Н. Шундик. На Севере дальнем. Повесть. 152 стр. Цена 3 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

И. Н. Антипов-Карагаев и Е. Ю. Сабо. Лиманное орошение древесных насаждений. 127 стр. Цена 4 р. 75 к.

Б. Г. Галеркин. Собрание сочинений. Том II. 438 стр. Цена 30 р.

И. М. Губкин. Избранные сочинения. Том II. 518 стр. Цена 30 р. 20 к.

С. И. Дурьлин. Мария Николаевна Ермолова. 1853—1928. Очерк жизни и творчества. 650 стр. Цена 32 р.

Е. И. Заозерская. Развитие лёгкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. 514 стр. Цена 21 р. 70 к.

Исторические записки. Том 42. 306 стр. Цена 17 р. 75 к.

М. В. Колганов. Собственность в социалистическом обществе. 389 стр. Цена 16 р. 80 к.

В. Ю. Крупянская, С. И. Миц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. 211 стр. Цена 7 р. 70 к.

Н. Н. Лузин. Собрание сочинений. Том 1. Метрическая теория функций и теория функций комплексного переменного. 399 стр. Цена 22 р.

Д. Н. Прянишников. Избранные сочинения. Том II. 492 стр. Цена 29 р. 10 к.

В. В. Рачинский и Т. Б. Гапон. Хромотография в биологии. 193 стр. Цена 9 р. 80 к.

Русское народнопоэтическое творчество. 223 стр. Цена 13 р.

И. П. Сердобольский. Химия почвы. 171 стр. Цена 2 р. 70 к.

Философские записки. Том VI. 254 стр. Цена 14 р. 90 к.

П. Я. Черных. Язык уложения 1649 года. 372 стр. Цена 14 р.

И. И. Чхандзе. Культура чая в Закарпатье. 52 стр. Цена 80 к.

И. П. Щербаков. Возобновление в основных типах лесов Южного Приморья. 131 стр. Цена 7 р. 80 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

М. Буханов. Герой Советского Союза Тимур Михайлович Фрунзе. 39 стр. Цена 50 к.

Н. А. Зворыкин, В. В. Бианки, В. В. Рябов. Охотнику о зверях. 214 стр. Цена 3 р. 30 к.

А. Михалев. Случай со шхуной Из записок старого пограничника. 64 стр. Цена 65 к.

Л. Попова. Дважды Герой Советского Союза Пётр Афанасьевич Покрышев 31 стр. Цена 45 к.

Вл. Соловьёв. Под Наро-Фоминском Записки участника обороны Москвы 227 стр. Цена 5 р. 15 к.

П. Фёдоров. Генерал Доватор 579 стр. Цена 10 р. 90 к.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

И. Гайдаенко. В чужих гаванях Рассказы. (Библиотека матроса). 68 стр. Цена 1 р. 5 к.

Н. Добушев. Снайпер Филипп Рубахо (Моряки—Герои Советского Союза) 78 стр. Цена 90 к.

Р. Н. Мордвинов. Волжская военная флотилия в гражданской войне (1918—1920 гг.). 223 стр. Цена 8 р. 75 к.

С. С. Хесин. Военные моряки в борьбе за власть Советов (Октябрь 1917 г.—март 1918 г.). 255 стр. Цена 9 р. 60 к.

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

Т. Б. Кожевникова. Крылья нашей Родины 104 стр. Цена 1 р. 80 к.

Н. И. Матюшкин. СССР — страна великого сотрудничества народов. 204 стр. Цена 8 р.

В. В. Маяковский. Материалы в помощь библиотекам. 36 стр. Цена 85 к.

Владимир Маяковский. К 60-летию со дня рождения. 35 стр. Цена 1 р. 20 к.

Иван Владимирович Мичурин и развитие мичуринской агробиологии. Альбом таблиц и брошюра Составитель Х. К. Еникеев. Цена 56 р.

Н. Метёлкин. Библиотека в колхозе 88 стр. Цена 2 р. 5 к.

Опыт работы Московского театра сатиры над советской пьесой. («Свадьба с приданым») 112 стр. Цена 2 р. 50 к.

Н. Рачменский. Массовые музыкальные народные инструменты. 68 стр. Цена 3 р. 50 к.

Б. Д. Степанов. Куйбышевская гидроэлектростанция. 48 стр. Цена 1 р. 25 к.

Мария Чехова. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте. 104 стр. Цена 2 р.

ГОСЛЕСБУМИЗДАТ

Е. Д. Годнев. Бузулукский бор Исследования и опыты 1902—1953 гг. 96 стр. Цена 4 р. 30 к.

А. С. Митвесс-Истиня. Рациональная разработка дуба. 104 стр. Цена 2 р. 40 к.

Д. М. Орлов. Отделка столярных изделий. 264 стр. Цена 6 р. 95 к.

М. Д. Сахаров. Заготовка и распиловка лыжных краёв 44 стр. Цена 1 р. 10 к.

П. И. Скалоухов. Опыт облесения нижнеднепровских песков 32 стр. Цена 65 к.

А. Л. Щербин-Парфененко. Раковые и соудные болезни лиственных пород. 92 стр. Цена 2 р. 90 к.

ГОСТЕХИЗДАТ

Н. И. Безухов. Теория упругости и пластичности. 420 стр. Цена 9 р. 30 к.

К. Б. Заборенко. Радиоактивность. 64 стр. Цена 95 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ

А. С. Сафонов. Электротехника Учебник для организаций ДОСААФ. 430 стр. Цена 13 р. 95 к.

Н. М. Стеблев. Современный автомобиль Книга для автолюбителей. 208 стр. Цена 7 р.

В. Тихонов. Высшая школа верховой езды. 132 стр. Цена 2 р. 90 к.

Л. Шестерикова. Даты истории отечественной авиации и воздухоплавания. 282 стр. Цена 10 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Луи Арагон. Коммунисты. Роман. Том I. Перевод с французского 810 стр. Цена 25 р. 90 к.

Флоримонт Бсит. Рыцарь мира. Очерк о Викторе Гюго. Перевод с французского Н. Жарковой и Н. Немчиновой. 135 стр. Цена 3 р. 60 к.

Ганс Кирк. Деньги дьявола. Роман. Перевод с датского и предисловие Н. Крымовой. 222 стр. Цена 7 р. 95 к.

Вацлав Ржезач. Наступление. Роман. Перевод с чешского Ю. Молочковского. Предисловие С. Прасолова. 359 стр. Цена 11 р. 15 к.

Митчел Уилсон. Жизнь во мгле. Роман. 2-е издание. Перевод с английского Н. Треневой. 665 стр. Цена 17 р. 80 к.

Альберто Якозелло. Свидание в Суэце. Перевод с итальянского Г. Богемского и Ю. Писарева. 154 стр. Цена 3 р. 50 к.

«ИСКУССТВО»

В. Барков. Световое оформление спектакля. 192 стр. Цена 8 р. 30 к.

Г. Заявлин. Постановочная часть в театре 116 стр. Цена 4 р. 15 к.

А. Ф. Ковестин. Русская литография. 184 стр. Цена 26 р. 50 к.

И. А. Крылов. Урок дочкам. Комедия 32 стр. Цена 75 к.

Мслер. Тартюф. Комедия. 100 стр. Цена 1 р. 80 к.

О. Подослова. Д. Н. Кардовский 39 стр. Цена 1 р. 35 к.

А. Г. Рамм. Русские монументальные рельефы. 208 стр. Цена 31 р. 75 к.

И. Сельвинский. От Полтавы до Гангута. Трагедия. 224 стр. Цена 3 р. 50 к.

А. Федотов. Техника театра кукол. 204 стр. Цена 7 р. 70 к.

Д. Щеглов. Побег. Пьеса. 88 стр. Цена 1 р. 60 к.

МАШГИЗ

П. П. Велихов, И. Б. Гитман. Специальные краны для монтажа строительных конструкций. 206 стр. Цена 8 р. 65 к.

Ю. Т. Водолажченко. Сборка и испытание тракторов. Учебник для техникумов механизации сельского хозяйства. 320 стр. Цена 8 р. 95 к.

И. С. Евдокимов, Г. П. Евстигнеев и В. Н. Криушин. Счётно-цифровые машины. 328 стр. Цена 11 р. 5 к.

Н. Ф. Кираковский. Стационарные газовые двигатели. 280 стр. Цена 10 р. 50 к.

М. С. Комаров. Динамика грузоподъёмных машин. 188 стр. Цена 7 р. 30 к.

Конструирование машин и оборудования. Обмен техническим опытом. (Уралмашзавод). 152 стр. Цена 4 р. 90 к.

Л. Я. Попилов. Технология электроплавки металлов. 254 стр. Цена 9 р. 15 к.

Б. И. Шипилин. Изготовление стержней в литейном производстве. 220 стр. Цена 8 р. 20 к.

П. И. Ящерицын. Скоростное шлифование. 112 стр. Цена 3 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МГУ

Ф. М. Куперман. Биологические основы культуры пшеницы. 298 стр. Цена 12 р. 60 к.

В. Н. Никифоров. Гоминдановские реакционеры — предатели Китая. 242 стр. Цена 10 р. 50 к.

Н. А. Пенчко. Основание Московского университета. 191 стр. Цена 6 р. 60 к.

К. В. Толчиева и К. Д. Щербакова. Электропроводность. (Практические работы по физической химии). 27 стр. Цена 1 р.

Г. К. Тушинский, Е. Ф. Гуськова, В. Д. Губарева. Перекристаллизация снега и возникновение лавин. 114 стр. Цена 6 р.

МЕДГИЗ

С. О. Бадилькес. Язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки. 240 стр. Цена 6 р. 60 к.

С. А. Гиляровский. О диагностике. 120 стр. Цена 3 р.

В. А. Гиляровский, Н. М. Ливенцев, Ю. Е. Сегаль. Электросон. 128 стр. Цена 3 р. 50 к.

С. Н. Дмитриев. Экзема. 16 стр. Цена 25 к.

И. Н. Иванова. Советы больному гипертонической болезнью. 12 стр. Цена 10 к.

А. И. Картамышев. Кожные и венерические болезни. 636 стр. Цена 17 р. 30 к.

В. В. Куприянов, К. И. Щепин — доктор медицины XVIII века. 128 стр. Цена 6 р.

А. Г. Лузина. Аскариды. 16 стр. Цена 10 к.

К. А. Москачева. Злокачественные опухоли почек у детей. 116 стр. Цена 3 р. 30 к.

А. Н. Обросов, Н. М. Ливенцев. Электродиагностика и электростимуляция мышц при поражении периферических нервов. 96 стр. Цена 2 р. 50 к.

Н. В. Склифосовский. Избранные труды. 432 стр. Цена 15 р. 50 к.

В. И. Сухарев. Физиотерапия и курортотерапия кожных болезней. 256 стр. Цена 7 р. 60 к.

Н. А. Торсуев, П. В. Никольский. 1858—1940. 168 стр. Цена 5 р. 15 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Б. Анзин. Обрезка плодовых и ягодных культур. 144 стр. Цена 1 р. 35 к.

Г. Васецкий. О книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». 135 стр. Цена 1 р. 60 к.

О. И. Василенко. Волшебная шкатулка. 315 стр. Цена 6 р. 30 к.

Краткий справочник по жилищным вопросам. Под общей редакцией старшего юриста Жилищного управления Исполкома Моссовета П. Г. Соловьёва. 151 стр. Цена 3 р. 25 к.

Т. Лысенко. Избранные сочинения. 549 стр. Цена 10 р. 45 к.

А. Ляпин. О социалистической организации и дисциплине труда. 47 стр. Цена 45 к.

И. Мазов. Скоростное производство кирпича. 37 стр. Цена 60 к.

Пришкольный участок. Сборник статей. 85 стр. Цена 1 р. 5 к.

Э. Рати. Сборные железобетонные хранилища для силосования кормов. 61 стр. Цена 95 к.

МУЗГИЗ

За рубежом. Сборник статей советских композиторов и музыковедов. 196 стр. Цена 6 р. 70 к.

Я. Пеккер. В. А. Успенский. 156 стр. Цена 4 р. 40 к.

П. Чайковский. Музыкально-критические статьи. 438 стр. Цена 19 р. 65 к.

УЧПЕДГИЗ

Е. И. Наумов. Семинарий по Маяковскому. Издание второе, переработанное и дополненное. 208 стр. Цена 4 р. 90 к.

КРАСНОДАРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. В. Соколов. Малая земля. Рассказы. 216 стр. Цена 5 р. 50 к.

КРЫМИЗДАТ

Г. Лозовик, К. М. Станюкович. Критико-биографический очерк. 200 стр. Цена 3 р. 30 к.

КУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Первые рассказы. Сборник. 120 стр. Цена 2 р. 40 к.

МАРИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. А. Аменицкий. Опыт передовиков в получении высоких урожаев льна. 60 стр. Цена 80 к.

М. Г. Григорьев. Сон, сновидение и гипноз в свете учения И. П. Павлова. 28 стр. Цена 35 к.

Марийские пьесы. Сборник. Авторизованный перевод А. Успенского и М. Шамбадала. 242 стр. Цена 7 р. 90 к.

Василий Юксерн. Атаманыч. Повесть. Перевод Михаила Шамбадала. 224 стр. Цена 4 р.

НОВОСИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

К. И. Андрейченко. Цветы в Сибири. В помощь начинающим цветоводам. 216 стр. Цена 5 р. 95 к.

Иван Ветлугин. На переднем крае. Стихи. 128 стр. Цена 3 р. 45 к.

И. Ликстанов. Малышок. Повесть. 272 стр. Цена 5 р. 30 к.

Александр Смердов. Наш день. Стихи. 112 стр. Цена 3 р. 45 к.

Александр Чуксин. Однополчане. Повесть. 288 стр. Цена 4 р. 85 к.

ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Е. Ильина. Четвёртая высота. Повесть. 296 стр. Цена 5 р. 50 к.

А. Лядов. На нашей улице. Стихи. 72 стр. Цена 90 к.

Н. Почивалин. Первенец омской индустрии. Очерк о сибирском заводе сельскохозяйственного машиностроения. 52 стр. Цена 85 к.

А. Шутов. Колхоз имени Молотова. О крупнейшем в Омской области многоотраслевом колхозе. 60 стр. Цена 80 к.

М. Юрасова. Жизнь на сцене. Очерк о старейшем омском актёре П. С. Некрасове. 72 стр. Цена 1 р. 10 к.

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Дм. Петров (Бирюк). Сыны степей донских. Исторический роман. 288 стр. Цена 7 р. 60 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**
Редколлегия: **М. С. Бубеннов, В. П. Катаев,**
С. С. Смирнов, А. К. Тарасенков, К. А. Федин, М. А. Шолохов

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес)
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-08-96.

Слано в набор 6/VI-53 г.

Л 0363а. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 130.000. Заказ № 1133.

Подписано к печати 13/VII-53 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская площадь, 5.

Цена 7 руб.